

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

3
2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 30.06.2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Аносов С.С.</i> Социально-психологическое состояние российского общества.....	5
<i>Кравченко А.И.</i> Квантовая неопределенность социальной реальности.....	13
<i>Цзо Ци, Ху Юэ.</i> Развитие цифровых технологий в экономике Китая	25
<i>Пономарева Д.И.</i> Психологическая профилактика агрессивного поведения обучающихся в системе дополнительного образования	33
<i>Семикова М.А.</i> Влияние пандемии коронавируса на деятельность благотворительных организаций в Сибири	41
<i>Чжан Цзе.</i> Проблемы урбанизации в современном Китае и направления их решения	46

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания	53
<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Корниенко Н.В.</i> Традиционная пища и напитки населения Республики Северная Осетия – Алания	62
<i>Заварзина Ю.В.</i> Социальные последствия кластеризации в туризме	66
<i>Загородний В.Д.</i> Проблемы формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области в контексте развития молодежной политики и сферы образования	79
<i>Москвитина Н.В.</i> Корпоративная культура в органах местного самоуправления	95
<i>Пружинин А.Н.</i> Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области)	114
<i>Васильева О.И.</i> Информационные среды в контексте технологической эволюции.....	126
<i>Никитина Д.О.</i> Поколение Z: особенности и характеристики	136

<i>Потемкин В.К., Филясова Ю.А.</i> Диссеминация внутрисемейных отношений как фактор развития перфекционизма личности	141
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Иванов Р.В.</i> Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества.....	148
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Алиев Б.Г.</i> Кадийство – один из типов политического устройства средневекового Дагестана: распространенность, особенности структуры и управления	150
<i>Перкова Е.П.</i> Теоретическая модель социально-технологической культуры высокотехнологического предприятия.....	160
<i>Дусенко С.В., Рогачева О.А.</i> Значимость определения социальной проблемы при социальном проектировании	168
<i>Ульямбаева А.О.</i> Подходы к моделированию процесса образовательной миграции молодежи в условиях социально-экономического развития региона	172

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Извекова Т.Ф.</i> Вера и знание в традиции русской религиозной философии (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский).....	181
<i>Луценко А.В.</i> Теория секуляризации в контексте проблематики современной философии религии.....	188
<i>Сизинцев П.В.</i> Представления о личности в творчестве русского мыслителя В.Г. Рождественского	194

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Виноградова Г.В. Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни 201

Вихман В.В. Феномен образования в полидисциплинарных теоретизациях: проблема систематизации..... 209

Кононов С.В., Жуков А.В., Гаврилова Ю.В. Социальная безопасность российско-китайского приграничья в китайской историографии 219

Ермолаева Ю.В. Социальные трансформации внедрения возобновляемых источников энергии в регионах России..... 230

Кемеров В.Е. Культура – форма социальности 240

Социально-психологическое состояние российского общества

Аносов Сергей Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

E-mail: sсаносов@mail.ru

В статье проводится анализ формирования социально-психологического состояния российского общества, указываются основные вехи трансформации общественного внимания, формирующего общий психологический настрой различных социальных групп. Также приводятся оценки современников о характере и форме протекающих в российском обществе процессов.

Ключевые слова: общество, социальное самочувствие, субъективное переживание, интуитивные восприятия, общественное сознание, сознание

В XX веке наша страна пережила два невероятных по разрушительной силе события – Октябрьскую революцию 1917 года и «перестройку» 1985–1991 гг. Оба события знаменовали практически тотальное разрушение всего существовавшего устройства общества, при котором ни один социальный институт не остался невредимым. А XXI век начался глобальной виртуализацией, которая усилилась под воздействием пандемии COVID-19.

Результатом этих событий стало то, что страна понесла и колоссальные демографические потери в прямом и косвенном измерениях. Самоликвидация советской власти в ходе «перестройки» естественным образом сопровождалась ликвидацией системы государственного управления и местного самоуправления, что создавало хаос и аномическое состояние общества. Дезавуированная коммунистическими органами пропаганды коммунистическая же идеология неизбежным образом дезавуировала и все ее «приложения», среди которых важнейшим было содержание воспитательного и социализационного процессов. Более того, виртуализация общества привела к аналогичным изменениям в сознании россиян (табл. 1).

В 2020 году мы провели опрос 1200 россиян, в возрасте от 18 до 75 лет, 56% женщин и 44% мужчин, проживающих в разных районах РФ. Опрос проводился через платформу google.com. И результаты социально-психологических потрясений в рассматриваемые периоды вполне сопоставимы.

Что особенно драматично, и в «перестроечный» период, и в процессе последующего реформирования, кроме идеологии, институтов, предприятий и отраслей, разрушались жизненные смыслы целых социально-профессиональных групп советского/

российского общества. А в начале 21 века, под влиянием виртуализации из-

менились ценностные ориентиры целых поколений.

Таблица 1. Ключевые сферы изменения условий жизни россиян (в %)

Сфера жизни	Этап		
	Революция 1917 г.	Перестройка 90-91 гг.	Виртуализация начала 21 в.
Повседневное пространство	25,8	21,1	11,7
Рабочее пространство	27,1	33,5	24,4
Досуг	13,2	26,9	23,9
Образование	26,7	5,4	22,2
Культура	7,2	13,1	17,8

По словам авторов коллективного монографического исследования «Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984–2011 гг.)», «...в ходе «реформирования» отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия «на самом деле» – сборище пьяниц, садистов и ворья; наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей – просто вредители и убийцы; учителя – ретрограды и садисты; рабочие – пьяницы и лентяи; крестьяне – лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии – парадигмы социального уродства, которая, якобы, адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самооощущения представителей этих общностей и для их социального построения, избираемых ими адаптационных стратегий – от эскапизма до группового пафоса. Происходила массивная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов» [13].

В современном веке, виртуализация обесценивает старые профессии и нормы и выводит на авансцену совершенно новые приоритеты, которые не вписываются в прежние реалии. Социальное бессмыслие есть отсутствие смысла существования социальной системы на всех ее уровнях – личности, организации, группы, класса, государства. Ха-

рактерно, что функциональный смысл социально-профессиональной группы присутствует всегда, коль скоро имеется общественная потребность, которую данная группа удовлетворяет. Но субъективное переживание ее членами цели и задач своей деятельности может сопровождаться как чувством ее социальной значимости, востребованности и престижности, так и ощущением ненужности и заброшенности.

Отметим, что проблематика смысла занимает существенное место в концепции «культурной травмы» польского исследователя П. Штомпки, пытающегося осмыслить драматичные социальные трансформации, пережитые Восточной Европой в конце прошлого века. По его мнению, сама культура есть выражение разделяемых сообществом смыслов и символов. Виртуализация общества – позволила подтвердить многие идеи и подходы Штомпки.

При этом она распадается на две основные группы компонентов: 1) нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы; 2) когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы. По выражению автора, «...вследствие стремительного, радикального социального изменения “двойственность культуры” проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделаются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную

травму. Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся» [15, с. 11].

Характерно следующее замечание П. Штомпки: «...коренится ли травма в реальных травматических событиях или нет, состояние травмы имеет общую характеристику – нарушение нормальности. Вероятно, в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения» [15, с. 9–10].

Нет сомнения, что придание смысла окружающей реальности, ее «конструирование» – используем термин П. Бергера и Т. Лукмана – имеет в основе своей биологическую природу: человек в норме делает все возможное для увеличения собственных жизненных шансов и для выживания своего сообщества. «Воля к смыслу» (В. Франкл) – есть точно такая же базовая антропологическая интенция, как и «воля к власти» (Ф. Ницше) или «воля к вере» (У. Джеймс), являясь при этом одним из элементов общей «воли к жизни» (А. Шопенгауэр). Человек не может не придавать окружающему миру значения, поскольку непознанный мир – это чужой, а, значит, враждебный и угрожающий мир. Естественно поэтому, что крушение этого смыслового комплекса, особенно резкое и скоротечное, формируя широкий когнитивный дис-

сонанс (Л. Фестингер), охватывающий практически все общество, не может не создавать ситуацию социетальной травмы, то есть, относящейся ко всем сегментам и институтам общества. Если рушится мир смыслов, небезопасным становится все и вся, угроза может исходить от чего угодно, и это состояние является подлинной психологической деструкцией, в которой релятивизируются все устои общества, и писанные – своды кодифицированных норм и законов, и неписанные – морально-нравственные традиции и установки. Более того, теряют смысл целые социально-профессиональные общности, как произошло, например, с рабочим классом, который в современном российском обществе практически «исчез» в качестве субъекта социального действия [12]. Другие профессиональные сообщества, утратившие социальную значимость, вынуждены были создавать ее суррогат – групповой пафос, который, по словам О.А. Кармадонова, есть «своеобразная теодицея группы-аутсайдера, оправдание ее объективного положения в социальном континууме через субъективные представления. Конкретный дискурс группового пафоса надстраивался вокруг определенной и специфичной мифологемы» [11, с. 66]. То есть, пафос в этом прочтении есть социально-психологический механизм адаптации группы к «недружественной» социальной среде, отказывающей данной группе в значимости и уважении, не говоря уже о престиже.

Естественно, что столь мощные деструктивные процессы не могут пройти бесследно как для нравственного, так и для физического здоровья народа, и эта связь уже зафиксирована в эмпирических исследованиях, в том числе ученых-медиков. В частности, доктор медицинских наук И.А. Гундаров убежден, что депопуляция российского общества напрямую связана с духовным самочувствием людей. Как доказывает ученый, ни один из традиционных социально-экономических критериев риска (злоупотребление алкоголем, табакокурение, экологическое не-

благополучие, ухудшение социально-экономической ситуации и вызванный этим стресс) не может объяснить феномен сверхсмертности в современной России, следовательно, жизнеспособность народа зависит и от чего-то еще. Автор убежден, что этим «чем-то» являются «нравственная атмосфера и эмоциональное состояние общества, то есть духовные и душевные факторы. Здесь под “духовностью” понимается деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию. По содержанию она может быть позитивной (благоприятной) и негативной (греховной)» [10, с. 59].

С этим видением фактически солидаризируется А.А. Возьмитель, по мнению которого, «...не алкоголь, не курение, не гиподинамия, а резкое длительное ухудшение социальной ситуации, обусловившее общее истощение жизненных сил нации, играет тут определяющую роль. В ходе неестественного социального отбора выбивается ее наиболее сильное звено. На экономическую обочину, на грань выживания, а то и на дно общества выталкиваются люди с нравственным стержнем, способные отказаться от личной выгоды, если она ущербна социуму в целом. Но зато создаются все условия для процветания лиц с социокультурной патологией, во все времена и во всех странах, называющих себя цивилизованными, находящихся под неусыпным контролем правоохранительных структур» [9, с. 34].

В.П. Бабинцев, исследующий состояние и перспективы солидарности в современном «фрагментированном» российском обществе указывает на то, что для него характерно разрушение общественных связей. «Принадлежность людей к социальным институтам становится чисто формальной, а граждане отказываются не только отвечать на вызовы, которые адресуются им от имени государства и общества, но и конструктивно сотрудничать друг

с другом» [8, с. 120]. Согласно автору, для российского общества сегодня характерны дискредитация объединяющих идей; аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором уживаются противоположные по своей направленности установки; социальное дезертирство; алогичность и даже абсурдность социального мышления; негативная самооценка, проявляющаяся в мазохистском унижении истории и культуры собственной страны; массовая общественная апатия и равнодушие; социальная виктимность, готовность стать объектом манипулирования [8, с. 58].

Таблица 2. Уровень солидарности и разобщенности (в %)

Состояние общества	Революция 1917 г.	Перестройка 90-91 гг.	Виртуализация начала 21 в.
Солидарность	28,6	31,3	40,1
Разобщенность	13,5	42,2	44,3

Как видно в табл. 2, разобщенность в обществе усиливается, а солидарность уменьшается. Социальные потрясения, по своей неумолимой логике, обязательно сопровождаются резко возросшими жизненными рисками и угрозами для безопасности человека. В полной мере относится это и к постсоветскому, и сегодняшнему российскому обществу. По словам А.А. Возьмителя, «...парадоксально, но факт: столь желанная и, казалось бы, уже обретенная свобода обернулась новой антиутопией насилия и коррупции, поразившими все сферы жизни общества. Россия вплотную подошла к черте (возможно уже перешла ее), где исчезает понятие безопасности. Наше общество становится опасным для своих граждан, граждане и общество – для государства, а государство для других государств» [9, с. 38]. А по убеждению А.В. Юревича и Д.В. Ушакова, «...по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем» [16]. О.А. Кармадонов и В.В. Кобжицкий, анализируя характер обще-

ственных отношений в современном отечественном социуме, в качестве одной из его существенных сторон называют «брутализацию», во многом определяющую содержание социальных интеракций на различных коммуникативных уровнях и в различных общественных сферах. Исследователи доказывают: «Социум, ставший опасным для своих членов, социальная среда, отличающаяся враждебностью и исполненная угрозами и рисками – эти характеристики современного российского общества являются, к сожалению, реальностью, а не гиперболой. При кризисном состоянии общественных отношений резко увеличивается и количество факторов, вызывающих стресс, связанных с резко возросшей уязвимостью членов данного общества в когнитивном, социопсихологическом, социокультурном и социоэкономическом измерениях социума, общественных отношений, что вынуждает индивидов и группы корректировать свои приспособительные реакции к социальной среде, характеризующейся новыми, расширившимися и увеличившимися угрозами и рисками. Другими словами, нападение и бегство являются *естественными* реакциями индивидов на внешнюю угрожающую среду. Брутальность кристаллизуется в качестве адекватной приспособительной реакции также совершенно логично и естественно. Она вызвана страхом – иррациональным чувством, свойственным периодам неопределенности, когда весь мир представляет собой одну сплошную угрозу, наполняется демонами и сверхъестественными безжалостными силами» [11, с. 86].

Наличие страхов перед реальными или представляемыми в качестве вероятных угрозами фиксируется и другими прикладными социальными исследованиями, так или иначе подчеркивающими значительную роль негативного восприятия реальности в этих процессах и существенный груз ответственности за такое положение вещей, которую гражданам возлагают на российскую власть. Такое представление служит для многих социальных слоев психоло-

гическим механизмом своего рода «негативной адаптации» к изменившимся социальным условиям: ответственность за собственное неудовлетворительное социальное положение перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию.

От власти в лице государства, по мнению участников опроса, требуется прежде всего защита граждан. Государство, во-первых, должно оберегать граждан от внешней угрозы, во-вторых, обеспечивать их безопасность в будничных повседневных условиях (защита от криминалитета, юридическая защита в рамках гражданского права и т.п.). Сохраняющийся на протяжении нескольких лет высокий уровень страха перед социальным хаосом, отсутствием физической безопасности свидетельствует о высокой степени недоверия населения к институтам, призванным обеспечивать необходимый уровень социальной защищенности – армии, суду, прокуратуре, милиции.

Заметим, что Р.Г. Ардашев не проводит различия между страхом и тревогой, основываясь на так называемом «информационном подходе», в соответствии с которым человек, являющийся носителем определенных потребностей, предъявляет их миру, который, в свою очередь, либо удовлетворяет эти потребности, либо фрустрирует их, чем формирует в индивиде определенный комплекс эмоциональных реакций. Самой актуальной потребностью исследователи вполне резонно считают потребность в безопасности, являющейся для человека базовой. Проблема незащищенности перед опасностями и угрозами имеет немаловажное значение в формировании вектора направленности социальных процессов и общей системы ценностных ориентаций социума. Страх является одновременно причиной и следствием определенного социального поведения или отношения индивида, групп или обществ к событиям, вызывающим у них чувство опасности. Достижение высокого уровня безопасности стимулирует общество к раз-

витию и совершенствованию, к движению по пути прогресса, а незащищенность отдельных социальных групп или общества в целом тормозит любой социальный процесс и переводит население в режим выживания [5,6,7].

По мнению автора, главные источники страхов, присущих нашим согражданам, относится социальная девиация, проблемы социальной и экономической адаптации, а также природные и военные катаклизмы [1–5]. Весь спектр катастрофической проблематики [респонденты] рассматривают через призму усугубляющихся социальных проблем. У нас в последние годы сохраняется устойчивая повышенная тревожность по отношению к преступности и несоблюдению законов, экономическим потрясениям, страх перед социальным хаосом, беспорядками, отсутствием физической безопасности.

Необходимо отметить, что исследователи полагают, что такое «катастрофичное» состояние индивида и сообщества способствует и социальной адаптации, правда, негативного типа. Видение социальной реальности в крайне пессимистическом смысле служит для многих социальных слоев психологическим механизмом своего рода «негативной адаптации» к изменившимся социальным условиям: ответственность за собственное неудовлетворительное социальное положение перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию. Данный вывод представляется нам достаточно обоснованным, однако, нуждающимся в определенном уточнении. Как известно, в психологии под «негативной адаптацией» понимается притупление или полное исчезновение ощущения в процессе продолжительного и сильного действия раздражителя. В случае brutalизации и катастрофизации общественных отношений и общественного сознания негативная адаптация должна принимать форму не поиска виноватых в переживаемом состоянии, что предполагает и активные действия по «наказанию виновных», а извест-

ную деактивацию и апатию, включая «притупление чувств». В большинстве случаев страх подталкивает людей к действию, особенно, если это касается индивидуальных интересов. Однако если угроза касается общества, но не самого человека или его семьи, люди часто остаются пассивными. Главной причиной такого рода пассивности ученые называют распространенную в нашем обществе веру в малую эффективность коллективных усилий по изменению сложившегося положения вещей.

Литература

1. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
2. Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
3. Аносов С.С. Профсоюзы в современной России: некоторые направления исследований // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3–1. С. 244–261.
4. Аносов С.С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.
5. Аносов С.С. Психологическое состояние общества под воздействием процесса виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 63–70.
6. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
7. Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-

- практической конференции. 2020. С. 40–48.
8. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // *Дискуссия*. 2013. № 5–6. С. 120–127.
 9. Возьмитель А.А. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // *Мир России: Социология, этнология, культурология*. 2002. № 1. С. 47–58.
 10. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 58–65.
 11. Кармадонов О.А., Кобжицкий В.В. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. 184 с.
 12. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // *Вопросы философии*. 2003. № 6. С. 16–36.
 13. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984–2011 гг.) / О.А. Кармадонов [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 345 с.
 14. Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // *Социологические исследования*. 2002. № 2. С. 45–51.
 15. Штопка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.
 16. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 40.09.2020).

SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article analyzes the formation of the socio-psychological state of Russian society, indi-

cates the main milestones in the transformation of public attention, which forms the general psychological mood of various social groups. It also provides assessments of contemporaries about the nature and form of the processes taking place in Russian society.

Keywords: society, social well-being, subjective experience, intuitive perception, public consciousness, consciousness.

References

1. Anosov S.S. Problematic zones of civic activity in modern Russia // *Sociology*. 2020. No. 4. S. 4–21.
2. Anosov S.S. Regional conditions of social activity of civil initiatives // *News of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2018. Vol. 23, p. 47–54.
3. Anosov S.S. Trade unions in modern Russia: some areas of research // *Modern studies of social problems*. 2017. Vol. 9. No. 3–1. S. 244–261.
4. Anosov S.S. Features of civil initiatives in the cities of the Irkutsk region // *Urban studies*. 2017. No. 4. S. 63–69.
5. Anosov S.S. The psychological state of society under the influence of the virtualization process // *Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2020. S. 63–70.
6. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // *Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 76–84.
7. Ardashev R.G. Forms of irrationality of public consciousness // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2020. S. 40–48.
8. Babintsev V.P., Ushamirskaya G.F. Strategy for the formation of a solidarity society in the region // *Discussion*. 2013. No. 5–6. S. 120–127.
9. The borrower A.A. Diversification of the way of life (Ways and styles of life in the post-Soviet social space) // *World of Russia: Sociology, Ethnology, Culturology*. 2002. No. 1. P. 47–58.
10. Gundarov I.A. Spiritual ill-being and demographic catastrophe // *Social sciences and modernity*. 2001. No. 5. P. 58–65.
11. Karmadonov O.A., Kobzhitsky V.V. Transformation and adaptation: strategies for sur-

- vival in a crisis society. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2009.184 p.
12. Panarin A.S. Postmodernism and globalization: a project to free property owners from social and national obligations // Problems of Philosophy. 2003. No. 6. P. 16–36.
 13. Symbol and transformation: social meanings of Russian society in the era of changes (1984–2011) / O.A. Karmadonov [and others]. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2012.345 p.
 14. Trushkov V.V. The modern working class of Russia in the mirror of statistics // Sociological studies. 2002. No. 2. P. 45–51.
 15. Shtompka P. Social change as trauma // Sociological research. 2001. No. 1. P. 6–16.
 16. Yurevich A.V., Ushakov D.V. Morality in modern Russia [Electronic resource] // Psychological research. 2009. No. 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 40.09.

Квантовая неопределенность социальной реальности

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Физики и химики, биологи и генетики исследуют естественный мир, который обладает свойством универсальности – вирусы, нейроны, молекулы, горы, звезды и галактики формируются и развиваются по одним и тем же законам. Результаты их измерений, проведенные в разных странах, можно оценить по международным стандартам более или менее объективным образом. Социологам противостоит социальный мир, который меняется от страны к стране, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. Он разный в разных частях мира. Его описывают и измеряют люди с разными политическими установками, взглядами, ценностями, стандартами работы, эвристиками, критериями истины, инструментами и условиями. Постоянно, даже ежесекундно меняющийся мир измеряют люди, взгляды и оценки меняются также ежесекундно, причем, в неопределенных и непредсказуемых направлениях. Возможно ли иметь точное знание о неточном мире, проводить согласованные научные действия по поводу несогласованной и индивидуально меняющейся общественной действительности?

Ключевые слова: социальное познание, социальный мир, квантовая неопределенность, измерение, время и пространство, социальное взаимодействие

Измерение измерению рознь

Как ни странно, но социальный мир роднит с природным только одно – измерение. Все другое у них разное: сущность, внутреннее строение, состав вещества, поведение и взаимодействие, траектории и результат взаимодействия, история и происхождение.

Измерение – процедура приписывания (счета) количественной меры качественным признакам по определенным правилам. Первое правило гласит: считать разные вещи одинаковыми (стандартизация). Второе правило: с обезличенными вещами можно производить любые действия по их упорядочиванию, сложению, вычитанию и т.д. как с абстрактными сущностями. Третье правило: ставшие одинаковыми вещи следует измерять с помощью разных инструментов. Таким образом, счет (стандартизация и упорядочивание) – это одно, а измерение – применение одинакового счета в цифрах – разное, соответственно природе вещей. Измерение веса происходит в одних единицах меры, а расстояния – в других. Население статистики считают в миллионах и процентах, а политические предпочтения избирателей социологи измеряют ранговыми баллами и местами. Для измерения различных физических величин используют самые разнообразные приборы. Такие, например, как часы, весы, транспортные, барометры и амперметры.

Измерение – искусственная система упорядочивания событий внешнего мира, связанная не столько с внутренними свойствами материальных явлений, и даже не с их внешней формой, сколько с практическими потребностями человека и особенностями культуры. У некоторых племен Новой Гвинеи нет счета, поскольку нет такой потребности. Там говорят: одно и много. Поскольку с охоты они возвращаются налегке, а все другое считать им не обязательно.

Наша цивилизация построена на десятичной системе счета и достигла небывалых успехов в образовании, науке и освоении космоса. Культура майя, как и других месоамериканских народов, базируется исключительно на двадцатичной системе измерения времени. Истоки лежат в методе счёта, при котором применялись не только десять пальцев рук, но и десять пальцев ног. При этом существовала структура в виде четырёх блоков по пять цифр, что соответствовало пяти пальцам руки и ноги. У майя обозначение нуля также применялось для обозначения бесконечности. Неправильно? Примитивно? Но майя построили высокоразвитую цивилизацию с хорошим уровнем образования.

Упорядочить тем или иным образом естественные события, регулярно повторяющиеся, достаточно несложно. Гораздо труднее перевести на количественный язык разнокачественные и нерегулярные явления, например, эмоциональное состояние человека, интенсивность или направленность общественного мнения. Социологи занимаются именно такой работой. Они имеют дело с большими массивами данных, следовательно, к ним применима математика и статистика. Но сами данные имеют разнородную природу, т.е. не сводимую к единому шаблону.

Соединение двух несоединимых начал – качественного и количественного – порождает неожиданные выводы, парадоксальные утверждения. Но вместе с тем оно таит в себе множество противоречий и почти непреодолимых трудностей. К. Маркс и Ф. Энгельс надеялись измерять труд с помощью количества рабочего времени и не видели в этом никаких проблем. Но они сразу же возникли, как только от измерения физического труда, например, работы каменщика в количестве выложенных за 1 час кирпичей, перешли к умственному, в частности, труду ученого, преподавателя, юриста, медсестры и т.д. Для разных видов труда – пришлось придумывать различные шкалы и тарифы.

Измерение – выражение качественных явлений на количественной шкале – отражает фундаментальную черту человеческой культуры. Время мы измеряем в минутах, часах, днях и годах, благодаря чему строим календари, графики движения поездов, расписание уроков, трудовые режимы. Ни одно животное не может измерять и строить измерительные приборы, а потому у них нет и не может быть ни культуры, ни цивилизации. Соответственно у них никогда не будет науки, основанной на точном, а порой и точнейшем измерении.

Измерение – искусственная система упорядочивания событий внешнего мира, связанная не столько с внутренними свойствами материальных явлений, и даже не с их внешней формой, сколько с практическими потребностями человека и особенностями культуры. У некоторых племен Новой Гвинеи нет счета, поскольку нет такой потребности. Там говорят: одно и много. Поскольку с охоты они возвращаются налегке, а все другое считать им не обязательно.

Наша цивилизация построена на десятичной системе счета и достигла небывалых успехов в образовании, науке и освоении космоса. Культура майя, как и других месоамериканских народов, базируется исключительно на двадцатичной системе измерения времени. Истоки лежат в методе счёта, при котором применялись не только десять пальцев рук, но и десять пальцев ног. При этом существовала структура в виде четырёх блоков по пять цифр, что соответствовало пяти пальцам руки и ноги. У майя обозначение нуля также применялось для обозначения бесконечности. Неправильно? Примитивно? Но майя построили высокоразвитую цивилизацию с хорошим уровнем образования.

Упорядочить тем или иным образом естественные события, регулярно повторяющиеся, достаточно несложно. Гораздо труднее перевести на количественный язык разнокачественные и нерегулярные явления, например, эмоциональное состояние человека, интенсивность или направленность об-

щественного мнения. Социологи занимаются именно такой работой. Они имеют дело с большими массивами данных, следовательно, к ним применима математика и статистика. Но сами данные имеют разнородную природу, т.е. не сводимую к единому шаблону.

Соединение двух несоединимых начал – качественного и количественного – порождает неожиданные выводы, парадоксальные утверждения. Но вместе с тем оно таит в себе множество противоречий и почти непреодолимых трудностей.

Измерение переводит логические связи между понятиями в математико-статистические. Логический вывод гласит: изменения в переменной *A* с **необходимостью** влекут изменения в переменной *B*. Статистический вывод гласит: изменения в переменной *A* с **вероятностью** влекут изменения в переменной *B*. Логическая связь подразумевает необходимость и неизменность ($2 \times 2 = 4$), а статистика – возможность и вероятность (с вероятностью в 60% пожилые люди после 50 лет придут на выборы). Почему такое различие? Логика и математика описывают идеальный мир и абстрактное мышление, а статистика и основанная на ней эмпирическая социология – реальный мир и конкретные мнения живых людей.

Когда мы прикладываем идеально построенную модель, – а любой счет и измерение есть модель – к реальным событиям, мы видим многочисленные нестыковки. Они происходят не из-за ошибок измерения и несовершенства модели, а из-за бесконечной сложности и вариативности реального мира. Сегодня вы провели опрос и установили, что 60% пожилых людей готовы посетить ближайшие выборы, а на следующий день правительство ужесточило пенсионную реформу. Через два дня та же самая выборка респондентов даст вам совершенно другие результаты. А ведь инструмент измерения оставался неизменным.

На этом трудности с измерением не заканчиваются. Оказывается не только в мире мертвой природы одно и то же явление можно измерять разными

приборами, например, яркость отдаленных звезд или структуру вселенной, но и в мире живых людей социологи действуют наподобие физиков. Так, политические предпочтения можно измерять по шкале установок (за какую партию собираетесь голосовать?), по реальному поведению (сколько бюллетеней попало в урну разным партиям), проводить опрос на входе избирательного участка и на выходе (они не всегда совпадают) и др. Всякий паз мы можем получать несовпадающие результаты измерения. Одно дело по выборке узнавать политические мнения генеральной совокупности (имеющих право голосовать), совсем другое – реально проголосовавших избирателей. Во время предварительного опроса – на улице или дома по телефону – человек высказывает мнение в статусе возможности, а во время голосования – в статусе реально свершившегося факта. И не обязательно, что это будут одни и те же люди, так как только часть из предварительно опрошенных приходит у урнам, а те, кто голосовал, не обязательно были накануне опрошены.

У социологов только один путь повышения точности своих измерений – расширение числа опрошенных. Они бы так и поступали, если бы их не ограничивали экономисты: себестоимость сплошного опроса почти равняется затратам на реальные выборы. Приходится экономить, довольствоваться малыми выборками, а значит, терять в точности измерения. Всегда ли на такой риск идут физики? Скорее нет, чем да. Открытые физиками законы лежат в основе научно-технического прогресса, в том числе вооружений. На них правительства не скупятся, ибо от точности полета ракеты порой зависит судьба мира, а от социологических опросов даже судьба социологии не зависит. В связи с этим проанализируем базовые черты социального познания.

Особенности социального познания

Социальные (в том числе и гуманитарные) науки отличаются от естественных следующими чертами:

- Человек в них одновременно субъект и объект исследования
- Конструкция приборов в естествознании отражает и идет вслед за объективными свойствами вещей, а в обществознании – авторское видение предмета исследования.
- Предмет социологии имеет субъективное измерение, в него включен человек как автор и исполнитель, как исследователь и как исследуемый.
- Эффект интервьюера, хоторнский эффект (вмешательство наблюдателя в ход изучаемых событий) – неустранимый момент в социальных науках
- Отнесение к ценности – главная черта обществознания. Она проявляется во всем, не только в интерпретации эмпирических данных

Само обществознание ценностно задано. Все социологические теории, включая марксизм, сообщают о том, как построить стабильное общество. Политические теории осуждают авторитаризм и прославляют гражданское общество. Нет ни одной теории, которая научными средствами доказывала бы, что авторитаризм лучше демократии. В психологии, антропологии, социальной психологии то же самое. Но в физике нет ни одной теории, которая бы доказывала, что одно состояние или комбинация элементарных частиц (явлений, полей, процессов, масс) лучше другой.

Иными словами, обществознание напоминает басню, которую рассказывают в назидание слушателям. Недаром мы так любим «уроки истории».

К. Поппер выразился в связи с этим так: «в социальных науках объективности достичь сложнее (если таковая вообще достижима), чем в естествознании: ибо объективность означает свободу от оценок, а социальные науки лишь в редчайших случаях могут настолько освободиться от оценок, присущих собственному социальному слою, чтобы хоть на сколько-нибудь подойти к свободе от оценок и объективности» [1, с. 67].

Общество – объект социального познания – не только искусственно сконструированная реальность, но и постоянно требующая улучшения, реформирования и подновления реальность. И от обслуживающих себя общество требует того же: исследовать только то и только так, чтобы можно было получить практические рекомендации.

Поскольку обществознание открыто здравому смыслу, сам исследователь – часть и заложник здравого смысла, его заказчики, коллеги и критики также часть системы здравого смысла, избавиться в интерпретации данных от ловушек и заблуждений, стереотипов и нелепостей обыденного сознания никогда не удастся. Иными словами, обществознание во чреве носит собственную профанацию. Вряд ли когда удастся освободить язык социального познания от особенностей, присущих обыденному языку: многозначность терминов, их эмоционально-экспрессивная окрашенность, отсутствие строгих однозначных формулировок, превалирование оценок над ценностями, критериев над критикой, правдоподобия над истинностью.

Считается, что в естественных науках законы неизменны, а в общественных они постоянно меняются. На самом деле, характер законов разный. В естественных закон отражает объективную реальность, существующую независимо от людей. Общество – предмет социального познания – искусственно сконструированный объект, артефакт, который зависит от воли и сознания людей. Как именно зависит, мы не знаем. Зависит не от воли каждого, а от статистически определенного и статистической измеряемого взаимодействия всех людей. Статистика раскрывает закономерности, средние для класса явлений, т.е. независимых от действий или воли отдельных индивидов. Несмотря на статистические усреднения отдельных волей и объективный в целом характер статистических тенденций, природа общества как артефакта не меняется.

Законы в естествознании ученые находят, а законы (нормы, правила) в обществе люди пишут и творят са-

ми. Статистические закономерности не есть законы в смысле естествознания, они указывают только тенденцию событий, которая в любой момент может измениться.

Стремясь не отстать от естественников, обществоведы возводят в ранг научных законов утверждения, которые никак не могут претендовать на раскрытие внутренних, необходимых, существенных связей и отношений. В годы советской власти философы (тогда профессиональных социологов не было) соревновались, кто больше откроет законов исторического материализма. Спорили друг с другом за приоритеты, по поводу их содержания, формулировок, сферы применения. И у каждого был свой свод «объективных» законов развития общества.

Особенностью объекта социального знания является его историчность. Это действительно так, поскольку история – это улица с односторонним движением, то характер социальных явлений приобретает определенное своеобразие. Историчность надо понимать еще и в том смысле, что человечество постоянно учится на своих прошлых ошибках, т.е. корректирует ход будущих процессов. А природа так не поступает.

Специалисты утверждают, что в общественной жизни явления не совпадают с сущностью в значительно большей мере, чем это наблюдается в природе. Что значит сущность и как они с этой сущностью не совпадают, при этом не уточняется. Но есть над чем подумать.

Другой важной особенностью социального познания является то, что описание и объяснение объекта исследования всегда переплетаются с отношением к нему, с определенной оценкой, характер которой связан с ценностно-мировоззренческой и даже социально-классовой позицией ученого. Ценностная установка не обязательно совпадает с истиной. Ценностью для людей могут быть и заблуждения.

Еще одной особенностью социального познания является его неустрашаемая связь с обыденными, внена-

учными формами знания. В отличие от естественно-научного познания социальное познание не сводится только к научной форме. Познавательный момент присутствует во всех формах общественного сознания, в содержании обыденного знания.

«Что такое обыденное знание? К нему можно отнести всю совокупность несистематизированного, фрагментарного частичного знания, общие представления о правде, морали, истории, войне и мире, экономике, политике, идеологические установки, политические взгляды, убеждения, мировоззрение в целом. Эти знания часто малообоснованны, не выражены в логической, ясной форме и существуют в виде чувств, побуждений, но они оказывают серьезное воздействие на сознание человека, на его понимание настоящего и прошлого» [2].

Деятельность и явление: квантовая неопределенность социального мира

Человеческая активность и ее специфический вид социальная деятельность, изучаемая социологией, имеет два противоположных вектора – добро и зло, позитив и негатив. В физическом мире ничего такого нет. Наша деятельность – это запланированная последовательность мероприятий. Когда цель достигается, человек ощущает радость. Всему задуманному в голове противостоит все существующее вовне. Когда они пересекаются – субъективный план и объективный план – возникает непредсказуемый результат.

Непредсказуемость идет от слова «явление». Явление – эмерджентное, непредсказуемое событие, зависящее от стечения объективных факторов. Хотя человек – участник явления, оно происходит как бы вне и помимо его. Ни своим сознанием, ни своей волей повлиять на явление он не может. Это как чудо, которое всегда происходит неожиданно.

Общество как часть природы, отделившаяся от этой природы в результате деятельности человека, находится на пересечении субъективного и объ-

ективного плана событий. Гитлер нацелился покорить весь мир и перестроить его на принципах новой, расовой, идеологии, но ему помешали обстоятельства и деятельность других людей, чьи планы расходились с его собственными. В результате он потерпел фиаско. Ленин и большевики задумывали построить идеальное коммунистическое общество, разработав целую программу действия, но вышло совсем не так, как задумывалось.

Человеческая деятельность происходит через косную материю явлений. Они ей постоянно сопротивляются. Как следствие, из задуманного людьми сбывается максимум 50%. Итог более чем скромный. Если учесть, что из осуществленного еще половина произошла лишь приблизительно так, как задумывалось.

Деятельность – это когда человек идет напролом, в своей великой гордыне полагая, что предлагаемый им план наилучший в мире. Разве Наполеон, Гитлер или Ленин – не великие гордецы?! Все политики и главы государства – субъекты гордыни. А там, где гордыня, там и надменность. Почему же тогда мы удивляемся, что власти отчуждены от народа? Если гордыня – самый тяжкий грех, согласно религии, то деятельность – это деяние, в сущности своей противостоящее также Богу.

Получился замкнутый круг: человеческая деятельность противоречит Природе и Богу. А каковы результаты этой деятельности? Сравнивая различные периоды человеческой истории, мы с восхищением наблюдаем, как прогрессируем, живем все лучше и лучше. Успехи науки и техники идут рука об руку с достижениями цивилизации (здравоохранение, образование, жилище, транспорт, линии коммуникации, досуг и комфорт) и культуры (художественные произведения с древнейших эпох складываются в некий капитал и составляют фундамент дальнейшего продвижения).

Но сколько мы потеряли на пути социального прогресса? Какой ценой он достался природе и человечеству? За-

губленная экология, утерянное биоразнообразие флоры и фауны, опустынивание плодородных земель, истощение недр, появление неизлечимых болезней и т.д. Одно сравнимо с другим? Негатив и позитив нашего пребывания на Земле уравнились?

Физические явления подчиняются законам *квантового мира*. Электрон может находиться в двух местах одновременно. Пока мы не вмешиваемся в ход событий и не наблюдаем его. Наблюдение, как и любой эксперимент, вырывает электрон из непредсказуемых траекторий движения, искусственно тормозит его на одном месте, создавая искаженную картину реальности. Пока вы на него не смотрите, он может находиться в любом месте. Локализует его на месте только ваш микроскоп. Квантовая нелокальность говорит о том, что две частицы находящиеся на огромных расстояниях, могут мгновенно влиять друг на друга.

Но и в социальном мире эксперименты – казалось бы, самые надежные источники объективной истины – дают искаженную или приблизительную картину реальности. Пример тому – так называемый хоторнский эффект, описывающий влияние наблюдателя за группой работниц в цехе по сборке реле на результаты исследования в 1927–1932 гг. в США.

А разве Стэнфордский тюремный эксперимент не поставил простых людей в искусственную ситуацию – надзирателей и заключенных. Студентов по случайной выборке разделили на тех и других сроком на две недели. Но уже через пару дней они так вошли в свою роль, что реально мучили и избивали сокамерников, а некоторые попали в больницу с нервным срывом. Представители среднего класса Америки, которых с детства воспитывали как законопослушных граждан, чуждых и не приемлющих ценности уголовного мира, вдруг оказались в невыносимых условиях эксперимента. Эксперимента, который они воспринимали вроде бы как игру. Их психика начала разрушаться, они были демо-

рализованы, подавлены и дезориентированы.

А как еще должны вести себя люди, окажись они, скажем, на планете обезьян? Тех самых, кого люди принимают за животных, которых всегда считали ниже и неразумнее себя. И вдруг оказывается, что они правят миром, устанавливаются жестокие правила и мстят своим пленникам, которых считают низшей расой. Как чувствовали и вели бы себя люди, окажись они в ситуации, прямо противоположной их убеждениям и ценностям? Наверное, не лучше, чем студенты-заключенные в эксперименте профессора Зимбардо.

Тем не менее, социологи и психологи сделали удивительные выводы из Стэнфордского тюремного эксперимента. Вот, мол, смотрите, до чего может дойти средний класс Америки! В соответствующих условиях каждый из нас начнет унижать и подавлять себе подобных либо превратиться в раздавленное и бессловесное существо.

На самом деле этот эксперимент, как и любой другой, ровным счетом ничего не показал. Он выявил лишь одну из многих траекторий, по которым движутся социальные частицы в естественном состоянии. Грубое вмешательство экспериментатора застигло частицы лишь в одном из состояний. Но ученые поспешили выдать частный случай за всеобщее правило.

Социальные явления столь же непредсказуемы, как и физические явления. Те и другие индетерминированные (причинно не обусловленные) и эмерджентные (неожиданные). Принцип неопределенностей Гейзенберга определяет сущность физического мира. Закон Достоевского – в человеке одинаково сильны начала зла и добра – определяет сущность социального мира.

Но человек, как существо нравственное, с одной стороны, и целеустремленное – с другой, не желает подчиняться воле случая и зависеть от судьбы. Он прорывает единый фронт неопределенности своим самым страшным оружием – целенаправлен-

ной деятельностью. острый и жесткий меч разрубает мягкую ткань неуправляемых, случайно сцепляющихся между собой явлений и событий. Человек хочет подчинить их своей воле, своим планам. Для чего подстраивает одни события, устраняет другие. Меняет одни условия и вводит в игру совершенно другие. При этом мучительно строит цепочку умопомрачительных решений, просчитывает невидимые ходы, выбирает единственно верное из множества альтернатив. Торопится поскорее воплотить задуманное в жизнь, привлекая множество посредников и помощников, каждый из которых имеет собственные цели и намерения, не всегда совпадающие с твоими собственными. Кое-как, а иногда и вполне добросовестно, трудится или якобы трудится над воплощением чужих замыслов. А автор проекта, прилагая невероятные усилия, постоянно контролирует коллективную деятельность, ругается с подрядчиками и исполнителями, решает конфликты, устраняет препятствия. И все ради чего? Ради того, чтобы на выходе получить результат, который весьма далек от идеально задуманного. Не случайно каждый год 10 из 100 предпринимателей разоряются. И так по всему миру.

Вот оно племя гордецов, которые ради личной наживы мобилизовали чужие силы в борьбе с превосходящим их врагом. Разящий меч целенаправленной деятельности не способен победить рассеянное множество стихийных явлений. Ни физических, ни социальных.

Уставшие от борьбы с внешними обстоятельствами, слегка усмирившие свою гордыню мы обращаемся лицом к Богу или к судьбе. Мы говорим себе: такова судьба, против нее не погрешь. Или: Бог велик, замысел его нам неведом. Для того чтобы понять эту страшную истину, оказывается, надо было совершить массу глупостей, называемых экспериментами. Но таков человек, когда-то бросивший вызов Богу. А позже бросивший вызов – созданием науки – и самой Природе.

Только человеку – единственному из всех живых существ – свойственны

гордость и гордыня. Первая – законная радость от свершенных тобою добрых дел, преодолений себя. Вторая – ложное чувство величия от того, что ты еще не совершил, но собираешься сделать. Ложная гордость от своих «великих» планов и замыслов.

Гордость и гордыня, добро и зло – обязательные части человеческой души. Никуда от них не деться. Никогда одно не уменьшится за счет другого. Никогда человек не перестанет быть противоречивым существом. Никогда частица не перестанет быть одновременно в разных местах, а социальные явления никогда не перестанут иметь два противоположных результата – позитивный и негативный. Как не перестанет наша деятельность на выходе иметь прогрессивное и регрессивное.

Социальная реальность, изучаемая социологом, двойственная. Субъективное в ней неразрывно связано с объективным. Своими эмпирическими методами – анкетированием, интервью, наблюдением, анализом документов, экспериментом – социолог вмешивается в стихийно протекающий ход событий и искусственно его приостанавливает. Когда художник, создавая картину, восклицает «Мгновение ты прекрасно, остановись!», я тебя сейчас запечатаю, это одно. Он творит художественный вымысел, никак не нарушающий ход реальных событий. С точки зрения науки, он откровенно врет. Он смотрит на пейзаж и рисует его вымышленный образ. Но потому искусство и не есть наука.

Социолог, конструируя вопросник или измерительную шкалу, создает то, чего нет в природе, для изучения того, что есть в природе. Он стремится открыть истину, т.е. обнаружить существующие в самой реальности законный хода событий. Опрашивая людей или проводя над ними эксперимент, социолог ставит людей в вымышленные условия, но стремится получить не вымышленную информацию. Он даже обижается, когда респонденты лукавят, противоречат или не отвечают либо когда испытуемые играют в экспери-

мент, но не выказывают искреннее поведение. Причем социолог догадывается, что а) экспериментальная ситуация искусственная для испытуемых, б) респонденты понимают, что их опрашивают и стремятся быть лучше или быть другими, чем на самом деле, в) сама процедура измерения содержит множество ошибок, г) при интерпретации результатов исследования социолог внесет множество собственных, субъективных оценок и выводов. Закрыв на все это безобразия глаза, социолог верит в непогрешимость науки и полагает, что, преследую чисто научные (а не политические) цели, применяя научные (такие же как в естествознании) методы и средства исследования, он получит объективную истину.

Но если разобратся, то никакой объективной истины вообще не существует. Как не существует той вещи, от которой вы отвернулись или на которую вы закрыли глаза. Вы только верите, что она продолжает существовать. Вы открыли глаза, т.е. провели наблюдение (измерение, эксперимент), а вещь – вот она! На месте! Стало быть, она всегда была здесь. Но такой, какой вы ее сейчас видите, вещь существует только для вас и в тот момент, когда вы на нее смотрите.

Мир человека насквозь субъективен. Цветок ему кажется ярко красным, хотя бобру он может показаться серым, а мухе вообще бесцветным. Некоторые племена вообще не различают красного цвета, но только зеленый и синий. Не потому что дальтоники, а потому что в их практической деятельности (при охоте или собирательстве) красный цвет им не приносит пользы, а вот несколько оттенков зеленого, которые европеец не различает, очень даже важны.

Весь мир, который мы видим вокруг, заключен в нашем мозгу и состоит из миллиардов нейронных связей, которые еще только предстоит интерпретировать как стул или дерево. Но стул и дерево, их смысл и предназначение, заданы нашей культурой и обществом, а не природой.

Время и пространство

Проведем мысленный эксперимент. Вокруг меня исчезло все, что движется, светится, греет и т.д. Я нахожусь в полной темноте – нет ни космоса, ни звезд, ни галактик, ни частиц. Смогу ли я понять, что такое пространство и время? Скорее всего, у меня не будет ни малейшего представления о них. Физическое пространство постигается через объекты и их движения. Когда Кант говорит, что восприятие пространства и времени нам врожденны, он лукавит. Они врожденны человеку общественному, живущему в мире, окруженном материей и производимых ею вещей. Но в абсолютно пустом месте, где ничего нет, никогда не возникнет никаких восприятий – и не только о пространстве и времени, но и вообще обо всем на свете.

Таким образом, все наши восприятия, в том числе пространства и времени – это результат сравнения, сопоставления одного с другим, одних видимых вещей с другими. Мне надо узнать, как далеко от меня до соседа, и я измеряю пространство. Мне надо знать, когда выходить на работу или посылать подкрепление воюющей армии, и я измеряю время. Оба понятия – пространство и время – результат практической деятельности людей. Но какова практика, таковы особенности представления пространства и времени. У примитивных племен – с разным опытом социальной практики, обитающих в разных географических топосах и культурных средах, – должны быть другие, отличные от нас, и разные, отличающиеся друг от друга, восприятия и представления о времени и пространстве.

Теория большого взрыва говорит, что вначале, когда материя, время и пространство были сжаты в одну микроточку, ничего кроме энергии не существовало. Потом взрыв, все разбросало в разные точки. Тогда и стали одновременно возникать время и пространство. Если их изображать векторами, то окажется, что вектор сути избранное движение в одну сторону. Трехмерное пространство предполагает, что есть ширина, длина и глубина.

Всего три измерения. А где время? Оно находится параллельно им, сверху них, помимо их? Где оно? Его нет, если вы не видите. Любое движение предполагает, что вы избрали одно направление и проигнорировали все другие. Нельзя сразу двигаться во все стороны. Движение во все стороны не существует. Движение во все стороны есть покой. Но предпочтение одного направления есть асимметрия. Астроному говорят, что вначале времен как раз асимметрия создала видимую вселенную – светлую матерю. Она занимает 5% всего вещества. Темная материя+темная энергия=95%. Какова их природа, никто не знает. Существовали ли они до начал времен, никто не знает. Может быть, они существовали всегда, а светлая материя – кратковременные всполохи на поверхности этих гигантов, возникает только в момент большого взрыва и асимметрии. Темная материя и темная энергия неподвижны. Их как бы нет (потому их и не обнаружить) и как бы есть. Они вне асимметрии. Они симметричны и неподвижны. Любой прибор построен на движении, значит неподвижное с помощью подвижного измерить или выявить невозможно.

Время рождается вместе с пространством в момент возникновения асимметрии. Говорят, что эта асимметрия была невелика – еле заметное смещение или превышение материи над антиматерией. Двигаясь в одну сторону, вы перемещаетесь и в пространстве, и во времени. Стороны пространства – это вспомогательные рельсы, по которым движется время. Нет избирательности, в какую сторону двигаться, нет и времени. Если вы в покое, то нет ни времени, ни пространства, ибо они едины. Вы стоите в одной точке и думаете, что находитесь в пространстве, а время идет само собой где-то рядом. Вы – ограниченный объект, имеющий конечные размеры. Вот почему для вас явлены время и пространство, хотя вы неподвижны. Но эта неподвижность обманчива. Неподвижность на Земле не означает неподвижности во вселенной. Все движется, наша планета

вокруг солнца, солнце вокруг Млечного пути, Млечный путь движется в своем скоплении галактик, те образуют их сверхскопления, которые, в свою очередь, входят в еще более крупные кластеры – филаменты галактик. Все они постоянно меняются. Наша галактика находится в постоянном движении. Галактики движутся, сталкиваются, взаимодействуют, поглощают друг друга. Столкновения длятся миллионы лет.

Социальное взаимодействие и квантовый мир

Социальное взаимодействие напоминает процесс измерения траектории электрона в камере Вильсона. До измерения у него одни параметры, в момент измерения – другие. Измерение в физике – это всегда грубое вмешательство в естественный ход событий, который мог протекать совсем иначе, не вмешайся в него наблюдатель. Таков квантовый мир – мир непредсказуемых, эмерджентных событий и индетерминизма.

А каков социальный мир? Столкнулись два автомобиля – с тяжелыми последствиями. Два милых и воспитанных человека, тихих в обычной жизни, сейчас преображаются – бранятся, нападают с кулаками, проявляют чрезмерную агрессию и злость. Покажи им видеозапись столкновения через год, они не узнают себя. До столкновения они даже не подозревали, что способны так себя вести. Более того, покажи им фильм о поведении людей в подобных ситуациях, оба посоветовали бы себе и другим быть сдержанным, воспитанным. И вовсе не из гуманистических соображений, а сугубо из прагматических: воплями, кулаками и грубостью ничего не добьешься и не изменишь. В спокойном состоянии оба мужчины это прекрасно понимают. Почему же тогда ведут себя противоположным образом, случись с ними ДТП?

Столкновение двух автомобилистов выявило неожиданные черты, свойства, психологический темперамент двух людей. Произошло грубое вмешательство в привычное течение событий. Здесь нет ученого-наблюдателя? Да он

и не нужен. И без него ситуация квантовая – эмерджентная и индетерминистическая.

Как часто в своей жизни мы попадаем в необычные ситуации, выразимся иначе, – неадекватные или сверхнормативные обстоятельства? Не часто. Иначе мы давно бы к ним приспособились, перестроили свою психологию и менталитет. Исключения стали бы нормой. Но нет, исключения ставят нас в тупик, нарушают привычный ход событий, доставляют нам дискомфорт и раздражение. Они вынуждают проявлять скрытые потенциалы души – не обязательно положительные. Мы могли о них даже не подозревать: «Как, разве я способен на такое?!» Никто не знает, на что он способен до момента измерения – грубого нарушения привычного и естественного для нас хода событий.

Не случайно Достоевский говорил, что в человеке обитает Бог и Дьявол, добро и зло. Что из них в какой именно ситуации проявится, никто не знает. Не удивительно, что собственное поведение часто становится неожиданностью для нас самих. Может быть, мы не знали о дремавшем в нас зле до момента столкновения с неожиданной ситуацией? Не знали. Точнее сказать, теоретически догадывались, поскольку читаем книги, слушаем ученых, наблюдаем поведение других людей. Но вряд ли кто подозревает, что в момент острейшего переживания голода, когда ты за гранью истощения и уже на грани выживания, готов расчленив другого человека и съесть его чуть ли не в сыром виде. Но подобные модели поведения в массовых масштабах неоднократно наблюдались в истории человечества. А милые дикари и сегодня считают каннибализм вполне приемлемой нормой поведения.

Как и электрон, мы не знаем, где окажемся и что проявим в момент «измерения». Привычное взаимодействие – рутинная деятельность, где одно действие напоминает и повторяет предыдущее. Как таковое оно не интересно социологу. Ему интересна некая чистая форма проявления рутинной де-

тельности и ее место в социальной реальности. Но реакция на необычное – это уже нечто интересное. Так считали этнометодологи и Г. Гарфинкель, который любил ставить людей – студентов, их родителей, профессоров и администрацию в самые неожиданные обстоятельства. Опешивший и дезориентированный человек – достойнейший объект наблюдения для него.

Сегодня все больше методологов утверждают во мнении, что социологии не следует ориентироваться на физику, но не потому, что она технически хуже оснащена, а потому, что у нее иные природа и методы познания.

Для социологии трудности заключаются не в техническом оснащении, считает Т. Абель, а в методологии. Физика имеет дело с объектами и событиями, которые обладают от рождения свойствами и вступают в отношения, подчиняясь универсальным законам, создавая устойчивый порядок. В отличие от физического социальный мир сотворен самим человеком, состоит из бесчисленного количества межличностных связей и отношений, которые принимают устойчивую форму социальной организации, социального института или социальной структуры, которые направляются и управляются теми, кто их создавал. Ничего похожего в физической вселенной нет. Только человек ставит перед институтами, организациями и структурами цель, к которой они должны стремиться. Мы сами наделяем свой мир социокультурными характеристиками, присваиваем им имена, статусы и определяем параметры. Мы же их потом и познаем. Они не существуют независимо от нас. Не только сам социальный мир создан нами, но и законы, управляющие им. Не следует предаваться иллюзии, что они универсальны, неизменны и постоянны [3, p. 219].

Очевидно, что цели и задачи социологии качественно отличаются от таковых в физике, хотя обе они опираются на одну и ту же логику познания, на один и тот же научный метод. «Социология «экзистенциальна», или феноменалистична, в своих интересах;

физика абстрактна и фундаментальна, поскольку интересуется открытием универсальных законов и унификацией теорий. Пионеры социологии полностью осознавали экзистенциальную сущность социологического интереса к процессу человеческой жизни» [3, p. 221].

Точка зрения Т. Абеля не бесспорна. Социология может быть экзистенциальной только частично, отнюдь не в той мере, в какой экзистенциально одно из направлений философии – экзистенциализм. Скорее всего у социологии двойственный статус – она является ценностно-нагруженным, и в этом смысле философским, знанием, но одновременно она представляет собой разновидность науки, призванную объяснить закономерности реального мира и выполнять прогностические функции. Увлечение философскими рассуждениями гносеологического и онтологического толка таит в себе опасность застрять на уровне НКМ, не дойти до более конкретного и продуктивного уровня общей и частной теорий.

Характеризуя ограниченность использования методов естествознания в социальных науках, К. Поппер отмечал: «Примером могут служить промахи и недоразумения методологического натурализма или сциентизма, который требует от социальных наук, чтобы они, наконец, научились у естественных наук научному методу. Этот неудачливый натурализм выдвигает требование такого рода: начинать с наблюдений и измерений; например, со сбора статистических сведений; затем индуктивно продвигаться к обобщениям и теоретическим построениям. Так мы приближимся к идеалу научной объективности – насколько это вообще возможно для социальных наук. При этом нам будет ясно, что в социальных науках объективности достичь сложнее (если таковая вообще достижима), чем в естествознании: ибо объективность означает свободу от оценок, а социальные науки лишь в редчайших случаях могут настолько освободиться от оценок, присущих собственному социальному

слою, чтобы хоть на сколько-нибудь подойти к свободе от оценок и объективности» [1, с. 67].

Литература

1. Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 67.
2. Синяков С.В., Сластенко Е.Ф. Специфика социального познания // http://sophia.nau.edu.ua/science/visnik/visn_3/slastenko.htm
3. Abel T. On the future of sociological theory // International social science journal, 1981. Vol. XXX111. No. 2. P. 219.

QUANTUM UNCERTAINTY OF SOCIAL REALITY

Kravchenko A.I.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Physicists and chemists, biologists and geneticists explore the natural world, which has the property of universality – viruses, neurons, molecules, mountains, stars and galaxies form and develop according to the same laws. The results of their measurements, carried out in different countries, can be assessed according to inter-

national standards in a more or less objective way. Sociologists are confronted by the social world, which changes from country to country, from era to era, from generation to generation. It is different in different parts of the world. It is described and measured by people with different political attitudes, views, values, work standards, heuristics, criteria of truth, tools and conditions. Constantly, even every second changing world is measured by people, views and assessments also change every second, moreover, in uncertain and unpredictable directions. Is it possible to have accurate knowledge about an imprecise world, to carry out coordinated scientific actions about an inconsistent and individually changing social reality?

Keywords: social cognition, social world, quantum uncertainty, measurement, time and space, social interaction.

References

1. Popper K. Logic of social sciences // Questions of philosophy. – 1992. – No. 10. – P. 67.
2. Sinyakov S.V., Slastenko E.F. Specificity of social cognition // http://sophia.nau.edu.ua/science/visnik/visn_3/slastenko.htm
3. Abel T. On the future of sociological theory // International social science journal, 1981. Vol. XXX111. No. 2. P. 219.

Развитие цифровых технологий в экономике Китая

Цзо Ци,

аспирант кафедры истории и теории социологии
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: zq840474927@126.com

Ху Юэ,

аспирант кафедры истории и теории социологии
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: olya_khu@mail.ru

В статье анализируется роль цифровых технологий в стимулировании экономического развития во две сферах – предложения и потребления. Цифровые технологии повышают эффективность труда и регулируют распределение ресурсов, формируя новые отрасли и расширяя возможности традиционных отраслей. В то же время цифровая экономика, в основе которой лежат цифровые технологии, изменила производство и образ жизни людей и создала новые потребительские запросы. Следовательно, экономический цикл, состоящий из предложения и потребления развивается с более высокой скоростью и стабильностью.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровой сектор, цифровизация промышленности, цифровое потребление.

Введение

Технологический прогресс всегда рассматривался как драйвер экономического роста человеческого общества. На протяжении всей истории экономические дивиденды, приносимые технологической революцией, значительно улучшали производство и жизнь людей. Как и предыдущие технологические революции, цифровые технологии сыграли важную роль в обеспечении современного экономического развития и благосостояния людей.

11 марта 2021 года на Заключительном заседании 4-й сессии ВСНП 13-го созыва проголосовали и приняли резолюцию по «Основным положениям 14-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития и перспективных целей развития на период до 2035 года». После реализации «14-й пятилетки» в 2021 году экономическое и социальное развитие Китая вступит в новый исторический этап. Программа разделена на 19 частей, пятая из которых – «ускорение цифрового развития и устройство цифрового Китая». Цифровая экономика включает семь ключевых отраслей, в том числе искусственный интеллект, облачные вычисления, большие данные, Интернет вещей, блокчейн, виртуальная реальность и дополненная реальность¹. В программе подчеркивается необходимости полного использования морских данных и богатого применения ситуационных преимуществ, содействия глубокой интеграции цифровых технологий и реальной экономики, модернизации традиционных отраслей промышленности, создания новых промышленных моделей и расширения новых двигателей экономического развития.

Вклад цифровых технологий в экономическое развитие в основном отра-

¹ Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и план долгосрочных целей на 2035 год// Народное издательство. Пекин., 2021.

жается в двух сферах – предложения и потребления. Во сфере предложения быстрое развитие цифровых технологий коренным образом повышает производительность труда и более эффективно и рационально распределяет ресурсы. А в сфере потребления цифровые технологии могут улучшить бизнес-модель С2В и расширить потребительский спрос. Только одновременно стимулируя предложения и потребления в экономике, можно добиться быстрого и доброкачественного циркуляционного экономического развития.

1. Предложение

(1) Содействие развитию цифрового сектора с цифровыми технологиями в качестве ядра

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (UNCTAD) делит цифровую экономику на три уровня. Первый уровень – цифровой сектор. Он является базовым уровнем, включая сектор ИТ / ИКТ. Цифровой сектор создал и производил цифровые технологии и является технологической основой всей цифровой экономики². Цифровой сектор включает не только телекоммуникационную индустрию, индустрию программного обеспечения, интернет-индустрию и индустрию информационных коммуникаций в сфере услуг информационных технологий, но также и новые цифровые индустрии, такие как большие данные, искусственный интеллект и блокчейн.

Обе индустрия – информационных коммуникаций и цифровая индустрия – появились после информационной революции. Цифровой сектор является ведущей отраслью для развития цифровой экономики, предоставляя технологии, продукты, услуги и решения для развития цифровой экономики. В эпоху цифровых технологий цифровая индустрия, в основе которой лежит цифровой сектор, быстро развивается, создавая новые ценности и прямо

способствуя экономическому развитию. Возьмем, к примеру, китайскую интернет-компанию Baidu. Baidu началась как бизнес по поисковым машинам, и ее сфера деятельности примерно такая же, как у Google в Соединенных Штатах. В течение 20 лет с момента своего создания Baidu использовала собственную поисковую систему для создания базы данных и независимо разрабатывала цифровые технологии, такие как большие данные и искусственный интеллект, и наконец, Baidu успешно разработала искусственный интеллект – Xiaodu и автомобили без водителя. Все эти проекты представляют собой новые цифровые индустрии с цифровыми технологиями в качестве основной услуги. Успех проектов свидетельствует о физическом применении цифровых технологий и их экономических преимуществах.

За последние несколько лет масштабы цифровой индустрии Китая постепенно расширялись. По данным Министерства промышленности и информационных технологий Китая, масштабы цифровой индустрии Китая увеличились с 4,21 трлн юаней в 2014 году до 7,1 трлн юаней в 2019 году. Рост за этот период составил 168%, а экономика цифровой индустрии Китая в 2019 году составила 7,2% ВВП, что имеет большое значение для долгосрочного стабильного экономического развития³. Ниже представлена гистограмма масштабного роста цифровой индустрии Китая с 2014 по 2019 год, которая может четко отражать тенденцию быстрого роста цифровой индустрии в последние годы (рис. 1).

Цифровая индустрия относится к новому типу индустрии, основанной на цифровых технологиях. С развитием и широким применением цифровых технологий все большее их число будет

² UNCTAD. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries [Текст] / UNCTAD. – Geneva: United Nations publication, 2019. – 172 с.

³ CASIT. Белая книга о цифровой экономике Китая в 2020 году [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития – / CASIT. – Электронные данные. Режим доступа: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202007/t20200702_285535.htm, свободный – (дата обращения 18.03.2021)

индустриализировано, что способствует экономическому развитию.

Рис. 1

(2) Интеграция и развитие традиционных промышленных предприятий и цифровых технологий

В Китае к традиционным отраслям промышленности относятся сельское хозяйство (первичный сектор экономики), индустрия (вторичный сектор экономики) и сфера услуг (третичный сектор экономики). Цифровые технологии способствуют развитию промышленности, позволяют традиционным предприятиям завершить цифровую модернизацию и помогут предприятиям оставаться активными в эпоху цифровых технологий. Продолжая информационную революцию, цифровая экономика постепенно превратилась в новую экономическую форму. Она включает не только отрасль информационных технологий с ИКТ в качестве ядра, но и цифровую модернизацию всей отрасли с помощью цифровых технологий. Цифровая модернизация традиционных промышленности – одно из важнейших звеньев.

В «Белая книга о развитии цифровой экономики в Китае (2020 год)»⁴ отмечено, что цифровая экономика включает четыре части – цифровая индустриализация, цифровизация промышленности, цифровое управление и присвое-

ние стоимости данным. Цифровизация промышленности может не только повысить производительность труда и эффективность управления, но и сделать управление прозрачным. В то же время цифровизации промышленности может также стимулировать развитие ряда цифровых секторов. В цифровую эпоху существуют две конкретные формы цифровизации промышленности: замена и интеграция.

Под *заменой* понимается замена технологий в традиционных промышленных предприятиях существующими цифровыми технологиями с целью обеспечения диверсифицированного и многофункционального развития в будущем. Например, когда появилась первоначальная система освещения, некоторые люди думали, что с точки зрения затрат электрические лампы не имеют преимуществ по сравнению с керосиновыми лампами, свечами и другими методами освещения. Однако с развитием общества неоновые огни, освещающие рестораны, могут привлекать клиентов для повышения их конкурентоспособности, а сильное освещение в торговых центрах может сделать продукты ярче и пробудить у людей желание потреблять. То же самое и с *цифровизацией* промышленности. Цифровые технологии открывают перед промышленностью новые перспективы развития, которые могут оптимизировать распределение ресурсов и структурную модернизацию промышленности, а также повысить эффективность. Более того, сфера использования цифровых технологий очень велика: от крупных предприятий до малых кафе и магазинов, которые используют цифровые обновления. Например, Keqiyun (客如云) является ведущей компанией O2O в Китае, занимающаяся разработкой программного обеспечения, интеллектуального кассового аппарата, самопомощь по беспроводной сети и т.д. Основная группа клиентов китайской компании Keqiyun – малые и средние предприятия. Кассовый аппарат Keqiyun – это не только модернизация традиционного кассового аппарата, но и интегрированное решение

⁴ САСИТ. Белая книга о цифровой экономике Китая в 2020 году [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития – / САСИТ. – Электронные данные. Режим доступа: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202007/t20200702_285535.htm, свободный – (дата обращения 18.03.2021)

проекта SaaS (Software-as-a-Service) с программным и аппаратным обеспечением. С помощью кассового аппарата Kejuun предприятия могут не только просматривать товарно-материальные запасы, продажи, финансовые и другие данные в режиме реального времени, но и подключить к интернету. В то же время, используя большие данные, облачные вычисления и другие цифровые технологии, компании могут анализировать ежедневные операционные запасы на цифровой платформе, предоставляемой Kejuun, помогая компаниям реализовать интеллектуальное управление и цифровые обновления.

Еще одна форма цифровизации промышленности – это *интеграция*. Интеграция промышленности и цифровых технологий означает, что промышленность использует цифровые технологии для обновления традиционных технологий в процессах производства, управления и продаж. Возьмем, к примеру, традиционную китайскую индустрию бытовой техники. Сохраняя свою модель офлайн-продаж, некоторые традиционные компании-производители бытовой техники также используют платформы электронной коммерции, такие как Alibaba, для расширения каналов онлайн-продаж, достижения многоканальных продаж и повышения своей конкурентоспособности. В то же время они используют цифровые технологии для получения данных в реальном времени из онлайн-каналов продаж, понимания потребностей клиентов в продуктах, анализа экономического поведения клиентов и реализации нового режима работы С2В. Помимо обновления собственных каналов продаж и моделей продаж, некоторые компании, производящие бытовую технику, также обновили свои продукты и услуги в цифровом виде и активно развивают такие сервисы, как умные дома. Мобильное приложение (APP), которое они разработали самостоятельно, обогатило функции традиционной бытовой техники. В то же время использование таких технологий, как искусственный интеллект и большие данные, реализует индивидуаль-

ные интеллектуальные обслуживания клиентов на платформе APP. Этот режим работы, в котором органически сочетаются промышленность и цифровые технологии, может повысить эффективность производства и конкурентоспособность собственных компаний, что позволит им захватывать первые позиции на пути к цифровому развитию в будущем.

(3) Стоимость данных

По мнению Маркса, стоимость товаров делится на потребительскую и меновую стоимость. Причина, по которой данные могут быть коммерциализованы, заключается в том, что они имеют важную потребительскую ценность. В связи с этим следует отметить ценность самой информации. Как вид обработанных данных, информация имела потребительскую стоимость до информационной революции. Наиболее типичным примером является то, что жилищные посредники полагаются на жилищную информацию для получения прибыли. В эпоху цифровой экономики не только информация, но и данные имеют потребительскую ценность. Ценность данных заключается в том, что они могут принести дополнительную пользу для производства и жизни людей. Например, компании электронной коммерции используют большие данные для точного размещения рекламы и увеличения продаж; производственные предприятия используют анализ данных для оптимизации производственной структуры и более эффективного распределения ресурсов. Тем самым снижают производственные затраты для получения большей выгоды.

Еще одна важная причина, по которой данные имеют стоимости как товары, заключается в том, что в эпоху цифровой экономики данные являются новым ресурсом. Данные являются важным производственным фактором всей цифровой экономики и основой цифрового мира. Как только стоимость данных установлена, это означает, что данные могут продаваться и распространяться как товары. Коммерциализация данных позволяет регулировать данные

рыночными механизмами и контролировать их со стороны государственных органов, и они становятся объектами свободного обращения. Данные как товары могут способствовать экономическому развитию. С одной стороны, собранные анонимные данные клиентов могут быть использованы в качестве нового типа обмениваемого ресурса для обогащения сырья товаров; с другой стороны, данные, генерируемые предприятием в процессе собственного производства и обработки, могут улучшать его собственные производительность труда и способность распределения ресурс. В Докладе «О развитии цифровой экономики Китая за 2020 год» указывается, что с ускорением цифровой трансформации роль данных в повышении эффективности производства стала заметной, и они стали самым уникальным новым производственным фактором. Обратные и распространяемые данные будут способствовать стабильному, здоровому и быстрому развитию цифровой экономики при поддержке рынка и правительства⁵.

2. Цифровое потребление

Образ потребления в эпоху цифровой экономики является цифровым потреблением. Цифровое потребление относится к потреблению цифрового контента товаров в человеческом обществе⁶. Его потребительское поведение – это целенаправленное поведение потребителей, возникшее в результате появления цифровых технологий. Цифровое потребление имеет два основных содержания: *первое* – это потребление товаров или услуг с цифровыми характеристиками, такими как терминалы 5G, дроны, носимые устройства, умные дома, умное здоровье и т.д.; *второе* –

это новая модель потребления, основанная на цифровых технологиях, таких как интернет-магазины, мобильные платежи, платежи в биткойнах, цифровой кошелек и т.д.⁷. Таким образом, цифровое потребление способствует развитию экономики в двух аспектах: во-первых, новый потребительский контент, созданный с помощью цифровых технологий; во-вторых, новая модель потребления, созданная с помощью цифровых технологий.

(1) Новый потребительское содержание

А.В. Кешелава в статье «ведение цифровой экономики» отметил, что процесс слияния реального и виртуального миров уже начался и его невозможно остановить⁸. Новый гибридный мир будет существовать. Слияние реального и виртуального миров опирается на различные электронные оборудования, как смартфон, носимое устройство и т.д. Эти интеллектуальные устройства представляют собой мосты и средства массовой информации, соединяющие реальный и виртуальный мир. С дальнейшей популяризацией цифровых спрос на цифровые продукты обязательно возрастет. По данным веб-сайта statista, к концу 2021 года будет 3,8 миллиарда пользователей смартфонов по сравнению с 1,06 миллиарда пользователей десять лет назад⁹. В будущем повседневными потребностями людей станут не только смартфоны, но и новые умные носимые устройства, умные дома и другие новые продукты. Кроме того, физические отрасли, такие как

⁷ Гао Илань, Хуан Сюе. Исследование вопросов развития потребительского финансирования на основе цифровой экономики // Хэйлунцзян Социальные науки (Social Sciences In Heilongjiang). 2020. № 2. С. 66–70.

⁸ А.В. Кешелава В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др. Введение в «Цифровую» экономику [Текст] / А.В. Кешелава. – Москва: ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с.

⁹ Statista. Number of smartphone users worldwide from 2016 to 2023 [Электронный ресурс]: TRY OUR CORPORATE SOLUTION FOR FREE! – / Statista. – Электронные данные. Режим доступа: URL.: <https://www.statista.com/statistics/330695/number-of-smartphone-users-worldwide/>, свободный – (дата обращения 18.03.2021)

⁵ CASIT. Белая книга о цифровой экономике Китая в 2020 году [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития – / CASIT. – Электронные данные. Режим доступа: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202007/t20200702_285535.htm, свободный – (дата обращения 18.03.2021)

⁶ Чжу Янь, Ши Янь. Анализ элементов цифровой экономики // Tsinghua Management Review. 2019. № 7–8. С. 24–29.

первичный и вторичный секторы экономики, совершают структурную трансформацию посредством «Интернета+», оцифровки и интеллектуального анализа, а также непрерывно совершенствуют технологическое содержание и добавленную стоимость своей продукции, что также создает новые потребности¹⁰.

Развитие цифровых технологий не только изменило спрос людей на физические продукты, но и повысило спрос на виртуальные услуги. Среди трех традиционных отраслей промышленности в Китае сфера услуг всегда выступала опорной. С 2015 года сфера услуг стала важнейшей экономической отраслью в ВВП Китая. Сфера услуг имеет схожие характеристики с цифровыми технологиями, а именно дематериализацию. Следовательно, использовать цифровые технологии для улучшения сферы услуг относительно просто. Например, некоторые продукты банков по управлению капиталом и страховые продукты страховых компаний успешно трансформировались в онлайн-управление капиталом и цифровое страхование с использованием цифровых технологий.

(2) Новые модели потребления

Появление новых моделей потребления, представленных электронной коммерцией, сломало временные и пространственные ограничения традиционных моделей продаж, сделав потребление более удобным. В то же время платформа электронной коммерции отображает продукты более разнообразно. Например, китайская Alibaba на своей платформе электронной коммерции Tmall предоставляет клиентам разнообразные формы отображения продуктов, такие как текст, изображения, видео и прямые трансляции. В то же время Alibaba разработала программное обеспечение Wangwang для реализации связи между покупателями, продавцами и решения проблем в реальном времени. Кроме того, ком-

плексный механизм оценки клиентов платформы Tmall также может позволить клиентам более интуитивно понимать продукты и сопутствующие услуги и привлекать клиентов к покупке. По сравнению с традиционной моделью покупок электронная коммерция имеет значительные преимущества в затратах. Этим компаниям не нужно платить высокую арендную плату и не нужны торговые агенты. Более того, стоимость оплаты для платформ электронной коммерции имеет характеристику убывания предельной себестоимости (что означает: чем больше клиентов, тем ниже себестоимость). Следовательно, модель продаж с использованием платформы электронной коммерции имеет более низкую себестоимость и более высокую прибыль, чем традиционная модель офлайн-продаж. Платформы электронной коммерции также регулярно проводят различные мероприятия для привлечения большого количества активных пользователей, что способствует росту потребления.

Платформы электронной коммерции считаются продуктами информационной эпохи, но в цифровую эпоху электронная коммерция также сочетает в себе новые цифровые технологии и имеет новые характеристики. Возьмем, к примеру, Amazon, крупнейший книжный интернет-магазин в США. Amazon использует характеристики релевантности технологии больших данных, чтобы рекомендовать книги различным группам людей и клиентов. Между рекомендуемыми книгами нет логической связи, но только релевантность. В результате треть продаж Amazon проходит через технологию больших данных¹¹.

Заключение

Цифровая экономика – это новая экономическая форма с цифровой инновацией всей отрасли и всего спектра. Таким образом, цифровые технологии оказывают положительное влияние на весь эко-

¹⁰ Хан Вэньлун. Новый смысл потребления и культивирования силы потребления в цифровой экономике// Журнал Педагогического университета Фуцзянь (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020. № 5, 98–106.

¹¹ Виктор Майер-Шенбергер. Большие данные. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2012. 261с.

номический цикл, включая как сторону предложения, так и сторону потребления. Углубление цифрового применения НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) и проектирования, производства, управления операциями и рыночных услуг может повысить производительность труда со стороны предложения, скорректировать структуру ресурсов и внедрить инновационные продукты. Что касается стороны потребления, цифровые технологии дополняют традиционные модели потребления, создавая новый цифровой потребительский контент, удовлетворяя повседневные потребности людей и разрабатывая новые модели потребления. Когда цифровые технологии одновременно продвигаются обеими сторонами предложения и потребления, экономика будет развиваться в более быстром режиме.

Литература

1. Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и план долгосрочных целей на 2035 год// Народное издательство. Пекин., 2021.
2. UNCTAD. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries [Текст] / UNCTAD. – Geneva: United Nations publication, 2019. – 172 с.
3. SACIT. Белая книга о цифровой экономике Китая в 2020 году [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития – / SACIT. – Электронные данные. Режим доступа: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202007/t20200702_285535.htm, свободный – (дата обращения 18.03.2021)
4. Чжу Янь, Ши Янь. Анализ элементов цифровой экономики// Tsinghua Management Review. 2019. № 7–8. С. 24–29.
5. Гао Илань, Хуан Сяо. Исследование вопросов развития потребительского финансирования на основе цифровой экономики// Хэйлунцзян Социальные науки (Social Sciences In Heilongjiang).2020. № .2. С. 66–70.
6. А.В. Кешелава В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др. Введение в «Цифровую» экономику [Текст]/ А.В. Кешелава. –Москва: ВНИИГео-осистем, 2017. – 28 с.
7. Statista.Number of smartphone users worldwide from 2016 to 2023 [Электронный ресурс]: TRY OUR CORPORATE SOLUTION FOR FREE!–/Statista.–Электронные данные. Режим доступа: URL.: <https://www.statista.com/statistics/330695/number-of-smartphone-users-worldwide/>, свободный – (дата обращения 18.03.2021)
8. Хан Вэньлун. Новый смысл потребления и культивирования силы потребления в цифровой экономике// Журнал Педагогического университета Фуцзянь (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020. № 5. С. 98–106.
9. Виктор Майер-Шенбергер. Большие данные. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2012. 261с.

DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE CHINESE ECONOMY

Zuo Qi, Hu Yue

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article analyzes the role of digital technologies in stimulating economic development in two areas – supply and consumption. Digital technologies improve labor efficiency and regulate resource allocation, shaping new industries and empowering traditional industries. At the same time, the digital economy, which is based on digital technologies, has changed the production and way of life of people and created new consumer demands. Consequently, the economic cycle of supply and consumption develops at a higher speed and stability.

Keywords: Digital technologies, digital sector, digitalization of industry, digital consumption.

References

1. The fourteenth five-year plan for the national economic and social development of the People's Republic of China and the plan for long-term goals for 2035 // People's Publishing House. Beijing, 2021.
2. UNCTAD. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries [Text] / UNCTAD. – Geneva: United Nations publication, 2019. – 172 p.
3. CACIT. White Paper on China's Digital Economy in 2020 [Electronic resource]: National High-Level Professional Analytical Center, Industrial Innovation and Development Platform – / CACIT. – Electronic data. Access mode: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202007/t20200702_285535.htm, free – (date of access 03/18/2021)
4. Zhu Yan, Shi Yan. Analysis of the elements of the digital economy // Tsinghua Management Review. 2019. No. 7–8. S. 24–29.
5. Gao Yilan, Huang Xiaoe. Research on the Development of Consumer Finance Based on the Digital Economy // Social Sciences In Heilongjiang, 2020. No. 2. S. 66–70.
6. A.V. Keshelava V.G. Budanov, V. Yu. Rummyantsev et al. Introduction to the Digital Economy [Text] / A.V. Keshelava. – Moscow: VNIIGeosystem, 2017. – 28 p.
7. Statista.Number of smartphone users worldwide from 2016 to 2023 [Electronic resource]: TRY OUR CORPORATE SOLUTION FOR FREE! – / Statista. – Electronic data. Access mode: URL.: <https://www.statista.com/statistics/330695/number-of-smartphone-users-worldwide/>, free – (date of access 03/18/2021)
8. Han Wenlong. A New Meaning of Consumption and Cultivating the Power of Consumption in the Digital Economy // Journal of the Fujian Pedagogical University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020. No. 5. S. 98–106.
9. Victor Mayer-Schoenberger. Big data. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House, 2012.261p.

Психологическая профилактика агрессивного поведения обучающихся в системе дополнительного образования

Пономарева Диана Игоревна,

кандидат психологических наук, доцент
кафедры социологии, психологии и социального
менеджмента Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)
E-mail: di37tap1@mail.ru

В статье раскрываются основные категории деструктивного поведения старшеклассников агрессивной направленности. Анализируются социальные и психологические факторы возникновения негативной агрессивности в процессе воспитания и обучения. Агрессивное поведение рассматривается, прежде всего, с точки зрения дестабилизирующего влияния на процесс выстраивания межличностных коммуникаций, завершения формирования Я-концепции личности, перехода в юношескую стадию взросления. Показана роль самооценки подростка в развитии эмоционального интеллекта. Тенденции современного образования диктуют необходимость расширенного сотрудничества в системе «школа-вуз». Помимо проведения разовых профориентационных мероприятий, кружковая работа педагогов высшей школы на базе различных образовательных площадок (включая применение дистанционных технологий) может стать важным подготовительным, адаптационным периодом подготовки будущих абитуриентов. В частности, такое направление актуально для формирования у выпускников школ навыков конструктивного делового общения, управления своими эмоциями и поведением. Автор приводит обоснование необходимости проведения комплексного психолого-педагогического сопровождения обучающихся с агрессивным поведенческим вектором в рамках реализации тренинговых программ в системе дополнительного образования.

Ключевые слова: агрессивное поведение, делинквентное поведение, психологическая профилактика, старшеклассники, межличностная коммуникация, профориентационная работа, дополнительное образование.

Введение

Современные молодые люди – поколение, которое обладает рядом специфических особенностей в сфере выстраивания межличностного общения. С одной стороны, технический прогресс позволяет подросткам быстро осваивать виртуальное коммуникативное пространство, находить новые возможности для самореализации в цифровой среде. Однако ситуация, когда гаджет начинает вытеснять не только родителей и педагогов в качестве авторитета, примера для подражания, но и полностью заменять живое общение – это тревожный сигнал для специалистов, отмечающих возрастание на этом фоне различных негативных тенденций в психологической структуре личности таких детей [6].

Неспособность адекватно оценивать различные социально-педагогические ситуации, склонность преувеличивать или преуменьшать собственную значимость в семье, школьном коллективе, референтной группе могут провоцировать обучающихся проявлять агрессивность в разных моделях деструктивного поведения: вербальная и невербальная, косвенная и прямая агрессия в отношении других людей нередко демонстрируются как статусный показатель принадлежности к делинквентной субкультуре [1]. Однако, агрессивное отклоняющееся поведение также может быть рассмотрено и с позиций проявления невротической защитной реакции, например, замещения, сверхкомпенсации или проекции. Еще одним распространенным вариантом агрессивной самопрезентации является аддиктивное поведение, возникающее на фоне химической или нехимической зависимости несовершеннолетнего [12; 15].

Как известно, среди профессиональных психологов и педагогов до сих пор нет консенсуса в однозначности

определения понятия «агрессия». Бытуют смешение и взаимозаменяемость понятий «агрессия», «агрессивность», «агрессивное поведение». В данном контексте под *агрессией* в широком смысле слова мы будем понимать любую активность личности, принимающую формы прямого или косвенного насилия по отношению к другим людям. *Агрессивность* можно рассматривать как качество личности, провоцирующее (в зависимости от степени выраженности) деструктивное поведение. В свою очередь *агрессивное поведение* может отражать устойчивую тенденцию личности, направленную на причинение физического, психологического или материального вреда другому лицу; возможны как противоправный, так и социально допустимый вариант [3; 9].

В зарубежной научной литературе используется расширенное толкование противоправного (делинквентного) поведения подростков вследствие отсутствия точных критериев для его определения. Часто под делинквентным поведением понимается не только способность подростка совершать правонарушение, но и проявления противоправной деятельности. Критериями для определения уровня делинквентности подростка, поведение которого внешне не отличается от сверстников, в ряде случаев служат различные криминогенные факторы, в частности, выявленные в результате психологического обследования его семейного окружения. В некоторых случаях делинквентом считается подросток-правонарушитель, в других – подросток с аномальным поведением, в-третьих – гиперактивный подросток [9; 18; 19].

Термин «делинквентное поведение» употребляется в научной литературе наряду с такими понятиями как «девиантное», «отклоняющееся», «асоциальное», «антисоциальное». Так, Р.Л. Дженкинс к антисоциальному поведению относит гиперкинетическую реакцию, реакцию повышенной тревожности, аутоагрессию и групповые правонарушения; Л.Н. Робинс связывает

антисоциальное поведение с нарушениями школьной дисциплины, драками, лживостью, сексуальной распущенностью, агрессивностью, наркоманией, ранним алкоголизмом, а также с воровством и актами вандализма. Отклонения в поведении старших подростков (в форме неадекватных агрессивных реакций) проявляются в обостренной форме [19].

Безусловно, доминирующим фактором психологического взросления в старшем подростковом возрасте является формирование адекватных навыков построения коммуникаций со своими ровесниками. Многие исследователи отмечают высокую корреляцию между конфликтностью таких обучающихся и характером их взаимоотношений с представителями старшего поколения. (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, В.С. Мухина, Л.И. Божович и др.). Нередко подросток копирует модель социального взаимодействия в референтной группе и затем проецирует ее на другие социальные ситуации, не задумываясь о последствиях и целесообразности подобных действий.

Как считает Х. Хекхаузен, фундаментальное правило, которое усваивается личностью с детства, состоит «в необходимости, подвергшись агрессии, ответить соразмерной агрессией». Нередко для снятия с себя ответственности за агрессивное поведение (причинение страданий другому) подростки и взрослые прибегают к самооправданию, к основным способам которого относятся: снижение значимости предпринятых агрессивных действий путем одностороннего сравнения своих поступков с более агрессивными действиями других людей; оправдание собственной агрессивности («моя агрессия служит высшим идеалам и ценностям»); отрицание, либо разделение своей ответственности с другими лицами, особенно в случаях групповых агрессивных действий; дегуманизация жертвы с отказом признать за ней личностные человеческие качества [16].

Факторы формирования деструктивного агрессивного поведения

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько групп психологических факторов, оказывающих существенное влияние на процесс социализации подростка, развивающийся по негативному сценарию [4; 5; 9].

Первая группа – факторы, связанные с неблагоприятным микроклиматом в семейных отношениях:

- отсутствие доверительных отношений между родителями (или опекунами);
- доминирование императивного стиля общения родителей и/или членов семьи;
- наличие в семье правонарушителя (особенно если таковой является авторитетом для несовершеннолетнего);
- низкостатусная позиция подростка в семье, ущемляющая его самолюбие и потребность в самореализации в среде близких родственников;
- низкий культурно-образовательный уровень семьи;
- деформация правового сознания родителей, способствующая неправильному формированию интересов, взглядов, а также потребностей детей;
- применение родителями антипедагогических, репрессивных мер воздействия (оскорбления, угрозы, физические наказания, насильственные действия).

Особо следует выделить незнание родителями (или опекунами) индивидуально-психологических и возрастных особенностей детей и, как следствие – неумение целесообразно применять приемы и методы воспитательного воздействия; пренебрежительное, а подчас и весьма отрицательное отношение родителей к школе, педагогам, сотрудникам правоохранительных органов.

Исследователи отмечают, что работа с так называемыми «неблагополучными» семьями требует дифферен-

цированного подхода (С.А. Беличева, М.А. Алемаскин, Ю.М. Антонян, И.Б. Пономарев и др.). Например, в конфликтных семьях стратегия и тактика психологического сопровождения будет отличаться от организации работы с аморальными семьями. Несомненно, особенно сильный психологический дискомфорт подросток может испытывать в неполной семье. Именно в этот период для подростка очень значима его общая социальная ситуация, которая формируется, помимо прочего, и составом семьи. Отсутствие одного из родителей (чаще – отца) ослабляет социальную позицию подростка, делает инвариантным любое ролевое общение.

Ко второй группе относятся следующие психолого-педагогические факторы:

- низкая психологическая (в особенности коммуникативная) компетентность отдельных учителей, педагогический формализм;
- нескоординированность действий педагогов, психологов, членов семьи в направлении развития и закрепления у подростка устойчивой позитивной мотивации к обучению, а также поведению без девиаций различного рода;
- недостаточная компетентность некоторых школьных психологов в области разработки и реализации индивидуальной «дорожной карты» для работы с проблемными обучающимися;
- декларативный характер системного социального партнерства всех заинтересованных учреждений в отношении проведения психопрофилактики негативного агрессивного поведения несовершеннолетних;
- отсутствие желания у педагогов проявить эмпатию в отношении подростка, оказавшегося в сложной жизненной ситуации [17].

Все вышперечисленное может прямо или косвенно подталкивать обучающихся к совершению асоциальных действий в качестве своеобразного вызова обществу. Следует отметить, что часто отношения педагогов к проблемным

детям мотивированы стремлением пресечь плохое поведение, а не устранить порождающие его причины.

В третью группу входят факторы, связанные с личностными особенностями агрессивных подростков:

- наличие у несовершеннолетнего своеобразного психологического «барьера», обусловленного взаимным отрицательным отношением его с окружающими;
- отсутствие четкой собственной позиции по отношению к правовым и моральным нормам общества, связанное с особенностями характера (психологическая зависимость от лидера группы, внушаемость, сверхкомформность, потребность быть «ведомым»);
- неспособность отдавать себе отчет в различиях между виртуальными и реальными агрессивными действиями (агрессия воспринимается как естественный атрибут дополненной реальности);
- стремление противопоставить себя в составе криминальной микрогруппы законопослушным гражданам.

В результате воздействия на личность неблагоприятных объективных факторов происходит своеобразное внедрение их в сознание несовершеннолетнего. Эти факторы, преломляясь через особенности структуры личности, приспособляются к ее природе и поэтому уже проявляются как индивидуальные деструктивные тенденции в поведении. Возникающие при этом негативные психические состояния (например, депрессия, тревожность, дистресс или же озлобленность, агрессивность, раздражительность) наряду с формированием асоциальных установок по отношению к микросреде (семья, школа, класс) содействуют тому, чтобы подросток стал гипервосприимчивым к отрицательным влияниям – то есть создают предпосылки для ухода в девиантную и асоциальную среду [15]. Приобретая знания о морально-нравственных и правовых нормах, такой подросток не считает их социальной ценностью. Отчасти это происходит потому, что

данной субкультурой вырабатываются образцы поведения, направленные на избежание любой ответственности.

Необходимо также обратить внимание и на то, что физические условия окружающей среды (в частности, неблагоприятная экологическая обстановка) оказывают существенное влияние на возникновение негативных психических состояний. Вместе с тем, как считает М.И. Еникеев, для несовершеннолетних делинквентов характерны определенные сдвиги и нарушения в мотивационной сфере; по сравнению с нормотипом она примитивизирована, носит импульсивный характер, что создает видимость «безмотивных» противоправных действий. Проявлению психологической агрессии наряду с вышеперечисленными факторами способствует употребление алкогольных напитков, наркотических и целого ряда других психоактивных веществ.

Агрессивному деструктивному поведению обучающихся предшествует переход от совершения незначительных аморальных проступков к общественно опасным деяниям. Данный процесс формирования девиантного (и в частности, делинквентного) поведения заслуживает специального рассмотрения. Типичный механизм криминализации личности в ранние периоды ее развития заключается во взаимосвязи двух обстоятельств: неблагоприятных условий семейного воспитания (дефекты социализации в семье) и пребывания подростков в досуговых криминальных группах. Когда подросток лишен условий, обеспечивающих ему стабильность в переживании позитивных эмоций (эмоционального комфорта), когда родители или педагоги (по тем или иным причинам) демонстрируют безразличие, черствость или грубость по отношению к нему, то у него резко снижается потребность в сохранении с ними коммуникативного контакта. Подросток начинает испытывать неприязненное отношение к родителям (или учителям), бояться их, стремиться их избегать. В результате фундаментальная потребность в общении блокиру-

ется, подросток оказывается в состоянии глубокой фрустрации, что приводит к формированию ущербного самосознания; при этом страдает самооценка его личности [5; 14].

В рамках сотрудничества Московского авиационного института (национального исследовательского университета) со школами г. Москвы в сфере профориентации автором была разработана и в течение двух лет реализована программа дополнительного образования «Социальная психология» для старшеклассников. В ходе организации кружковой работы педагогами вуза проводилась комплексная психолого-педагогическая деятельность по формированию компетенций, востребованных по направлениям подготовки «менеджмент» и «сервис», осуществляемой Институтом инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ [7;11].

Педагогическая целесообразность настоящей программы заключается в том, что её реализация содействует решению психологических проблем обучающихся, помогает формировать у школьников мотивацию достижения успеха, способствует ознакомлению с основами будущей профессиональной деятельности [8; 10]. Трудности и барьеры в педагогическом общении (особенно с проблемными агрессивными обучающимися) могут негативно отражаться на всех этапах образовательного процесса. В связи с этим кружковая работа по данной программе, помимо профориентационных целей, стратегически направлена на повышение психологической грамотности, сплоченности школьного коллектива, развитие эмоционального и социального интеллекта, профилактику и психокоррекцию негативной агрессивности [2; 13]. (Таблица 1)

Таблица 1. Стратегия психопрофилактики деструктивного агрессивного поведения обучающихся в рамках кружковой работы

Виды психологических тренингов	Цели занятий	Методы психологической работы	Ожидаемый социально-педагогический и психологический эффект
Тренинги по оптимизации межличностных отношений и формированию конструктивного (неагрессивного) поведения	формирование умений и навыков использования неагрессивных поведенческих стратегий; развитие и коррекция мотивов, лежащих в основе конструктивного общения и межличностных отношений	ролевые игры; психотехники конструктивного сопротивления психологическому давлению; просмотр и обсуждение видеоматериалов; тематическая дискуссия	развитие коммуникабельности обучающихся; поддержание позитивных взаимоотношений в коллективе класса; формирование навыков работы в команде; снижение психологической напряженности между педагогами и проблемными обучающимися; формирование навыков конструктивного общения
Тренинги по обучению саморегуляции и самокоррекции поведенческих стратегий старших подростков	расширение неагрессивного поведенческого репертуара; коррекция поведения в микрогруппах; развитие навыков самонаблюдения (интроспекции)	ролевые игры; упражнения по саморегуляции; психотехники преодоления и снятия стресса; упражнения по самокоррекции; метод косвенного внушения; групповая дискуссия	снижение негативной конфликтности в процессе учебной деятельности старшеклассников; повышение стрессоустойчивости к внешним негативным воздействиям; трансформация негативной агрессивной энергии в социально одобряемые действия и поступки

Заключение

Посредством общения подросток удовлетворяет как биогенные, так и социоген-

ные потребности. Именно полноценное общение создает эмоциональный комфортный фон, столь необходимый для

нормального развития личности. Демонстрация агрессивного поведения в школе может являться следствием психологического дискомфорта от чрезмерно императивного коммуницирования, а также асоциальной мотивации членов семьи или близких родственников, которые целенаправленно воспитывают детей в духе правового нигилизма, отрицания существующих законодательно закрепленных норм и правил, культивирования потребительского эгоцентричного подхода к участию в общественной жизни. Такие семьи потенциально дисфункциональны с точки зрения педагогической составляющей на этапе первичной возрастной социализации. В свою очередь, ошибки воспитания приводят к возникновению личностных психологических проблем в период формирования Я-концепции подростка; статусно-ролевые конфликты, неадекватная самооценка, стирание границ между сетевыми и живыми коммуникациями, наличие комплекса неполноценности, установка на конфликтное агрессивное общение в случае любого несогласия с собственной позицией, когнитивный диссонанс, низкий уровень развития эмоционального и социального интеллекта.

Если взросление такого подростка проходило в семье с авторитарным стилем воспитания, то в дальнейшем сценарии межличностного взаимодействия с большой долей вероятности будет прослеживаться негативная тенденция закрепления агрессивных поведенческих паттернов и формирование соответствующих черт характера. Возможен и прямо противоположный эффект, когда к моменту совершеннолетия старший школьник проявляет крайнюю закомплексованность, тревожность и максимально невротизирован. Ошибки семейного и школьного воспитания создают прецедент для развития конфликтной ситуации, которая дает начало психологической и нравственной деформации личности подростка.

Таким образом, можно обозначить магистральное направление системной психолого-педагогической работы, необходимой для успешной адаптации

обучающихся с агрессивным отклоняющимся поведением и стратегически ориентированной на формирование у старшеклассников адекватного образа «Я», что позволит им пересмотреть жизненные ценности, определить путь дальнейшего профессионального развития, скорректировать самооценку, наладить межличностные контакты, исключая постоянную демонстрацию агрессивных проявлений.

Литература

1. Беличева С. А., Белинская А.Б. Социально-педагогическая диагностика и сопровождение социализации несовершеннолетних. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2021. – 304 с.
2. Бочанцева Л.И. Влияние социально-психологического тренинга на развитие коммуникативных способностей старшеклассников с агрессивным поведением // Проблемы современного образования. 2018. № 3. С. 68–79.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
4. Дробот Д. А., Митичева Т.И. Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения подростков из неблагополучных семей // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2016. № 1 (16). С. 32–36.
5. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. – М.: РОССПЭН, 2014. – 493 с.
6. Ефимова Т.В., Береснева А.Г. Интернет и подростковая агрессивность: грани проблемы // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 8 (64). С. 108–116.
7. Коган Е.А., Пономарева Д.И. Опыт организации научно-исследовательских кружков в школах как направление профориентационной работы кафедры вуза // Высшее образование в России. 2020. т. 29. № 10. С. 135–143.
8. Кочнева Л.В., Пономарева Д.И. Исследование карьерных предпочтений как условие развития профес-

- сионального самосознания студентов технических и гуманитарных факультетов вузов // Инициативы XXI века. 2018. № 3–4. С. 74–76.
9. Пономарева Д.И., Пономарева Е.А. Социально-психологические факторы формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. т. 7. № 1а. С. 14–21.
 10. Пономарева Е.А., Пономарева Д.И. Комплексная программа профилактики агрессивного поведения и психологической коррекции личности подростков-делинквентов// Современные психолого-педагогические подходы к воспитанию терпимости и социальной компетентности по преодолению асоциального поведения в условиях интегрированного школьного образования. – М.: Перо, 2016. С. 73–79.
 11. Пономарева Е.А., Пономарева Д.И. Психологические аспекты стресс-менеджмента в профессиональной деятельности педагогов высшей школы // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. в 2-х частях. Научный редактор В.И. Казаренков. – М.: РУДН, 2018. С. 408–411.
 12. Пономарева Е.А., Пономарева Д.И., Афонская Т.А. Особенности личностной детерминации и коррекция агрессивности подростков// Системная психология и социология. 2018. № 1 (25). С. 26–35.
 13. Руководство практического психолога. Психолог в школе: практ. пособие / Под ред. И.В. Дубровиной. – 2-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2018. – 255 с.
 14. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. – М.: Инфра-М, 2011. – 245с.
 15. Фахрадова Л.Н., Барсуков В.Н., Смолева В.О., Разварина И.Н. Профилактика и коррекция девиантного поведения несовершеннолетних на уровне образовательной организации // Проблемы развития территории. Вып.2 (82). 2016. С. 123–136.
 16. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб: Питер, 2003. – 860 с.
 17. Шингаев С.М. Эмоциональный интеллект как фактор успеха современного педагога // Человеческий фактор. Социальный психолог. Ярославль. 2018. № 1. С. 199–208.
 18. Buss A.H. The psychology of aggression. N. Y.: Wiley, 1961. – 307 p.
 19. Robins L.N. The consequences of conduct disorder. – In: Development of antisocial and prosocial behavior. Research, theories and issues. D. Olweus, J. Block, M. Radke-Yarrow Eds. – Florida, 1986. – pp.227–259.

PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

Ponomareva D.I.

Moscow Aviation Institute (National Research University)

The article reveals the main categories of destructive behavior of aggressive high school students. The social and psychological factors of the occurrence of negative aggressiveness in the process of upbringing and training are analyzed. Aggressive behavior is considered primarily from the point of view of the destabilizing influence on the process of building interpersonal communications, the completion of the formation of the Self-concept of personality, the transition to the youthful stage of adulthood. The role of a teenager's self-esteem in the development of emotional intelligence is shown. The trends of modern education dictate the need for expanded cooperation in the «school-university» system. In addition to conducting one-time career guidance events, the circle work of higher school teachers on the basis of various educational platforms (including distance technology) can become an important preparatory, adaptive period for the preparation of future applicants. In particular, this direction is relevant for the formation of school graduates' skills of constructive business communication, managing their emotions and behavior. The author provides a justification for the need for comprehensive

psychological and pedagogical support of students with an aggressive delinquent behavioral vector in the framework of the implementation of training programs in the system of additional education.

Keywords: aggressive behavior, delinquent behavior, psychological prevention, high school students, interpersonal communication, career guidance, additional education.

References

1. Belicheva S. A., Belinskaya A.B. Socio-pedagogical diagnostics and support of socialization of minors. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt, 2021. – 304 p.
2. Bochantseva L.I. The influence of socio-psychological training on the development of communicative abilities of high school students with aggressive behavior // Problems of modern education. 2018. No. 3. pp. 68–79.
3. Baron R., Richardson D. Aggression. – St. Petersburg: Peter, 2001–352 p.
4. Drobot D. A., Miticheva T.I. Psychological and pedagogical prevention of deviant behavior of adolescents from disadvantaged families // Science of the 21st century: questions, hypotheses, answers. 2016. No. 1 (16). pp. 32–36.
5. Enikolopov S. N., Kuznetsova Yu. M., Chudova N.V. Aggression in everyday life. – Moscow: ROSSPEN, 2014. – 493 p.
6. Efimova T. V., Beresneva A.G. Internet and adolescent aggressiveness: facets of the problem // Modern studies of social problems. 2016. No. 8 (64). pp. 108–116.
7. Kogan E. A., Ponomareva D.I. The experience of organizing research circles in schools as a direction of career guidance work of the university department // Higher education in Russia. 2020. vol. 29. No. 10. pp. 135–143.
8. Kochneva L. V., Ponomareva D.I. Research of career preferences as a condition for the development of professional self-awareness of students of technical and humanitarian faculties of universities // Initiatives of the XXI century. 2018. No. 3–4. pp. 74–76.
9. Ponomareva D. I., Ponomareva E.A. Socio-psychological factors of the formation of deviant behavior of minors // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2018. vol. 7. No. 1a. pp. 14–21.
10. Ponomareva E. A., Ponomareva D.I. Comprehensive program for the prevention of aggressive behavior and psychological correction of the personality of delinquent adolescents // Modern psychological and pedagogical approaches to the education of tolerance and social competence to overcome antisocial behavior in the conditions of integrated school education. – M.: Pero, 2016. pp. 73–79.
11. Ponomareva E. A., Ponomareva D.I. Psychological aspects of stress management in the professional activity of teachers of higher school // Higher school: experience, problems, prospects. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. in 2 parts. Scientific editor V.I. Kazarenkov. – M.: RUDN, 2018. pp. 408–411.
12. Ponomareva E. A., Ponomareva D.I., Afonskaya T.A. Features of personal determination and correction of aggressiveness of adolescents // Systems psychology and sociology. 2018. No. 1 (25). pp. 26–35.
13. The guide of a practical psychologist. Psychologist at school: practice. stipend / Edited by I.V. Dubrovina. – 2nd ed., ispr. – Moscow: Yurayt, 2018–255 p.
14. Semenyuk L.M. Psychological features of aggressive behavior of adolescents and conditions for its correction. – M.: Infra-M, 2011–245 p.
15. Fakhradova L. N., Barsukov V.N., Smoleva V.O., Razvarina I.N. Prevention and correction of deviant behavior of minors at the level of an educational organization // Problems of territory development. Issue 2 (82). 2016. pp. 123–136.
16. Heckhausen H. Motivation and activity. – St. Petersburg: Peter, 2003–860 p.
17. Shingaev S.M. Emotional intelligence as a success factor of a modern teacher // Human factor. A social psychologist. Yaroslavl. 2018. No. 1. pp. 199–208.
18. Buss A.H. The psychology of aggression. N. Y.: Wiley, 1961. – 307 p.
19. Robins L.N. The consequences of conduct disorder. – In: Development of antisocial and prosocial behavior. Research, theories and issues. D. Olweus, J. Block, M. Radke-Yarrow Eds. – Florida, 1986. – pp.227–259.

Влияние пандемии коронавируса на деятельность благотворительных организаций в Сибири

Семикова Маргарита Александровна,

аспирант Новосибирского государственного
технического университета

E-mail: semikova@sozvezdieserdec.ru

В условиях пандемии коронавируса некоммерческие организации столкнулись с новыми вызовами, угрожающими их устойчивости. Меры по профилактике коронавирусной инфекции оказали значительное влияние на содержание и виды деятельности некоммерческих организаций, заставили изменить технологии оказания помощи подопечным, вызвали необходимость изменения организационных структур организаций и повышения их цифровизации. Объектом исследования данной статьи являются некоммерческие организации Сибирского федерального округа. Исследования проводились методом неструктурированного интервью. Интервьюерами выступили эксперты и лидеры общественного мнения Сибири (N=120). В результате исследования было выявлено общность мнений о появлении новых видов подопечных, ранее никогда не обращавшихся в НКО и, несмотря на появление новых технологий и цифровизации, многие отметили применение устаревших технологий, ранее признанными неэффективными. В заключении работы показано, что пандемия коронавируса стала причиной качественного роста.

Ключевые слова: благотворительные фонды, некоммерческие организации, региональная специфика, кризис, пандемия, COVID-19.

Некоммерческие организации России переживают кризис, вызванный социально-экономическими последствиями пандемии коронавируса и мерами его профилактики. Ранее значимые чрезвычайные ситуации носили локальный характер, например, наводнение в Крымске в 2012 году, многочисленные пожары в отдельных регионах в 2018–2019 годах (Приморский край, Республика Хакасия и другие), разлив нефти в Норильске 2020 году. Некоммерческие организации и гражданский сектор объединялись и оказывали значительную помощь пострадавшим регионам. Отличительная черта чрезвычайной ситуации с коронавирусом заключается в синхронности его появления во всех регионах страны и, как следствие, масштабном изменении экономической ситуации, которая оказала негативное воздействие на некоммерческие организации, особенно в регионах.

Цель данного исследования – изучить влияние кризиса, вызванного пандемией коронавируса, на деятельность некоммерческих организаций Сибирского федерального округа. В научных публикациях до пандемии было представлено множество исследований некоммерческого сектора на федеральном уровне (в целом по России), из таких комплексных работ можно отметить анализ Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ, который проводит ежегодно мониторинги состояния гражданского общества [1], ежегодные исследования Форума Доноров [2,3,4], фонда КАФ [5]. Однако последние региональные исследования [6] охватывали не все регионы.

Поскольку некоммерческие организации не однородны по целям деятельности (в их состав входят и благотворительные фонды, и общественные объединения, и садоводческие товари-

щества, и политические партии и т.п.), то в фокусе исследования будут социально ориентированные НКО.

Исследование проводилось в 2 этапа: 1 этап – в мае 2020 года (начало пандемии и мер по самоизоляции) и 2 этап – в мае 2021 года (блок вопросов, посвященный промежуточным последствиям коронавирусной пандемии для НКО, возможным зонам роста).

Респонденты назвали основными следствиями коронавирусной пандемии следующие изменения, табл. 1.

Таблица 1. Основные следствия коронавирусной пандемии для организации

1	Прекращение работы организации полностью, из них по причине:	33%
1.1.	невозможности предоставления услуг НКО	70%
1.2.	невозможности получения услуг со стороны благополучателей	30%
2	Работа организации продолжается с изменениями:	57%
2.1.	перевод формы предоставления услуг с офлайн формата в онлайн	65%
2.2.	изменение целевой группы благополучателей услуг НКО	28%
2.3.	изменение объема оказанных услуг	23%
2.4.	сокращение сотрудников	7%
3	Изменилось количество пожертвований:	79%
3.1.	увеличилось пожертвования	13%
3.2.	уменьшились пожертвования	84%
3.3.	без изменений	3%
4	Размер уменьшения объема пожертвований:	84%
4.1.	менее 30%	21%
4.2.	от 31–60%	14%
4.3.	от 61–80%	56%
4.4.	от 80–100%	9%
5	Уменьшился объем пожертвований, в связи с чем:	84%
5.1.	сократили сотрудников	2%
5.2.	сократили количество мероприятий и/или программ	84%
5.3.	сократили количество благополучателей	15%
5.4.	перепрофилировали деятельность организации	8%

Окончание

5.5.	не сказалось на организации	1%
6.	Увеличился объем пожертвования, в связи с чем:	13%
6.1.	увеличили количество оказанных услуг	74%
6.2.	привлекли новую целевую группу благополучателей	26%
6.3.	оставили всё без изменений	15%
7	Изменилось количество волонтеров	54%
7.1.	уменьшилось количество регулярных волонтеров	84%
7.2.	увеличилось количество разовых волонтеров	57%

Уточнение о приведенных результатах в отчете: сумма процентов в таблице не всегда равна 100%, т.к. в большинстве вопросов респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Наибольший ущерб был нанесен НКО, предоставляющие услуги «человек-человек», т.к. из-за мер профилактики коронавирусной инфекции был ограничен доступ НКО к благополучателям. Например, учреждения не принимали волонтеров для общения с подопечными, спортивные организации не могли проводить массовые спортивные мероприятия, не реализовывались творческие проекты из-за отмены концертов. Часть организаций не смогли обеспечить благополучателей средствами связи для онлайн-взаимодействия, в связи с чем предоставление услуг стало невозможным. Часть ветеранских и пациентских организаций из-за нахождения сотрудников и благополучателей в повышенной группе риска заражения коронавирусом прекратили деятельность полностью.

У значительного количества респондентов уменьшился объем пожертвований на 60%-80%, увеличить же объем пожертвования смогли 13% респондентов. Из их комментариев следует, что увеличение произошло в основном за счет привлечения новой целевой группы благополучателей, «популярных» в пандемию (врачи, медицинские учреждения), либо за счет применения новых технологий привлечения средств, не использованных ранее (онлайн-

акции, стримы, участие на фандрайзинговых платформах и прочее). Помимо привлечения популярных в пандемию целевых групп большинство респондентов отмечает расширение состава благополучателей за счет граждан, которые ранее никогда не прибегали к помощи НКО, но из-за мер противодействия пандемии они лишились работы и не смогли, например, оплачивать съемные квартиры, содержать детей и прочее. Часть респондентов отмечает, что их работа возвращается к старым технологиям в виде раздачи гуманитарной помощи (продукты питания, лекарства и пр.), как мере первоочередной помощи в чрезвычайной экономической ситуации, что, безусловно, является шагом назад.

Особого внимания требует ситуация с волонтерами: респонденты отмечают, что увеличилось количество разовых волонтеров, люди готовы один-два раза доставить продуктовый набор или отвезти обед врачам. Как правило, эти волонтеры не обладают профессиональными компетенциями в части социального волонтерства. В тоже время, из-за длительного закрытия социальных и медицинских учреждений, «простаивают» волонтеры, которые регулярно ходили в учреждения, выстраивали длительные коммуникации с благополучателями и обладали профессиональными компетенциями по социальному волонтерству (например, если волонтер посещал хоспис, то он умеет ухаживать за лежачими людьми, прошел обучение, приобрел специальную компетенцию). Длительное ограничение на доступ в учреждения заставляет таких волонтеров, как проактивных людей, искать другое времяпровождение, новые интересы и хобби. Респонденты отмечают опасность такой ситуации и строят прогнозы на осложнение в будущем ситуации с регулярными волонтерами (их придется привлекать «с нуля», заново выстраивать систему социального волонтерства).

Респонденты ответили, какие меры поддержки для организаций были бы предпочтительными, таблица 2.

Таблица 2. Предпочтительные меры поддержки для организаций

Меры финансовой поддержки	63%
Информационная поддержка	26%
Помощь в приобретении оборудования	4%
Помощь в повышении компетенций сотрудников	93%
Сокращение налогов	58%
Отмена обязательных аудиторских проверок	12%

Отметим, что подавляющее количество респондентов отметили приоритетной мерой поддержки помощь в повышении компетенций сотрудников, наиболее часто упоминались в ответах помощь в цифровизации технологий, изменении организационной структуры, новые каналы коммуникаций и прочее. НКО понимают, что невозможно противостоять изменившейся ситуации без внедрения новых качественных технологий в организации.

На втором месте по привлекательности для респондентов стоит финансовая поддержка НКО, а именно: помощь в привлечении средств на проекты, помощь с оплатой постоянных платежей (банк, аренда, коммунальные платежи), софинансирование части расходов на фандрайзинг (респонденты отметили в своих комментариях, что в связи с кризисом бизнес стал меньше оказывать бесплатных услуг НКО, из-за чего возросли расходы на фандрайзинг), софинансирование оплаты труда сотрудников. 58% респондентов отметили меру по отмене налогов в основные фонды (государство предоставило эту льготу в мае 2020 года).

Респонденты отметили, что в части финансовой поддержки наиболее привлекательными источниками поступления средств для них служат, табл. 3.

68% респондентов отмечает, что наиболее прозрачным источником финансовой поддержки, с их точки зрения, является Фонд президентских грантов, наименее привлекательной – платформа Добро.Мейл, т.к. она имеет значительные ограничения по приему новых участников (речь о сроках подачи зая-

вок, а не только о верификации). Большинство респондентов отметили внутрисекторную поддержку, которую организовал Фонд Владимира Потанина в период пандемии. Подавляющее количество респондентов в комментариях признают, что устойчивость НКО – в массовых частных пожертвованиях, но отмечают невозможность получения быстрых результатов при развитии системы сбора частных пожертвований с «ноля» (что придется делать большинству организаций, участвовавших в опросе). Также респонденты отмечают, что низкая привлекательность пожертвований от бизнеса компаний связана с пониманием экономической ситуации, положения бизнеса, сокращением бюджетов, а не в связи с отказом от пожертвований.

Таблица 3. Источники финансовой поддержки

Конкурс Фонда президентских грантов	68%
Конкурс БФ Владимира Потанина	37%
Конкурс БФ Елены и Геннадия Тимченко	24%
Платформа Нужна помощь	33%
Платформа Добро.Мейл	1%
Пожертвования компаний	5%
Частные массовые пожертвования	19%
Региональные гранты и субсидии	8%

Участники исследования отметили, что пандемия коронавируса стала для организаций не только периодом тяжелых вызовов, но и послужила качественным трамплином для развития, т.к. иначе невозможно было противостоять новым реалиям.

Пандемия коронавируса оказала существенное влияние на благотворительные организации в Сибирском федеральном округе. Результаты исследования показывают, что изменилась и форма предоставления услуг, и технологии привлечения средств, произошла мобилизация ресурсов. Пандемия показала ценность цифровизации НКО и новых технологий, без внедрения которых региональным НКО невозможно в дальнейшем функционировать.

Ключевые «точки роста» НКО, табл. 4.

Таблица 4. Ключевые точки роста в НКО из-за пандемии

Развитие системы частных массовых пожертвований	45%
Новая организационная структура НКО	67%
Разработана новая стратегия фандрайзинга	24%
Цифровизация технологий	58%
Повышение компетентности сотрудников	53%
Новые программы и/или новые целевые группы благополучателей	68%
Более активное участие в грантовых конкурсах	33%
Повышение прозрачности НКО через сайт и социальные сети	47%

Литература

1. Центр исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://grans.hse.ru/> Дата обращения: 05.06.2021
2. Форум Доноров. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://www.donorsforum.ru/projects/rejting-informatsionnoj-otkrytosti/> Дата обращения: 05.06.2021
3. Форум Доноров. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://www.donorsforum.ru/projects/lkb/> Дата обращения: 05.06.2021
4. Форум Доноров. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://www.donorsforum.ru/projects/tochka-otschyota/pobediteli/pobediteli-2020/> Дата обращения: 05.06.2021
5. Фонд «КАФ». Исследования. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://cafrussia.ru/research.html> Дата обращения: 05.06.2021
6. Акаев Д.В. Состояние и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций Саратовской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 210–221. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-5-210-221.

INFLUENCE OF CORONAVIRUS PANDEMIC ON ACTIVITIES OF CHARITY ORGANIZATIONS IN SIBERIA

Semikova M.A.

Novosibirsk State Technical University

In the context of the coronavirus pandemic, non-profit organizations are faced with new challenges that threaten their sustainability. Measures to prevent coronavirus infection have had a significant impact on the content and activities of non-profit organizations, forced to change the technologies for providing care to wards, caused the need to change the organizational structures of organizations and increase their digitalization. The object of this article is the non-profit organizations of the Siberian Federal District. The research was carried out using the unstructured interview method. Experts and leaders of public opinion in Siberia (N = 120) acted as interviewers. As a result of the study, a common opinion was revealed about the emergence of new types of wards who had never previously applied to NPOs and, despite the emergence of new technologies and digitalization, many noted the use of outdated technologies that were previously recognized as ineffective. In the conclusion of the work, it was shown that the coronavirus pandemic caused a qualitative growth.

Key words: charity foundations, nonprofit organizations, regional specifics, crisis, pandemic, COVID-19.

References

1. The Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics. [Electronic resource]. –Mode of access: <https://grans.hse.ru/> Data of access:: 05.06.2021
2. Donors'Forum. [Electronic resource]. –Mode of access: <https://www.donorsforum.ru/projects/rejting-informatsionnoj-otkrytosti/> Data of access: 05.06.2021
3. Donors'Forum. [Electronic resource]. –Mode of access: <https://www.donorsforum.ru/projects/lkb/> Data of access:: 05.06.2021
4. Donors'Forum. [Electronic resource]. –Mode of access: <https://www.donorsforum.ru/projects/tochka-otschyota/pobediteli/pobediteli-2020/> Data of access: 05.06.2021
5. Charitable Foundation for the Development of Philanthropy "CAF» [Electronic resource]. –Mode of access: <http://cafrussia.ru/research.html> Data of access: 05.06.2021
6. Akaev D.B. The state and problems of development of socially oriented non-profit organizations of the Saratov region / Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2019. Vol. 14. No. 5. pp. 210–221. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-5-210-221.

Проблемы урбанизации в современном Китае и направления их решения

Чжан Цзе,

аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: galya66888@mail.ru

В статье рассмотрены современные проблемы урбанизации как результата ускоренного экономического развития китайского общества. Рассматривая динамику развития урбанизационных процессов, автор выделяет острые проблемы, являющиеся следствием активизации переселения сел и деревень в города.

Демографические проблемы, связанные с отсутствием социальной инфраструктуры для обеспечения одновременного проживания большого потока сельского населения, разрывом между мигрирующим сельским и городским населением, обострение проблемы бедности, нарушение экологического баланса в городской экосистеме, нехватка энергетических и водных ресурсов, проблемы в развитии села, включая замедление процессов воспроизводства важных продуктов питания, которое ведет к нарушению устойчивости продуктовой безопасности страны, превращение деревень в пустоши, разрушение инфраструктуры сел приводят к ухудшению благосостояния населения Китая. Это и многие другие проблемы, вызванные урбанизацией, обусловили необходимость поиска направлений их решения, которые были сформулированы автором в статье.

Целью статьи является выявить проблемы урбанизации в современном Китае и предложить направления их решения. Научная новизна статьи сводится к тому, что в ней на основе социального-экономических показателей дана оценка современному состоянию урбанизации в Китае, выявлены проблемы. Результаты статьи имеют практическую значимость и могут быть использованы как рекомендации по предотвращению и решению проблем урбанизации в развивающихся странах.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, миграция, бедность, городская экосистема, Китай.

После проведения реформы и открытости Китай пережил крупнейший в мировой истории процесс урбанизации. В отличие от других стран, процесс урбанизации Китая находится под сильным влиянием политического руководства и осуществляется в контексте экономических преобразований и модернизации. С 1978 г. процесс урбанизации прошел три стадии развития.

Первая стадия развития связана с формированием процесса урбанизации в Китае. На Государственном совете в начале 1978 г. были приняты «Рекомендации по укреплению строительства городов», в которых был взят курс на активное развитие средних городов и поселков [6]. В соответствии с реформой сельской местности, которая была принята в декабре того же года, население деревень начало перемещаться в поселки, что стало началом урбанизационных процессов в Китае. В мае 1990 г. было принято «Временное положение о передаче государственных прав на землепользование в городах и поселках КНР» [2], которое стимулировало урбанизацию в Китае, а средства, получаемые от платного использования земель, фактически стали важным финансовым источником содействия урбанизации.

Вторая стадия была связана с пересмотром руководящих принципов городского планирования и реализацией стратегии урбанизации. В 2001 г., согласно «Плану десятой пятилетки», стратегия урбанизации получила статус национальной [4]. В 2006 г. в «Плане одиннадцатой пятилетки» [5] вновь было подчеркнуто активное продвижение урбанизации.

В 2012 г. в докладе 18-го Национального конгресса КПК Китая впервые было предложено перейти на новый путь урбанизации с китайской спецификой. В 2013 г. ЦК КПК опубликовал «Новый план национальной урбаниза-

ции (на 2014–2020 гг.)», в котором разъясняет конкретное содержание нового пути урбанизации с китайскими характеристиками, и вновь подчеркивается важность урбанизации для экономического и социального развития [9]. Таким образом, руководство Китая с 1978 г. определило, что урбанизация – это обязательный процесс, сопровождающий экономическое развитие страны. Поэ-

тому китайским правительством было уделено особое внимание урбанизации, которое продолжает сохраняться и в наши дни.

В настоящее время доля городского населения значительно увеличилась. Динамика структуры населения в период 2009–2019 гг. представлена на рисунке 1.

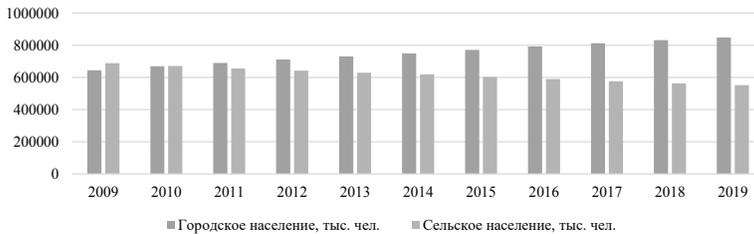

Рис. 1. Динамика урбанизации в Китае в 2009–2019 гг., тыс. чел. [7]

Как видно из рисунка 1, в период с 2009 по 2019 г. численность городского населения в Китае возросла с 645120 тыс. чел. до 848430 тыс. чел. в 2019 г. Это позволяет сделать вывод об активной урбанизации, происходящей в современном китайском обществе.

Несмотря на то, что урбанизация способствует экономическому росту страны, данный процесс достаточно противоречив и включает в себе ряд проблем, которые достаточно остро стоят в современном Китае. Рассмотрим эти проблемы далее.

Урбанизация в современном Китае приводит к существованию различных проблем, которые негативно влияют на благополучие общества.

Во-первых, в процессе урбанизации возникают демографические проблемы. К ним относятся:

- отсутствие условий в городах для одновременного проживания большого количества сельского населения, ведущее к снижению качества жизни городского населения;
- действующая система регистрации домохозяйств («хукоу») не позволяет потомкам сельских жителей получить высококачественное образование при проживании в городе, тем

самым повышая остроту проблемы неравенства населения.

Большинство городов Китая не обладают условиями, в которых могли бы принять большой поток мигрирующих из сельской местности людей. Это проявляется в нехватке рабочих мест, жилья, образовательных учреждений, рассчитанных на прибывающее сельское население [10]. В результате большое давление на города, имеющие недостаточно развитую инфраструктуру и плохие жилищные условия, приводит к негативному влиянию на устойчивое развитие городов.

Согласно принципам существующей в Китае системы регистрации городских и сельских домохозяйств, сельское население, проживающее в городе, отделяется от городского [3]. Это не позволяет детям выходцев из села, проживая в городе, получать такое же качественное образование, как и получают дети горожан, а также оказывает влияние на систему занятости, социальное обеспечение, систему жилищного строительства. В результате на протяжении многих лет проживая в городе и внося свой вклад в развитие его экономики, сельский житель не может получить равные городскому жителю права на гарантированное социаль-

ное обеспечение, что приводит к ощущению сельских жителей отчужденными от города.

Во-вторых, урбанизация в Китае приводит к обострению проблемы бедности.

В настоящее время экономическое развитие Китая находится в переход-

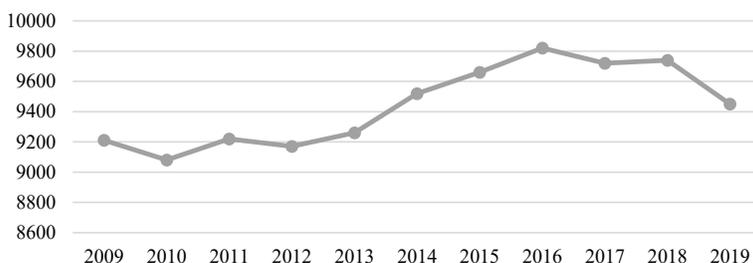

Рис. 2. Динамика безработицы в городе в 2009–2019 гг. [7]

Неполная система социального обеспечения является еще одним важным фактором, приводящим к усугублению городской бедности [10]. Из-за отсутствия эффективной системы страхования на случай безработицы большинство уволенных и безработных не получают базового обеспечения жизни. В результате, огромные расходы на жизнеобеспечение способствуют тому, что люди попадают в долгосрочную нищету. Это приводит к снижению качества жизни сельского населения, мигрирующего в города, оно становится дном общества и наиболее уязвимой социальной группой в городе, масштаб которой постоянно растет.

И, наконец, развитие процессов урбанизации негативно влияет на состояние села в Китае.

Перекоп баланса урбанистического и сельского населения в сторону первого приводит к тому, что развитие сельского хозяйства прекращает свое развитие, тем самым замедляются процессы воспроизводства важных продуктов питания (нарушается устойчивость продуктовой безопасности страны). В деревнях снижается количество трудовых ресурсов, необходимых для возделывания земель.

Отток молодежи из сел и деревень приводит к тому, что села и деревни

ном периоде и возникновение городской бедности является характерной особенностью этого периода. Рост уволенных работников в городе (рисунок 2) является основным фактором, приводящим к увеличению численности бедного городского населения.

превращаются в пустоши – значительная часть территорий просто становится непригодной для жизни, так как земли не возделываются и угодья становятся заброшенными.

В результате анализа были выделены три проблемы, для решения которых предлагается проведение следующих мероприятий.

Во-первых, решение демографических проблем требует совместных усилий сельского и городского правительства по регулированию роста населения и улучшению качества его жизни. Прежде всего, необходимо расширять возможности для трудоустройства излишков сельских трудовых ресурсов, мигрирующих в город. Необходимо реформировать систему регистрации городских домохозяйств и систему образования, чтобы устранить фундаментальные институциональные барьеры на пути получения детьми трудящихся-мигрантов базового образования, что позволит избежать явления неравных образовательных возможностей и лишения права на образование, вызванного несовершенными системами.

Во-вторых, к решению проблемы городской бедности, необходимо подходить в двух плоскостях – повышении безопасности жизни в городе и содействию роста занятости.

Прежде всего необходимо продолжить улучшение системы безопасности

жизни за счет расширения зоны безопасности и приспособления политики социального обеспечения к бедной части населения. Увеличение поддержки малоимущих, последующий рост уровня доходов малообеспеченных людей и постепенная корректировка существующей политики социального обеспечения в области пенсий и медицинского страхования с ориентацией на малообеспеченных людей, играют важную роль в сокращении разрыва между богатыми и бедными, а также совершенствует систему социального обеспечения, охватывающую всех работников общества, с тем чтобы все типы работников могли быть охвачены системой социальной защиты. Система социального обеспечения не должна ограничиваться городской и сельской идентичностью. Это не только повысит чувство безопасности работников, но и будет способствовать росту их энтузиазма.

Улучшение системы занятости предполагает разработку и усовершенствование законов и нормативных актов, гарантирующих занятость трудящихся-мигрантов, повышение занятости трудящихся-мигрантов до юридического уровня и использование законов, ограничивающих нарушения прав и интересов бедных, обеспечивая тем самым надежную систему для их трудоустройства. Расширение возможностей трудоустройства, улучшение возможностей предприятий по обмену избыточными трудовыми ресурсами, поиск новых производственных и операционных сфер занятости, позволят решить проблему занятости большего количества людей.

И наконец, для решения проблемы нехватки ресурсов необходимо принять стратегию «устойчивого развития».

Поскольку многие ресурсы ограничены, а часть из них и вовсе не подлежат возобновлению, необходимо разработать стратегию «устойчивого развития города», основным принципом которой будет являться равный приоритет при разработке и сохранении ресурсов.

Необходимо также обратить внимание на повышение урожайности сель-

скохозяйственных культур, значительный рост урожайности обрабатываемых земель и увеличение прибыли, стимулирующие развитие городов. Также необходимо обеспечить устойчивое использование водных и электрических ресурсов в целях построения энергосберегающего общества. Необходимо вести постоянный поиск новых более экологически менее вредных энергетических ресурсов, использовать природные источники энергии, такие как энергия ветра, солнечная энергия и другие.

В процессе урбанизации необходимо уделять внимание экономии воды, обеспечению баланса городских водных ресурсов, очистке и повторному использованию сточных вод, а также значительному улучшению использования ресурсов и удельной выработки энергии. Самым фундаментальным является восстановление и защита экологического баланса, содействие самовосстановлению потенциала окружающей среды, усиление средств защиты окружающей среды и в конечном итоге достижение гармоничного объединения жизненной среды, искусственной среды обитания и экологической среды.

Таким образом, в решении проблем урбанизации важная роль отводится государству. Вышеперечисленные проблемы взаимосвязаны, например, социальный разрыв между мигрирующим сельским и городским населением ведет к развитию бедности в городах, а проблемы развития села обуславливают проблему нехватки продовольствия в городах. Поэтому подходить к решению проблем урбанизации необходимо комплексно, создавая целостную систему, направленную на предотвращение последствий урбанизации, основанную на стратегии устойчивого развития города, осуществляющейся при сотрудничестве государства и местных органов власти городов и сел, которая предполагает контроль за миграционными потоками, создание эффективной системы трудоустройства в городах, реформирование системы регистрации городских домохозяйств, введение мер поддержки малоимущих

и модернизацию системы социального обеспечения пенсиями и медицинским страхованием, комплексное решение проблем экологии городов, вызванных ускоренной урбанизацией населения, рациональное использование энергетических и водных ресурсов.

Урбанизация является неотъемлемым процессом, сопутствующим экономическому развитию страны. Повышение плотности населения в городах и сокращение его в сельской местности в Китае в течение первых десятиков лет проведения реформ и открытости активно поддерживалось ЦК КПК. Однако в настоящее время проблемы, связанные с урбанизацией, включая социальный разрыв между мигрирующим сельским населением и городским, бедность, нарушение экологического баланса, дефицит ресурсов, проблемы развития села, стоят особенно остро. Решение проблем требует координированного сотрудничества государственной власти на разных уровнях, разработке и проведению реформ по модернизации системы трудоустройства, регистрации городских домохозяйств, системы образования, введение дополнительных мер государственной поддержки малоимущих, защиты интересов бедных на законодательном уровне. Также важно уделить внимание мероприятиям по восстановлению и снижению нагрузки на городскую экосистему, использованию альтернативных источников энергии. Решение проблем урбанизации необходимо и будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию Китая и повышению благополучия его населения.

Литература

1. Ван Цзуншуан. Исследование занятости потерявших землю фермеров в процессе новой урбанизации – на примере города Мингуан // Шина Чжоукан (Еженедельный вестник рынка). 2020. № 33 (09). С. 126–129.
2. Временное положение о передаче государственных прав на землепользование в городах и поселках КНР [Электронный ресурс] // Сайт управления Ухань. – Режим доступа: <http://gtghj.wuhan.gov.cn/dhkf/pc-353-707.html> (дата обращения 15.09.2020).
3. Ли Хуан. Исследование реформы системы регистрации домашних хозяйств в условиях новой урбанизации // Хэзо Цзинцзи юй Кэцзи (Кооперативная экономика и технологии). 2019. № 16. С. 118–121.
4. План десятой пятилетки (2001–2005) [Электронный ресурс] // Сайт Собрания народных представителей. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/jj125gh/2010-11/30/content_1628228.htm (дата обращения 15.09.2020).
5. План одиннадцатой пятилетки (2006–2010) [Электронный ресурс] // Сайт China Daily. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/syw/2010-12/03/content_11648146.htm (дата обращения 15.09.2020).
6. Рекомендации по укреплению строительства городов [Электронный ресурс] // Частная библиотека. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/15/1124/16/5896561_515493573.shtml (дата обращения 15.09.2020).
7. Статистика по годам [Электронный ресурс] // Сайт Национального бюро статистики КНР. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>. (дата обращения 15.09.2020).
8. Сюэ Минфу, Чэнь Цзянь. Проблемы сельскохозяйственной экологии в процессе новой урбанизации // Нунье Цзинцзи (Сельскохозяйственная экономика). 2020. № 10. С. 26–28.
9. У Ю. Урбанизация Китая в переходный период: процесс развития, анализ состояния и рекомендации по политике // Новые финансы. 2018. № 2. С. 26–29.
10. Фэн Куэй. Проблемы урбанизации Китая // Чэнсян Цзяншэ (Городское и сельское строительство). 2020. № 17. С. 6–9.
11. Чэнь Яньтин. Исследование влияния новой урбанизации на современную

менное состояние экологии // Журнал Нунция Цаньмоу (Сельский государственный советник). 2020. № 17. С. 287–288.

12. Sheng P., Zhai M., Zhang Y., Kamal M.A. The effects of urbanization on household wastewater emissions in china: Efficient- and inefficient-emissions // *Environmental Pollution*. 2020. № 267. P. 234–257.
13. Yuan Y., Wang M., Zhu Y., Huang X., Xiong X. Urbanization's effects on the urban-rural income gap in china: A meta-regression analysis // *Land use Policy*. 2020. № 99. P. 119–127.
14. Zhong C., Hu R., Wang M., Xue W., He L. The impact of urbanization on urban agriculture: Evidence from china // *Journal of Cleaner Production*. 2020. № 276. С. 122–132.

PROBLEMS OF URBANIZATION IN MODERN CHINA AND THEIR SOLUTION

Zhang Jie

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article discusses the current problems of urbanization as a result of the accelerated economic development of Chinese society. Considering the dynamics of the development of urbanization processes, the author identifies acute problems that are the result of intensified migration of villages and villages to cities.

Demographic problems associated with the lack of social infrastructure to ensure the simultaneous residence of a large flow of rural population, the gap between the migrant rural and urban population, aggravation of poverty, violation of the ecological balance in the urban ecosystem, lack of energy and water resources, problems in rural development, including slowdowns the reproduction of important food products, which leads to a violation of the stability of the country's food security, the transformation of villages into wastelands, and the destruction of rural infrastructure lead to a deterioration in the welfare of the Chinese population. This and many other problems caused by urbanization necessitated the search for directions for their solution, which were formulated by the author in the article.

The purpose of the article is to identify the problems of urbanization in modern China and suggest directions for their solution. The scientific

novelty of the article boils down to the fact that, on the basis of social and economic indicators, an assessment of the current state of urbanization in China is given, problems are identified. The results of the article are of practical importance and can be used as recommendations for the prevention and solution of urbanization problems in developing countries.

Keywords: urbanization, urban population, migration, poverty, urban ecosystem, China.

References

1. Wang Zongshuang. A study of the employment of farmers who have lost their land in the process of new urbanization – the example of the city of Minguan // *Shina Zhoukang* (Weekly Market Newsletter). 2020. No. 33 (09). S. 126–129.
2. Temporary regulation on the transfer of state rights to land use in cities and towns of the PRC [Electronic resource] // Wuhan administration website. – Access mode: <http://gtghj.wuhan.gov.cn/dhkf/pc-353-707.html> (date of access 09/15/2020).
3. Li Huang. Investigation of the reform of the household registration system in the context of new urbanization // *Hezo Jingji yu Keji* (Cooperative economy and technology). 2019. No. 16. S. 118–121.
4. Plan of the tenth five-year plan (2001–2005) [Electronic resource] // Site of the Assembly of People's Representatives. – Access mode: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/jj125gh/2010-11/30/content_1628228.htm (date of access 09/15/2020).
5. Plan for the eleventh five-year plan (2006–2010) [Electronic resource] // *Website China Daily*. – Access mode: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/syw/2010-12/03/content_11648146.htm (date of access 09/15/2020).
6. Recommendations for strengthening the construction of cities [Electronic resource] // Private library. – Access mode: http://www.360doc.com/content/15/11/24/16/5896561_515493573.shtml (date of access 09/15/2020).
7. Statistics by years [Electronic resource] // Website of the National Bureau of Statistics of the PRC. – Access mode: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>. (date of treatment 09/15/2020).
8. Xue Mingfu, Chen Jian. Agricultural Ecology Problems in the Process of New Urbanization // *Nunye Jingji* (Agricultural Economics). 2020. No. 10. S. 26–28.

9. Wu Yu. Urbanization of China in the transition period: the development process, analysis of the state and policy recommendations // *New finance*. 2018. No. 2. S. 26–29.
10. Feng Kuei. Problems of urbanization in China // *Chengxiang Jianshe (Urban and Rural Construction)*. 2020. No. 17. P. 6–9.
11. Chen Yanting. Investigation of the impact of new urbanization on the current state of ecology // *Journal of Nunzia Tsanmou (Rural State Councilor)*. 2020. No. 17. S. 287–288.
12. Sheng P., Zhai M., Zhang Y., Kamal M.A. The effects of urbanization on household wastewater emissions in china: Efficient- and inefficient- emissions // *Environmental Pollution*. 2020. No. 267. R. 234–257.
13. Yuan Y., Wang M., Zhu Y., Huang X., Xiong X. Urbanization's effects on the urban-rural income gap in china: A meta-regression analysis // *Land use Policy*. 2020. No. 99. R. 119–127.
14. Zhong C., Hu R., Wang M., Xue W., He L. The impact of urbanization on urban agriculture: Evidence from china // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 276. S. 122–132.

Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashevrg@bk.ru

В статье проводится анализ трансформации общественного сознания под влиянием средств массовой информации. Показывается увеличение доли иррационализации общественного сознания и процессов социальной динамики общественного диалога в сторону субъективизма. На основе проведенных качественных исследований в 2019 и 2021 годах, делается вывод о глубинных трансформациях сознания россиян.

Ключевые слова: иррациональность, сознание, СМИ, трансформация, влияние, изменение.

СМИ – четвертая власть. Это утверждение стало аксиомой. Но полноценное влияние СМИ на образы и формы развития общественного сознания можно проследить через те иррациональные модели мышления, которые закладываются общественности через медийные ленты.

В ряде работ отечественных ученых прослеживается выявление основных форм воздействия СМИ на общественное сознание и конструируются социально одобряемые схемы этого процесса [1,3,5]. Отталкиваясь от данных работ, мы сформировали собственные гипотезы воздействия СМИ на иррациональные формы общественного сознания: через визуальные, текстовые и аудио сигналы проходит искаженная информация, но из-за многократного повторения и включения трех каналов коммуникации (зрение, слух и речь) происходит не критическое усвоение информации.

Для анализа социальных эффектов воздействия СМИ на общественное сознание мы провели два исследования – одно в 2019 году, второе в 2021 году. Оба исследования проводились в рамках качественной методологии – использовался экспертный опрос (журналистов, аналитиков, преподавателей, взаимодействующих со СМИ) – всего взято 12 интервью в 2019 году и 14 в 2021 году. Среди экспертов 60% мужчины и 40% женщины в возрасте от 30 до 60 лет, работающих в сфере взаимодействия со СМИ минимум 8 лет, все они проживают в разных городах РФ (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Иркутск, Хабаровск). Опрос проходил через zoom.

Также нами применялся контент-анализ публикаций. С его помощью мы выясняли основные смыслы, которые транслируются СМИ и смогли моделировать социальные эффекты данного

воздействия. Всего в анализе участвовало 3 всероссийских издания газет (учитывались как бумажные, та и электронные аналоги) – Аргументы и Факты, Комсомольская правда, Российская газета. А также мы анализировали информационную ленту ведущих телеканалов страны – ОРТ, РТР, НТВ. Все издание и телеканалы анализировались за рассматриваемый период с 2019 по 2021 годы. Безусловно, 2021 год еще не закончен, но полученные данные – говорят сами за себя весьма красноречиво. Показательные трансформации во всех основных рассматриваемых фокусах исследования.

В анализе материалов мы использовали транссимволический анализ, позволивший выявить объем и частоту публикаций или информационных сообщений за рассматриваемый периоды и выявить основные смыслы [2,4]. Нами ставился акцент на выявление когнитивных (существительные), аффективных (прилагательные) и деятельностных (глаголы) смыслов информационных сообщений СМИ, воздействующих на общественное сознание.

В рамках анализа экспертных интервью, нам удалось типологизировать способы воздействия: активные, умеренные и малоактивные стратегии.

К активным относятся такие способы воздействия на общественное сознание, которые ориентированы на все слои и группы населения; не заставляют задуматься, критично воспринять получаемую информацию; не обладают альтернативностью, они безапелляционны.

Для того чтобы не было несогласных – лучший способ запугать и примером тому могут быть постоянные хроники преступлений, терактов и прочих пугающих событий, которые держат в страхе всех и тех, кто обладает властью, деньгами и положением и тех, кто этого лишен. (А.В., аналитик, Тюмень, 55 лет).

С появлением телевидения и изменения целей печатных СМИ – с информирования, на прямое воздействие – поменялись и смыслы той информации,

что доносится. Она не дифференцируется по социальному или профессиональному, демографическому или гендерному признаку – она тотально поглощает всех и меняет их представление о себе и мире. (О.Д., писатель, Москва, 50 лет).

К умеренным мы отнесли те информационные сообщения, которые либо апеллируют к отдельным группам населения, либо предлагают условный выбор (из двух зол), либо выбор без выбора.

Сегодня смешно смотреть новостные ленты – там либо лежесобытия, либо иллюзии выборов без выбора, которые делаются для того, чтобы создать мнимость свободы, гражданской активности, свободы волеизъявления. По факту – это свобода, ограниченная теми рамками, что допустимы в зоне контроля власти, интересов корпораций или каких-то иных кругов силы. Сейчас у меня возникает некая теория заговора – но я скептически к ним отношусь, но в факте ограничения свободы в информационном пространстве уверен на все сто! (П.А., аналитик, Иркутск, 38 лет).

Язык – штука очень интересная, благодаря ему меняется то, что мы видим, чувствуем и понимаем. Современные СМИ умело пользуются им – формируя у отдельных социальных групп определенные установки, предпочтения, особенности поведения. Язык – это современная магия воздействия на сознание людей. И газеты, и телевидение активно это используют. А в последние тридцать лет еще и Интернет усилил данное воздействие, что еще более сделало население более податливым и ведомым (Л.Л., доктор филологических наук, профессор, Екатеринбург, 60 лет).

К малоактивным стратегиям мы отнесли те, которые опираются на узкую группу населения (представителей одной профессии, люди одного уровня образования, пола и т.д.), рассматривающийся как не имеющие права на что-либо (голоса, долга, чести, закона и т.д.).

Влиять на отдельные группы – значительно проще чем на все общество. Чтобы влиять сразу на всех – нужны глобальные страшилки – типа пандемии, терроризма, войны. А для локального, точечного воздействия – надо понимать страхи своей целевой аудитории и регулярно их подпитывать. Ничего выходящего за потребности и проблемы узкой части населения. Влиять на каждую группу по отдельности – конечный эффект не заставит себя ждать – для разных групп – своя боль, но все вместе будет ощущаться как всеобщая катастрофа. А такое население легко поддается убеждению, манипуляции и не критическому восприятию реальности (О.А., кандидат культурологических наук, журналист, Санкт-Петербург, 46 лет).

Работая с небольшими группами – легче найти их болевые точки. Манипулируя последними – всегда можно добиться нужных результатов. Этим пользуются политики во время предвыборной агитации, на это упирают бизнесмены, желая привлечь внимание к своему товару или услуге. Это рынок, где объектом воздействия выступает каждая социальная группа в отдельности. Механизмы воздействия могут быть как универсальными (мистификация, запугивание, лжесобытия и т.д.), так и узконаправленными, определяющими механизмы социального контроля и социального воздействия здесь и сейчас (Р.А., журналист, Новосибирск, 42 года).

Данную типологию мы применили к полученным данным в результате анализа печатных и телевизионных СМИ. В печатных СМИ мы выявили увеличение доли активных форм воздействия (с 1217 в 2019 году до 2976 в 2021 году), увеличения умеренных стратегий (с 1589 в 2019 году до 4211 в 2021 году) и существенного уменьшения малоактивных стратегий (с 1314 в 2019 году до 654 в 2021 году).

Те же тенденции видны и в телевизионных СМИ, только в еще более значимых пропорциях (с 4332 в 2019 году до 8765 в 2021 году), увеличения умеренных стратегий (с 3211 в 2019 году до 7443 в 2021 году) и существенного

уменьшения малоактивных стратегий (с 2431 в 2019 году до 986 в 2021 году).

Фактические данные подтверждают оценки экспертов, которые сводятся к тому, что интенсивность и качество воздействия на общественное сознание существенно растут и не поддаются контролю ни со стороны власти, ни со стороны общественности.

Если вы хотите понимать, что происходит в нашей стране – то я вам отвечаю: «отупливание». В газетах, на телевидении идет трансляция заведомо ложного, не проверенного, сенсационного материала, который может поднять рейтинги и просмотры, но не показывать истину, не показывать реальность таковой, какой она является. Эта так называемая подмена – реального мира на иллюзорный осуществляется с всеобщего согласия общественности. Большинство людей сами соглашаются на ее тиски, так как не видят других альтернатив развития. (О.А., доцент, кандидат филологических наук, факультета журналистики, Томск, 40 лет).

Общество стоит на грани катастрофы. И информационные потоки лжи и мнимых сенсаций кружат голову не только общественности, но и тем, кто это создает. Мы погрязли во лжи, и чтобы из нее вылезти, надо многое разрушить, чтобы потом жить заново. (Л.Л., аналитик, Москва, 35 лет).

Рассматривая материалы печатных и телевизионных СМИ, мы анализировали такие категории как: конспирологические теории, теории заговора, астрология, суеверия, чудеса. В таблице 1 представлена динамика изменения рассматриваемых категорий в 2019 и 2021 годах по объему (сумма в скобках) и по символическим категориям (смыслы курсивом).

Как видно из табл. в 2021 году в печатных СМИ когнитивные и аффективные символы существенно изменились – усилилась их деятельностная направленность (когнитивные символы: в 2021 году: *противостояние, активность, борьба*, тогда как в 2019 году: *теория заговора, ограничение, страх*); аффективные символы: в 2021 году:

глобальные, действующие, поглощающие, в 2019 году: *тотальная, полная, объемный*) Это категории знания и категории чувств – этот опыт трансформируется в реальное дело. На деятельнос-

тном уровне очевидных трансформаций за рассматриваемый период не произошло: в 2019 году: *растет, пугает, распространяется*, в 2021 году: *регулирует, усиливает, разрушает*.

Таблица 1. Категории трансформации с 2019 по 2021 гг. (в %)

Печатные СМИ				
Символы	Категории	2021г	Категории	2019г
Когнитивные символы	Противостояние	68,7	Теория заговора	62,1
	Активность	66,5	Ограничение	57,8
	Борьба	62,3	Страх	55,3
Аффективные символы	Глобальное	67,5	Тотальная	59,9
	Действующая	64,9	Полное	57,2
	Поглощающая	60,4	Объемный	52,4
Деятельностные символы	Регулирует	68,8	Растет	63,1
	Усиливает	64,2	Пугает	59,9
	Разрушает	61,1	Распространяется	57,6
Телевизионные СМИ				
Когнитивные символы	Развитие	63,8	Катастрофа	58,7
	Интенсив	61,1	Предательство	56,6
	Нагрузка	57,8	Сила	52,1
Аффективные символы	Интенсивное	59,9	Глобальная	54,4
	Изнурительный	58,2	Масштабное	53,1
	Длительная	56,5	Активная	50,2
Деятельностные символы	Изменяет	62,5	Разрушает	57,8
	Трансформирует	59,1	Формирует	56,2
	Выматывает	54,2	Моделирует	52,1

В телевизионных СМИ те же тенденции: когнитивные и аффективные символы также усилили активную деятельность составляющую: (когнитивные символы: в 2021 году: *развитие, интенсив, нагрузка*, тогда как в 2019 году: *катастрофа, предательство, сила*); аффективные символы: в 2021 году: *интенсивное, изнурительный, длительная*, в 2019 году: *глобальная, масштабное, активная*) Это категории знания и категории чувств – этот опыт трансформируется в реальное дело. На деятельностном уровне также равномерное внедрение активных действий в общественность через СМИ: в 2019 году: *разрушает, формирует, моделирует*,

в 2021 году: *изменяет, трансформирует и выматывает*.

Скорее всего пандемия 2020 года привела к полной переоценке информации, информационных потоков, что позволило вывести на новый уровень стратегии коммуникации и вместе с этим, стратегии социального взаимодействия. Также мы видим увеличение по контексту категорий, относящихся к иррациональному сознанию – что происходит усиление мистификации и конспирологичности данной информации.

Наши эксперты говорили о тех же процессах.

Теории заговоров в том или ином виде показываются по любому теле-

каналу, социальное устрашение через криминал или мистику также продвигается повсеместно. И как после этого мы сможем быть адекватными и нормальными людьми? (П.А., аналитик, Иркутск, 38 лет).

В масс-медиа транслируются различные формы социальной коммуникации, которые строятся на чуде, гадании, астропрогнозе, но не рациональном выборе и воле. В рамках больших данных – общественность все больше уходит от рациональности и все больше живет в мистическом, пралогическом мире. (Л.Л., доктор филологических наук, профессор, Екатеринбург, 60 лет).

По мнению экспертов, любое СМИ очень редко говорит правду, в лучшем случае полуправду или недосказанность. Так как ясность и четкость не порождает интереса к обсуждению, только смутность формулировок, неоднозначность трактовок и различные оговорки могут создать пространство для усиления иррациональных форм и стратегий взаимодействия в постпандемическом обществе.

Если СМИ начинает вещать правду – то это означает, что скоро ему ко-

нец. Сам принцип СМИ закладывается в умении преподносить новости и другие информационные события не однозначно, предоставляя слушателям самостоятельно домыслить и додумать – что под этим понимается, что делать и какие последствия будет иметь. (Р.А., журналист, Новосибирск, 42 года).

Само существование СМИ строится на наличии ложных, не проверенных фактах. Чем более грандиознее новость, тем меньше шансов что она реальна и тем больше шансов удержать внимание аудитории. (И.А., журналист, Санкт-Петербург, 42 года).

В табл. 2 преславна динамика увеличения общего распределения данных по изучаемым ресурсам СМИ и анализируемым иррациональным категориям. Эти данные подтверждают то, что в кризисные моменты нашей истории, во время личных жизненных кризисов обыватели чаще обращаются к иррациональному, поэтому воздействие на иррациональные стороны личности человека происходит повсеместно и положительно оценивается владельцами или управляющими печатных или видео СМИ.

Таблица 2. Количество упоминаний иррациональных форм конструирования общественного сознания в печатных и телевизионных СМИ (в шт.)

Категории анализа	Печатные СМИ		Телевизионные СМИ	
	2021 г	2019 г	2021 г	2019 г
Конспирологические теории	3456	2345	5436	4356
Теории заговора	3211	1256	4875	2764
Астрология	4567	3211	5865	3216
Суеверия	4321	2214	6578	3898
Чудеса	4797	2698	6935	5215

Люди верят в чудеса, особенно нужна эта вера тогда, когда все вокруг рушится, не устойчиво. Именно астрология, суеверия поддерживают многих на плаву, позволяя прожить еще один день, а потом еще и еще. Это один из способов надежды, которая укрепляет силу духа. СМИ этим пользуются – предлагая то, что надо и тем самым заручаются вниманием, а затем и кри-

тичностью тех, кто за этим смотрит или, кто это читает. (Д.Д., журналист, Хабаровск, 40 лет).

Иррациональность жизни строится на том, что многим проще врага увидеть во вне, чем признаться в собственном бездействии и безделии. Это наш удел. Я думаю, что в будущем теории заговора и конспирологические теории станут основой и условием нашей жиз-

ни. Даже сегодня статьи в газетах или сюжеты по ТВ приковывают внимание, даря ложные символы притягательности и успеха, воруют личное время общения с близкими, социальной коммуникации с теми и так как уже позже никогда не будет. (А.В., аналитик, Тюмень, 55 лет).

Объем внимания также нами рассматривался как критерий актуальности и вовлеченности аудитории в иррациональные схемы интерпретации реальности. Объем считался по уровням: высокий (выше 70%), средний (35–69%), низкий (до 34%) уровень поддержания интереса данным символическим конструктам (см. табл. 3.)

Таблица 3. Объем внимания к иррациональным формам конструирования общественного сознания в печатных и телевизионных СМИ (в %)

Категории анализа	Печатные СМИ		Телевизионные СМИ	
	2021г	2019г	2021г	2019г
Конспирологические теории	73,3	52,4	79,3	48,5
Теории заговора	64,6	41,8	69,4	44,9
Астрология	78,7	53,8	61,6	55,3
Суеверия	57,4	32,4	59,8	51,5
Чудеса	51,5	26,5	57,2	50,6

Смыслы, которые транслируют СМИ – определяют значимые сферы жизни, актуальные вопросы, проблемные моменты, которые увлекают аудиторию. Чем больше эмоциональных страстей и чем больше зритель или читатель себя узнает в аудитории, тем выше уровень доверия. Особенно, когда в эту информацию включается абсурдная, противоречащая здравому смыслу, иррациональная информация. Это приводит к нарушению общей картины мира, потере логики анализа информации и интерпретации происходящих событий. (О.Д., писатель, Москва, 50 лет).

Воздействие СМИ нельзя недооценивать, оно отсекает то, что не нужно, формирует новые образы, определяет важность, способно переключить внимание, может перевернуть смысл с ног на голову. И это все осуществляется без участия зрителя или читателя. Это всего лишь их работа – привлекать внимание аудитории и не давать им критически осмысливать то, что происходит в реальности. СМИ – создает зону иллюзий, в которую погружена большая часть страны. И чем дальше – тем

больше симулякров порождается в индустрии масс-медиа. (О.А., кандидат культурологических наук, журналист, Санкт-Петербург, 46 лет).

Проведенный анализ позволяет говорить о смещении смыслов, замене одних на другие, искусственном внимании на иррациональных формах мышления и сознания с целью переноса внимания с реальных, объективных событий на мнимые. Данное положение обусловлено потребностью постоянного поддержания интереса аудитории, манипулирования ее оценками, мыслями и, в конечном счете, поведением или отсутствием такового.

Также можно выявить основные методы СМИ, влияющие на иррациональность общественного сознания: искажение информации (недоговоренность или преувеличение), утаивание информации, манипуляция временем и местом события, ограничение источников альтернативных данных, подмена аргументов, сенсационность, создание лжесобытий, запугивание, упрощение, повторение т.д. также мы просили наших экспертов оценить данные методы по 10 бальной шкале, где 10 – макси-

мальное воздействие, 0 – минимальное. Ниже представлено сравнение данных за 2019 и 2021 годы. Разница не существенна, но имеет место быть (табл. 4).

Таблица 4. Методы усиления иррациональности общественного сознания в 2019 и 2021 гг. (в долях)

Методы воздействия	2021г	2019г
Искажение информации	8,7	8,2
Утаивание информации	7,9	6,8
Манипуляция временем и местом	7,4	7,1
Ограничение альтернативных источников	7,2	6,6
Подмена аргументов	6,8	6,2
Сенсационность	6,5	6,1
Создание лжесобытий	6,2	5,4
Запугивание	5,4	5,1
Упрощение	4,9	4,5
Повторение	4,4	4,1

Качественными методами воздействия на аудиторию что в печатных, что в телевизионных СМИ выступают разнообразные формы искажения информации, подмены аргументов, утаивания, упрощения или повторения информации в разных ситуациях и контекстах, что в целом производит впечатление тотального контроля и невозможности что-либо изменить, постоянную тревожность и готовность на все, лишь бы как-то изменить ситуацию. Ситуацию, которая искусственно нагнетена для данного эффекта. СМИ нельзя корить за это – это их хлеб, но вот за легковёрность аудитории – можно братья. Необходимо воспитывать критичность к любой информации, не поддаваться первым эмоциональным порывам, а более взвешенно подходить к тому информационному потоку, что нас окружает. (Л.А., аналитик, Санкт-Петербург, 42 года).

Безусловно, СМИ используют различные схемы манипуляции, сенсационности на пустом месте, формируют лжесобытия и так далее – это способ-

ствует постоянному нагнетанию ситуации вокруг одной проблемы, невозможности посмотреть шире и увидеть либо ее ничтожность, либо мнимость, либо наигранность. Более того, постоянная фиксация внимания общественности на предлагаемых процессах, явлениях и сферах – изменяет их фокус внимания, изменяет их оценки критичности и значимости и как следствие меняет их представление о самих себе, о жизни, меняет их ценности и мировоззрение. Итогом этого становится легко манипулируемая личность, которой относительно просто управлять – через тот же информационный ряд печатных и телевизионных СМИ. То же происходит и в масштабе социальных групп. (О.В., журналист, Москва, 35 лет).

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования – подтвердилась. Зрение, речь и слух – активизируясь под влиянием информационных лент масс-медиа создают ложные образы, опирающиеся на иррациональные стратегии объяснения реальности, уводящие представителей общественности в сторону от рационального и логичного способа осмысления мира. Иррациональность мышления зависит от того информационного насыщения, которое окружает обывателя в повседневной жизни. Печатные и телевизионные СМИ используют разнообразные методы привлечения внимания аудитории, что усиливает их иррациональные стратегии аргументации.

Также, важным элементом выступают символы, вокруг которых фокусируется внимание СМИ, а, следовательно, и влияние общественности. Эти символы как раз и указывают на объективные, реальные события или субъективные иррациональные формы и образы, способные создавать иллюзорные миры, придуманные реальности и не существующие проблемы. То, что население будет жить именно этими нереальными идеями – даст им иллюзию свободы, иллюзию выбора, иллюзию жизни. Что по факту будет прямым противоположным процессом. Но большая часть – этого даже не заметит, так

как после массового воздействия СМИ на сознание, будут не жизнеспособны те функции, что отвечают за критичность и здравый смысл.

Контент-анализ печатных и телевизионных СМИ показал доминирование различных методов усиления иррациональности общественного сознания. Эти методы закрепляют и многократно усиливают социальные эффекты воздействия на аудиторию, формируя у ее искаженные представления о реальности, обществе и самих себе.

Экспертное интервью позволило выявить основные рамки проведения исследования, определить ключевые проблемные зоны, типологизировать воздействие и качественные характеристики трансформации общественных изменений, происходящие под влиянием информационных потоков телевизионных и печатных СМИ.

Проведенный комплексный анализ выявил социальные механизмы воздействия, позволил дать качественную оценку усиления иррационального воздействия на общественность через увеличение количества упоминаний и объема внимания в публикациях выделенным нами иррациональным категориям, что позволяет делать вывод об уменьшении рациональности, рефлексивности и логичности суждений, принятии решений представителями разных социальных групп. Это делает их более податливыми на влияние и манипуляции со стороны СМИ.

Как избежать данных негативных событий в общественном сознании? Нашим экспертам в конце интервью мы задавали именно этот вопрос и их ответы, могут стать основой для профилактики и трансформации работы СМИ.

Вольному – воля, прощенному – рай. Никто ответственности с нас самих не снимал. Да, СМИ ведут массовую атаку на наше сознание, но от нас зависит – что смотреть, что читать. И как относится к той информации, что к нам приходит из разных источников – это наше решение и наша ответственность. Если кто-то с себя ее снимает, то нечего пугаться того, что кто-то ее на себя

берет и принимает решения за нас – как жить, что покупать, что думать, о чем мечтать... Кто отказывается от ответственности за свою жизнь получает такую свободную форму рабства, где его воля того, кто не побоялся и взял все в свои руки (О.О., журналист, 30 лет, Иркутск).

Умение думать не приходит в одночасье. Это навык, который развивается при постоянном использовании, навык который приходит при постоянном обучении, узнавании нового. Если мы им не пользуемся, то и результат будет очевиден – у нас не будет возможности думать, критически воспринимать себя и окружающую действительность. Для тех, кто отказывается думать – есть СМИ, они решат все за нас, дадут нам проблему, придумают ее решение, при этом поддерживая и нагнетая страхи. Все для того – чтобы наше внимание и мысли – были в их власти, чтобы мы думали не о своем, или не о том, что действительно важно, а о том, что нам предлагает СМИ. Не научившись думать, не поддерживая этот навык на протяжении жизни – мы вполне можем стать зомби (живыми мертвецами). (О.В., журналист, Москва, 35 лет).

И слова экспертов являются основным рефреном нашей жизни. Их ответы сводятся к постоянному обучению, критичности, умению думать и рассуждать, умению и желанию жить своей жизнью, а не ложными симулякрами придуманных, выдуманных историй, мнимых по факту и сути своего наличия, происхождения и завершения. Выбор всегда за нами – быть марионетками или жить свою жизнь, неся за нее полную ответственность.

Литература

1. Абрамов В.Г. СМИ как инструмент информационно-коммуникационного воздействия на общественное сознание (вопросы теории) // Медиа. Информационная Коммуникация. 2014. № 8. С. 26–28.
2. Ардашев Р.Г. Роль СМИ в иррационализации сознания россиян // Ин-

новационные инфокоммуникации XXI века. Материалы 21 всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, ХИГУКИ, 2020. С. 19–24.

3. Гордеев Ю.М., Аминова Е.С. Средства воздействия СМИ на общественное сознание // Постулат. 2017. № 6 (20). С. 82.
4. Кармадонов О.А., Баев П.А., Захарова О.В., Полюшкевич О.А., Кузнецов П.Л. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984–2011 гг.), Иркутск, 2012.
5. Усенко Л.В., Агапова Е.А. СМИ как средство влияния на общественное сознание в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 50–58.

THE IMPACT OF THE MEDIA ON THE IRRATIONALITY OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the transformation of public consciousness under the influence of the media. An increase in the share of irrationalization of public consciousness and processes of social

dynamics of public dialogue towards subjectivity is shown. Based on the qualitative research carried out in 2019 and 2021, it is concluded that there is a profound transformation of the consciousness of Russians.

Keywords: irrationality, consciousness, media, transformation, influence, change.

References

1. Abramov V.G. Mass media as a tool of information and communication impact on public consciousness (theory issues) // Media. Information. Communication. 2014. No. 8. S. 26–28.
2. Ardashev R.G. The role of the media in the irrationalization of the consciousness of Russians // Innovative infocommunications of the XXI century. Materials of the 21st All-Russian Scientific and Practical Conference. Khabarovsk, HIGUKI, 2020. S. 19–24.
3. Gordeev Yu.M., Amineva E.S. Means of Mass Media Influence on Public Consciousness // Postulate. 2017. No. 6 (20). P. 82.
4. Karmadonov O.A., Baev P.A., Zakharova O.V., Polyushkevich O.A., Kuznetsov P.L. Symbol and transformation: social meanings of Russian society in the era of change (1984–2011), Irkutsk, 2012.
5. Usenko L.V., Agapova E.A. Mass media as a means of influencing public consciousness in modern conditions // Humanities and social sciences. 2017. No. 1. S. 50–58.

Традиционная пища и напитки населения Республики Северная Осетия – Алания

Дзутцев Хасан Владимирович,

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Дибирова Аминат Паруковна,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
e-mail: dibirova59@mail.ru

Корниенко Наталья Владимировна,

научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
E-mail: a-editor@yandex.ru

В настоящей статье затронута тема сохранения традиционной кухни в современной Осетии.

Ритуалы, связанные с приготовлением и употреблением пищи и напитков, являются важной частью культуры этноса, способствуют сохранению его идентичности и традиций. Введение в статью раскрывает некоторые традиционные способы приготовления, подачи и употребления пищи и напитков, которые отражают такие свойства уклада осетин, как уважение к старшим, величайшее гостеприимство и глубокая религиозность.

Однако теория без практики мертва, поэтому основная часть статьи базируется на материалах этносоциологического опроса, проведенного в апреле 2019 года Центром исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН с участием 500 респондентов в городе Владикавказе и других городах и сёлах Республики Северная Осетия – Алания.

Полученные данные показывают, что традиционные способы приготовления пищи и напитков широко распространены как в сельской местности, так и в городах, а сами жители любят традиционную осетинскую кухню и регулярно отдают её предпочтение.

Ключевые слова: Осетия, традиции, еда, традиционная кухня, напитки, туризм, ритуальное жертвоприношение.

Введение

Сегодня, в эпоху глобализации и формирования наднациональной идентичности, представители отдельных народов, в том числе кавказцы, стремятся сохранить свой этнос, свою идентичность, свой род. Этому способствует поддержание культуры, традиций, а также национальной кухни.

Северная Осетия все чаще привлекает путешественников со всей России, а также из-за рубежа. Иристонцы хотят удивить каждого, кто впервые приехал в республику, чем-то особенным: природой, застольем, осетинской кухней. И это не просто слова, а отражение уходящей вглубь веков традиции гостеприимства. Исторически в осетинских семьях существовала традиция, по которой «æфсин» (старшая хозяйка в доме) должна была быть готова к приему внезапного гостя: «она всегда имела неприкосновенный запас еды и напитков под названием «уазæджы хай» (почетная доля гостя). Эта доля состояла из самых качественных продуктов питания (муки, сыра, масла и др.) и хмельных напитков. При приготовлении пищи для гостя все лучшее выкладывалось на стол. В этой связи бытует поговорка: «Осетинское гостеприимство граничит с расточительностью».»¹

У осетин пища и напитки несут глубокие ритуальные смыслы – традиционный ритуальный стол посвящается высшим силам и направлен на получение от них помощи и благословения. Например, до сих пор одним из самых популярных блюд на осетинском столе являются «Три пирога» – три положенных друг на друга круглых пирога (в отдельных случаях пироги могут быть также треугольными) с точкой в центре, обычно с разными начинками, символизирующими единство нижнего, среднего

¹ Бедоева И.А. Хмельные напитки в культуре гостеприимства осетин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. С. 106.

и верхнего мира. Традиционно пироги режутся на 8 кусков, при этом тарелка с пирогами стоит на столе неподвижно до окончания трапезы². На поминальный стол подают только два положенных друг на друга пирога, в других ситуациях подать на стол «два пирога» категорически неприемлемо.

Также глубоким сакральным смыслом обладает в осетинском рационе мясо животных. До сих пор в Куртатинском ущелье – священном месте в Северной Осетии – ежегодно проводится праздник Святого Георгия, сопровождаемый принесением в жертву быка или барана с соблюдением ритуальных способов разделки туши, приготовления блюда их употребления. «Голова (сæр), шейная часть (бæрзæй), лопаточная часть (уæн) или курдюк (дымæг) как наиболее почетные части ставят на стол перед старшими, возглавляющими ритуально-престижную трапезу»³.

Как и другие горские народы, осетины имеют собственные традиции приготовления шашлыка (физонæг). Помимо обычных кусков, готовили особый ритуальный шашлык из мяса, обернутого куском сальника. На больших застольях старейшина произносит торжественный тост, держа шампур с таким физонæгом в левой руке, а бокал в правой. После произнесения тоста шампур с шашлыком передается младшим⁴.

Среди национальных напитков самыми излюбленными остаются осетинское пиво (бæгæны), арака (арахъ), квас (къуымæл). Рецепт традиционного пива (бæгæны) известен еще с эпохи скифов, также традиционным алкогольным напитком является «арака» из кукурузы, яменяли других зерновых, крепость которого в зависимости от технологии приготовления может со-

² Канукова З.В. Традиционная осетинская пища. Серия «Моя Осетия». Владикавказ, 2005. 58 с. С. 11.

³ Хубулова Э.В., Канукова З.В. Традиционная ритуальная пища осетин как этнокультурный бренд // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1482–1484.

⁴ Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 537.

ставлять 25–27%, а может и превосходить водку.

Материалы и методы

Ключевым фактором для сохранения традиций является не просто память о них, но прежде всего активное их поддержание и передача следующим поколениям. Именно поэтому мы решили выяснить, насколько популярны традиционные осетинские блюда и напитки у городских и сельских жителей Республики Северная Осетия-Алания сегодня. Для достижения поставленной цели в апреле 2019 года Центром исследований приграничных регионов Юна России ИСПИ ФНИСЦ РАН с участием 500 респондентов в городе Владикавказе и других городах и сёлах республики. Выборка репрезентативна по показателям пола, возраста, уровня образования и типоселенческим характеристикам.

Осетинская пища в современности

Одно из главенствующих мест в рационе осетин отводилось выпечке и мучным изделиям, например, пирог с сыром (уæлибæх) с мясом, картофелем, свекольной ботвой, капустой, фасолью и т.д. Основу кухни также составляет отварное мясо, лывжа (осетинск. лывзæ), шашлык (физонæг).

Приготовление сыра из коровьего и овечьего молока относится к самым древним занятиям осетин. Высокая калорийность получаемого продукта и его вкусовые качества объясняются благоприятными природными условиями.

Респондентам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, готовите ли вы дома традиционную пищу?» со следующими вариантами ответа: три пирога (æртæ чырийы, æртадзыхæттæ, хæбизджынтæ); пирог из солода (задын); чурек из кукурузной муки, сыворотки и сала; кукурузный или ячменный чурек (кæрдзын); каша из муки с сыром (дзыкка); пирог с нутряным говяжьим салом (фиуджын); шашлык (физонæг); пирог из листьев черемши или свеклы (давонджын, цæхæраджын); лапша с макаронами (хæнкъæл); сваренные кукурузные или пшеничные зерна (дзæрна);

поджаренные зерна (цæкуытæ); колбаса из тонких кишок (зормæ). Оказалось, что 67,3% опрошенных готовят от 7 до 13 блюд, 32,1% – от 2 до 6, 0,6% совсем не занимаются приготовлением дома традиционной осетинской пищи.

Далее респондентам предложили ответить на такой вопрос: «Какое из перечисленных блюд вы предпочитаете больше всего?» Ответы оказались следующими: наибольшее число опрошенных указали на пирог с сыром (65,5%), далее по нисходящей шкале были указаны шашлык – 29,4%, каша из муки с сыром – 15,1%, вареные кукурузные зерна и чурек (по 6,7%); пирог со свекольными листьями – 5%; с мясом – 3,4%; по 0,8% респондентов назвали пирог из листьев черемши и колбасу из тонких кишок

Как и ожидалось, заметно меньшее количество молодых жителей г. Владикавказа регулярно занимаются приготовлением национальных блюд по сравнению со своими сверстниками в селе. Однако владикавказцы преклонного возраста по-прежнему отдают предпочтение приготовлению традиционных блюд.

Традиционные осетинские напитки

Мы узнали у респондентов, готовят ли современные осетины дома такие национальные напитки, как медовуха (ронг), пиво (æлутон), квас (къуымæл), кислая сыворожка (туаг хуырх), сыворожка (сылы), пахтанье (мисын). Результаты исследования показали, что от 1 до 3 напитков готовят 45,3% респондентов, от 4 до 7–42,1%, ничего не готовят 12,6% опрошенных.

По результатам исследования большинство опрошенных предпочитают пиво (64,3%), на втором месте с большим отставанием идут квас (20,5%), арака – 15,2%, пахтанье и ронг – 1,8%.

Самыми почитаемыми напитками среди наших респондентов являются пиво, квас и арака. Оказалось, что большинство опрошенных все-таки готовят национальные напитки.

Заключение

Отрадно заметить, что популярность осетинской кухни сильно выросла за по-

следние годы не только на Кавказе, но и за пределами республик. Осетинские пироги, шашлык, осетинский сыр заслуженно вошли в ассортимент супермаркетов и служб доставки далеко за пределами Кавказа. Бесспорно, это также способствует улучшению имиджа республики и позитивно влияет на туристический климат Осетии.

Результаты, полученные в настоящей статье, показывают, насколько крепки традиции осетинской кухни в Северной Осетии сегодня: оказалось, что 2 из 3 осетин регулярно готовят от 7 до 13 традиционных блюд, треть – от 2 до 6. Заметно меньшее количество молодых жителей г. Владикавказа регулярно занимаются приготовлением национальных блюд по сравнению со своими сверстниками в селе, однако владикавказцы преклонного возраста по-прежнему отдают предпочтение традиционной домашней пище. Самыми почитаемыми напитками среди наших респондентов оказались пиво, квас и арака, также мы выяснили, что большинство опрошенных готовят национальные напитки.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что традиционные блюда и напитки пользуются популярностью как у сельских, так и у городских осетин, при этом многие готовят дома, сохраняя и передавая традиционные рецепты из поколения в поколение.

Традиционная пища и напитки, изготавливаемые по старинным осетинским рецептам и несущие глубокий символический смысл, обладают не только гастрономической, но и культурной ценностью. Вкусные сытные осетинские блюда и напитки, которые преподносятся гостям с соблюдением традиционной осетинской обрядовости, становятся знамениты и привлекают туристов со всего мира, что способствует как сохранению и распространению информации об осетинской культуре, так и – что очень важно для Осетии сегодня – восстановлению экономики региона.

Литература

1. Бедоева И.А. Хмельные напитки в культуре гостеприимства осетин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. С. 106.
2. Канукова З.В. Традиционная осетинская пища. Серия «Моя Осетия». Владикавказ, 2005. 58 с. С. 11.
3. Хубулова Э.В., Канукова З.В. Традиционная ритуальная пища осетин как этнокультурный бренд // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1482–1484.
4. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 537.

TRADITIONAL FOOD AND DRINKS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA

Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V.

Institute for Social and Political Research FCTAS RAS

This article touches upon the topic of preserving traditional cuisine in modern Ossetia. Rituals associated with the preparation and consumption of food and drinks are an important part of the culture of an ethnic group, helping to preserve its identity and traditions. The introduction to the article reveals some of the traditional ways of preparing, serving and eating food and drinks, which reflect such properties of the Ossetian lifestyle as respect for elders, the greatest hospitality and deep religiosity.

However, theory without practice is dead, so the main part of the article is based on the materials of an ethnosociological survey conducted in April 2019 by the Center for Research of Border Regions of the Yuna of Russia ISPI FCTIS RAS with the participation of 500 respondents in the city of Vladikavkaz and other cities and villages of the Republic of North Ossetia – Alania.

The data obtained show that traditional methods of cooking and drinking are widespread both in rural areas and in cities, and the residents themselves love traditional Ossetian cuisine and regularly prefer it.

We believe that the distribution of Ossetian food serves not only to preserve traditions, but also attracts tourists, which in turn contributes to the development of the economy of the republic and the entire North Caucasus.

Keywords: Ossetia, traditions, food, traditional cuisine, drinks, tourism, ritual sacrifice.

References

1. Bedoeva IA Intoxicating drinks in the culture of hospitality of the Ossetians // Modern problems of science and education. – 2013. – No. 2.P. 106.
2. Kanukova Z.V. Traditional Ossetian food. Series “My Ossetia”. Vladikavkaz, 2005.58 p. C.11.
3. Khubulova E.V., Kanukova Z.V. Traditional ritual food of Ossetians as an ethnocultural brand // Modern problems of science and education. 2014. No. 6. S. 1482–1484.
4. Ossetian ethnographic encyclopedia. Vladikavkaz: Project-Press, 2013.S. 537.

Социальные последствия кластеризации в туризме

Заварзина Юлия Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье рассматриваются особенности кластеризации туристической отрасли. Анализируются социальные последствия и риски для общественного воспроизводства конкретного региона. На примере Иркутской области проводится комплексный анализ социального изменения территориального развития через призму туристической сферы.

Ключевые слова: кластеризация, развитие территории, туристическая сфера, социальные последствия.

Иркутская область обладает уникальным туристическим потенциалом, на ее просторах сосредоточены природные памятники, памятники культуры, истории и архитектуры. За последние пять лет поток российских и иностранных туристов, которые хотят лично посетить туристические объекты в Восточной Сибири, растет. По данным отчетов агентства по туризму Иркутской области, ежегодный рост туристического потока в среднем составляет 8–10%.

Роль субъективного восприятия территории в общественном мнении жителей региона рассмотрена в работах О.А. Полюшкевич [12,13,14], С.В. Малых [9], особенности развития туризма для перспективных направлений развития региона представлено в работах Н.В. Москвитиной [10,11], о ресурсах развития территории представлено в работах Ю.В. Борисовой [1,2,3,4], Ю.В. Заварзиной [5,6,7,8] и других.

С увеличением туристического потока растет и разнообразие предлагаемого ассортимента туристических продуктов. Если в самом начале развития туризма в регионе для привлечения туристов в Иркутскую область популярными маршрутами были город Иркутск, поселок Листвянка и остров Ольхон, то на данном этапе развития туристической отрасли популярными локациями для посещения туристами стали населенные пункты: Большие Коты, Большое Голоустное, Култук, Слюдянка, Байкальск. Постепенно развиваются такие виды туризма как познавательный, экскурсионный, деловой, гастрономический, событийный, сельский, экологический, семейный, а также те виды туризма, для которого Иркутская область подходит идеально: спортивный и экстремальный туризм. Однако, несмотря на достаточно положительную динамику развития туристической отрасли Иркутской области, все же встает вопрос о достигнутых результатах. Для того чтобы продолжать модернизировать систему и наращивать обороты разви-

тия туризма, необходимо привлекать все большее количество туристов. Что для этого необходимо? Вторая базовая потребность любого человека, согласно потребностям пирамиды Маслоу, это потребность в безопасности. Если турист будет чувствовать себя комфортно и не будет опасаться за свою жизнь и здоровье, то его желание находиться более продолжительный период времени на той или иной территории только возрастет и он захочет вернуться вновь. Обеспечение безопасности российских и иностранных граждан во время их пребывания на территории нашего государства – одна из ключевых задач, поставленная правительством. В конечном итоге все туристические продукты имеют одну цель – оставить приятные впечатления, как о путешествии, так и о месте его проведения (стране) в целом. Имидж государства в глазах иностранного туриста – очень важный базисный элемент при формировании направлений развития туристической индустрии. На этом и строится вся отрасль туристического обслуживания с целью создания уникального туристического продукта и максимального его одобрения в глазах туристов, а также желания с их стороны дальнейшего его использования [48].

Однако цель заключается не просто в создании туристического продукта, который больше никто не сможет предложить. Он должен обладать определенными свойствами и, в первую очередь, быть безопасным. К сожалению, при постоянно растущем туристическом потоке, который наблюдается в Иркутской области, в процессе туристического обслуживания, возникают проблемы в обеспечении безопасности российских и иностранных туристов. Рассмотрим самые проблемные вопросы, которые туристическое сообщество региона неоднократно озвучивало.

Самая первая и стратегически важная проблема – это отсутствие современной и развитой инфраструктуры. Существуют базовые элементы инфраструктуры, которые в Иркутской области недостаточно развиты. Например,

все гости, которые прибывают в столицу Восточной Сибири город Иркутск, хотя поближе познакомиться с этим местом. Прогуляться по самым живописным и известным местам, насладиться историческими памятниками архитектуры и деревянного зодчества, погрузиться в атмосферу самого города. Днем это не представляет абсолютно никаких трудностей. В городе имеется пешеходный маршрут «Зеленая линия», который соединяет самые известные и популярные места для посещения. Однако, при наступлении вечера туристы могут слабо ориентироваться на плохо освещенных улицах города. Достаточно освещены только центральные улицы города – это улица Карла Маркса и улица Ленина. На остальных же улицах города уличного освещения недостаточно или оно есть только на отдельных участках. Возникает вопрос, как передвигаться российским и иностранным туристам, которые плохо знают город и могут заблудиться в незнакомой местности. А это является угрозой для сохранения жизни и здоровья гостей города, так как существует вероятность получить травму, оступившись в темноте. К тому же освещение играет еще одну важную роль в обеспечении безопасности российских и иностранных туристов. В городе Иркутске не наблюдается высокой криминогенной обстановки, однако всегда существует вероятность нападения на туристов с целью ограбления. В данной ситуации также возникает вопрос об организации несения патрульно-постовой службы, которая должна обеспечить безопасность на улицах города.

В городе отсутствует движение городского транспорта в вечернее время после 22 часов, а многие средства коллективного размещения (гостиницы, хостелы) располагаются в спальных районах города, что затрудняет возможность добраться из центра города, где сосредоточены основные достопримечательности и зоны отдыха.

Еще одной проблемой в инфраструктуре города является ограниченное количество общественных туалетов

тов. Наиболее актуальной эта проблема становится в вечернее время после закрытия торгово-развлекательных комплексов.

Перечисленные выше проблемы – это одни из многих вопросов в развитии инфраструктуры города. Другими словами, объекты инфраструктуры, которые должны присутствовать в популярных туристических местах города, должны быть максимально развиты и соответствовать международным стандартам, отвечать требованиям для обеспечения их безопасности туристов. Если рассматривать другие населенные пункты региона, то можно констатировать почти полное отсутствие объектов инфраструктуры в этих населенных пунктах.

Второй очень важной проблемой является существование теневого сектора туристического бизнеса, занимающегося туристической деятельностью на территории Иркутской области. В результате работы государственных контрольных органов по надзору в секторе туристического бизнеса установлен факт наличия недобросовестных, а в некоторых случаях нелегально работающих туристических компаний. В чем это заключается? Гражданин иностранного государства, зачастую граждане КНР (так как именно на рынке по приему китайских туристов имеет место быть данное явление), регистрирует юридическое лицо на гражданина Российской Федерации, который фактически туристической деятельностью не занимается. Налоговая отчетность по созданной фирме показывается по минимальному обороту. Документально все выглядит абсолютно законно и легально. Однако все денежные средства, полученные в результате реализации туристических продуктов, в данном случае находится в руках граждан КНР, что документально он нигде не фиксируется. Данные организации зачастую пользуются услугами транспорта, не имеющего лицензию на осуществление пассажирских перевозок; организуют питание в тех местах, где нарушаются санитарно-эпидемиологические

нормы. Неоднократно в городских клиникских больницах регистрировались случаи экстренной госпитализации иностранных граждан в связи с пищевыми отравлениями.

Следующей важной проблемой в период навигации на озере Байкал является факт использования не прошедших лицензирование на осуществление пассажирских перевозок в Государственной инспекции маломерных судов плавсредств в поселке Листвянка, на Малом Море, а также в прибрежной зоне острова Ольхон. Российские и иностранные туристы, не владея особенностью эксплуатации и состояния безопасности используемых плавсредств, приобретают водные экскурсионные туры. Использование подобного транспорта может привести к тому, что в случае чрезвычайного происшествия, ответственность за жизнь и здоровье туристов никто не будет нести, а также не используется ни один из видов страхования жизни и здоровья. Чаще всего при оказании услуг (перевозки пассажиров, водных экскурсий) билет не выдается туристам. При этом билет – это документ, подтверждающий оплату и факт оказания услуги. При осуществлении водной прогулки не контролируется выдача спасательных жилетов, а это является грубым нарушением в обеспечении безопасности туристов на воде. Маршрут не проходит по мелководью, корабль уходит далеко от берега, где глубина озера составляет несколько десятков и даже сотен метров. В случае происшествия на воде шансов на спасение туристов без спасательных жилетов будет очень мало. К тому же температура воды в озере Байкал даже в самый жаркий период года очень низкая, что ведет к очень быстрому переохлаждению организма при попадании в воду. Данная проблема является актуальной в области обеспечения безопасности. Даже наличие системы штрафов и проверок Государственной инспекцией маломерных судов не пугают владельцев плавсредств.

Перейдем к рассмотрению следующей проблемы. На территории Иркут-

ской области находится большое количество живописных и популярных мест отдыха, однако часто подъездные пути к таким местам слишком затруднены, периодически размываются дождями. Автомобильная сеть дорог в регионе представлена различными типами покрытия, которые проходят по разным рельефам местности – от степных до горных участков. Асфальтированные дороги в основном соединяют районные центры региона, при этом часть дорожного покрытия из-за износа находится в плохом состоянии и требует ремонта. В регионе преобладают дороги с грунтовым покрытием. Ко многим местам отдыха официальных дорог не существует вообще.

Одним из таких мест является пляж Золотые Пески. Он находится на берегу Братского водохранилища в Осинском районе Иркутской области. Название не является официальным, это обиходное название. Назвали его так за золотой цвет песка. Пляж Золотые пески представляет собой внушительных размеров пологий берег реки Ангары. Все в этом месте считается замечательным кроме одного – дороги. От Иркутска до Золотых песков всего 270 км, однако, асфальтом покрыто лишь 170 км, оставшиеся 100 км – это гравийная дорога, которая практически никем не обслуживается и является небезопасной.

Большое количество живописных бухт озера Байкал являются труднодоступными из-за подъездных путей. Почти все дороги, ведущие к этим бухтам, гравийные, некоторые из них проложены по пересеченной местности, имеют крутые подъемы и спуски. Движение по этим дорогам не является безопасным для неподготовленного туриста. Помощи в случае поломки транспортного средства, прокола колеса ждать неоткуда. Как правило, на пути следования к этим местам отсутствуют ремонтные мастерские, что говорит об слабо развитой инфраструктуры региональных дорог. Более того, мобильная связь в этих местах практически полностью отсутствует, и мы переходим к рассмотрению еще одной проблемы –

это недостаточное покрытие Иркутской области операторами сотовой связи. Отсутствие возможности позвонить при возникновении внештатной ситуации влечет за собой угрозу безопасности туриста.

Следующая проблема в обеспечении безопасности напрямую касается туристов любителей экстремальных (спортивных) видов туризма и пешего туризма. Чаще всего именно любители спортивного туризма попадают в различные рода ситуации, которые угрожают их жизни или здоровью.

На территории Иркутской области существует великое множество различных туристических троп. Например, Большая Байкальская Тропа, которая является самым популярным туристическим маршрутом у данной категории туристов. Она в целом оборудована и отвечает предъявляемым требованиям с точки зрения обеспечения безопасности. Помимо этого, имеется еще одно популярное место у туристов, причем как российских, так и иностранных граждан, это поселок Аршан у подножия хребта Восточного Саяна в Республике Бурятия. Близость этого туристического объекта к Иркутску, делает его таким популярным и часто посещаемым местом. Аршан – это горные пейзажи, луга Тункинской долины, чистый воздух, минеральные источники, каскады водопадов и многое другое. Поселок Аршан расположен на высоте 893 м над уровнем моря в месте выхода реки Кынгарга на северную окраину Тункинской долины и подножия Тункинских гольцов. Кынгарга в переводе с бурятского языка означает «барабан», что объясняется сильным шумом, который издаёт река. Река Кынгарга стекает с южного склона Тункинских гольцов – горного хребта на территории Окинско-го и Тункинского районов Республики Бурятия, являющегося самым восточным отрогом Восточных Саян. Вершины хребта достигают 3000–3300 м, высшая точка хребта – Пик Стрельникова (3284 м), перепад высот между гребнями достигает 2000 м. Длина реки Кынгарга от истоков до устья – более 27 км

и главное ее отличие от многочисленных рек Восточного Саяна – река Кынгарга всегда полноводна.

В зоне краевого сброса Тункинских Гольцов долина реки Кынгарга резко сужается, образуя глубокое, практически лишенное поймы ущелье. Наклон дна становится круче. После слияниялевой и Правой Кынгарги, река пробивается через крутой склон, образуя каньон, ряд перекатов и два исключительно красивых водопада свободного падения в своем нижнем течении. Всего на реке Кынгарга насчитывается около 12 водопадов (по некоторым источникам – до 20), но наиболее известные из них – располагаются в нижней части течения. По краю ущелья есть труднопроходимая тропа, ведущая к подножию Тункинских гольцов, откуда берут свое начало альпинистские маршруты к пикам Трехглавая, Братчанка и Броненосец.

Самым популярным маршрутом посещения этого места считается тропа 12 водопадов. До первого водопада ведет обустроенная тропа оборудованная лестницами, перилами. Эта тропа не является сложным туристическим маршрутом и пригодна для туристов с детьми. Все тропы дальше первого водопада сложны для их прохождения и представляют собой очень опасные участки туристического маршрута и не отвечают требованиям безопасности. Ежегодно на тропе происходят несчастные случаи, в том числе и с летальным исходом. Летом 2019 года в обрыв сорвался иностранный турист, мужчина в возрасте 49 лет. Тропа к подножию была узкой, шла по краю обрыва, с другой стороны вплотную примыкала к скалистому отвесному склону горы. Турист из Чехии, мужчина, не останавливаясь обернулся, чтобы задать вопрос гиду-экскурсоводу и сорвался в обрыв примерно 12 м глубиной. При падении он ударился головой о камни и вскоре скончался. Эвакуацию тела туриста осуществляли спасатели поисково-спасательного отряда. Аналогичный случай произошел с туристом из Германии на Большой Байкальской Тропе в Листвянке. Про-

игнорировав рекомендации следовать по оборудованной тропе, турист пошел по опасному не оборудованному участку тропы вдоль обрыва. В результате чего сорвался и упал. Благодаря оперативным действиям сотрудником Байкальского поисково-спасательного отряда, пострадавший с многочисленными травмами был доставлен в лечебное учреждение.

Описанный туристический маршрут совершенно не соответствует требованиям безопасности, влечет угрозу здоровью и жизни туристов. Опасность этой тропы представляет собой серьезную проблему в обеспечении безопасности туристов, так как при проведении спасательной операции даже подготовленные сотрудники отряда следуют по данному маршруту с риском для жизни.

Следующей проблемой в обеспечении безопасности туристов во время прохождения экскурсионного маршрута является дорога на самом посещаемом острове региона Ольхоне.

Самый большой остров Байкала расположен примерно в центре озера ближе к северо-западному побережью. От материка его отделяют пролив Малое Море с максимальной шириной 16 километров и узкий пролив Ольхонские ворота. Вся территория острова и ближайшие окрестности входят в состав Прибайкальского национального парка. Расстояние от города Иркутска до Ольхона составляет 256 километров.

На Байкале насчитывается 27 островов, но равных по размерам Ольхону нет никого. Его длина составляет 70 километров, а наибольшая ширина – 15 километров. Восточный край острова обрывается к воде скалистыми утесами высотой до 80 метров, а западный – полого спускается к мелководным заливам Малого моря. Недалеко от восточного берега Ольхона находится самое глубокое место озера – 1642 метра.

Отметки глубин на физической карте озера заставляют удивиться даже бывалых путешественников – почти у самого берега глубина озера достигает уже сотни метров, а в километре она

превышает тысячу метров. Фактически озеро Байкал представляет собой гигантский разлом, заполненный водой. При этом дно озера расположено на 1187 метров ниже уровня мирового океана. Благодаря этому озеро Байкала является самой глубокой материковой впадиной на планете. Природной достопримечательностью острова Ольхон является скала Шаманка. Ее также называют Шаманским мысом или мысом Бурхан. Мыс, далеко выдается в воду, оканчивается мраморной скалой с двумя вершинами. Фактически это визитная карточка острова. Ее максимальная высота достигает 42 метров. Внутри скалы тянется сквозная Шаманская пещера длиной 12 метров. В дальней части мыса на скальном уступе на поверхность выходит коричневая порода, силуэт которой напоминает дракона.

Также на острове находится один из самых популярных туристических объектов – мыс Хобой. Общая протяженность дороги от поселка Хужир до мыса составляет 40 километров. Однако лишь 20 километров имеют более-менее ровное грунтовое покрытие, остальные 20 километров представляют собой путь по пересеченной местности с ямами, канавами. С учетом того, что единственный пригодный транспорт для экскурсионных поездок на острове являются старые машины марки УАЗ (так называемые в простонародье «буханки»), у которых отсутствуют ремни безопасности, то это создает угрозы безопасности пассажиров. Так как официальных дорог на острове нет, а имеющиеся дороги ненадлежащего качества, передвижение туристов на таком транспорте является небезопасным. Неоднократно были зарегистрированы случаи травматизма российских и иностранных туристов: переломы, ушибы, ссадины.

В зимний период автотранспортные средства так же представляют угрозу здоровью и жизни пассажиров. Ежегодно происходят несанкционированные выезды на лед в запрещенных местах. В зимний период осуществляется переправа на проливе Малое Море до остро-

ва Ольхон (как правило, с конца января до конца марта) только на Хивусах (судно на воздушной подушке). Официальная переправа для автомобильного транспорта открывается не небольшой срок в феврале-марте и зависит от состояния льда и погодных условий. Она проверяется на безопасность движения сотрудниками МЧС. Вне этой переправы передвигаться по льду Байкала на автомобильном транспорте запрещено. На практике никто не обращает внимания на запрет и, как правило, туристический автобус подъезжает к началу переправы, туристов пересаживают в легковые автомобили и микроавтобусы, на которых везут их на остров Ольхон вне официальной ледовой переправы, когда она не открыта. Таким образом, в зимний период туристические компании пренебрегают безопасностью туристов при следовании по льду озера на остров Ольхон. Ежегодно регистрируются случаи, когда легковые автомобили, следуя вне официальной ледовой переправы, уходят под лед. Зимой озеро Байкал представляет собой опасное ледовое поле с большим количеством трещин, промоин и торосов, которое является не безопасным для передвижения по нему. Следовательно, при выборе мест отдыха на Байкале зимой необходимо максимально продумывать вопросы обеспечения собственной безопасности, не выходить на лед в тех местах, где это запрещено.

Перед сотрудниками МЧС ежегодно встает проблема несанкционированных ледовых переправ на территории Иркутской области.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на данном этапе развития туристической отрасли области, регион не может в полном объеме обеспечить безопасность туристов. В первую очередь это обусловлено низкими темпами модернизации и совершенствования туристической инфраструктуры. Недобросовестным отношением со стороны туристических фирм к вопросам обеспечения безопасности туристов в погоне за получением прибыли. Наличием теневого

сектора экономики туристического бизнеса. С учетом постоянного роста туристического потока в регионе, развития всесезонного туризма наращивание мощностей туристической индустрии должно идти полным ходом и затрагивать развитие всех сфер обслуживания. Этот процесс должен способствовать повышению безопасности туристов.

На сегодняшний день существует большое количество проблем, которые необходимо решать, чтобы повышать привлекательность потенциала области на российском и международном туристических рынках.

К ним относятся, в первую очередь, проблемы в области туристического обслуживания: питания, проживания, предоставление экскурсионных видов транспорта и наличие теневого сектора в туристической индустрии региона. Во вторую очередь идут проблемы, связанные наличием и качеством дорожной сети региона, в том числе по пути следования на экскурсионных маршрутах. Ведь основной привлекательности туристического продукта является комфортное перемещение туристов по маршруту следования, минимизация временных затрат в пути.

К третьей группе проблем можно отнести обустройство лесных и горных пешеходных троп, их прокладка по безопасным маршрутам. Оборудование их информационными стендами с разъяснением маршрута следования, указанием опасных участков маршрута, правил безопасного поведения, а также порядком оказания первой помощи. Для того, чтобы максимально минимизировать возможность появления обстоятельств, при которых может возникнуть угроза жизни и здоровью туристов, целесообразно детально и тщательно изучить и проработать все туристические направления и маршруты, расположенные на территории Иркутской области.

Любая система рыночных отношений представляется в виде области, которая максимально быстро подвержена изменениям, а также влиянию внешних и внутренних факторов. Туристическая система рыночных отношений не явля-

ется исключением. С момента начала развития туристической отрасли в Иркутской области можно проследить изменения в направлениях, сферах и видах туризма. Изменения дают положительный эффект в развитии туристического рынка, так как самым важным критерием его оценки является рост потока иностранных туристов в область, а он стабильно наблюдается за последние пять лет.

Благодаря слаженной работе представителей туристического бизнеса региона и органов исполнительной власти на сегодняшний день в развитии туристической отрасли Иркутской области удалось добиться следующих результатов. В 2018 году Иркутская область сохранила 13 место в рейтинге туристической привлекательности среди регионов России, входит в топ-10 самых популярных у иностранных туристов городов и регионов России. Согласно рейтингу, составленному аналитическим агентством «ТурСтат», XVI Международный фестиваль зимних игр на Байкале «Зимниада – 2019» вошел в топ-5 событий в России начала весны, критериями оценки послужили популярность и уникальность мероприятий.

По рейтингам, представленным к сезону активного отдыха 2019 года российским сервисом бронирования жилья для отдыха Tvil.ru:

- поход по побережью Байкала вошел в пятерку самых привлекательных маршрутов для трекинга и активного отдыха по результатам опроса туристов в социальных сетях;
- город Байкальск вошел в пятерку городов, которые пользуются наибольшей популярностью для отдыха на озерах России этим летом по данным оплаченных заявок (броней) на проживание с 1 июня по 31 августа 2019 года;
- озеро Байкал вошло в топ-10 лучших мест для отдыха с детьми летом по результатам интернет-опроса ко Дню защиты детей;
- Прибайкальский национальный парк входит в топ-3 природных парков России популярных для экологи-

- ческого туризма по количеству туристских посещений.
- бренды Иркутской области: Иркутская слобода (130 квартал) в центре города Иркутска, мост через реку Ангара, Кругобайкальская железная дорога, озеро Байкал, остров Ольхон и скала Шаманка включены в проект «Живое наследие», в котором собрано порядка 1000 наиболее значимых культурных брендов со всех регионов России.

Эти достижения обусловлены наличием на территории региона уникальных природно-рекреационных ресурсов, значительным культурно-историческим потенциалом, разнообразием этнических культур, а также достаточно развитым транспортным сообщением с крупнейшими городами Российской Федерации и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, более чем 50-летним опытом работы, позволяющим принимать гостей со всего мира. Основой туристско-рекреационного потенциала, безусловно, является озеро Байкал, включенное в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Это не только природный феномен, но и сокровищница материальной и духовной культуры Центральной Азии.

Наиболее популярными местами отдыха у жителей и гостей Иркутской области являются территории, прилегающие к озеру Байкал: Иркутский район (п. Листвянка, п. Большое Голоустное), Ольхонский район (побережье Малого моря и о. Ольхон), Слюдянский район (г. Байкальск, г. Слюдянка, п. Утулик, п. Култук); территории вдоль береговой линии Братского водохранилища (Осинский, Нукутский, Братский районы), а также город Иркутск. К приоритетным видам туризма и отдыха в Иркутской области можно отнести: экологический, этнографический, событийный, активный, водный и круизный, деловой туризм, гастрономический туризм. Также в регионе имеется хорошая база для лечебно-оздоровительного туризма.

Главной характеристикой разнообразных туристических продуктов региона является их безопасность. Безо-

пасность туристического продукта выражается, в первую очередь, в том, что в процессе его реализации не создаются угрозы жизни и здоровью туриста. А так же в реализации мер, направленных на обеспечение безопасности прохождения маршрута. На данном этапе развития сферы туризма в Иркутской области не все направления можно с уверенностью отнести к безопасным на 100%. В частности это касается экстремальных видов туризма.

Слабо развитая инфраструктура города и региона не позволяет в полной мере обеспечить безопасность туристов. Решением данной проблемы является строительство объектов коллективного размещения, а также общественного питания, опираясь на международные стандарты. Ежегодно происходят чрезвычайные ситуации в коллективных средствах размещения, в особенности, которые далеко находятся от города. Из чего можно сделать вывод о том, что проверки деятельности объектов туристической инфраструктуры, расположенных вдали от регионального центра, проводятся значительно реже, не исключаются факты формального подхода со стороны надзорных органов при их проведении. К примеру, на острове Ольхон неоднократно были зарегистрированы случаи пожаров домов отдыха, гостиниц, ресторанных комплексов и других объектов общественного питания. В современном мире в средствах массовой информации и с помощью социальных сетей все новости разносятся моментально быстро. С учетом существования огромного количества различных электронных приложений в туристической сфере, оставить отзыв или написать статью, посвященную своему отдыху, не составит большого труда. Все эти факторы прямо пропорционально влияют на имидж региона. Следовательно, для владельцев объектов инфраструктуры туристического сектора безопасность – это самое приоритетное направление деятельности, на развитие которого должны выделяться финансовые и материальные ресурсы.

Говоря о строительстве, можно рассказать о пади Кадильная, которая находится на территории Прибайкальского национального парка, через которую проходят все туристы маршрута по Большой Байкальской Тропе. Это место представляет собой запущенную территорию, расположенную на берегу Байкала, с несколькими деревянными домами для ночлега, построенными еще в 80-х годах прошлого века. Соответственно, ни о какой развитой инфраструктуре не может быть и речи. Это место нуждается в реконструкции в срочном порядке. Необходимо создать благоприятные и безопасные условия для размещения туристов. Единственным видом связи с этим местом является радиосвязь. А с учетом того, что ежегодное количество туристов неизменно растет, нужно обеспечить соевой связью данную территорию. Таким образом, при возникновении несчастных случаев всегда будет иметься возможность оперативно связаться со службами спасения.

Также с учетом того, что в среднем общее время прохождения по данному туристическому маршруту составляет около трех дней, в пади Кадильной необходимо разместить пункт для оказания первой помощи. По всей протяженности тропы имеются опасные участки. И при получении травм на этих участках должно быть место, где туристу своевременно и в полном объеме окажут первую медицинскую помощь. Если должным образом оборудовать всю тропу, то интерес к ней возрастет еще больше.

В качестве трудовых ресурсов с целью оснащения пешеходных троп для придания им статуса «безопасные» и наведения на них порядка, можно продолжать привлекать студентов учебных заведений и учеников школ, а также всех желающих в качестве волонтеров на безвозмездной основе. Основной мотивацией в их случае может служить прохождение разного рода учебных и студенческих практик. Также можно продолжить разработку, организацию и проведение событийных и тематических экологических мероприятий с це-

лю еще большей популяризации подобного вида туризма среди иностранных и российских туристов.

Для воплощения в реальность всех обозначенных направлений развития инфраструктуры туристической сферы можно привлечь инвестиции в развитие туристско-рекреационного потенциала Иркутской области. Поиск инвесторов и ведение переговоров с ними является задачей представителей туристического бизнеса региона при координации исполнительной власти субъекта, так как в данном случае экономический эффект от осуществления инвестиционной деятельности принесет доходы в бюджет региона. Большинство туристических компаний сами будут максимально заинтересованы в кратчайшие сроки решить данный вопрос.

Для решения следующей очень важной проблемы при оказании безопасных туристических услуг необходимо создать единый региональный транспортный реестр пассажирских перевозчиков, в котором будут фиксироваться все плавсредства и транспортные средства, участвующие в оказании туристических услуг. Государственным контрольным органа, в чьем ведении находятся надзорные функции по контролю за эксплуатацией указанных средств, для решения проблем с транспортом, не отвечающим правилам безопасности при перевозке пассажиров, необходимо разработать ряд критериев и стандартов для того, чтобы перевозчики могли получить лицензию на осуществление своей деятельности и попасть в единый региональный транспортный реестр. Даже при создании подобного реестра могут допускаться случаи небезопасного оказания туристических услуг на различных видах транспорта. Поэтому, с целью полного исключения из обращения в туристической отрасли региона возможного небезопасного транспортного средства, параллельно на законодательном уровне необходимо ввести «систему трех нарушений при оказании туристических услуг». Смысл работы этой системы будет заключаться в следующем: при вы-

явлении нарушений, связанных с перевозкой пассажиров, в ходе плановых и внезапных проверок контрольными органами, фиксировать факт нарушения в реестре. При трехкратном нарушении правил, связанных с перевозкой пассажиров можно рассматривать вопрос об отзыве лицензии на осуществление этой деятельности и исключения перевозчика из единого регионального транспортного реестра пассажирских перевозчиков. Только в данном случае появится возможность эффективного отслеживания и борьбы с владельцами небезопасных средств перевозки пассажиров.

Также при рассмотрении вопроса о безопасности реализации туристических продуктов в регионе необходимо обратить внимание на самую актуальную проблему туристического бизнеса Иркутской области – существование теневого сектора. Теневая экономика в любой сфере жизни общества несет в себе негативные последствия. При оказании туристических услуг существование теневого сектора прямо влияет на безопасность туристического продукта. Оборот наличных денежных средств позволяет нелегальным туроператорам диктовать свои условия существования рынка, способствует развитию недобросовестной конкуренции. У нелегальных туроператоров есть возможность предложить контрагентам расплачиваться за услуги предоставляемого проживания или питания туристов с помощью наличных средств. Следовательно, никакого учета по ним не ведется и отчетность в налоговую инспекцию не предоставляется. В связи с этим контрагенты могут предоставлять услуги ненадлежащего качества по коллективным средствам размещения, не соответствующие заявленным при продаже туристического продукта потребителю. Организовывать питание в малоизвестных и не соответствующих требованиям Роспотребнадзора местах общественного питания. Другими словами, необходимо создать инструмент для борьбы с нелегальным оборотом денежных средств.

Одним из инструментов контроля за деятельностью туристического бизнеса региона и выявления его теневого сектора является создание комиссии, основной задачей которой будет внезапная проверка без предварительного уведомления проверяемого юридического лица по оказанию услуг в туристической отрасли. Таким образом, появится эффективный инструмент в борьбе с теневым сектором туристического рынка Иркутской области и пресечением нелегальной деятельности в туризме.

Также хотелось бы отметить, что эффективным направлением, связанным с обеспечением безопасности туризма на территории Иркутской области, может послужить создание регионального информационного туристического ресурса как на русском так и на иностранных языках. На этом ресурсе должна отображаться актуальная информация о ситуации по всем направлениям и туристическим маршрутам, их характеристика, погодно-климатические условия, ситуация на дорогах, обстановка на лесных и горных тропах, оборудованных местах стоянок, о состоянии гостиничных комплексов, всех видах транспорта, объектах общественного питания, телефоны справочных и спасательных служб и так далее. Другими словами всю самую нужную и необходимую информацию для российских и иностранных туристов с целью их комфортного пребывания в регионе.

Следует отметить, что в настоящее время наукой не предложен комплекс методических подходов к безопасному развитию сферы туризма в современных, постоянно изменяющихся условиях. Существующие методы позволяют производить, например, оценку экономической безопасности в туристской сфере без учета элементов остальных уровней. Опыт последних лет наглядно демонстрирует неполную готовность туристической индустрии не только оценивать риск возникновения опасных ситуаций, но и оперативно реагировать на их возникновение, обеспечивая для туристов комфортные условия – важ-

нейшую составляющую безопасности туристских услуг.

В дополнении к реализуемым в настоящее время мерам по обеспечению комплексной безопасности регионального туризма можно предложить:

- систему мониторинга показателей и критериев безопасности туризма в регионе, включающую статистику по туристам, пострадавшим в результате несчастных случаев, заболеваний и т.п.;
- экономические механизмы стимулирования развития туризма, которые будут способствовать направлению финансовых средств на обеспечение безопасности при транспортировке, размещении, экскурсионном обслуживании туристов;
- совершенствование деятельности региональных органов безопасности туризма, в задачи которых входит координация действий участников туристского процесса, их информационное обеспечение, оповещение о возможных угрозах, мерах их предотвращения, а в случае невозможности последнего – помощь в устранении негативных последствий данных угроз.

Таким образом, можно говорить о том, что вопросы безопасности регионального туризма в России на сегодняшний день чрезвычайно важны. Речь идет о проблемах безопасности как отдельно взятых туристических направлениях деятельности, так и туристической отрасли в целом. И решение этих проблем является важной составляющей обеспечения общей национальной безопасности государства.

В целом можно сделать вывод о том, что безопасность туристов при реализации ими туристического продукта является самой актуальной задачей, которая стоит как перед органами исполнительной власти, так и перед представителями туристического бизнеса региона, которые занимаются непосредственно организацией и продажей туристических продуктов и оказанием туристических услуг.

Безопасность – это важнейшая характеристика, которой должен об-

ладать любой туристический продукт. Эффективное обеспечение безопасности туристической сферы напрямую взаимосвязана с конечной целью туристического обслуживания – оставить приятное впечатление как о самом путешествии, так и о регионе в целом, а также чтобы у туриста появилось желание вернуться в эти места еще раз.

На основании проведенного анализа были предложены следующие направления совершенствования безопасности туризма в Иркутской области:

- строительство новых объектов туристической инфраструктуры, соответствующих всем стандартам безопасности;
- создание единого регионального транспортного реестра пассажирских перевозчиков;
- создание комиссии, основной задачей которой будет осуществление внезапных проверок юридических лиц по оказанию услуг в туристической отрасли;
- создание регионального информационного туристического ресурса как на русском так и на иностранных языках.

Литература

1. Борисова, Ю.В. Влияние динамики предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти (на примере Иркутской области) / Ю.В. Борисова, Е.С. Беляева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 45. – 120–134
2. Борисова, Ю.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян / Ю.В. Борисова. Социология. – 2018. – № 2. – С. 97–103.
3. Борисова, Ю.В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) (научная монография) / Ю.В. Борисова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 170 с.
4. Борисова, Ю.В. Стратегическое развитие территории / Ю.В. Бори-

- сова. – Социология. – 2018. – № 3. – С. 87–93.
5. Заварзина Ю.В., Батьянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия / Ю.В. Заварзина, Л.Н. Батьянова, Н.В. Москвитина // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 315–318.
 6. Заварзина, Ю.В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) / Ю.В. Заварзина. – Женщина в российском обществе. – 2018. – № 4 (89). – С. 111–119.
 7. Заварзина, Ю.В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) (научная монография) / Ю.В. Заварзина. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.
 8. Малых С.В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации / С.В. Малых // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Сборник научных материалов Всероссийской (заочной) с международным участием научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск, СибГУКИ, 2018. – С. 643–646.
 9. Москвитина Н.В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона / Н.В. Москвитина // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Второй региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 198–201.
 10. Москвитина Н.В., Иванов Р.В., Заварзина Ю.В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе / Н.В. Москвитина, Р.В. Иванов, Ю.В. Заварзина // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этно-региональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 158–161.
 11. Москвитина Н.В., Кадыш Р.М. Основные перспективы развития и консолидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия / Н.В. Москвитина, Р.М. Кадыш // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. – С. 399–402.
 12. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков / О.А. Полюшкевич // Социология. 2018. – № 2. – С. 113–117.
 13. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири / О.А. Полюшкевич // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. – № 4 (47). – С. 293–300.
 14. Полюшкевич О.А. Территория как символ консолидации Байкальского региона / О.А. Полюшкевич // DIXI – 2017: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики права. Хабаровск, 2017. – С. 129–135.

SOCIAL CONSEQUENCES OF CLUSTERING IN TOURISM

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article discusses the features of the clustering of the tourism industry. Social consequences and risks for social reproduction of a particular region are analyzed. On the example of the Irkutsk region, a comprehensive analysis of social changes in territorial development through the prism of the tourism sector is carried out.

Keywords: clustering, territory development, tourism, social consequences.

References

1. Borisova, Yu.V. The influence of the dynamics of the provision of interbudgetary transfers at the subfederal and intraregional levels of government (on the example of the Irkutsk region) / Yu.V. Borisova, E.S. Belyaeva // *Bulletin of the Tomsk State University. Economy.* – 2019. – No. 45. – 120–134
2. Borisova, Yu.V. Territory brand construction in the perceptions of Russians / Yu.V. Borisov. *Sociology.* – 2018. – No. 2. – S.97–103.
3. Borisova, Yu.V. Social and resource management of the competitiveness of the territory (based on the materials of the Irkutsk region) (scientific monograph) / Yu.V. Borisov. – Irkutsk: Izd-vo ISU, 2018. – 170 p.
4. Borisova, Yu.V. Strategic development of the territory / Yu.V. Borisov. – *Sociology.* – 2018. – No. 3. – S.87–93.
5. Zavarzina Yu.V., Batyanova L.N., Moskvitina N.V. Social and resource support of the competitiveness of the territory in the space of network interaction / Yu.V. Zavarzin, L.N. Batyanova, N.V. Moskvitina // *Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference.* Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. – S. 315–318.
6. Zavarzina, Yu.V. Gender differences in the perception of territorial development (on the example of the Irkutsk region) / Yu.V. Zavarzin. – *Woman in Russian society.* – 2018. – No. 4 (89). – P. 111–119.
7. Zavarzina, Yu.V. Financial management in the state and municipal sectors as a tool for the development of the territory (based on the materials of the Irkutsk region) (scientific monograph) / Yu.V. Zavarzin. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. – 163 p.

8. Malykh S.V. Perception of the territory of the Irkutsk region through news telecommunications / S.V. Malykh // *Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Collection of scientific materials of the All-Russian (correspondence) with international participation of the scientific conference of teachers, graduate students and students.* Khabarovsk, SibGUKI, 2018. – S. 643–646.
9. Moskvitina N.V. Features of rural tourism on the territory of the Baikal region / N.V. Moskvitina // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Second Regional Scientific and Practical Conference.* Irkutsk, ISU, 2019. – S. 198–201.
10. Moskvitina N.V., Ivanov R.V., Zavarzina Yu.V. Reducing transfer dependence on the federal center as an economic and psychological factor in stabilizing the situation in the region. Moskvitina, R.V. Ivanov, Yu.V. Zavarzina // *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation.* Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, ISU, 2019. – S. 158–161.
11. Moskvitina N.V., Kadysh R.M. The main prospects for the development and consolidation of tourist activities in the North-Baikal region of the Republic of Buryatia / N.V. Moskvitina, R.M. Kadysh // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference.* Irkutsk, ISU, 2020. – S. 399–402.
12. Polyushkevich O.A. The symbolic meaning of the territory in the minds of Siberians / O.A. Polyushkevich // *Sociology.* 2018. – No. 2. – P. 113–117.
13. Polyushkevich O.A. Territorial and spatial symbols of the socio-cultural solidarity of Siberia / O.A. Polyushkevich // *Bulletin of the Pacific State University.* 2017. – No. 4 (47). – S. 293–300.
14. Polyushkevich O.A. Territory as a symbol of the consolidation of the Baikal region / O.A. Polyushkevich // *DIXI – 2017: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research, collection of scientific papers.* Khabarovsk State University of Law Economics. Khabarovsk, 2017. – S. 129–135.

Проблемы формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области в контексте развития молодежной политики и сферы образования

Загородний Валентин Дмитриевич,

магистрант, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет
E-mail: lic-kric97@mail.ru

В данной работе проведен SWOT-анализ проблем формирования надпрофессиональных навыков молодежью г. Иркутска и Иркутской области. Выделены ключевые сильные и слабые стороны, угрозы и возможности, на основе которых была сформирована как доказательная база, так и пути решения поставленных проблем. В ходе исследования были разработаны рекомендации министерству по молодежной политике Иркутской области.

Ключевые слова: надпрофессиональные навыки, рынок труда, молодежь.

Современная парадигма рынка труда трактует важность для профессиональной реализации в контексте отдельной личности и государства в целом не только профессиональных навыков специалиста, но и то, что основополагающими конкурентными преимуществами выступают надпрофессиональных навыки / мягкие навыки (от англ. «soft skills»). Ориентация на мягкие навыки в современном российском рынке труда была сформулирована Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в октябре 2017 года на встрече с участниками Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходит в Сочи.

Надпрофессиональные навыки являются крайне широким понятие, так как включает в себя огромное количество статусных характеристик человека в широком смысле, некоторые из которых изучены не в полном объеме или же результаты исследования не приняты во внимание в нашем регионе / государстве. Таким образом, острота и новизна проблемы формирования надпрофессиональных навыков молодежью, незначительное количество исследований, ограниченность инструментов молодежной политики Иркутска и Иркутской области не способствует повышению эффективности формирования надпрофессиональных навыков молодежи. Для подробного анализа формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска был проведен SWOT-анализ данного понятия (табл. 1).

Сильные стороны формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области представляют собой факторы, способствующие решению проблемы. Ориентация на профессиональные навыки как на конкурентное преимущество

на сегодняшний день является ведущим трендом в профессиональной сфере / на рынке труда, признанный ведущими мировыми и отечественными организациями.

щими мировыми и отечественными организациями.

Таблица 1. Матрица SWOT-анализа формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутской области

<p><i>Сильные стороны</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ведущий тренд в профессиональной сфере / на рынке труда, признанный ведущими мировыми и отечественными организациями; 2. Заинтересованность молодежи региона в формировании надпрофессиональных навыков; 3. Способствует взаимному развитию имиджа региона / города через развитие социального капитала молодежи; 4. Способствует развитию социального и экономического секторов региона путем развития социального капитала молодежи; 5. Развивает конкурентные преимущества региональной молодежи. 	<p><i>Возможности решения проблемы</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие «форумного» движения региона путем увеличения количества площадок для обучения, с привлечением бизнес структур и некоммерческого сектора региона / муниципалитета; 2. Расширение базы федеральных, региональных и муниципальных спикеров в области психологии труда и менеджмента для массового обучения надпрофессиональным навыкам молодежи; 3. Проведение ежегодного исследования потребностей молодежи в области надпрофессиональных компетенций; 4. Развитие телекоммуникационных систем для массовой интеграции обучения молодежи; 5. Создание организации развития регионального движения талантливой молодежи в области профориентации и профессионального роста.
<p><i>Слабые стороны</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Незрелость федеральной, региональной, муниципальной нормативно-правовой базы, способствующей развитию надпрофессиональных навыков; 2. Ограниченное финансирование региональных программ ГМП и муниципальных программ, способствующих развитию надпрофессиональных навыков молодежи; 3. Низкий уровень развития муниципалитетов, кроме регионального центра, в сфере профессионального развития и молодежи в целом; 4. Ограниченность полномочий региональных и муниципальных органов власти на влияние на развития данных навыков в ВУЗах с корреляцией на региональные / муниципальные интересы и особенности; 5. Отсутствие корреляции предоставляемых возможностей для молодежи с современными требованиями рынка труда и потребностями молодежи. 	<p><i>Угрозы решения проблемы</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ориентация регионального образования только на профессиональные навыки, что приведет к ослаблению конкурентной способности молодежи региона; 2. Снижение качества предоставляемых возможностей для формирования надпрофессиональных навыков; 3. Отсутствие мотивации молодежи в формировании надпрофессиональных навыков; 4. Закрытие крупных региональных программ и мероприятий из-за неэффективности / коррупции; 5. Имиджовое, структурно-функциональное и вариативное отставание региональной системе формирования надпрофессиональных навыков, что приведет к увеличению оттока молодежи региона.

Ориентация на мягкие навыки в современном российском рынке труда была сформулирована Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в октябре 2017 года на встрече с участниками Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходит в Сочи. Также участники Всемирного экономического форума и Гайдаровского форума отметили, что трансформация образования в условиях технологической революции приводит к возрастанию потребности в надпрофессиональных навыках, а Ассоциация бизнес-образования США и ОЭСР определяют гибкие навыки как критически важный фактор трудоустройства в условиях современного рынка труда.

Согласно результатам совместного исследования ученых из Гарварда, Стэнфорда и Фонда Карнеги, soft-skills определяют успех человека в профессии на 85%, и только 15% зависит от узкоспециализированных навыков [20]. В исследовании британского фонда Sutton Trust, 88% опрошенных молодых людей, 94% работодателей и 97% учителей ответили, что считают надпрофессиональные навыки настолько же или более важными, чем профессиональные. Сейчас важно уделить внимание развитию гибких навыков у ребенка, чтобы помочь справиться с изменениями и не потеряться в будущем [19].

Такая важность надпрофессиональных навыков в современных конкурент-

ных условиях на рынке труда вынуждает молодежь все чаще задумываться над их формированием, что, в свою очередь, определяет дальнейший образовательный и профессиональный вектор развития. *Заинтересованность молодежи Иркутска и Иркутской области в формировании надпрофессиональных навыков* было подтверждено в ходе комплексного социологического исследования «Условия и основные тенденции формирования символического капитала молодежи в Иркутской области», проведенного лично автором на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ в период с марта 2018 г. по апрель 2018 г. Большая часть ответов респондентов гласит о том, что молодежи не хватает возможностей получения надпрофессиональных навыков – 21,2%. Также для молодежи важны такие возможности, как государственной поддержки стартового этапа молодыми специалистами – 16,7%; государственно-частная поддержка талантливой молодежи – 15,9% и посещения открытых встреч с органами власти, бизнес сообществом, общественностью – 14,7%. Всего 7 ответов (респондентов) затруднились ответить на данный вопрос – 2,9% (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каких именно возможностей молодежи Иркутской области не хватает?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в%
1.	Получение надпрофессиональных навыков	52	21,2%
2.	Получение государственной поддержки стартового этапа молодыми специалистами	41	16,7%
3.	Государственно-частная поддержка талантливой молодежи	39	15,9%

Окончание

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в%
4.	Посещение открытых встреч с органами власти, бизнес сообществом, общественностью	36	14,7%
5.	Самопрезентация в рамках профильных площадок	28	11,4%
6.	Получение котированных знаков социального признания в рамках новой системы стимулирования молодежи	25	10,2%
7.	Все вышеперечисленное	17	6,9%
8.	Затрудняюсь ответить	7	2,9%
	Всего	245	100,0%

Развитие надпрофессиональных навыков молодежи способствует взаимному развитию имиджа региона через развитие социального капитала молодежи. Данный тезис представлен как закономерность классической теории имиджа как конкурентного ресурса территории. Имидж территории, ее репутация в общественно-политических, деловых и социальных кругах становятся основополагающими факторами продвижения региональных проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений. Для развития имиджа Иркутска и Иркутской области и социального капитала молодежи, в том числе надпрофессиональных навыков, в регионе были созданы Центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ). ЦМИТ способствует формированию у школьников стремления к изобретательской, рационализаторской и исследовательской деятельности, техническому творчеству, привлечению молодежи к изучению и практическому применению современных технологий, развитию инновационного предпринимательства.

Теория конкурентоспособности территорий гласит о том, что *развития со-*

циального капитала молодежи способствует развитию социального и экономического секторов региона. Стоит отметить, что потенциал любой территории, экономический и социальный сектор региона зависит от множества факторов, однако, основополагающий элемент данной системы является человек, а если говорить о перспективах развития, то молодежь. Соответственно, развитие символического и социального капиталов молодежи, в которых входят надпрофессиональные навыки, влияет на развитие региона в целом.

Как уже было сказано, надпрофессиональные навыки являются трендом современного рынка труда. Современные работодатели, особенно в крупных предприятиях, предпочтения отдают именно надпрофессиональным навыкам, которыми обладает кандидат на трудоустройство. С одной стороны, такая тенденция является следствием того, что работодателям все равно приходится самостоятельно обучать нового сотрудника необходимым профессиональным навыкам, так как образование во многих образовательных организациях не ориентировано на практическое обучение. Для повышения конкурентоспособности на рынке труда молодежь в процессе обучения в школе / университете должны сформировать надпрофессиональные компетенции [2]. С другой стороны, такая ситуация сложилась с размытием профессиональных требований к сотрудникам из-за сильной специализации, ведь параллельным с этим явлением надпрофессиональные навыки являются уникальными и зачастую слабо поддаются изменениям по причине прогресса. Поэтому можно сказать, что формирование надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области развивает конкурентные преимущества региональной молодежи.

Слабыми сторонами формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области являются факторы, препятствующие решению проблемы. Главная проблема

в данном вопросе – *неразвитость федеральной, региональной и муниципальной нормативно-правовой базы, способствующей развитию надпрофессиональных навыков.*

При анализе задач госпрограммы Иркутской области «Молодежная политика» видно, что только одни из задач («качественное развитие потенциала и воспитание молодежи») напрямую влияет на развитие инструментов формирования надпрофессиональных навыков молодежи Иркутской области, однако, подпрограмма с аналогичным названием не имеет задач по исследуемой проблеме.

Можно сказать, что государство уделяет внимание вопросу развития молодежи, однако, проблема надпрофессиональных навыков не раскрыта, также нет четкой категоризации базы и конкретной дифференциации навыков, соответственно, данная проблема актуализирует тему формирования надпрофессиональных навыков молодежью в Иркутской области.

Проблема *ограниченности финансирования региональных программ ГМП и муниципальных программ, способствующих развитию надпрофессиональных навыков молодежи*, в корреляции с формированием надпрофессиональных навыков молодежью региона является также актуальной. По результатам исследования «Государственная молодежная политика Иркутской области в современный период: история, проблемы, перспективы», проведенное кандидатом политических наук, доцентом Зуляем Р.Ю., гласит, что финансовая сторона (недостаточное финансирование) является наиболее важной в вопросе региональной и муниципальной молодежной политики. Также данную проблему подтвердил один из экспертов, принявших участие в исследовании [6].

Следующая проблема, которая мешает развитию инструментов, способствующих формированию надпрофессиональных навыков молодежью является *низкий уровень развития муниципальных, кроме регионального цен-*

тра, в сфере профессионального развития и молодежи в целом. Под низким уровнем развития понимается именно материальной техникой уровень, малое количество квалифицированных спикеров и экспертов, а также ограниченность финансирования. Важно отметить, что данная проблема приобрела особую актуальность в связи с наводнениями и пожарами в регионе.

Развитие надпрофессиональных навыков сопровождается развитием материально-технической базы муниципального образования, различные вертикальных и горизонтальных лифтов, а также инструментов стимулирования молодежи в формировании качественных надпрофессиональных навыков. Стоит отметить, что данный процесс базируется на комплексном культурном и социальном развитии молодежи, коррелирующее с основными социокультурными ценностями государства.

Четвертая проблема формирования надпрофессиональных навыков молодежью – *ограниченность полномочий региональных и муниципальных органов власти на влияние на развития данных навыков в ВУЗах с корреляцией на региональные / муниципальные интересы и особенности*. Учебные заведения высшего образования являются социальными институтами с особой социокультурной средой. Данная среда является отличной платформой для саморазвития и самореализации молодежи, в особенности в направлении надпрофессиональных навыков, однако, все ВУЗы напрямую подчинены федеральным органам исполнительной власти. Если исключить столичные ВУЗы Российской Федерации, управляющие органы которых находятся в том же городе (г. Москва), то можно сказать, что органы власти отчуждены от социально-экономической ситуации регионов, в которых находятся ВУЗы. Соответственно, принимаемые решения, построенные на усредненной статистике, не решают региональных проблем, а также не коррелируются с материально-техническим развитием

самых ВУЗов. А так как управленческие полномочия сосредоточены у федеральных органов исполнительной власти, региональные органы власти напрямую не могут влиять на высшее образование в регионах, соответственно, их директивы носят рекомендательный характер. Итогом является то, что ВУЗы, как уникальная социокультурная платформа для развития молодежи, напрямую подчиняются федеральному законодательству, которое развитие надпрофессиональных навыков не ставит в приоритет, а региональная и муниципальная власть не может напрямую на это влиять.

Отсутствие корреляции предоставляемых возможностей для молодежи с современными требованиями рынка труда и потребностями молодежи является одной из самых серьезных проблем региональных и муниципальных органов власти. То есть мы можем сказать, что министерство труда и занятости Иркутской области формирует списки востребованных профессий и вакансий [29]. Однако, официальных репрезентативных научных исследований потребностей молодежи Иркутской области не проводился более 5 лет, а государственные доклады министерства по молодежной политике Иркутской области вопросы необходимых надпрофессиональных навыков и потребностях в профессиональной сфере не ставятся, хотя было выяснено, что 23,4% опрошенной молодежи помогли личные способности и навыки при поиске места работы после получения образования [21].

Под возможностями решения проблемы понимаются перспективные ресурсы, помогающих развивать надпрофессиональные навыки молодежи Иркутской области. Первой такой возможностью является *развитие «форумного» движения региона путем увеличения количества площадок для обучения, с привлечением бизнес структур и некоммерческого сектора региона*. «Форумное» движение – это развитие инфраструктурных возможностей для молодежи, а также создание сети иннова-

ционных многопрофильных площадок, которые в своем целевом базисе имеют задачу развития надпрофессиональных навыков. В контексте данной проблемы были проанализированы сайты Министерства по молодежной политике Иркутской области (<http://mmp38.ru/>), Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) (<http://fadm.gov.ru/>), а также сайт Российского союза молодежи (Режим доступа: <http://www.ruym.ru/>) с целью выявления основных направлений стимулирования молодежи в достижении статусных возможностей при помощи исполнительной власти и НКО. Проанализировав данные сайты, можно сказать, что основные направления – разнообразные образовательные форумы и семинары, участие в которых производится на конкурсной основе; грантовая поддержка общественных организаций и проектов, которое производится на конкурсной основе; поощрение талантливой молодежи при помощи различных конкурсов. Данные направления должны стать приоритетными в развитии региональной и муниципальной «формуной» сети. Однако, основополагающее звено данного сетевого взаимодействия является активное участие представителей регионального бизнеса и НКО. Данное обязательное условие обусловлено тем, что накопленный опыт данными структурами является необходимой составляющей формирования именно качественных надпрофессиональных навыков. Важно отметить, что в ходе социологического исследования, проведенного лично автором на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ в период с апреля 2019 г. по май 2019 г., было выявлено, что у больше половины опрошенной молодежи Иркутской области готова участвовать в проекте, который будет помогать в формировании надпрофессиональных навыков (см. табл. 3).

Табл. 3 показывает, что больше половины респондентов готовы принять участие в проекте (59,3%). 14,4% не готовы участвовать. Затруднились ответить – 26,2%.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В случае реализации проекта по разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи в достижении статусных возможностей, готовы ли Вы принять в нем участие?», в%

№ п/п	Вариант ответов	Кол-во чел.	Доля, в%
1	Да, готов (-а)	181	59,3%
2	Нет, не готов (-а)	44	14,4%
3	Затрудняюсь ответить	80	26,2%
	Всего	305	100,0%

Расширение базы федеральных, региональных и муниципальных спикеров в области психологии труда и менеджмента для массового обучения надпрофессиональным навыкам молодежь является логичным продолжением развития «форумного» движения в Иркутске и Иркутской области. Однако, в данный пункт подразумевает не только договорную кампанию с федеральными спикерами для постоянных встреч с молодежью Иркутской области, а также работу с региональными специалистами. Категория региональных специалистов дифференцируется на областных и муниципальных, причем основной упор делается на обучение и формирование молодых муниципальных специалистов для внутренней работы внутри муниципалитета, а также для межмуниципального взаимодействия. Данная система в совокупности с созданием инновационных площадок и развитием материально-технической базы региона позволит реализовывать полномасштабную кампанию для молодежи в формировании надпрофессиональных навыков.

Проведение ежегодного исследования потребностей молодежи в области надпрофессиональных компетенций является перспективной возможностью помимо решения проблемы корреляции данных потребностей с запросами рынка труда, также в выявлении новых потребностей, решение которых будет препятствовать развитиям социальных проблем и напряжений в молодежной

среде. Данное исследование поможет закрыть основные причины оттока молодежи (см. рис. 1), а также поможет

в выработке стратегических программ, связанных с молодежью.

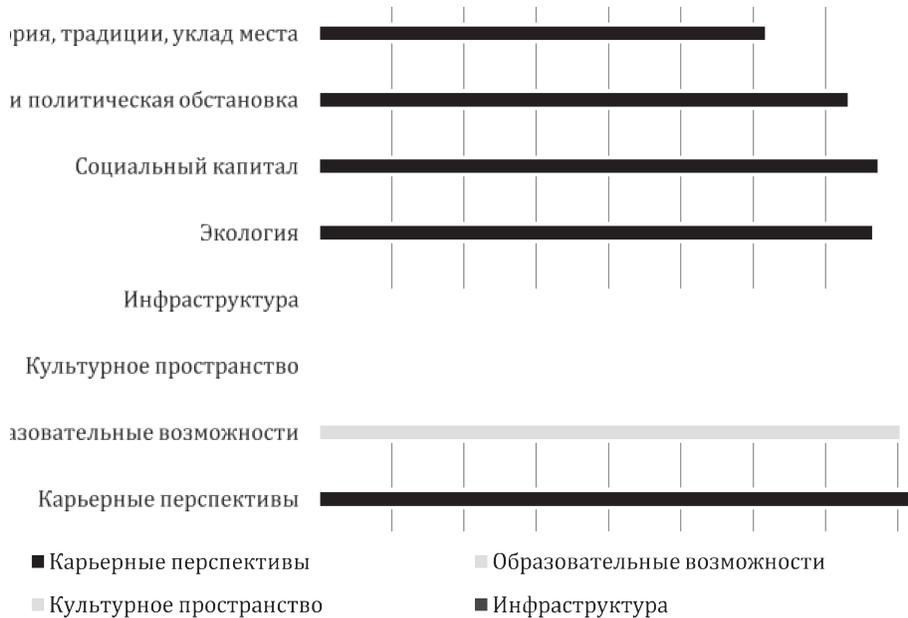

Рис. 1. Категориальное распределение ответов на вопрос: «Назовите основные причины переезда из Иркутской области» (по материалам государственного доклада «Молодежь Иркутской области 2018») [21].

Развитие телекоммуникационных систем для массовой интеграции обучения молодежи – это современное средство решению большинства проблем, связанных с территориальной дифференциацией и удаленностью муниципалитетов для регионального центра. Развитие данных систем позволит расширить сетевое взаимодействие внутри региона и за его пределами. Также региональные органы исполнительной власти смогут сэкономить бюджетные средства на трансферные и организационные расходы некоторых мероприятий, соответственно, высвободившиеся средства можно будет направить на расширение «формного» движения в муниципальных образованиях Иркутской области в форме дотаций или субсидий. Например, министерство по молодежной политике Иркутской области являлся ответственным исполнителем уже утратившей силу Государственной

программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014–2020 гг. Объем финансирования государственной программы за счет средств областного бюджета на 2018 г. был установлен в объеме 196156,1 тыс. руб., а объемом финансирования для государственной подпрограммы «Качественное развитие потенциала и воспитание молодежи» на 2014–2020 гг. составил всего 49530,7 тыс. рублей (25,6% от общего объема программы в 2018 году) [21]. Однако, в рамках субъекта РФ данный объем финансирования является небольшим, следовательно, любая экономия за счет развития инновационных технологий с целью расширения и углубления мероприятий является стратегически выигрышным.

Последняя возможность (*создание организации для развития регионального и муниципального движения талантливой молодежи в области профо-*

риентации и профессионального роста) параллельно с тем, что является инновационным потенциалом Иркутской области, должна будет реализована в рамках государственного и муниципального управления. Основной причи-

ной именно такой тенденции является доверие молодежи органам власти в данном вопросе, что было подтверждено в рамках социологического исследования (см. рис. 2).

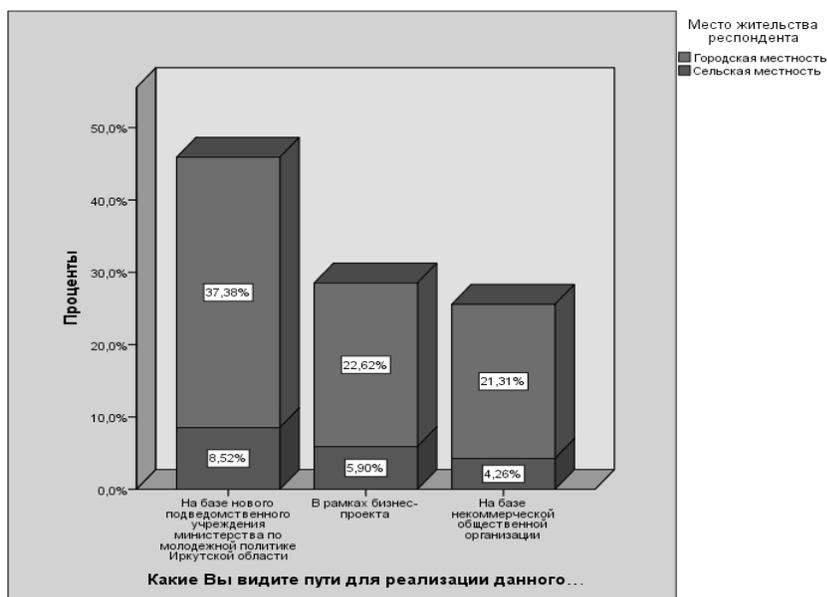

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие Вы видите пути реализации данного проекта?», в %

Стоит понимать, что профиль данной организации будет направлен на координации сетевого взаимодействия молодежи и экспертов федерального, регионального и муниципального уровней на различных инновационных «форумных» площадках региона, а также привлечение дополнительных средств на развитие данного взаимодействия. Также данная организация будет нацелена на развитие определенных надпрофессиональных навыков современной молодежи Иркутской области, опираясь на запрос самой молодежи (рис. 3).

Инновационные направления данной организации:

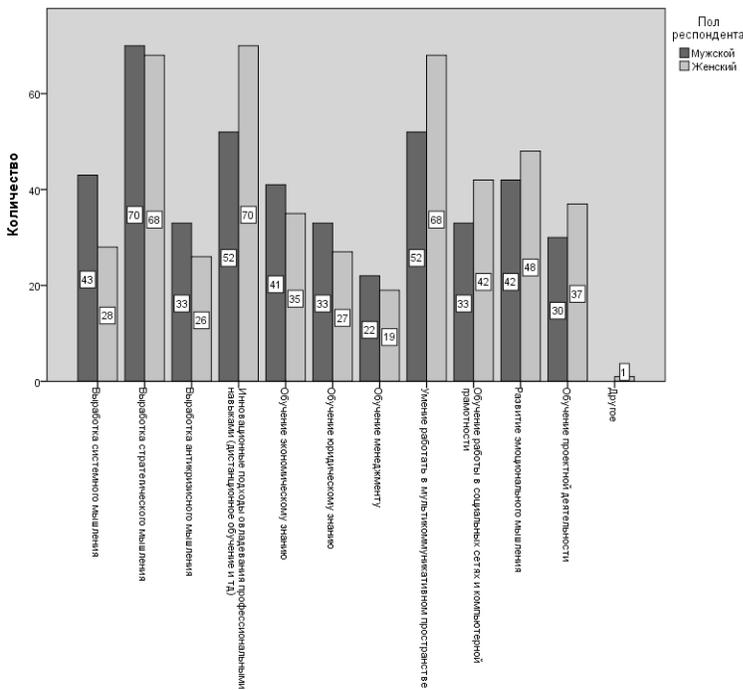
1. Выработка системного мышления;
2. Выработка стратегического мышления;
3. Выработка антикризисного мышления;

4. Инновационные подходы овладения профессиональными навыками (дистанционное обучение и т.д.);
5. Обучение экономическому знанию;
6. Обучение юридическому знанию;
7. Обучение менеджменту;
8. Умение работать в мультикоммуникативном пространстве;
9. Обучение работы в социальных сетях и компьютерной грамотности;
10. Развитие эмоционального мышления;
11. Обучение проектной деятельности.

Каждая социальное явление или объект имеет также имеет свои **угрозы**. Угрозами в контексте проблемы социального характера можно назвать недостатками, отсутствием каких-либо ресурсов и будущие риски. Первая угроза для формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области является *ориентация ре-*

гионального образования только на профессиональные навыки, что приведет к ослаблению конкурентной способности молодежи региона. Необходимо понимать, что формирование и развитие большинства данных навыков начинается в институтах ранней социализации (детский сад, школа) и продолжается в СУЗах и ВУЗах. Полномочия органов исполнительной власти прописаны в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [33]. Данные полномочия, не нарушая образовательные стандарты, дают право региональным и муниципальным органам власти осуществлять контроль в сфере дошкольного и среднего образования. Как уже было отмечено, нормативно-правовой базе в сфере образования и молодежи вектор на развитие надпрофессиональных

навыком не выстроен, соответственно, региональные и муниципальные власти сами вправе вводить внеурочные дополнительные лектории, занятия, семинары и т.д. на добровольной основе, для создания площадок развития надпрофессиональных навыков, однако, это требует создание социальной инфраструктуру (кружки, секции, клубы) и дополнительное финансирование сопровождающей инфраструктуру (заработная плата педагогов, транспортные расходы, оплата помещений и т.д.). Соответственно, с точки зрения экономики Иркутской области данное направление не является перспективным на данный момент, но его игнорирование способствует резкому уменьшению уровня конкурентоспособности на дальнейших этапах развития молодого поколения после завершения среднего образования.

Какие инновационные инструменты будут эффективны в стимуляции ...

Рис. 3. Распределение ответов населения на вопрос: «Какие инновационные инструменты будут эффективны в стимуляции молодежи на развитие?», в%

Следующая угроза – отсутствие мотивации молодежи в формировании надпрофессиональных навыков. Молодежные инициативы сложно реализовать

вать, если нет активной жизненной позиции, заинтересованности в деятельности и соответствующей мотивации. Именно поэтому молодежь предлагает такие меры для успешного формирования молодежной политики, которые будут стимулировать молодое поколение на новые действия и достижения [21]. Иркутской области и СФО (по данным исследования Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского) в целом имеет высокий уровень депрессивности. Наибольшее число пациентов с симптомами депрессии было отмечено в Сибирском федеральном округе: 96,6 случаев на 100 тыс. человек. Депрессивное настроение населения отражает в усредненном отношении отсутствие заинтересованности в формировании надпрофессиональных навыков, ведь они являются одной из высших потребностей человека [13]. Но не удовлетворим базовые потребности, человек, во-первых, не может начать удовлетворять высшие потребности, во-вторых, начинает испытывать психологические проблемы и, как тяжелая затяжная форма, психические расстройства. Нужно отметить, что результаты исследования лишь косвенно подтверждают влияние на мотивацию молодежи, поэтому данную проблему автор относит лишь к возможным угрозам.

Следующие две угрозы (*снижение качества предоставляемых возможностей для формирования надпрофессиональных навыков; закрытие крупных региональных программ и мероприятий из-за неэффективности / коррупции*) являются взаимозависимыми. Во-первых, стоит сказать, что снижение качества предоставляемых возможностей может быть следствием ненадлежащей реализации инновационной площадки как возможности для развития (ошибки в исследовании рабочего поля, недостаточность финансирования, отсутствие достаточного управленческого опыта, недостаточность региональных / муниципальных ресурсов и т.д.). Коррупция также может быть причиной не-

эффективности программ, ведь у исполнителей будет отсутствовать мотивация в надлежащем исполнении своих обязанностей. В свою очередь, неэффективность программ и мероприятий напрямую зависит от качества предоставляемых возможностей. Также неэффективность может возникнуть при дальнейшем отсутствии корреляции предоставляемых возможностей с современными потребностями молодежи.

Имиджливое, структурно-функциональное и вариативное отставание региональной системы формирования надпрофессиональных навыков, что приведет к увеличению оттока молодежи региона. Прогноз Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области дает положительную демографический прогноз до 2035 года в отношении молодежи в возрасте от 14 до 30 лет [35]. Средний ежегодный прирост молодежи – 1,01% от количества населения за предыдущий год. Также Иркстат прогнозирует сокращение отрицательной миграционной динамики в среднем 2,27% ежегодно [28]. Однако, данные положительные статистические прогнозы не отражают действительную имиджливую привлекательность Иркутской области для молодежи. Актуальными проблемами для молодежи остаются ограниченность предлагаемых образовательных программ по интересующим профессиям, проблемы на рынке труда, ведь «...по официальным данным, молодежь составляет 30% от общего числа безработных, которые зарегистрированы в центрах занятости населения» [21], а также недостаточность возможностей и вариативности в присвоении социального капитала (см. рис. 1). Можно выделить основные направления совершенствования молодежной сферы, которые позволят увеличить имидж Иркутской области для молодежи:

1. управление, лидерство (молодежная дума, студенческие советы);
2. творчество; военно-патриотическое воспитание (отряды, выступления на памятные даты);

3. духовно-нравственное воспитание (семья, отношения супругов, роль отца в семье);
4. учеба, вузы (студенты – как отдельная категория, трудоустройство);
5. информационное направление (помощь в преодолении трудностей в выделении необходимой информации из обширного информационного потока).

Изучение основных проблем и тенденций формирования надпрофессиональных навыков позволяет выявить конструктивный вектор развития государственной политики в отношении этих проблем. Требуется обобщенная формулировка предложений и рекомендаций, которые непосредственно связанные с государственной молодежной политикой. Приоритетные задачи государственной политики должны быть направлены на усиление мер поддержки молодежи и удержанию ее в регионе. По результатам проведенных исследований предполагалась разработка практических рекомендаций для органов государственной власти и бизнес-сообществ Иркутской области по вопросам стимуляции молодежи в формировании надпрофессиональных навыков.

Изучив мнение экспертов и положение молодежи Иркутска и Иркутской области, а также опираясь на результаты исследования, считаем возможным рекомендовать:

- Органам региональной власти:
1. поддержка талантливой молодежи, в том числе финансовая, грантовая, дополнительные стипендиальные программы для студентов;
 2. повышать престиж области;
 3. стимулирование в финансовом плане молодежь;
 4. совершенствование и доработка системы поддержки молодежи;
 5. организация работы по обмену опытом между регионами;
 6. осуществление действенных мероприятий по внедрению и реализации федеральных проектов, проектов федеральных и международных корпораций;

7. совершенствовать трансферную поддержку молодежи для реализации своего потенциала по всей стране;
 8. усовершенствовать систему информирования молодежи в социальных сетях о молодежных мероприятиях и проектах;
 9. выработать систему обратной связи с молодежью;
 10. завершить процесс агломерации, создать научно-исследовательский центр на базе Иркутского государственного университета по изучению молодежи Иркутской области;
 11. улучшение условий труда, в том числе поднятие заработных плат;
 12. работа просветительского характера, направленная на воспитание патриотических ценностей и акцентирование привлекательности региона, в образовательных учреждениях (школы, ссузы, вузы);
 13. информирование молодежь о возможностях;
 14. бороться с проблемой закрытости вертикальных лифтов в системе государственного и муниципального управления;
 15. внедрять инновационные технологии, которые уже давно реализуются в федеральных центрах государства, по улучшению городской инфраструктуры;
 16. разработать систему мотивации молодежи;
 17. совершенствование и регулирование нормативно-правовой базы в сфере реализации молодежных инициатив;
 18. учреждение ресурсного центра поддержки талантливой молодежи в организационно-правовой форме;
- Органам муниципальной власти:
1. оказать содействие в реализации представленного проекта;
 2. повышать престиж города;
 3. разработка системы мотивационных действий для привлечения молодежи в регион;
 4. прекращение формального подхода в работе с молодежью;

5. изменение направлений реализации молодежной политики согласно федеральным проектам и проектам, направленным на практическую помощь молодежи;
6. создание условий для самореализации в личном и профессиональном плане;
7. создание условий для активного досуга молодежи;
8. проведение курсов по повышению надпрофессиональных навыков;
9. осуществлять финансирование целевого набора востребованных специалистов муниципалитета; Общественности региона:
1. осуществлять общественный контроль;
2. поддерживать инициативы молодежи;
3. разработка и внесение на рассмотрение заинтересованных структур действенных предложений по решению обозначенных проблем;
4. создание информационно-правового пространства в данном вопросе;
5. создание организации для преодоления административных барьеров;
6. разрабатывать и реализовывать социально-ориентированную проектную деятельность; Бизнес структурам региона:
1. увеличение возможностей целевого обучения студентов, заключения отложенных трудовых договоров для выпускников;
2. установить более тесное сотрудничество с образовательными учреждениями, расширить площадки для прохождения практики студентов;
3. развить внутри предприятия систему поддержки молодых специалистов (наставничество, мотивационные меры, повышение квалификации);
4. взаимодействие с образовательными организациями, государственной и муниципальной властью;
5. разработка и реализация внутренних корпоративных программ по обучению и обмен опытом между молодыми специалистами;

6. создание частных программ поддержки молодежи в реализации социальных, экономических проектах, направленные на улучшение региона и страны в целом.
7. Создание частных акселераторов и бизнес-школ, включение их в государственные процессы.

Литература

1. Вишневский Ю.Р. Социальный облик студенчества 90-х годов / Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубина // СОЦИС. – 1997. – № 10. – С. 56–68.
2. Герман М. В., Далибожко А.И., Краковецкая И.В. Повышение конкурентоспособности выпускников университета на рынке труда: возможность формирования твердых и мягких навыков в международной программе Enactus // Вестник ТГЭУ. 2018. № 1, С. 57–74
3. Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет. / Ф.Э. Шереги – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
4. Гришина Н.В. Ценности студенческой молодежи: к открытости изменениям // Вестник практической психологии образования. – № 4. – 2010. – С. 44–51.
5. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. / А.Г. Здравомыслов – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
6. Зуляр Р.Ю. Государственная молодежная политика Иркутской области в современный период: история, проблемы, перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12–1, С. 774–778
7. Ивонина А.И., Чуланова О.Л., Давлетшина Ю.М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Интернет-журнал «Науковедение» Том 9, № 1 (2017).
8. Ильинский И.М. Молодёжь и молодёжная политика: Философия. История. Теория. / И.М. Ильинский – М.: Голос, 2001. – 694 с.

9. Кадария Ф.Д. Социология молодежи: учебное пособие / И.П. Савченко, Ю.Г. Волков, В.И. Добренчиков, В.А. Шаповалов / Под ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 576 с.
10. Лайк М. Спенсер, Сан М. Спенсер. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. – John Wiley & Sons, Inc., 1993. – 384 с.
11. Лисовского В.Т. Социология молодёжи / под ред. В.Т. Лисовского. – СПб.: Изд-во СПбГУ. – 1996. – 460 с.
12. Луков В.А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. – № 3. – 2007. – С. 70–82.
13. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 392 с.
14. Олейникова А. Н, Муравьева А.А. Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского Союза // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 111–112
15. Патлина А.С., Попова Е.Д. Сетевое взаимодействие вузов и школ как условие формирования soft skills студентов // Теория и методика профессионального образования. 2017. № 2 (35). С. 94–103.
16. Смирнов Э.А. Разработка управленческих решений: учебник для вузов. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 271 с.
17. Титма М.Х. Молодое поколение / М.Х. Титма, Э.А. Саар. – М.: Мысль, 1986. – 446 с.
18. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социол. исследования. – № 3. – 1998. – С. 93–106.
19. Cullinane Carl, Montacute Rebecca. Life lessons: Improving essential life skillsfor young people [Электронный ресурс] // The Sutton Trust. – URL: https://www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2017/10/Life-Lessons-Report_FINAL.pdf (дата обращения: 22.04.2020 г.)
20. Mann Charles A study of engineering education: New York, 1918, b. 11, 152 p.
21. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области 2018» [Электронный ресурс] // Министерство по молодежной политике Иркутской области URL: <https://mmp38.ru/auth> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
22. Закон Иркутской области «О государственной молодежной политике в Иркутской области» от 17 декабря 2008 года № 109-оз [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/819080158> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
23. Закон Иркутской области «Об областной государственной поддержке деятельности студенческих отрядов в Иркутской области» от 01 ноября 2016 года № 83-оз [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446263333> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
24. Закон Иркутской области «Об областной государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений в Иркутской области» от 25 декабря 2007 года № 142-оз [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/469413309> (дата обращения: 17.04.2020 г.)
25. Постановлением Правительства Иркутской области «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы» от 1 ноября 2018 года № 797-пп пп [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/469413309>

- cntd.ru/document/550247328 (дата обращения: 18.04.2020 г.)
26. Постановления Правительства Иркутской области «Об утверждении Положения о предоставлении субсидий из областного бюджета в целях финансового обеспечения затрат в связи с осуществлением деятельности, связанной с созданием и (или) обеспечением деятельности центров молодежного инновационного творчества» от 25 ноября 2015 года № 594-пп [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/430685023> (дата обращения: 18.04.2020 г.)
 27. Распоряжение Правительства Иркутской области «Об утверждении инвестиционной стратегии Иркутской области на период до 2025 года» от 28 августа 2014 года № 701-рп [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/445050189> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
 28. Родившиеся, умершие, естественный и миграционный прирост населения. Демографический прогноз до 2035 года [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
 29. Спрос и предложение на рынке труда [Электронный ресурс] // Интерактивный портал Министерства труда и занятости Иркутской области URL: <https://www.irkzan.ru/statistics/index> (дата обращения: 18.04.2020 г.)
 30. Структура численности работников государственной гражданской и муниципальной службы по возрастным группам [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/chisl2016.html> (дата обращения: 22.04.2020 г.)
 31. Указ Президента РФ от 16.09.1992 г. N 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» /. – URL: <http://base.garant.ru/2300503/> (дата обращения: 20.04.2020 г.)
 32. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 года № 98-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/103544/> (дата обращения: 21.04.2020 г.)
 33. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.04.2020 г.)
 34. Численность населения по полу и возрасту на начало 2019 года в Иркутской области [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/pol_voz_2019.xls (дата обращения: 20.04.2020 г.)

PROBLEMS OF FORMATION OF SOFT-SKILLS YOUTH IN IRKUTSK AND IRKUTSK REGION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY AND EDUCATION

Zagorodny V.D.
Irkutsk State University

In this work, a SWOT-analysis of the problems of the formation of soft-skills by young people in Irkutsk and Irkutsk region was carried out. Key

strengths, weaknesses, threats and opportunities were highlighted, on the basis of which both the evidence base and ways to solve the problems were formed. During the study, recommendations were developed to the Ministry on youth policy of the Irkutsk region.

Keywords: soft-skills, labor market, youth.

References

1. Vishnevsky Yu.R. The social appearance of students in the 90s / Yu.R. Vishnevsky, L. Ya. Rubina // SOTSIS. – 1997. – No. 10. – S. 56–68.
2. German M. V., Dalibozhko A.I., Krakovetskaya I.V. Increasing the competitiveness of university graduates in the labor market: the possibility of forming hard and soft skills in the international program Enactus // Vestnik TSUE. 2018.No. 1, pp. 57–74
3. Gorshkov M.K. Youth of Russia: a sociological portrait. / F.E. Sheregi – M.: TsSPiM, 2010. – 592 p.
4. Grishina NV Values of student youth: towards openness to change // Bulletin of practical psychology of education. – No. 4. – 2010. – S. 44–51.
5. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. / A.G. Zdravomyslov – Moscow: Politizdat, 1986. – 223 p.
6. Zulyar R. Yu. State youth policy of the Irkutsk region in the modern period: history, problems, prospects // Russia: trends and development prospects. 2017. No. 12–1, S. 774–778.
7. Ivonina A.I., Chulanova O.L., Davletshina Yu.M. Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: the role of soft-skills and hard skills in the professional and career development of employees // Internet journal “Science Science” Volume 9, No. 1 (2017).
8. Ilyinsky IM Youth and youth policy: Philosophy. History. Theory. / I.M. Ilyinsky – M.: Golos, 2001. – 694 p.
9. Kadarina F.D. Sociology of youth: textbook / I.P. Savchenko, Yu.G. Volkov, V.I. Dobrenkov, V.A. Shapovalov / Ed. Yu.G. Volkova. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. – 576 p.
10. Like M. Spencer, Sun M. Spencer. Competencies at work. Models for maximum work efficiency. – John Wiley & Sons, Inc., 1993. – 384 p.
11. Lisovsky VT Sociology of Youth / ed. V.T. Lisovsky. – SPb.: Publishing house of SPbSU. – 1996. – 460 p.
12. Lukov VA Theories of youth: ways of development // Knowledge. Understanding. Skill. – Number 3. – 2007. – S. 70–82.
13. Maslow A.G. Motivation and personality / per. from English – 3rd ed. – SPb.: Peter, 2003. – 392 p.
14. Oleinikova A. N, Muravyova A.A. Social partnership in the field of vocational education in the countries of the European Union // Higher education in Russia. – 2009. – No. 6. – P. 111–112
15. Patlina A.S., Popova E.D. Network interaction of universities and schools as a condition for the formation of soft skills of students // Theory and methods of vocational education. 2017. No. 2 (35). S. 94–103.
16. Smirnov E.A. Development of management decisions: a textbook for universities. – M: UNITY-DANA, 2000. – 271 p.
17. Titma M. Kh. Young generation / M. Kh. Titma, E.A. Saar. – M.: Mysl, 1986. – 446 p.
18. Chuprov VI Youth in social reproduction // Sotsiol. research. – No. 3. – 1998. – P. 93–106.
19. Cullinane Carl, Montacute Rebecca. Life lessons: Improving essential life skills for young people [Electronic resource] // The Sutton Trust. – URL: https://www.sutton-trust.com/wp-content/uploads/2017/10/Life-Lessons-Report_FINAL.pdf (date accessed: 22.04.2020)
20. Mann Charles A study of engineering education: New York, 1918, b. 11, 152 p.
21. State report “Youth of the Irkutsk region 2018” [Electronic resource] // Ministry for youth policy of the Irkutsk region URL: <https://mmp38.ru/auth> (date of access: 22.04.2020)
22. The law of the Irkutsk region “On state youth policy in the Irkutsk region” dated December 17, 2008 No. 109-oz [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation “Consortium Code”. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/819080158> (date of access: 22.04.2020)
23. The law of the Irkutsk region “On regional state support for the activities of student groups in the Irkutsk region” dated November 01, 2016 No. 83-oz [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation “Consortium Code”. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446263333> (date of access: 22.04.2020)
24. Law of the Irkutsk region “On regional state support for youth and children’s public as-

- sociations in the Irkutsk region" dated December 25, 2007 No. 142-oz [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation "Consortium Code". – URL: <http://docs.cntd.ru/document/469413309> (date of access: 17.04.2020)
25. Decree of the Government of the Irkutsk region "On approval of the state program of the Irkutsk region" Youth policy "for 2019–2024" dated November 1, 2018 No. 797-pp pp [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation "Consortium Code"... – URL: <http://docs.cntd.ru/document/550247328> (date of access: 18.04.2020)
 26. Resolutions of the Government of the Irkutsk region "On approval of the Regulation on the provision of subsidies from the regional budget in order to financially support costs in connection with the implementation of activities related to the creation and (or) maintenance of the centers of youth innovative creativity" dated November 25, 2015 No. 594-pp [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation "Consortium Code".
 27. Order of the Government of the Irkutsk region "On the approval of the investment strategy of the Irkutsk region for the period up to 2025" dated August 28, 2014 No. 701-rp [Electronic resource] // Electronic fund of legal normative and technical documentation "Consortium Code". – URL: <http://docs.cntd.ru/document/445050189> (date of access: 22.04.2020)
 28. Births, deaths, natural and migratory population growth. Demographic forecast until 2035 [Electronic resource] // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region. – URL: <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank> (date of access: 22.04.2020)
 29. Supply and demand in the labor market [Electronic resource] // Interactive portal of the Ministry of Labor and Employment of the Irkutsk Region URL: <https://www.irkzan.ru/statistics/index> (date of access: 18.04.2020)
 30. The structure of the number of employees of the state civil and municipal service by age group [Electronic resource] // Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk region. – URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/struktura_chisl2016.html (date accessed: 22.04.2020)
 31. Decree of the President of the Russian Federation of 16.09.1992 N 1075 "On priority measures in the field of state youth policy" [Electronic resource] / Information and legal portal "Garant" /. – URL: <http://base.garant.ru/2300503/> (date of access: 20.04.2020)
 32. Federal Law "On State Support of Youth and Children's Public Associations" dated June 28, 1995, No. 98-FZ [Electronic resource] // Information-right portal "Garant". – URL: <http://base.garant.ru/103544/> (date of access: 21.04.2020)
 33. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 No. 273-FZ [Electronic resource] // Information-right system "Consultant Plus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 22.04.2020)
 34. Population by sex and age at the beginning of 2019 in the Irkutsk region [Electronic resource] / Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk region. – URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/pol_voz_2019.xls (date accessed: 20.04.2020)

Корпоративная культура в органах местного самоуправления

Москвитина Наталья Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета,
E-mail: natalikm@mail.ru

В работе анализируются нормы корпоративной культуры, существующие в современном научном дискурсе в России и за рубежом. Выявляются особенности формирования и развития корпоративной культуры в органах местного самоуправления. Также приводятся результаты изучения корпоративной культуры в органах местного самоуправления в Иркутской области, где рассматриваются особенности и формируются рекомендации по развитию корпоративной культуры.

Ключевые слова: корпоративная культура, органы местного самоуправления, ценности, социальное развитие.

В последние годы в нашей стране набирают популярность вопросы о деятельности органов местного самоуправления. Перед муниципальными служащими с каждым годом увеличивается ряд потребностей, которые надо соблюдать для поддержания развития своего муниципального района, по принятию решения о разработке управленческих решений. Именно это является связующей частью между федеральными органами и муниципальными органами, а также между органами муниципальной власти и жителями определенной территории. Так появляется необходимость создать и продвигать корпоративную культуру в органах местного самоуправления, создавать и развивать современные муниципальные органы управления, а также подходить к более эффективному решению вопросов.

Для органов местного самоуправления главным является и то, как складываются деловые отношения внутри муниципального органа и то, как их видит население. Это влияет на их эффективность в решении вопросов, на доверие по отношению к ним граждан. Но на сегодняшнее время корпоративная культура только зарождается в органах местного самоуправления, поэтому она носит стихийный характер, что может и привести к негативным последствиям. Чаще всего к ним относят взяточничество, коррупция, безразличие по отношению к обществу. Наряду с этим также и присутствует и ряд старых стереотипов, например, преследование своих личных интересов, доминирующая составляющая часть руководителя над подчинёнными. Результатом становится то, что образ чиновника выступает в негативном виде, который характеризуется как бюрократ и коррупционер, что влечёт за собой препятствие привлечения молодых высококлассифицированных специалистов, происходит большая текучесть кадров в органах

местного самоуправления, тем самым снижается уровень доверия и общество отчуждается от власти.

Таким образом, актуальность тема обусловлена тем, чтобы рассмотреть деятельность эффективности корпоративной культуры в органах местного самоуправления, а также рассмотрения негативных последствий в развитии культуры муниципальных органов.

Формирование корпоративной культуры в Российской Федерации связано в первую очередь с тем, что для органов местного самоуправления главное, как сотрудники выполняют свою работу и как они ведут себя внутри всей рабочей системы. Поэтому чаще всего корпоративную культуру связывают с понятием «корпорация», что означает объединение и общность, так можно увидеть, что эта форма организации человеческого сообщества, где имеются общие цели и миссия по выполнению работы.

Самое просто определение корпоративной культуре мы можем дать как, поведение служащий внутри коллектива и организации. Поведение внутри организации зависит не только от регламентируемых процедур и правил, но и от норм поведения, сложившиеся в коллективе, от ценностей, которым придерживается каждый сотрудник, от отношения служащего к определенным явлениям и понятиям.

Самым главным ресурсом в органах местного самоуправления является муниципальный служащий, которые принимаются на работу и проходят жесткий отбор, целью которой является, обеспечить хорошую жизнедеятельность для населения. Так можно считать, что корпоративная культура является наиболее эффективным инструментов в управлении и подборе кадров.

Наличие культуры – неотъемлемый элемент корпорации, как мы говорили ранее. Если рассматривать структурно-функциональную систему муниципалитетов, то в любой ее организации существует некая сложная система, которая состоит из административных, социальных подсистем и другие. При

это главным является культура, как некая база взаимоотношений для любого органа муниципального и федерального управления, которая соединяет все эти подсистемы. Так мы можем проследить то, что организации существуют не только для того, чтобы преподносить качественные услуги и материальные блага, но и саму культуру, сюда мы можем отнести корпоративные ценности, обряды, эмблемы и т.д., тем самым формируется определенное культурное пространство [23].

В мире существует очень много определений и понятий корпоративной культуры. Впервые понятие «корпоративная культура» ввел немецкий генерал, теоретик Хельмут фон Мольтке. Он говорил, что взаимоотношения в офицерской среде, основанные на нравственных нормах, традициях, а также принятых в военной сфере правилах поведения придавали немецкой армии силу и мощь. Отечественные специалисты, в свою очередь, также внесли большой вклад в изучение корпоративной культуры. Общая культура работника является предпосылкой его производственной, трудовой и корпоративной культурой». Знаменитый автор, исследователь по организационной и корпоративной культуре, Гарет Морган рассматривает корпоративную культуру как комплекс правил поведения, символов, традиций, ритуалов и ценностей, принятых в организации, обязательных для всех ее работников.

Непосредственно в статье Е.Э. Сучковой и Г.А. Чеджемова корпоративная культура раскрывается как набор общих предположений, которые направляют то, что происходит в организациях, следовательно, определяя соответствующее поведение для различных ситуаций. Корпоративная культура влияет на то, как люди и группы взаимодействуют между собой [22].

Таким образом, мы можем увидеть, что определений корпоративной культуры существует очень много и они весьма разнообразны. Многие авторы понимают определение «корпоративной культуры», как нормы и ценности, раз-

деляемых между сотрудниками организации, отражающих способность видеть себя и других в социальной среде. Корпоративная культура проходит через каждого члена организации, тем самым они являются непосредственным ее носителем и исполнителем.

Существует мнение, что корпоративную культуру часто определяют, как общепрофессиональную культуру, на уровне ценностей и норм данного вида работы. В этой ситуации корпоративная культура будет состоять из более широкого спектра норм и ценностей, которые определяют общесоциальную значимость и ответственность работников, в нашем случае, муниципальных служащих. Соответственно, выводом может служить то, что корпоративная культура представляет из себя социальную и духовную жизнь коллектива, состоящую из установок, ценностей и убеждений, тем самым корпоративная культура способствует выполнению поставленных задач [9].

Наряду с корпоративной культурой также принято рассматривать организационную культуру, которая может существовать в органах местного самоуправления вместе с корпоративной культурой, но они могут играть совершенно разные роли в организации. Для начала разберемся, что такое организационная культура. В моем понимании организационная культура складывается, также, как и корпоративная культура, на нормах, убеждениях, ценностях и других, которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей.

Тихомирова О.Г. пишет, что организационная культура – это одно из ответвлений культуры в виде совокупности реальных ценностей, убеждений, норм поведения для всех сотрудников организации, которые устанавливались самостоятельно [24].

Понятие «корпоративная культура» и «организационная культура» взаимосвязаны между собой, но также у них есть некоторые различия. Во-первых,

они синонимичны между собой, во-вторых, два понятия понимаются как общее и частное определение. В частности, корпоративная культура – культура больших организаций, а по мнению Т.О. Соломанидиной, организационная культура используется в организациях, где численность работников может достигать всего 5–10 человек [21].

В понятие корпоративной культуры входит много важных аспектов. В частности, по мнению Ю.Р. Канеевой, в организационную культуру входит система организационно-административных взаимодействий, она имеет, строгий характер, который выражается в документах, приказах, руководствах. В то же время главный аспект корпоративной культуры – это ценности, которые не может присоединяться сразу же в силу специфики этого события [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что часто корпоративная культура рассматривается как один из типов элемента организационной культуры. Но, несмотря на все разнообразия понятий корпоративной и организационной культуры, можно выделить общие позиции двух определений. К ним, в частности, относится:

- базовые представления о мировоззрении, которым придерживаются муниципальные служащие;
- ценностные установки для отдельного человека, которые помогают следовать допустимому или недопустимому поведению;
- символика, посредством которой ценности транслируются в органах местного самоуправления.

Главная цель корпоративной культуры – это достижение высоких результатов деятельности органов местного самоуправления, а, следовательно, нужно постоянное развитие человеческого ресурса по отношению к друг друга, а также создание благоприятного климата, как и в организации в целом, так и коллективе. Если человек удовлетворит свои потребности первого уровня, а они связаны с материальным благополучием, то у работника возникают сразу иные потребности: самореализация,

достойные отношения между сотрудниками и т.п. Здесь на первый план сразу выходит корпоративная культура, одной из важных функций которой является помощь для новых сотрудников коллектива, раскрытие его индивидуальности и скрытых талантов. Поэтому принято считать, что корпоративная культура является очень сложной в понимании и выполняет ряд определенных функций, которые так необходимы в каждой организации, и непременно в органах местного самоуправления. Рассмотрим функции:

- мотивационная (эта функция помогает воодушевить работников на достижение поставленных целей и качественное выполнение своих обязанностей);
- вовлекающая (активное и постоянное вовлечение каждого сотрудника в работу);
- адаптивная (помогает новым сотрудникам быстрее влиться в новый коллектив);
- управленческая (создание нормы и правил управления коллективом);
- системообразующая (делает работу отделов системной, упорядоченной и эффективной);
- идентифицирующая (позволяет сотрудникам узнать свою ценность для организации, а также принадлежность к коллективу).

В статье про воздействие корпоративной культуры на эффективность организации Ж.Р. Шудабоева представляет несколько отличий корпоративной культуры, которые помогают рассмотреть ее уровень в органах местного самоуправления: отражение цели в миссии организации; преданность муниципалитету или безразличие; источник и роль власти; стиль работы и способы оценки работников; ориентация на самостоятельность или подчиненность; работа в группах или индивидуально; ориентация на стабильность или изменения [29]. Таким образом, мы можем проследить уровень корпоративной культуры в органах местного самоуправления, ведь проанализировав работу служащих, мы можем сделать и выводы.

Если мы говорим о корпоративной культуре, то необходимо также упомянуть о корпоративной этике, в которую входит система моральных принципов, норм поведения, которые оказывают регулирующее воздействие на отношения внутри организации и на взаимоотношения во внешней среде организации.

Итак, корпоративная культура в органах местного самоуправления формирует имидж внутри коллектива, который отличает ее от других и помогает выглядеть в глазах населения презентабельно и сплоченно. Корпоративная культура создает социальную стабильность в муниципалитетах, которая помогает объединить сотрудников и обеспечить основные стандарты поведения. Также корпоративная культура меняется в процессе изменения самих людей и ситуаций в организации, поэтому ее нельзя считать абсолютной, так как она меняется вместе с обстоятельствами.

Начиная рассматривать органы местного самоуправления, мы можем описать их на примере нескольких авторов. В статье о правовом положении администраций Российской Федерации, отображается, что «оно является одной из форм осуществления народо-власти и представляет собой независимую от государства, признаваемую и гарантируемую Конституцией систему власти, создаваемую для самостоятельного и под свою ответственность решения населением муниципальных образований соответствующих вопросов местного значения, исходя из их интересов с учетом исторических и иных местных традиций». Так мы можем сделать вывод, что местное самоуправление гарантирует решение вопросов населения муниципальных образований, а также способствует улучшению жизни и качества проживающих на территории муниципального образования жителей [25].

Рассмотрев формирование и развитие корпоративной культуры, мы можем сделать вывод, что это относится не только организациям, но и органам

государственного и местного самоуправления. Так мы можем приступить к рассмотрению развития и развитию корпоративной культуры в органах местного самоуправления и муниципальных служащих. Сформированная корпоративная культура эффективна и может помочь разгрузить руководителя, ведь именно корпоративная культура задает долговременную цель муниципалитетам, создает корпоративные стандарты, которых необходимо придерживаться, для того, что достигать поставленных целей.

В органах местного самоуправления можно выделить несколько элементов корпоративной культуры, такие как сплоченность, взаимопомощь и стремление к высокому результату. Но, например, Е.Ю. Дурашина выделяет следующие элементы корпоративной культуры: фирменный стиль, миссия и ценности, традиции и ритуалы, мифология [9].

Если посмотреть в законодательное право, то мы увидим, что муниципальная служба – это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем составления договора. В свою очередь муниципальный служащий представляет собой гражданина, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемые за счет местного бюджета [3]. Но если посмотреть с другой стороны, то мы увидим, что законодательная база муниципальной службы еще не совсем совершенна и противоречива, так как опыт муниципальной службы не велик [10].

Муниципальная служба относится к публичному типу объединений. Органы местного самоуправления развивают по тем же законам, что и любая другая социально-политическая организация. Корпоративная среда, состояние организационной среды, правовой ста-

тус, внутренние структуры, контролируемыми ресурсы, вот от чего чаще всего зависит их функциональные возможности в органах местного самоуправления.

Формальные и неформальные отношения в органах местного самоуправления также влияют не только на эффективность функционирования в муниципалитетах корпоративного общества, но и на деятельность каждого работника по отдельности. О.О. Козлова в своей статье раскрывает ценностно-целевую составляющую, где пишет, что конструктивные корпоративные отношения положительно влияют на результативность муниципального управления, а вот деформация всего этого может привести и к препятствиям достижения целей органов местного самоуправления, и к социальной пассивности, а также к отчуждению населения от местной власти [12].

Деятельность муниципальных служащих, характеризуется рядом особенностей, которые заключаются в следующем:

- публичный характер, управленческая деятельность это всё относится к муниципально-служебной деятельности;
- бюрократический характер деятельности служащих;
- управление социально-экономическим развитием поселений;
- реализация должностных обязанностей реализуется через властные права;
- самореализация сотрудника ограничивается нормативно закрепленными и контролируруемыми правилами поведения.

Алгоритм для изменения корпоративной культуры предлагает в своей статье Ю.А. Шалагинов. Он называет действия, которые помогут качественно изменить и понять корпоративную культуру в органах местного самоуправления:

- диагностика ценностей и установок муниципальных служащих администрации муниципального образования;

- конструирование желаемого образа органа власти муниципального образования;
- разложение этого образа на ряд взаимосвязанных базовых ценностей;
- продвижение этих ценностей, где решающая роль отводится руководителю, который своим повседневным поведением должен убеждать в непреложности принятых норм и ценностей;
- формирование списка «анти-ценностей», которые могут сформировать плохую репутацию органам местного самоуправления;
- создание общественного мнения внутри организации, работающего на продвижение ценностей в необходимом направлении;
- корректировка нормативной базы, закрепляющей нормы поведения, соответствующие принятым ценностям – Кодекса поведения [27]. При соблюдении всех этих пунктов в алгоритме, можно значительно повысить уровень корпоративной культуры в органах местного самоуправления.

Как писали выше, все особенности муниципальной службы, могут помешать развитию корпоративной культуры в администрации, но в Российской Федерации существует трехуровневая система формирования корпоративной культуры в органах местного самоуправления, которая обуславливается для муниципальных служащих образом системой нормативного регулирования между сотрудниками.

Общие нормы и ценности корпоративной культуры служащего закрепляются на федеральном уровне, где создана нормативно-правовая база, которая задает общую концепцию функционирования муниципальной службы. Разделим ее на два блока, где первый блок-это законодательные основы муниципального управления и службы (Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ, Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного

самоуправления в Российской Федерации»).

Законодательство закрепляет основные убеждения муниципальной службы в Российской Федерации, отражающие ее ключевые ценности:

1) приоритет прав и свобод человека;

2) профессионализм и компетентность муниципальных служащих;

3) равный доступ граждан к муниципальной службе, который знает государственный язык Российской Федерации, и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, места жительства, отношений к религии, убеждение, принадлежности к общественным объединениям, имущественного и должностного положения, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми и профессиональными качествами муниципального служащего;

4) стабильность муниципальной службы;

5) взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;

6) открытость информации о муниципальной службе;

7) правовая и социальная защищенность;

8) ответственность муниципальных служащих за ненадлежащее исполнение или исполнение своих должностных обязанностей;

9) внепартийность муниципальной службы.

Второй блок включает в себя документы федерального уровня, к ним относятся: акты, указы и распоряжение Президента, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации и другие, которые определяют развитие института государственной и муниципальной службы (например, Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы»).

Сюда же можно отнести общенациональные культурные отличительные черты и традиции в системе государственного и муниципального управле-

ния. Автор статьи, про концептуальные основы эффективной деятельности управления муниципальной службы, Э.И. Забнева пишет, что «следует учитывать и исторический контекст развития нашей государственности, закрепление ее патерналистской направленности, заложенной в ментальных основаниях и поведенческих стереотипах. Доминирующие в обществе социальные отношения, особенности культуры и институциональной среды накладывают серьезный отпечаток на функционирование муниципальной службы. Общество сознательно культивирует их рациональную, отчасти консервативную функцию, принимая любую власть как превалирующую над населением» [11].

Как мы узнали ранее, что корпоративная культура муниципальной службы подразделяется на два уровня и ко второму уровню формирования мы можем отнести региональный, который в свою очередь включает в себя экономическую, социально-демографическую, культурно-историческую, этно-национальную специфику каждого отдельного субъекта Российской Федерации. Сюда же мы можем отнести нормативно-правовую базу региона, где предоставляется конкретика условий деятельности и развития муниципальной службы на определенной территории, таким образом сюда относятся специфика управленческих отношений между региональными и муниципальными органами власти.

В формировании корпоративной культуры муниципальных служащих существует уровень – муниципальный уровень. Муниципальный уровень помогает сформировать и провести диагностику оценивания корпоративной культуры служащих. В России присутствует авторитарная система управления, поэтому особая роль при формировании корпоративной культуры муниципального органа управления отдается руководящим должностям и стилю их управления. Не мало важным фактором и остается то, что формирование корпоративной культуры относится к особенностям сотрудников орга-

нов власти как обладателям различных способностей, профессиональный опыт служащих на муниципальной службе, трудовая мотивация и их система ценностей. Помимо того, на дальнейшее развитие профессиональной корпоративной культуры воздействуют и этнические, географические и социально-экономические особенности муниципального образования.

Большинство исследователей считают, что властям необходимо создать организационную культуру, которая будет отвечать и требованиям бюрократической деятельности в системе муниципальной службы, и адаптироваться под изменения окружающей среды [5]. Сюда в первую очередь можно отнести изменения обращенных к управленческому аппарату общественных ожиданий, направленных на отзывчивость государственных и муниципальных служащих на запросы граждан. Все это необходимо для того, чтобы у граждан всё меньше было негативного образа представления о имидже и отношении населения к чиновникам. Посмотрев социологические опросы и увидев результаты, можно убедиться, что уровень доверия к муниципальным органам власти с каждым годом переходит все на низкий уровень, преобладают отрицательные оценки о работе чиновников. Следовательно, это все приводит к снижению авторитета государственной и муниципальной службы, а это влечет за собой что изменение социального статуса самих служащих.

По этому поводу в Российской Федерации происходит преобразование организационной культуры государственной и муниципальной службы, где идет перестройка старого на новый тип взаимодействия чиновников, населения и управленческого аппарата или проще говоря, переход от бюрократической культуры к более прогрессивному, где преобладает инициатива, обеспеченность о благополучии всех граждан, а также открытость для населения.

Можно выделить несколько особенностей корпоративной культуры муниципальных служащих:

- наличие двойственности в ценностно-целевой подсистеме, т.е. одновременно формально закрепленных, нормативно закрепленных целей и неформальных, которые имеют значение для отдельного служащего. О.В. Шагиева считает, что главной нормативной целью деятельности муниципальных служащих является улучшение качества жизни муниципального образования. Однако в практической деятельности муниципальные служащие нередко пользуются личными целевыми установками, сюда можно отнести карьерный рост, самореализация, личное благополучие [26]. Но сюда же можно отнести и негативные ценности для муниципального служащего, например, коррупция и бюрократизм;
- в муниципальной службе преобладает элитно-харизматическая, сводящаяся к руководителю, система ценностей. Муниципальный служащий подчиняется и «подстраивается» под руководителя, который обладает большей харизмой и использует авторитет в управлении;
- для муниципальной службы характерны наличие поведенческих стандартов. Стандарты прописаны в форме кодексов этики (например, Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.);
- в организационной культуре муниципальной службы все больше проявляется отличительная черта. Каждый муниципалитет стремится посредством герба, дресс-кода, гимна подтвердить свою неповторимость и самостоятельность;
- идеология бюрократии вот на чем базируется корпоративная культура органов местного самоуправления, где предпочтение отдается формальным ролям и ситуациям.

Но что же может останавливать развитие новой корпоративной культуры

в органах местного самоуправления, это можно увидеть в статье В.А. Шагаинова [27], он выделяет следующие пункты:

- отсутствие положительного примера со стороны руководителей, которые своим поведением часто не выполняют провозглашаемые корпоративные ценности служения государству и обществу;
- сложившаяся система отбора и продвижения кадров публичной службы по знакомству, а не профессиональным качествам, что приводит к росту чиновников с непрофильным образованием, несоответствующими выполненными задачами;
- недостаточное стимулирование наградами и привилегиями служащих, поддерживающих ценности публичной службы и являющихся примером для коллег;
- слабая представленность в программах обучения служащих учебных курсов по этике, профилактике коррупционного поведения, тренингов по оказанию услуг.

Рассмотрев теоретические основы корпоративной культуры, мы можем подвести итоги:

1) Государственная и муниципальная служба являются одним из важнейших социальных институтов, которому требуется постоянное развитие повышения качества обслуживания. Развитие возможно и зависит по большей части от человеческих возможностей и управление корпоративными отношениями, в основе которой лежит организационная(корпоративная) культура, которая преподносит и предлагает органам местного самоуправления ценности, цели, модели поведения, нормы, отражающиеся в их повседневной профессиональной деятельности.

2) Основные функции корпоративной культуры в органах муниципально-го управления: регулирующая, познавательная, адаптационная, оценочно-нормативная, реактивная, идентификационная. Структура корпоративной культуры включает в себя несколько элементов: цели и ценности, тип лидер-

ства, нормы и правила поведения, мифы и легенды об организации, атрибуты, логотипы и т.д.

3) Корпоративная культура муниципальной службы – это система норм и ценностей, а также правил поведения, принятых в органах местного самоуправления, выражающаяся в базовых представлениях и ценностях, определяющих становление функционирования муниципальной службы как специфической корпорации и обеспечивающих достижения ее целей как социального института. А именно социальные цели и ценности являются главным в администрации поселений. Согласно Конституции 1993 года, Российская Федерация определяется как социальное государство [1].

4) Бюрократическая, иерархическая и вертикальная основа корпоративной культуры в органах местного самоуправления, это обуславливается историческими традициями и существующим в стране управленческим менталитетом. В администрациях муниципальных образований требуется развитие самостоятельности, вызывать интерес граждан к участию в муниципальном управлении, повышении открытости и прозрачности принятия решений на местном уровне.

Корпоративная культура в администрации включает в себя важнейшие механизмы, которые помогают воздействовать как на поведение, так и на работу персонала, с помощью этого формируются ценности, установки, система отношений, включающее в себя поведение сотрудников на работе и определять его нормы. Культура организации включает в себя взаимоотношение между людьми, а также гласные и негласные нормы, регулирующие взаимоотношения между муниципальными служащими. В любой администрации района создаются собственные ценности и правила, их либо реконструируют и совершенствуют на примере своих собственных ценностей, либо на существующих ценностях извне, потому что везде все взаимосвязано [6].

Эффективность работы органов местного самоуправления Иркутской области, мы решили проследить на онлайн-опросе граждан Иркутской области, где предлагалось ответить на вопросы того, как корпоративная культура может влиять на работу муниципалитетов и то, как видят это обычные граждане.

Переходя к характеристике организационных ценностей органов местного самоуправления Иркутской области, хочу отметить, что они являются ключевым элементом корпоративной культуры. Преобладающие ценности в администрации определяют, что хорошо для организации, а, следовательно, и ценно для коллектива, к тому и надо стремиться. Такие ценности, естественно, закрепляют формально в нормативных документах, например, «Об утверждении правил внутреннего трудового распорядка технического персонала и рабочих администрации города Иркутска» (Распоряжения администрации г. Иркутска от 07.02.2020 № 031–10–27/0) [2]. Исходя из Типового кодекса этики государственных и муниципальных служащих, можно из формально зафиксированных ценностно-целевых установок, сформулировать поведение муниципальных служащих:

- ценности – профессионализм и добросовестность, где предполагается осуществление должностных обязанностей добросовестно и на высоком профессиональном уровне, для эффективной работы в органах местного самоуправления;
- права и свободы человека и гражданина, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл работы органов местного самоуправления;
- неподкупность, честность, беспристрастность, заключается в том, чтобы не оказывать предпочтительность каким-либо физическим или юридическим лицам;
- толерантность и этичность, это соблюдение нормы служебной этики, а также профессиональной, и пра-

вила делового поведения, проявление корректности и внимательности в обращении с гражданами, терпимость и уважение ко всем народам проживающих на территории России и других государств;

- законность – соблюдение всех запретов и ограничений, а также исполнение обязанностей, связанных с прохождением муниципальной службы;
- экономность и бережливость, стремление к обеспечению эффективного использования ресурсами, находящимися в сфере его обслуживания.

Схожие ценностно-целевые установки в органах местного самоуправления можно и выявить в анализе опроса граждан Иркутской области, при эффективной деятельности корпоративной культуры. Сюда можно отнести: добросовестность, профессионализм, экономность, пунктуальность, дисциплинированность, вежливость и этичность.

Как показал проведенный мною опрос, большинство граждан считают, что именно эти качества должен соблюдать и разделять муниципальный служащий в органах местного самоуправления для эффективной работы на благо народа.

Опрос прошли 1560 граждан Иркутской области (56% женщин, 44% мужчин). Возраст респондентов: 18–25 лет – 35%, 26–35 лет – 35%, 36–50 лет – 21%, 51–65 лет – 9%. Населенные пункты, где происходил опрос: Иркутск, Ангарск, Саянск, Куйтун, Залари, Тулун, Усолье-Сибирское, Свирск, Черемхово, Слюдянка, Байкальск, Кутулик.

Мы попросили респондентов дать определение корпоративной культуры: формирование определенного имиджа организации, отличающий ее от любой другой; она создает систему социальной стабильности в организации, являясь чем-то вроде социального клея, который помогает спланировать организацию, обеспечивая присутствие ей стандарты поведения.

Опрос показал, что большинство жителей, проживающих на территории

Иркутской области, считают, что для органов местного самоуправления важно существование корпоративной культуры. Так, с точки зрения опрошенных, наиболее важно видеть муниципальных служащих своего населенного пункта более сплоченными. 80% опрошенных считают, что корпоративная культура необходима, а 20% уверены в том, что она совершенно не нужна. В работах О.А. Полюшкевич подчеркивается, как в европейских странах важна корпоративная культура [13,14]. Так, например, она помогает адаптироваться новому сотруднику, продвигать ценности организации, рассматривать ценности и цели и вдохновение на работу различными методами. В России же отличаются формирования корпоративной культуры: проведение праздников, как и в офисе, так и за пределами; проведение спортивных мероприятий; совместное времяпровождение, поездки на отдых и прочие традиции. В первом и во втором примере, мы видим, что корпоративная культура необходима любой организации, а особенно органам местного самоуправления.

В целом, по первому вопросу мы можем сделать вывод, что все-таки для обычных граждан не мало важно внутреннее состояние коллектива органов местного самоуправления. Но чтобы убедиться, что корпоративная культура действительно необходима, обратимся к следующим результатам опроса.

Корпоративная культура включает в себя три ресурса: поверхностные, сюда можно отнести поведение сотрудников, одежда, состояние помещений и т.п., в подземные аспекты входят мнения и ценности каждого сотрудника организации, а третий тип-глубинные аспекты, которые в свою очередь включают в себя черты мировоззрения и убеждения [15–20].

Так, на следующий вопрос о влиянии корпоративной культуры на деятельность работы муниципальных служащих, граждане Иркутской области считают, что «да, она влияет» (39%); «влияет, но в приоритете личные интересы» (41%); «нет, не влияет» – 20%.

Можно видеть, что большинство выступает за то, что корпоративная культура все-таки влияет, хоть для некоторых личные интересы в приоритете.

Существование в органах местного самоуправления Кодекса этических норм и стандартов профессиональной практики несомненно нужно. Кодекс в свою очередь помогает муниципальному служащему остойно выполнять свои профессиональную деятельность, а также поведению вне работы и стен органов местного самоуправления, несомненно укреплению авторитета служащих, а также доверия граждан к органам местного самоуправления. Все особенности корпоративной культуры должны быть прописаны и утверждены в соответствующих внутрикорпоративных документах, например, кодекс корпоративного управления, кадровая политика и других. Как на это смотрят граждане Иркутской области, можно увидеть в ответах: 43% респондентов считают, что кодекс этических норм и стандартов профессиональной практики, помогают новым сотрудникам быстрее освоиться на новом месте, влиться в новый коллектив; 37% опрошенных думают, что это поможет более сплоченно работать в органах местного самоуправления; а вот 20% респондентов считают, что Кодекс этических норм совершенно никому не нужен.

Корпоративная культура для каждой организации очень важна. Она оказывает положительную динамику на коллектив, в коллективе появляются общие цели и ценности. Е.В Торгунакова в своей статье о влиянии корпоративной культуры на эффективную деятельность работы пишет, что культура предполагает наличие у коллектива уровня структурной стабильности, общности определенных элементов. Помощь в адаптации для новых сотрудников тоже является немаловажным фактором для органов местного самоуправления. Так, на вопрос о влиянии корпоративной культуры на эффективность работы в органах местного самоуправления разделился на несколько мнений. Первая группа людей, а это 67% опрошенных, счита-

ют, что корпоративная культура необходима, так как помогает сплоченно работать, а, следовательно, лучше выполнять свои обязанности. Вторая группа, 22% опрошенных респондентов, считают, что корпоративная культура не дает никакого результата и никак не должна влиять на деятельность сотрудников. И самая последняя группа, 11% респондентов, думают, что она совершенно никак не должна влиять на работу в органах местного самоуправления.

Каждый орган местного самоуправления является индивидуальным. Эта индивидуальность может проявлять во всем, например, стиль решения вопросов, проведения мероприятий, внутреннего состояния коллектива, отношения к вышестоящим начальникам и так далее. Порой эту индивидуальность видят только сами сотрудники. Они видят, как меняется их коллектив, как меняются отношения внутри организации, но порой этого не видят обычные граждане. И чтобы хоть как-то выделиться, чтобы люди видели и знали свой орган муниципального управления сельского или городского поселения, респондентам был предложен вопрос о создании для органов местного самоуправления дивизов, эмблем, фирменных знаков и так далее. Мнение разделилось следующим образом: 53% опрошенных в Иркутской области считают, что это необходимо; 25% респондентам все безразлично, лишь бы муниципальные служащие выполняли свою работу; 22% считают, что атрибутика для органов местного самоуправления совершенно не нужна.

К этому же вопросу мы хотим присоединить вопрос, связанный с единой формой для каждого муниципальному служащего. Посмотрев результаты, можно убедиться, что 51% опрошенных граждан не считают, что она необходима, но большая часть ответивших на другой вопрос, связанный с внешним видом муниципальных служащих, а это 82% респондентов, больше доверяют муниципальным служащим, когда они выглядят по-деловому, презентабельно и аккуратно. Так мы можем сде-

лать некие выводы: обычным гражданам хотелось бы видеть отличительную атрибутику для администрации своего поселения, а для самих муниципальных служащих это был бы еще один повод для сплочения. Внешний вид для граждан является важной частью, ведь он вызывает чувство доверия и уважения со стороны населения, но также они не считают, что для этого необходимо создавать единую униформу. В статье про формирование корпоративной культуры, авторы пишут, что в качестве атрибутов можно отметить наличие определенных обрядов в организации, таким примером может служить обряд по окончании обучения, стажировки, т.е вручение сертификатов и грамот.

А. Дорджиева и В.М. Маслова пишут в своей статье о основных тенденциях формирования корпоративной культуры и укрепления ее в организации, и один из пунктов по укреплению является формирование традиций. Весь коллектив являются участниками торжества, следовательно это помогает сплотиться всему коллективу, узнать больше друг о друге и весело провести время, тем самым отвлечься от работы. Такие праздники сохраняются в течение длительного времени и передаются из поколения в поколение [7]. Также за частую проведение праздников помогает новым сотрудникам, а также и сотрудникам, которые работают давно, раскрепоститься, почувствовать себя в безопасности и «расслабиться». На вопрос о проведении в администрации национальных праздников, например, такие как новый год, 8 марта, 23 февраля и т.д., 72% опрошенных граждан Иркутской области думают, что необходимо проводить праздники, так как это помогает сплотить коллектив, а 28% опрошенных респондентов не считают нужным тратить на это время.

Один из пунктов качественно формирования в органах местного самоуправления профессиональных кадров это существование должностных инструкций для муниципальных служащих, которые дают гарантию того, что

все правила и поручения будут выполняться. Муниципальный служащий должен соблюдать Конституцию РФ, законы, соблюдение внутреннего распорядка внутри организации, исполнение должностных обязанностей, подтверждение уровня квалификации и многое другое. Не знание и не соблюдение должностных инструкций влечет за собой проблемы не только для самого муниципального служащего, а также и для всего коллектива, ведь именно от того, как человек соблюдает правила и выполняет качественно работу, и образуется качественный образ коллектива. О существовании должностных инструкций в органах местного самоуправления упоминается и в опросе. Большая часть опрошенных граждан (80%) считает, что она необходима, а вот 20% опрошенных граждан думают, что нет в ней никакой необходимости.

Для укрепления корпоративной культуры в органах местного самоуправления создается много мероприятий и действий, посвященных этому. Корпоративная культура существует в каждом коллективе, независимо оттого, развивается она целенаправленно или же нет. Сама по себе корпоративная культура постоянно находится под внешними и внутренними факторами формирования. Поэтому поддержание и развитие корпоративной культуры является важной задачей, позволяющая сохранить стабильность в коллективе. Гражданам Иркутской области предлагалось написать идеи по укреплению корпоративной культуры в администрации их муниципального образования:

- создание своей атрибутики (чтобы иметь какое-то различие между другими органами местного самоуправления, то можно создать свою эмблему, которая будет находиться, например, на галстук, блокноте, ручке и так далее. Так же вручение продукции со своей атрибутикой для школьников, студентов и других граждан);
- проведение мероприятий и торжеств (такие события необходимы

- для каждого коллектива, где налаживаются отношения между сотрудниками и между сотрудниками и начальством. К наиболее распространенным мероприятиям можно отнести, например, пикники, празднование национальных праздников, совместный поход в театр и другие);
- личный пример, хорошего работника от начальника (ни для кого не секрет, что пример для человека является начальник. Если начальник хорошо работает, дружит с коллективом, пытается сплотить коллектив, то для всех это является стимулом, хорошо работать и получать удовольствие от работы). Как писал автор статьи про ценности в органах местного самоуправления, что ценности, которые разделяют наиболее авторитетные члены организации, чаще всего становятся побудителем сплоченности всего коллектива и всех подразделений, способствует формированию единых взглядов и даже действий, а, следовательно, это приводит к качественному и быстрому достижению всех целей администрации муниципального образования;
 - наставничество для новых сотрудников (для новых сотрудников важно влиться в коллектив постепенно, для этого нужно наставничество от сотрудников, которые работают уже долгое время и которые могут рассказать про все коллектив и организацию);
 - создание своих традиций (под традициями подразумеваются ценности, идеи, точки зрения сотрудников, которые могут сознательно или подсознательно формировать поведение всех сотрудников);
 - создание в социальных сетях страниц администрации (для граждан важно видеть всю деятельность органов местного самоуправления своих населенных пунктов, так как сейчас век технологий и каждый второй сидит в интернете, ему будет интересно почитать об этом, также сотрудники будут более сплоченно себя вести в этой деятельности и обсуждать новые идеи ведения интернет-страниц);
 - создание системы поощрения и вознаграждения за хорошую работу (за добросовестное и успешное исполнение своих должностных обязанностей, которые можно стимулировать следующими денежными надбавками: ежемесячная надбавка за классный чин; ежемесячная надбавка за особые условия муниципальной службы; ежемесячное денежное вознаграждение и поощрения; дополнительные премии за реализацию проекта. Помимо материального для сотрудника также важно и моральное стимулирование: награждение орденами и медалями; награждение Почетной грамотой администрации за успехи в работе; награждение памятным подарком и многое другое);
 - стандартизация и популяризация корпоративных ценностей, норм организационного поведения сотрудников (нормы и ценности являются ключевым ядром для любой корпоративной культуры. Нормы организационного поведения делает сотрудник более предсказуемыми и управляемыми. Формальные нормы и ценности фиксируются, как и в законодательстве о муниципальной службе, так и в локальных нормативных актах: инструкции, распоряжение, приказы. Они являются неотъемлемой частью коллектива, которые помогают сотрудникам качественно выполнять свою работу);
 - проводить тимбилдинг для сотрудников для того, чтобы они лучше узнали друг друга, и им было комфортнее работать в коллективе;
 - непрерывная подготовка и повышение квалификации сотрудников;
 - создание здоровой конкуренции среди сотрудников;
 - смена кадрового состава и качественный подбор сотрудников (важная задача при подборе нового персонала, где уже существует корпоративная культура, это поиск новых

людей, которые обладают требуемыми знаниями и разделяющие ценности данной организации);

- выездные мероприятия своего населенного пункта (чтобы стать более сплоченным с народом, муниципальным служащим предлагается присутствовать коллективом на мероприятиях своего населенного пункта, тем самым граждане будут видеть команду в своей администрации района, а для муниципальных служащих это еще один повод для сплочения).

Подводя итоги опроса, можно сделать следующие выводы:

1) корпоративная культура в органах местного самоуправления Иркутской области находится на стадии становления, то есть ее нельзя назвать полностью сформированной или развитой. В каждом органе местного самоуправления она развивается по-разному, где-то она более развита, но в более отдаленных муниципальных образованиях развитие отстает на несколько шагов;

2) для граждан муниципальных образований важно видеть сплоченность муниципальных служащих;

3) корпоративная культура влияет на эффективность работы в органах местного самоуправления, так как муниципальные служащие становятся сплоченными;

4) проводить мероприятия и праздновать национальные праздники – это хороший повод еще ближе сплотиться с коллективом;

5) внешний вид муниципальных служащих вызывает доверие и уважение со стороны граждан.

Из выше проведенного результата опроса, можно и увидеть ряд негативных проблем в органах местного самоуправления Иркутской области, которые могут осложнить формирование корпоративной культуры. В их числе можно указать следующее:

- недостаточная открытость и прозрачность муниципалитетов (исходя из результатов анкетирования, мы выяснили, что гражданам населен-

ных пунктов важно видеть всю работу в доступном варианте, а также им интересно будет узнать обо всех муниципальных служащих своей администрации);

- снижение престижности и уважение к муниципальным служащим (сюда можно отнести то, что респонденты писали о смене кадрового состава, следовательно, они им не совсем довольны);

- система отбора кадров (бывает так, что устраивают на работу по знакомству, то есть люди не проходят конкурсную основу);

- отсутствие положительного примера от руководства (наглядный пример для коллектива со стороны начальства всегда является стимулом к развитию не только себя, но и организации в целом). К ключевому пункту лидера в организации, в нашем случае руководителя, можно отнести, например, мировоззрение, силу, этику, коммуникации и умение управлять не только коллективом, но и каждым сотрудником [43];

- отсутствие или недостаточное стимулирование наградами, привилегиями для работников, на которых строятся ценности публичной службы;

- отсутствие целенаправленных действий на формирование и продвижение корпоративной культуры.

Есть необходимость дальнейшего преодоления преград до сплочению коллектива и повышение уровня работы в органах местного самоуправления. Использовать потенциал муниципальных служащих, придание муниципальной службе больше гласности и повышение информационной открытости.

Для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления с помощью корпоративной культуры выделяется следующие этапы: формирование системы корпоративных ценностей, совершенствование правил поведения и организационных норм; развитие внутренних и внешних организационных коммуникаций; усовершенствование мотивации для со-

трудников; внедрение моделей и механизмов по управлению корпоративной культурой. Несколько традиционных этапов можно увидеть и у других авторов: определение целей и миссии коллектива; разработка традиций; создание атрибутики; формулирование стандартов поведения всех сотрудников.

В ценностный подход по формированию эффективной корпоративной культуры в органах местного самоуправления, можно выделить следующие действия:

- диагностика и установление ценностей в органах местного самоуправления;
- создание желаемого образа администрации и муниципального служащего;
- создание и регулирование нормативной базы, в которых закреплены нормы поведения;
- продвижение этих ценностей с помощью вышестоящих начальников на своем примере, которые своим повседневным поведением должны убеждать в эффективности этих ценностей;
- составление списка с отрицательными ценностями, которые реформируют корпоративную культуру и препятствуют эффективному выполнению функций в органах местного самоуправления.

Также не мало важным в развитии корпоративной культуры являются ориентиры, позволяющие регулировать корпоративное поведение муниципальных служащих, а также повышение профессионализма коллектива, взаимодействие с населением, другими организациями и формирование позитивных установок на развитие.

Проведя опрос и сделав соответствующие выводы, мы можем выделить несколько задач по формированию эффективной корпоративной культуры в Иркутской области. Это поможет органам местного самоуправления сплотить коллектив, улучшить работоспособность муниципальных служащих. Для повышения уровня корпоративной культуры, включающие в себе форми-

рование корпоративных отношений среди муниципальных служащих, требуется решить такие задачи, как:

- распространение плановых целей и миссии муниципальных образований, с последующим разъяснением их для всех членов коллектива;
- разработать и внедрить этический кодекс (требования к внешнему облику, стандарт деловых коммуникаций и стандарт проведения корпоративных мероприятий);
- разработать и внедрить в использование внешней атрибутики: дресс-код, эмблемы, значки;
- проводить ритуалы для новых сотрудников при приеме на должность муниципального служащего;
- поддержка для новых сотрудников в новых делах;
- создание корпоративных сообществ в социальных сетях и мессенджерах;
- организовывать конкурсы для муниципальных служащих и других сотрудников органов местного самоуправления;
- проведение тренингов и игр по командообразованию в коллективе;
- осуществление мониторинга лучших практик по формированию корпоративной культуры.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.04.2021 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс
2. Распоряжение «О Положении об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Иркутска, аппарата Избирательной комиссии города Иркутска» от 31 марта 2006 года № 031–10–320/6 [Электронный ресурс] // Нормативные правовые ак-

- ты: сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550331827> (дата обращения 2.03.2021)
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О муниципальной службе в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс (дата обращения: 18.03.2021)
 4. Акопян Е.А., Тарасов А.Е., Профессиональная культура государственных и муниципальных служащих как условие эффективности муниципального управления / Е.А. Акопян, А.Е. Тарасов // Вестник экспертного совета. – 2018. – № 4 (15). – С. 55–59/
 5. Анисимов, Д.П. Организационная культура как фактор социального регулирования поведения государственных гражданских служащих / [Текст]: диссертация... канд. социол. наук / Д.П. Анисимов. – Белгород, 2008. –168 с.
 6. Беспарточный, Б.Д. Ценности в структуре организационной культуры органов местного самоуправления / Б.Д. Беспарточный // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 3–10.
 7. Доржиева, А. Основные тенденции формирования и укрепления деловой корпоративной культуры организации / А. Доржиева, В.М. Маслова // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2018. – № 1. – С. 87–90.
 8. Дурашина, Е.Ю. Соотношение понятий «корпоративная культура» и «организационная культура» / Е.Ю. Дурашина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 9. – С. 78–80.
 9. Дурашина, Е.Ю. Основные элементы корпоративной культуры / Е.Ю. Дурашина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 3–1. –С.61
 10. Еремин, С.Г. О специфике муниципальной службы как профессиональной деятельности / С.Г. Еремин // Актуальные проблемы развития современной науки и образования. – 2018. – С. 204–205.
 11. Забнева, Э.И. Концептуальные основы эффективного управления муниципальной службой как социальной деятельностью / Э.И. Забнева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 07 (61). – С. 56–58.
 12. Козлова, О.О. Корпоративная культура муниципальных служащих / О.О. Козлова // Вестник Калужского филиала РАНХИГС. – 2016. – С. 104–109.
 13. Полюшкевич, О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2012. 131 с.
 14. Полюшкевич, О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2014. С. 103–110.
 15. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «РОСНЕФТЬ» И «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») / А.Н. Пружинин // Государственная служба. 2019. – Т. 21. № 4 (120). – С. 58–65.
 16. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 3. – С. 162–169.
 17. Пружинин, А.Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных, А.Ф. Шмидт]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 433–440.
 18. Пружинин, А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 2. – С. 306–313.
 19. Пружинин, А.Н. Ресурсы человеческого капитала крупных нефтяных

- компаний в социокультурном воспроизводстве Иркутской области // А.Н. Пружинин // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. А.В. Аргучинцева, И.А. Журавлевой]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – С. 216–223.
20. Пружинин, А.Н., Полюшкевич О.А. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области / А.Н. Пружинин // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Баевой, Иркутск: БГУ, 2018. – С. 341–346.
 21. Соломанидина, Т.О. Мотивация трудовой деятельности персонала: учебник-практическое пособие / Т.О. Соломанидина – М.: Изд. РГБ, 2015. –38с.
 22. Сучковой, Е.Э. Понятие корпоративной культуры. Методы формирования имиджа организации и ее лидера / Е.Э. Сучкова, Г.А. Чеджемова // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 1 (41).
 23. Тиболт, И.В. К вопросу о корпорации / И.В. Тиболт // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 1. – С. 16.
 24. Тихомирова, О.Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка: учеб. пособие / О.Г. Тихомирова – М.: НИЦ ИНФРА – М, 2018. –151.
 25. Тонян, М.Н. Корпоративная культура как одна из форм проявления культуры общества / М.Н. Тонян, С.Ю. Бунтовский // Аллея науки. – 2018. – № 9(25).
 26. Шагиева, О.В. Управление развитием организационной культуры муниципальной службы: диссертация... канд. социолог. наук. / О.В. Шагиева. – 2006. – 48 с.
 27. Шалагинов, Ю.А. Ценностно-ориентальное управление корпоративной культурой муниципальных служащих / Ю.А. Шалагинов // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 1(11). – С. 1–4.
 28. Шудабаева, Ж.Р. Влияние корпоративной культуры на эффективность организации / Ж.Р. Шудабаева // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2020. – № 9. –С. 1130–1133.

CORPORATE CULTURE IN LOCAL GOVERNMENT

Moskvitina N.V.

Irkutsk State University

The work analyzes the norms of corporate culture that exist in modern scientific discourse in Russia and abroad. The features of the formation and development of corporate culture in local government bodies are revealed. The results of the study of corporate culture in local governments in the Irkutsk region are also presented, where the features are considered and recommendations for the development of corporate culture are formed.

Keywords: corporate culture, local governments, values, social development.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2 -FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated 01.04.2021) [Electronic resource] // SPS Consultant Plus
2. Order "On the Regulations on the remuneration of municipal employees of local self-government bodies of the city of Irkutsk, the apparatus of the Election Commission of the city of Irkutsk" dated March 31, 2006 No. 031–10–320 / 6 [Electronic resource] // Normative legal acts: website. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550331827> (date of treatment 2.03.2021)
3. Federal Law of 03/02/2007 No. 25-FZ (as amended on 12/27/2018) "On municipal service in the Russian Federation" [Electronic resource] // SPS Consultant plus (date of access: 03/18/2021)
4. Akopyan EA, Tarasov AE, Professional culture of state and municipal employees as

- a condition for the effectiveness of municipal management. Akopyan, A.E. Tarasov // Bulletin of the Expert Council. – 2018. – No. 4 (15). – S. 55–59.
5. Anisimov, D.P. Organizational culture as a factor of social regulation of the behavior of civil servants / [Text]: dissertation... Ph.D. social. Sciences / D.P. Anisimov. – Belgorod, 2008. – 168 p.
 6. Non-partisan, B.D. Values in the structure of the organizational culture of local government bodies / B.D. Partialless // State and Society: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2018. – No. 2. – P. 3–10.
 7. Dorzhieva, A. Main trends in the formation and strengthening of the business corporate culture of the organization / A. Dorzhieva, V.M. Maslova // Bulletin of the Tula branch of the Financial University. – 2018. – No. 1. – S.87–90.
 8. Durashina, E. Yu. Correlation of the concepts of “corporate culture” and “organizational culture” / E. Yu. Durashina // Economics and Business: Theory and Practice. – 2019. – No. 9. – S. 78–80.
 9. Durashina, E. Yu. The main elements of corporate culture / E. Yu. Durashina // Economics and Business: Theory and Practice. – 2020. – No. 3–1. –P.61
 10. Eremin, S.G. On the specifics of municipal service as a professional activity / S.G. Eremin // Actual problems of the development of modern science and education. – 2018. – S.204–205.
 11. Zabneva, E.I. Conceptual foundations of effective management of the municipal service as a social activity / E.I. Zabneva // International scientific research journal. – 2017. – No. 07 (61). – S. 56–58.
 12. Kozlova, O.O. Corporate culture of municipal employees / O.O. Kozlova // Bulletin of the Kaluga branch of RANHIGS. – 2016. – S. 104–109.
 13. Polyushkevich, O.A. Introduction to corporate social responsibility: a tutorial / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2012.131 p.
 14. Polyushkevich, O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific works / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2014.S. 103–110.
 15. Pruzhinin, A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies “ROSNEFT” and “GAZ-PROM NEFT”) / A.N. Pruzhinin // State Service. 2019. – T. 21.No. 4 (120). – S. 58–65.
 16. Pruzhinin, A.N. Analysis of corporate norms of regulation of human capital of oil companies / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. – No. 3. – S. 162–169.
 17. Pruzhinin, A.N. Instruments of oil companies in the development of their human capital / A.N. Pruzhinin // Higher education, social sciences and national security. Sat. scientific. tr. / FGBOU VO “ISU”; [scientific. ed.: TI Grabelnykh, AF Schmidt]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. – pp. 433–440.
 18. Pruzhinin, A.N. Features of the strategic development of human capital / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. – No. 2. – S. 306–313.
 19. Pruzhinin, A.N. Human capital resources of large oil companies in the socio-cultural reproduction of the Irkutsk region // A.N. Pruzhinin // Socio-cultural dynamics of the Irkutsk region in the XX – early XXI century. FGBOU VO “ISU”; [under total. ed. A.V. Arguchintseva, I.A. Zhuravleva]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2017. – pp. 216–223.
 20. Pruzhinin, A.N., Polyushkevich O.A. Human Development Resources in Large Oil Companies of the Irkutsk Region / A.N. Pruzhinin // Activation of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Under scientific. ed. N.N. Danilenko, O.N. Baeva, Irkutsk: BSU, 2018. – S. 341–346.
 21. Solomanidina, T.O. Motivation of labor activity of personnel: textbook-practical guide / T.O. Solomanidin – M.: Ed. RSL, 2015. – 38 p.
 22. Suchkova, E.E. Corporate culture concept. Methods of forming the image of an organization and its leader / E.E. Suchkova, G.A. Chedzhemova // Questions of student science. – 2020. – No. 1 (41).
 23. Tibolt, I.V. On the issue of the corporation / I.V. Tybolt // Engineering Bulletin of the Don. – 2014. – No. 1. – P. 16.
 24. Tikhomirova, O.G. Organizational culture: formation, development and assessment: textbook. allowance / O.G. Tikhomirova – M.: SRC INFRA – M, 2018. –151.
 25. Tonyan, M.N. Corporate culture as one of the forms of manifestation of the culture of society / M.N. Tonyan, S. Yu. Buntovsky // Alley of Science. – 2018. – No. 9 (25).
 26. Shagieva, O.V. Management of the development of the organizational culture of the municipal service: dissertation... cand. soci-

- ologist. sciences. / O.V. Shagiev. – 2006. – 48 p.
27. Shalaginov, Yu.A. Value-based rational management of the corporate culture of municipal employees / Yu.A. Shalaginov // Politics, Economics and Innovation. – 2017. – No. 1 (11). – S. 1–4.
28. Shudabayeva, J.R. The influence of corporate culture on the effectiveness of the organization / Zh.R. Shudabayeva // Scientific and educational journal for students and teachers "StudNet". – 2020. – No. 9. – FROM. 1130–1133.

Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области)

Пружинин Александр Николаевич,
ассистент преподавателя на кафедре
Государственное и муниципальное управления
Института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

В работе проводится анализ развития человеческого капитала на примере среднего бизнеса Иркутской области. Показывается региональная включенность руководителей бизнеса в формирование человеческого капитала через формальные и неформальные практики, укрепление социального взаимодействия и регулирование общественного воспроизводства человеческих ресурсов в регионе. Выявляются основные проблемы и противоречия, а также обозначаются перспективы развития человеческого капитала среднего бизнеса.

Ключевые слова: человеческий капитал, региональные особенности, социальное моделирование, общественное воспроизводство, обучение, идеология, цели развития.

Развитие человеческого капитала напрямую связано с устойчивостью самого бизнеса, как было определено ранее: чем выше ресурсы – тем больше инвестиции в персонал и потребность в его качестве. Также, для крупных компаний верен тезис – рост капитализации – это производное от развития персонала, но для среднего бизнеса, не имеющего должных ресурсов всё иначе – он вынужден балансировать между развитием и сохранением своих кадров, и в то же время создавать «подушки безопасности» в виде экономических резервов, а такая возможность не всегда есть. На основании современных отечественных исследователей можно утверждать, что развитие среднего бизнеса сдерживают повторяющиеся экономические кризисы. Соответственно перед изложением результатов нашего исследования будет уместно представить результаты социологических опросов предпринимателей ВЦИОМ и антикризисного мониторинга субъектов малого и среднего предпринимательства общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «Опора России» [1].

Анализ состояния малого и среднего бизнеса за 2016–2018 гг. показал, что большинство предпринимателей являются «относительно устойчивыми» т.е. для поддержания своего бизнеса денег хватает, но для развития нет, только (24,1%) респондентов–бизнесменов отнесли своё финансовое положение к благоприятному – хватает денег на поддержание и развитие бизнеса, (16,6%) респондентов указали своё состояние как неустойчивое – не хватает денег на развитие и поддержание, (5,3%) указали что состояние бизнеса ухудшается с каждым днем, (1,7%) назвали ситуацию кризисной и (0,6%) констатировали своё предприятие банкротом. Важно заметить, что выбранный

период был благоприятным для развития бизнеса, поскольку реализовывались меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Однако не все представители бизнеса смогли воспользоваться этими возможностями в виду отсутствия денег или других причин, что в последствии привело к последующей стагнации [1].

Отдельной стратегией развития бизнеса в отечественные и международные исследования принято считать банковские кредиты, особенно это актуально на этапе создания бизнеса. Использование кредитных денег, как стартовый капитал – распространенная практика в Западных странах и странах с развитой рыночной экономикой. Но в России банковские кредиты не выступают в качестве главного ресурса для становления предприятия; к помощи банка прибегают только 15,8% представителей малого и среднего бизнеса; более распространенными оказались случаи использования сбережений собственника или его имущество, за счет которых был создан бизнес (61,5%); и (15,7%) предприятий было создано благодаря финансовой помощи родственников и друзей предпринимателя. Невозможным использовать банковский кредит для (42,2%) предпринимателей было из-за высоких процентных ставок, для (28,5%) респондентов неподъемным был залог или первый взнос, требуемый в банке, в то же время (15,3%) бизнесменов не смогли предоставить необходимые финансовые документы, требуемые банком и примерно такое же количество респондентов (15,6%) отказались от предложений банка из-за слишком коротких сроков кредитования [10].

Можно предположить, что те предприниматели, которые не смогли представить в банк необходимые документы, ведут свой бизнес в теневом секторе экономики, который возникает, как правило, из-за слишком большого административного давления государства. Так, несмотря на намерения государства снизить количество данных проверок, результаты антикризисного мониторин-

га в 2015 г. показывают, что ситуация практически не изменилась. Это, подтверждают (80%) представителей малого и среднего бизнеса, и (18%) заявляют об увеличении подобных проверок. Как показывает практика, подобные проверки причиняют значительных экономических ущерб предприятиям, т.к. связаны с финансовыми и временными затратами на сами проверки и устранение их последствий. Вместе с этим отдельно стоит вопрос о противоправных действиях представителей государственных органов. И при этом парадоксальным выглядит утверждение предпринимателей, что сегодня противоправных действий в отношении предпринимателей происходит больше от представителей государственной власти, нежели от криминальных группировок.

Следующие сложности, мешающие бизнесу развиваться, относятся к «высокому уровню налогообложения и сложности бюрократических процедур и неопределенность экономической ситуации» – согласно исследованию, ВЦИОМ и аппарата Уполномоченного при президенте по защите прав предпринимателей Б. Титова. Высокая степень неопределенности, связанная с реалиями финансово-экономического кризиса может привести серьезный ущерб малым и средним предприятиям. Примерно такое же негативное влияние оказывают высокий уровень коррупции, неразвитость инфраструктуры и высокий уровень налогообложения, а также излишнее вмешательство государственных учреждений, препятствующее развитию малого и среднего бизнеса. Давление на представителей бизнеса со стороны государства недопустимо с точки зрения стран с развитой рыночной экономикой, так в России каждое предприятие проверяется государственными органами семь раз в год, в то время как в Швеции подобные проверки проходят один раз в течение двух лет. В работах отечественных исследователей отмечается тот факт, что давление со стороны государства заставляет предпринимателей уходить в теневой сектор [2,3].

В свою же очередь около половины предпринимателей, работающих в субъектах Российской Федерации, отмечают, что существуют отрасли, доступ в которые искусственно затруднен государственными органами, и только 23% руководителей отметили, что такие отрасли отсутствуют. Остальная четверть опрошенных затруднилась с ответом, что говорит о высокой степени неопределенности социально-экономических условий функционирования малого и среднего бизнеса. Иными словами, больше половины предпринимателей убеждены в том, что корни негативной конкуренции (когда одним нельзя, а другим можно) лежат в действиях органах государственной власти, искусственно создающих на местах преференции для «своих» компаний более свободные условия. И только 23% представителей малого и среднего бизнеса указали на монопольное положение конкурентов на рынке субъекта РФ.

Сегодня для 36% малых и средних компаний основной адаптационной стратегией выступает изменение ассортимента товаров и услуг. Это касается как производственного бизнеса, так и торгового или информационного. Для 28% субъектов малого предпринимательства стратегией является перевод бизнеса на новые рельсы, а для 22% респондентов – сокращение персонала. В подобных исследованиях эти цифры примерно похожи и составляют 29%, 24% и 25% соответственно [4–9]. На выбор стратегии непосредственно влияет оценка владельцем состояния своего бизнеса, а большинство собственников считает, что если у предприятия имеются оборотные средства, бизнес приносит прибыль, то все в порядке. Однако когда речь заходит не об общей ситуации, а частных проблемах, например, возможности развития, доступ к кредитам, проблемах функционирования и т.п., то респонденты демонстрируют негативный настрой. Как уже отмечалось, 50% респондентов, оценивания текущее положение дел, оценили его как «относительно устойчивое»: ресур-

сов хватает для поддержания бизнеса, но не для его развития. Иными словами, для большинства представителей бизнеса характерна стратегия выживания. В то же время на вопрос «Возможен ли для Вас рост и расширение в несколько раз» 52,5% респондентов ответили отрицательно.

Нехватка финансов угрожает среднему и малому бизнесу по двум основным причинам. В первую очередь при наступлении финансового кризиса и дестабилизации рынков происходит снижение спроса и спад покупательной способности населения, что негативно воздействует на малый и средний бизнес. Итог – банкротство. Вторая проблема заключается в невозможности масштабирования из-за недостатка финансов. Относительно этой проблемы важно заметить, что большинство предпринимателей опираются на собственные, а не заемные средства; 60,4% респондентов указывают на то, что главным источником финансирования их предприятий являются вложения из их собственной прибыли; 30,5% указали в качестве подобного источника личные средства собственника бизнеса и только 16,2% выделили банковские кредиты.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы узнать, как средний бизнес развивает свой человеческий капитал и с помощью каких инструментов. Респондентами выступили руководители, чьи компании относятся к средним субъектам предпринимательства согласно единому федеральному налоговому реестру. В исследовании приняли участие 30 менеджеров, руководящий стаж которых – от 7 до 29 лет, возраст от 31 до 52 лет.

Для руководителей среднего бизнеса в Иркутской области квалифицированным сотрудником является человек, который хочет, а не вынужден работать по выбранной профессии, и имеет личную мотивацию развиваться (так считает 70% респондентов). Второй общей чертой является самостоятельное и адекватное решение рабочих вопросов без привлечения руко-

водителя (68%). Важно заметить, что в зависимости от специфики бизнеса эта черта имеет разную обусловленность. Так, в компании, занимающейся установкой охранного оборудования уровень самостоятельности принимаемых решения зависит от цены вопроса: всё, что меньше 100 тыс. рублей, работник, решает самостоятельно, а всё что выше – совместно с руководителем. При этом, чем больше стаж работы в компании и статус, тем выше сумма. У некоторых сотрудников планка поднимается до 1 млн руб. (но не выше 5 млн. руб.). А вот в сфере услуг руководителям важно, чтобы сотрудники могли самостоятельно принимать решение именно в нестандартной, нестандартной ситуации. Третья черта – опыт работы (60%), от которого зависит уровень допустимой ответственности и профессиональных возможностей сотрудника.

«Квалифицированный сотрудник – это человек, который знает, чего он хочет и чего желает добиться, куда идет и видит свою конечную точку» в первую очередь он должен приносить результаты самому себе, а вот если он их себе приносит, значит, он приносит их и нам» (Е.В. учредитель 31 год)

Оценка уровня квалификации сотрудника, как правило, проходит у 76% респондентов посредством собеседования – от традиционной формы до усложненной, где присутствует тестирование профессиональных знаний, моделирование общения с клиентами. Подобная практика может включать в себя наличие комиссии на собеседовании (до 5 человек). Окончательное решение длится от одного дня до месяца. В масштабах корпоративного образования, помимо собеседования, проводят оценку профессиональных качеств.

«Мы просто приглашали на работу и смотрели как работает человек, как правило, к обеду уже понимали, нужен он или нет. Для меня это больше интуитивные моменты, ты смотришь, как человек себя ведет, к тому же если он излишне старается – допускает ещё больше ошибок. Первое впечатление оно

самое важное» (С.Г. владелец 2 предприятий, 52 года).

Наличие комиссии оправдывается тем, что, по мнению респондента, на собеседовании тет-а-тет руководитель не всегда видит возможные недостатки. «К тому же мы коллективно тестируем, от одного ещё можно убежать, но от пятерых ты не убежишь, все равно кто-то увидит, где ты лукавишь» (С.Г. владелец 2 предприятий, 52 года)

Как отмечает сам руководитель, в таких случаях его заместители единодушно принимают решение: все либо за, либо против кандидата, разночтений как правило не бывает. Один из респондентов при приеме к себе в компанию учитывает состав семьи сотрудника и считает это принципиально важным. «Если старший сын – ответственный сотрудник, но трудно обучаемый, его лучше поставить на должность, например, главного инженера, а младшего сына – легко обучаемого и более безответственного, нужно ставить на быстрые задачи – он хороший исполнитель. У средних сыновей другая ситуация» (А.В. директор компании 37 лет).

На сегодняшний день практически все респонденты (90%) относятся к диплому о высшем образовании как к формальности, которая нужна больше из-за требований государства (если деятельность предприятия требует лицензирования). Важнее такие качества, как профессиональная уверенность (74%), готовность учиться новому (53%) и ответственность (48%), а вместе с тем – высокие коммуникативные навыки и умение выстраивать хорошие отношения в коллективе.

«Если мы говорим, про юриспруденцию, то да, здесь важен диплом чтобы зайти в арбитражный суд, без него туда не пускают, если же про риэлторство, то здесь как сотрудника обучишь, так он и пойдет, но люди с высшим образованием более дисциплинированы, а без него приходится прививать дисциплину». (В.Г. владелец двух предприятий, 45 лет).

«Когда зарождалась наша отрасль не было государственных требований

иметь диплом по нашей специальности, а когда требования появились, то сотрудники с 20– летним стажем могли ещё поучить тех, кто пришел к нам с дипломом». (А.Г. зам. директора 38 лет).

«Проблема наших вузов в слишком широких знаниях, преобладании общих предметов над специальными, и слишком мало практики» (А.В. владелец фирмы, 40 лет).

Как правило, в большинстве фирм курсы адаптации новых сотрудников не закреплены в документах и реализуются посредством наставничества (70%), что является неверным с точки зрения развития внутрифирменного обучения, хотя бы потому, что менторство (наставничество) тоже является трудом и должно поощряться. При этом в некоторых компаниях к ней относятся с должным вниманием – за успехи/неуспехи молодого специалиста несёт ответственность не только сам молодой сотрудник, но и его наставник.

«Мы закрепляем за молодым сотрудником инженера из его будущего отдела, если через месяц будет результат, то человек себя раскроет и дальше, но если, например, характерами не сошлись, то подключаем начальника этого подразделения, чтобы он лично ставил им задачи и контролировал процесс, ну а если новый сотрудник и после этого не смог, то тут ничего не поможет, даже если он в дальнейшем начнет справляться, наша специфика такова, чтобы у нас работать – нужно со всеми дружить». (В.С. зам. директора 35 лет).

Вместе с этим 24% руководителей сходятся в той позиции, что иметь сотрудников, специально предназначенных для обучения молодых сотрудников или повышения квалификации основного персонала, это избыточная практика. Но иметь в штате специалиста, который бы следил за различными инновациями (оборудование, образовательные курсы, как обязательная государственная аттестация или желаемое повышение квалификации, новшества у конкурентов) становится уже необходимостью.

«Специальный человек, обучающий молодых сотрудников – ну он приходил бы к нам раз в полгода. Сейчас у нас нет таких объемов работы, а вот иметь человека, который бы добывал необходимую информацию относительно изменений рынка, новых образовательных курсов – да, нужен, потому что перед тем, как что-то внедрить, например, квадрокоптеры с измерительными приборами, или отправить человека учиться – мы сами должны понять, насколько это полезно и когда отобьётся». (В.П. зам. директора 43 года)

«Из-за коронавируса большинство контор, подобных мне, уже закрылись, а те, кто ещё хоть как-то барахтается, начинают смотреть, на какие новые рельсы вставать» (С.Д. директор, 40 лет).

Почти все руководители–респонденты (96%) регулярно получают дополнительное образование, проходят курсы повышения квалификации, участвуют в тренингах по управлению собственным бизнесом. Относительно государственных вузов, наибольшую популярность имеет управленческое образование, среди других образовательных провайдеров – тренинги экономической направленности, разработка стратегии и ведения переговоров. Получение дополнительного образования может быть связано не только с управлением бизнесом, но и с выстраиванием альтернативной карьеры, например, на государственной службе.

«Моё второе высшее образование связано именно с управлением, а курсы повышения квалификации – это больше к ведению личных финансов, потому что то, как ты управляешь деньгами внутри своего кармана или семьи, так ты и будешь управлять деньгами в бизнесе». (Е.В. учредитель 31 год)

«На мой взгляд, руководитель постоянно должен чему-то учиться, если ты будешь постоянно думать только о том, чтобы заработать денег, то у тебя мозги заржавеют» (С.Г. владелец 2 предприятий, 52 года).

«Да, недавно закончил ГМУ, потому что руководящий опыт есть, может кто-

нибудь и заметит, пригласит на другое направление. Для себя также много подчеркнул, т.е. какие-то моменты интуитивно чувствовал в управлении, но боялся, а тут головой кивнули – мол, правильно делаешь, так и вообще легко стало. Я вот когда первое образование получал, не понимал зачем оно мне было нужно. Да и не хотел в этом направлении работать. Потом друзья пригласили к себе в компанию, нужно постоянно общаться, чему-то новому учиться, а то сидя на одном месте мозги заржавеют».

При этом один из респондентов – руководителей не занимается своим образованием посредством внешних образовательных провайдеров, но через самообразование. «Я пытался ходить на курсы, даже на тренинги, но они не дают мне никакого толка. Мои подчиненные в определённых вопросах выше меня на голову – и это хорошо, моя задача как руководителя собрать их, профинансировать и направить к нужной цели. Все что я умею – это говорить. (С.Г. владелец двух предприятий, 52 года).

При этом практически во всех организациях существует практика обучения сотрудников у внешних провайдеров (80%): на ежегодной основе люди обучаются только у 30% руководителей, по необходимости – у 50%, и лишь у 20% опрошенных обучение сотрудников планируется исходя из стратегических соображений. Иными словами, средний бизнес пока имеет инертно-пассивную образовательную политику, что является одним из ключевых показателей при оценке эффективности внутрифирменного обучения. Согласно современной теории, любая форма повышения квалификации имеет сильный временной лаг в своей экономической реализации, соответственно определённое время предприятие ещё не будет получать отдачу от обучения, а также возрастет сумма упущенных доходов при обучении сотрудников. Подобная политика не только не эффективна, но и сдерживает развитие внутрифирменного образования, поскольку

главным недостатком любой образовательной стратегии предприятия является отрыв или частичный отрыв сотрудника от производства. Когда же предприятие несёт убытки или теряет прибыль (нет необходимых знаний у персонала), ещё труднее отправить сотрудника учиться, ибо растёт риск дополнительных убытков. В то же время планирование обучения персонала позволяет заблаговременно подготовиться к новым вызовам рынка, обучить персонал постепенно, более гармонично распределяя нагрузку. Кроме того, при планировании образования у руководителей больше времени, чтобы решить кто из сотрудников больше подходит для повышения квалификации, кто перспективнее и надежнее. Около 15% респондентов выразили страх, что после обучения человек уйдёт, и его обучение станет потерей времени и денег. Но у 40% респондентов закрепилась практика, согласно которой обучившийся за счёт компании должен отработать 2–3 года или вернуть часть стоимости обучения.

Хорошей альтернативой является онлайн-образование, которое также начинает применяться в обучении персонала. Оно может быть дешевле традиционных курсов, но его эффективность ещё не доказана. Особенно актуально оно для тех фирм, которые отправляют своих сотрудников учиться в другие субъекты РФ (15%), поскольку в Иркутской области нет необходимых программ обучения, особенно в период самоизоляции из-за коронавируса.

«За три года обучили 10 сотрудников, руководителей отправляли на курсы управления персоналом, рабочих – на обучение по утилизации особых бытовых отходов, а менеджеров на искусство продаж. Мои компании это обучение оплачивают. Мы заключаем дополнительное соглашение к трудовому договору о том, что сотрудник должен отработать позже 3 года либо вернуть деньги, но стараемся чтобы таких ситуаций не было. Обучить одного сотрудника – 140 тысяч примерно выходит (А.К. учредитель, 37 лет).

«Стараемся проводить дополнительное обучение регулярно, каждый сотрудник проходит его три раза в год. Используем все что нам выгодно: вузы, тренинги, онлайн образование, особенно сейчас при коронавирусе. Я сам прохожу дополнительное обучение, что-то читаю, и вовлекаю в это своих сотрудников потому, что если человек не учится, выполняет одни и те же функции, у него пропадает интерес к работе, он теряет мотивацию, плохо начинает работать». (В.А. владелец 2 фирм, 35 лет).

«Если сотрудник хочет, чтобы мы его отправили учиться, и он убедит нас, что обучение принесет нам и ему пользу – мы его отправим за своей счет, но тогда он должен отработать у нас 2 года или вернуть разницу от обучения. Кстати, молодых стараемся не брать – они не любят учиться и хотят сразу получать миллионы, а старикам новых направлений уже не надо. По большому счету, мы обучаем так, как просит рынок или каковы государственные требования» (С.Г. зам. директора 38 лет). «Мы всех обучили, и сейчас обучение меньше нужно, чтобы коллектив устаканился. Для меня это дорого – обучение проходит за пределами Иркутской области, учим обращаться с новым оборудованием» (А.В. директор 37 лет).

Нельзя сказать, что мотивация обучать сотрудников всегда положительна для руководителей. Зачастую это исправление ошибок в управлении, рост конкуренции, падение прибыли (40%) государственные требования (30%) и только в 30% случаев – виденье предпринимателем новых горизонтов, перспектив и больших заработков. Это говорит о том, что с помощью образования бизнес пытается выжить, но в современной теории говорится, что самообразование бизнеса помогает развиваться и увеличивать прибыль. Соответственно, логичным будет предположение, что в большинстве случаев предприниматели не измеряют экономическую отдачу от вложений в сотрудников и рассматривают обучение как издержки. «Обучение – не всегда стратегическая потребность. Скорее

ошибки сотрудников в использовании оборудования, падение прибыли, конкуренция или наоборот, когда все хорошо, есть новые идеи». (А.В. директор 37 лет)

«Нет у нас такой потребности, и я не знаю, в каком бизнесе есть большая потребность в обучении персонала! Ну, у меня друг предприниматель из Москвы – он ходит на всякие курсы, и я уверен, что и сотрудников своих он сам обучает. А мы в провинции живем. У нас только бухгалтерия ходит на курсы повышения квалификации – это обязательно по закону, ежегодно, потому что все меняется» (С.Г. владелец 2 предприятий, 52 года). «В одном из наших подразделений – 20 инженеров, мы обучили почти всех, а именно 17; у 3 квалификация ещё актуальна по государственным требованиям» (А.Г. руководитель 44 года).

У большинства респондентов обучение не связано со стратегическими потребностями компаний, в первую очередь из-за пассивного подхода к внутрифирменному обучению, а во-вторых, из-за слабой проработки самой стратегии или её отсутствия (85%). Дополним, что ситуация, вызванная самоизоляцией, существенно ухудшила картину, поскольку многие стратегические планы оказались разрушенными. Для многих предпринимателей тщательная проработка стратегии – сложный вопрос, поскольку у большинства бизнес находится на грани выживания, но вместе с тем среди тех, кто все же планирует обучение своих сотрудников (15%), имеют интересную корреляцию, схожую с крупными компаниями: чем выше должность специалиста, тем больше будет обучения.

«Разработка стратегии бизнеса – моя большая слабость. Сам себя за это ругаю, возможно, поэтому у меня было столько провалов – хочу пойти учиться» (А.Г. владелец двух фирм, 38 лет). «У нас стратегия всегда есть, но сейчас все рухнуло из-за самоизоляции и коронавируса. Понятно только одно – мир изменился, а каким он будет – не понятно» (А.В. директор, 38 лет)

«В первую очередь проходит обучение штатных, офисных сотрудников, например, в моей юридической фирме повышение квалификации так проходит: рядовой сотрудник отправляется на обучение, связанное с изменением законодательной базы, начальников отдела обучается тем же курсам, а также управлению персоналом» (В.Д. директор 47 лет)

«Конечно, если мы принимаем топ-менеджера, то мы готовы его обучать и вкладывать в него. Но если дело касается рядовых сотрудников или начальников отделов, которые по сути просто контролируют выполнение работ, то здесь уже обучение по строгой необходимости» (Г.Д. директор 40 лет)

Большинство руководителей (70%) согласны с тем, что выпускникам не хватает практических навыков для работы, поэтому уже в профессиональной деятельности выпускников необходимо доучивать. Предприниматели считают, что выпускникам необходимо начинать работать по специальности ещё студентами либо набираться опыта во время институтской практики. Остальные (30%) утверждают, что у каждого предприятия – своя специфика, к которой нужно адаптировать специалиста. Иными словами, её невозможно знать, не работая в ней. Дополним, что, учитывая прошлые ответы из этих фирм, можно сделать вывод: адаптация происходит в большинстве случаев благодаря наставничеству. Пассивная образовательная политика среднего бизнеса – слабый помощник в развитии сотрудников. Надо, чтобы предприниматели больше ориентировались на развитие персонала, сотрудничая с вузами, планируя обучение, или вузы расширяли свой круг взаимодействия с бизнесом.

«Беда наших образовательных учреждений в том, что они дают много общих предметов и поздно начинают давать практику. К нам приезжают студенты–практиканты из Европы, если это инженер, то он со второго курса уже на заводе работает» (С.Г. директор, 39 лет). «Мои планы и стратегия рухну-

ли под коронавирусом. Обычно на полгода вперёд все расписано. Есть представление, куда двигаться в долгосрочной перспективе, но сейчас всё пусто» (А.В. директор, 37 лет).

Относительно разработки стратегии устойчивого развития нужно сказать, что почти все респонденты (90%) хотели бы уметь её разрабатывать, но по разным причинам этого не делают. Например, они не имеют нужных знаний и специалистов или считают, что их бизнес достаточно устойчивый и «уже устаканился – 15 лет на рынке», поэтому в стратегии он не нуждается. Другие предприниматели считают, что из-за специфики их бизнеса они не могут её иметь, хотя примеры конкурентов говорят об обратном. С точки зрения практики, стратегия необходима как мерило развития компании, рефлексия её роста: если за определенный период времени она не может сдвинуться с места в своих достижениях, то необходимо искать недостатки в управлении.

Большинство предпринимателей думают о том, как расширяться: «Мы полностью зависим от постройки домов или дорог, и находимся в неконкурентоспособном положении. Многие ИП могут сильно ронять цену, а мы так не можем. Если бы наша отрасль больше регулировалась государством и развивалась постепенно, то за счет своего качества, мы бы могли конкурировать» (С.П. зам. генерального директора 34 года).

«Моей новой фирме – да, нужна стратегия, нам необходимо понять требования рынка, востребованные услуги и быстро подстроиться под этот спрос, но я считаю это больше зависит от опыта предпринимателя. Той фирме, которая на иркутском рынке больше 15 лет – я считаю всё хорошо выстроено, чтобы что-то улучшать» (В.О. учредитель двух фирм, 49 лет)

Одним из признаков устойчивого внутрифирменного обучения является наличие отдельных структурных подразделений, которые разрабатывают стратегию, удерживают и привлекают ценных кадров, внедряют корпоративную культуру. На данный момент

у среднего бизнеса нет подобных структурных подразделений, у нескольких респондентов (20%) похожие функции имеют кадры или отделы по продажам. Но вот что примечательно: подобные функции единолично выполняют сами руководители (80%) и предельно редко доверяют своим подчиненным. Некоторые из респондентов открыто заявляют (30%), что если они доверяют подобные функции кому-нибудь другому, то у них «уведут» бизнес. Подобное опасение свойственно единолично выполняющим, имеющим опыт «перестройки».

Логичными будут следующие вопросы. Если руководители единолично пытаются разработать стратегии, новые идеи для бизнеса, внедряют и поддерживают корпоративную культуру, то насколько они качественно это делают? И, учитывая, что средний бизнес в (50%) находится в состоянии, когда не хватает денег на развитие, и руководителям приходится «спасать» свои организации, то насколько хватает сил, чтобы управлять столькими функциями? Вполне возможно, что их стоило бы переложить на своих подчиненных, а самому сконцентрироваться на непосредственном развитии бизнеса и проведении антикризисных мер. Конечно, для ответа потребуется отдельное исследование того, какова разница в функциях руководителя там, где используется стратегия выживания и там, где применяется стратегия развития, а также различий в функциях структурных подразделений, условий, позволяющих одним развиваться, а другим выживать.

«Я не могу никому доверить стратегию своего бизнеса потому, что если ты его не контролируешь – это не твой бизнес. Мой приятель – генеральный директор одной из нефтяных корпораций, он всё держит в голове!» (С.Г. владелец двух предприятий, 52 года).

«Разрабатывать стратегию и удерживать ценных кадров – это чисто моя прерогатива, иногда я обсуждаю ее с партнерами по бизнесу. Ведь в эпоху коронавируса многие бизнесмены сокращают персонал и аккумулируют де-

нежные потоки внутри компании. Но мы сокращаем неконкурентоспособных сотрудников, и за их счет повышаем зарплату тем, кто нам ценен. Они тоже чувствуют свою ценность» (В.Л. директор 39 лет).

«Мы постоянно внедряем новые товары, фишки, услуги. Я заказываю маленькие исследования для слежения за рынком. Как минимум можем просто отдел продаж опросить – какова общая картина» (А.В. директор, 37 лет). «Подразделений, которые удерживают ценных кадров, нет. Стратегию разрабатываю только я или структурный директор; т.е. если я сделаю коллектив, то он есть, если я его не создам – коллектива нет» (А.Г. учредитель, 48 лет). «У нас есть дедушка, геодезист, мы его держим, как раз чтобы молодых он геодезистов обучал; говорил им, куда какие бумажки носить, какие работы как делать» (В.П. руководитель, 51 год).

Изучение спроса потребителей и развития инноваций на рынке для большинства респондентов (80%) так же, как и стратегии бизнеса лежит на плечах руководителей, но для 20% респондентов в этом нет необходимости. Эти функции основаны на опыте самих руководителей. При этом 10% опрошенных уверены, что если они не могут удовлетворить потребностей клиентов, то никто в Иркутской области на их рынке этого сделать не сможет. Вместе с опытом важно умение быстро адаптироваться к новому спросу. Владение инновациями воспринимается как обновление оборудования, рабочих и расходных материалов, программное обеспечение, но не как управленческие модели или, например, создание нового товара и услуги. Вполне логичным будет предположение, что для среднего бизнеса достаточно своевременного обновления товара и услуг.

«В нашем бизнесе сейчас актуально банкротство физических лиц, люди набрали кредитов, а отдавать нечем, нам пришлось быстро перестраиваться под этот спрос, ну ещё и коронавирус свою лепту внес, а понимание этого, какой спрос диктует рынок – это опыт нахож-

дения в профессиональной среде» (Г.А. директор 32 года)

«В первую очередь мы смотрим на то что нужно людям – ориентация на спрос, а стратегия, новшества, модели управления – это в первую очередь сам руководитель, ну и сами сотрудники. Все должны быть заинтересованы в развитии. К тому же, если мы – не можем удовлетворить потребности клиента, то уже никто не сможет. (Д.В. директор, 37 лет)

Несмотря на то, что стратегирование бизнеса ещё не освоено предпринимателями в полной мере, у 70% из них есть конкретные цели развития бизнеса, а 20% не могут прогнозировать развития сейчас из-за режима самоизоляции. Еще для 10% руководителей сохранить то, что они имеют – главный приоритет. «Я хочу создать свой бренд предпринимателя, чтобы компании узнавали, создать отдельные подразделения, которые реагировали бы на новые вызовы рынка» (А.М. учредитель, 38 лет).

«Для семейной фирмы – сохранить её устойчивость, а для своего собственного бизнеса – собрать отличных профессионалов для того, чтобы конкуренты боялись, а клиенты знали, что здесь – наилучшие услуги» (В.С. директор, 49 лет). «Сейчас невозможно предсказать, как будут идти дела даже на 1,5 года, и что будет с нашей экономикой» (А.В. директор 33 года). «Недвижимость спокойно как сдавалась, так и сдается сейчас, даже если другие направления исчезнут, например, из-за информационных технологий» (В.А. учредитель 50 лет)

Результаты проведённых интервью говорят о том, что практически все предприниматели вынуждены оперативно подстраиваться под резко меняющиеся условия рынка, иметь конкурентоспособные (качественные и новые) товары и услуги, обновлять технологическую базу, что требует дополнительных знаний. Поэтому руководители стремятся получить второе высшее образование (как правило, управленческое) или пройти курсы повыше-

ния квалификации, тренинги экономической направленности и т.п. Вместе с этим предприниматели знают, каким они хотели бы видеть свой бизнес через 5–10 лет, но не имеют основательно проработанной стратегии. Учитывая, что сами руководители выступают центром создания корпоративной культуры, самостоятельно выстраивают отношения с ценными кадрами, развивают новые идеи, можно предположить, что они слишком много внимания уделяют оперативным вопросам, и у них не остается возможности основательно планировать развитие бизнеса.

Обучение сотрудников в среднем бизнесе в половине случаев воспринимается не как ресурс развития, а как исправление ошибок в управлении, эксплуатации оборудования; четверть от всего обучения связано с обязательной государственной сертификацией, наличие определённого образования. В остальном положительные причины – мотивация персонала к личному росту, обучение актуальным знаниям, а также – инициативы самих сотрудников. Подобное положение дел говорит о недостатке качества человеческого капитала на рынке труда для среднего бизнеса. Соответственно, чтобы бизнес мог развиваться – образование сотрудников необходимо планировать, но так поступает меньше половины предпринимателей. Осложняет ситуацию убежденность руководителей в том, что выпускникам вузов не хватает практических навыков для работы.

Практически для всех предприятий справедливо утверждение: чем выше должность сотрудника, тем необходимее обучение; чем больше время работы в компании или выше должность, тем охотнее предприниматели идут на обучение сотрудника. Для руководителей бизнеса характерно получение управленческого образования, посещение тренингов по управлению финансами, ведению переговоров, для рядовых сотрудников – повышение квалификации в рамках своей профессии. На тех предприятиях, где проходит обучение в связи с государственными требова-

ниями или производственной потребностью, возможно обучение по инициативе сотрудника. Общие условия обучения примерно таковы: образование, которое необходимо по закону, оплачивает работодатель; остальное обучение оплачивает работодатель при условии, что сотрудник отработает определенный период времени в компании, либо вернёт часть стоимости обучения.

Обучение персонала чаще всего связано со спецификой деятельности компании и проходит в рамках одной профессии, реже специалисты обучаются дополнительным навыкам, таким как ведение переговоров и т.п. Практика менторства в условиях быстро меняющегося рынка может выступать как практика сохранения знаний и передача опыта в организации, но она не может обеспечить новыми и уникальными конкурентоспособными товарами, и услугами.

Следовательно, для среднего бизнеса универсальные принципы таковы: 1) средний бизнес нуждается в основательной разработке стратегии; 2) проведении обучения персонала согласно стратегическим потребностям бизнеса; 3) в каждой фирме руководитель либо разрабатывает стратегию развития бизнеса, содействует развитию корпоративной культуры, но не занимается решением оперативных вопросов, таких как удержание ценных кадров и т.п., либо возлагает стратегию и корпоративную культуру на своих сотрудников; 4) вводятся механизмы оценки эффективности обучения сотрудников и влияние обучения на капитализацию фирмы.

Литература

1. Гнатюк, А.Н. Адаптационные стратегии малого и среднего бизнеса в условиях финансово-экономического кризиса в современной России: дис. канд. соц. Наук: 22.00.04 / А.Н. Гнатюк; Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2017. 116 с.
2. Полюшкевич, О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие /

О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2012. 131 с.

3. Полюшкевич, О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2014. С. 103–110.
4. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «РОСНЕФТЬ» И «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») / А.Н. Пружинин // Государственная служба. 2019. – Т. 21. № 4 (120). – С. 58–65.
5. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 3. – С. 162–169.
6. Пружинин, А.Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных, А.Ф. Шмидт]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 433–440.
7. Пружинин, А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 2. – С. 306–313.
8. Пружинин, А.Н. Ресурсы человеческого капитала крупных нефтяных компаний в социокультурном воспроизводстве Иркутской области // А.Н. Пружинин // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. А.В. Аргучинцева, И.А. Журавлевой]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – С. 216–223.
9. Пружинин, А.Н., Полюшкевич О.А. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области / А.Н. Пружинин // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Мате-

риалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Баевой, Иркутск: БГУ, 2018. – С. 341–346.

10. Филонович, С.Р. Диагностика деловой организации в логике теории жизненных циклов // *Личность. Культура. Общество*. 2015. № 3(27). С. 48–60.

REGIONAL SPECIFICITY OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Pruzhinin A.N.

Irkutsk State University

The paper analyzes the development of human capital using the example of medium-sized businesses in the Irkutsk region. Shows the regional involvement of business leaders in the formation of human capital through formal and informal practices, strengthening social interaction and regulation of social reproduction of human resources in the region. The main problems and contradictions are identified, as well as the prospects for the development of human capital in medium-sized businesses.

Keywords: human capital, regional characteristics, social modeling, social reproduction, training, ideology, development goals.

References

1. Gnatyuk, A.N. Adaptation strategies of small and medium-sized businesses in the context of the financial and economic crisis in modern Russia: dis. Cand. social Sciences: 22.00.04 / A.N. Gnatyuk; Aдыгhe State University. Maykop, 2017. 116 p.
2. Polyushkevich, O.A. Introduction to corporate social responsibility: a tutorial / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2012. 131 p.

3. Polyushkevich, O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // *Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific works / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2014. S. 103–110.*
4. Pruzhinin, A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies “ROSNEFT” and “GAZ-PROM NEFT”) / A.N. Pruzhinin // *State Service*. 2019. – T. 21.No. 4 (120). – S. 58–65.
5. Pruzhinin, A.N. Analysis of corporate norms of regulation of human capital of oil companies / A.N. Pruzhinin // *Sociology*. 2020. – No. 3. – S. 162–169.
6. Pruzhinin, A.N. Instruments of oil companies in the development of their human capital / A.N. Pruzhinin // *Higher education, social sciences and national security. Sat. scientific. tr. / FGBOU VO “ISU”; [scientific. ed.: TI Grabelnykh, AF Schmidt]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. – pp. 433–440.*
7. Pruzhinin, A.N. Features of the strategic development of human capital / A.N. Pruzhinin // *Sociology*. 2020. – No. 2. – S. 306–313.
8. Pruzhinin, A.N. Human capital resources of large oil companies in the socio-cultural reproduction of the Irkutsk region // A.N. Pruzhinin // *Socio-cultural dynamics of the Irkutsk region in the XX – early XXI century. FGBOU VO “ISU”; [under total. ed. A.V. Arguchintseva, I.A. Zhuravleva]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2017. – pp. 216–223.*
9. Pruzhinin, A.N., Polyushkevich O.A. Human Development Resources in Large Oil Companies of the Irkutsk Region / A.N. Pruzhinin // *Activation of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Under scientific. ed. N.N. Danilenko, O.N. Baeva, Irkutsk: BSU, 2018. – S. 341–346.*
10. Filonovich, S.R. Diagnostics of a business organization in the logic of the theory of life cycles // *Personality. Culture. Society*. 2015. No. 3 (27). S. 48–60.

Информационные среды в контексте технологической эволюции

Васильева Ольга Игоревна,

зам. начальника отдела международных научных и внешнеэкономических связей, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

E-mail: vasilieva_oi@spbstu.ru

Статья посвящена философскому анализу формирования современных информационных сред как определяющего фактора цивилизационных трансформаций. Возрастающая скорость внедрения информационных технологий во все сферы жизни человека делает чрезвычайно актуальным осознание возможных социогуманитарных последствий бесконтрольной технологизации в условиях развития проектной культуры. Исследование ведётся в рамках междисциплинарной социотехноприродной парадигмы с использованием сравнительного метода анализа концепций эволюции техноукладов и перспектив развития конвергентных технологий. Выделяются особенности современных сетевых сред и их влияние на социальную, ценностную, духовную сферу и экологическое окружение человека. Делается вывод о необходимости переосмысления ориентиров научно-технического прогресса с точки зрения границ проектной деятельности в поиске гармоничных форм сосуществования человека, техники и природы.

Ключевые слова: Техноуклад, сетевые информационные среды, технологическая эволюция, проектная культура.

Введение

На современном этапе общественного развития можно с уверенностью утверждать, что информационные технологии проникли во все области жизнедеятельности человека. В связи с этим, коммуникативные процессы стали определяющими для существенных трансформаций в общественной (социальной, профессиональной, политической, культурной и др.) и личной сфере индивида. Более того, глобальные информационные процессы становятся базовыми факторами обеспечения экономических и геополитических интересов целых государств и их альянсов.

С распространением инновационных коммуникативных технологий общество превратилось в «общество знаний» или «информационное общество», где информационные среды являются и основным местом обитания человека, и ключевым источником знаний об окружающем мире, а информация как таковая становится самым ценным ресурсом.

При этом отмечается, что в ближайшем будущем значение информационных технологий будет только увеличиваться за счет их междисциплинарной конвергенции с достижениями других научных областей, таких как биомедицина, нанотехнологии, в связи с чем искусственно создаваемые системы смогут заменить природные механизмы и даже человека. В данном контексте будущее цивилизации напрямую зависит от того, насколько взвешенным уже сейчас будет соотношение приоритета технологического прогресса и гуманитарных, природных доминант.

Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть специфику становления и функционирования информационных сред в условиях современного технологического уклада как детерминирующего фактора цивилизационного развития на современном этапе.

Методология

Исследование функционирования информационных сред проводится в рамках междисциплинарной системной методологии с использованием исторического и сравнительного методов анализа содержательных, технологических, деятельностных, нормативных, функциональных, субкультурных аспектов развития современной цивилизации. Многоаспектный подход позволяет рассматривать глобальную информационную среду как целостность, способную к саморазвитию, и анализировать тенденции технического прогресса через призму разнообразных критериев.

Исторический подход позволяет проследить динамику трансформации технологических укладов и изменение воззрений на причины и следствия смены технологических укладов в различных временные периоды.

Концептуальную базу междисциплинарного анализа составили концепции российских и зарубежных ученых в области методологических основ эволюции технологических укладов (Глазьев, Перес, Школьников, Хапров), теории коммуникации (Маклюэн, Хабермас), теоретических основ информационного общества (Масуда, Белл, Кастельс), аксиологии развития техногенной цивилизации (Лепский, Степин, Кричевский).

При изучении вопроса эволюции современного технологического уклада применен диалектический подход, позволяющий соотнести позитивные и негативные аспекты происходящих трансформаций.

Литературный обзор

В 80-е гг. XX в. С.Ю. Глазьев вводит термин «технологический уклад». В более поздних работах Глазьева мы находим следующее определение «*Технологические уклады – это группы технологических совокупностей, выделяемые в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет со-*

бой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления» [1]. В такой трактовке историческая эволюция общества определяется факторами технико-экономического характера.

Британский ученый К. Перес выделяет цикличность цивилизационного развития, которая происходит примерно каждые полвека в следующей последовательности: «технологическая революция – финансовый пузырь – коллапс – «золотой век» – политическая нестабильность» [2, с. 27]. Он подчеркивает, что социальные структуры более инертны к переменам по сравнению с технико-экономической сферой.

С. Хапров в качестве критериев смены технологических укладов рассматривает энергию и критические технологии [3]. По его мнению, в первых четырех укладах индустриальной формации двигателем изменений была энергия воды, пара, электричества и углеводородов соответственно. В пятом же укладе произошел перелом и на смену энергии в привычном понимании пришла энергия информации, что стало возможным благодаря разработке микрочипа. В шестом технологическом укладе, по мнению ученого, ведущей силой станет энергия частиц и их способности к группировке и перегруппировке. Так, к примеру, в производстве это будет выражено технологиями 3D-печати и нанотехнологиями, а в социальной и политической сфере – инструментами сетевого управления.

А.Ю. Школьников, рассматривая историю техноукладов и будущее человечества, делает акцент на том, что до сих пор внимание исследователей приковано к экономическим аспектам технологических скачков, при этом социальные и культурные последствия таких трансформаций остаются в тени [4]. Примером таких последствий он считает глобализацию, которая возник-

ла в борьбе за экономическую выгоду, но при этом безвозвратно стерла национальные культуры и индивидуальность. По его мнению, пренебрежение к социальному контексту техноэволюции, несмотря на позитивные ожидания многих специалистов в отношении будущего экономического развития, ведет к спаду мировой экономики в перспективе расширения роботизации и росту безработицы.

Рэймондом Курцвейлом высказывается уверенность, что к 2045 году машины, созданные на базе искусственного интеллекта, приобретут полную автономность, станут способны к самовоспроизводству, а человеческий организм получит новые невиданные ранее способности [5].

Более взвешенную позицию высказывает И.Б. Ардашкин анализируя феномен смарт-технологий [6]. Вслед за А.Ю. Нестеровым и Д.В. Горбуновым [7] он отмечает, что в ближайшем будущем технологии действительно приобретут свойства субъектности, принятия решений, целевого воздействия на окружающую среду и даже смогут удовлетворять духовные потребности человека. Тем не менее, вряд ли получится полностью заменить духовную сферу личности. Рано или поздно при общении с искусственными системами наступает душевное опустошение и человек испытывает потребность в живом существе. Ученый призывает подходить к смарт-технологиям с междисциплинарной позиции, учитывая их социальные, этические, психологические эффекты.

Многие исследователи из области философии, социологии, экономики задумываются над поиском способов преодоления вероятных системных кризисов, вызванных последствиями шести технологических укладов, ценностно ориентированных на безусловный приоритет научно-технического прогресса. Мнения ученых сводятся к тому, что в основу седьмого технологического уклада должны лечь эко-гуманитарные факторы, будь то смена ценностных ориентаций (В.С. Степин), «зе-

лenny» (С.В. Кричевский) или социогуманитарный (В.Е. Лепский) подходы.

Лепский представляет концепцию седьмого технологического уклада в русле постнеклассической научной парадигмы, для которой свойственно соотношение междисциплинарных аспектов в рамках изучения того или иного объекта [8]. Он отмечает, что в седьмом техноукладе человек будет находиться в поле взаимодействия по принципу субъект – полисубъектная среда, при этом последняя будет обладать способностями к саморазвитию. Вследствие этого важнейшей задачей перехода в седьмой уклад станет выстраивание партнерских взаимосвязей человека и окружающей его реальности (метасубъектных сред и систем), что отодвинет господствовавший ранее принцип антропоцентризма.

С.В. Кричевский [9], опираясь на экологические режимы Ф. Спира [10], выдвигает положение о понимании действительности в качестве социотехноприродной системы, для развития которой равнозначны и технологические, и социальные, и экологические факторы. Ученый настаивает на трансформации в осознании технокладов и детерминирует их доминантным в тот или иной период экологическим режимом. Отдавая приоритетное место в развитии человечества «зеленым» факторам, Кричевский понимает экологию шире, чем заботу о сохранении природы, как комплекс отношений между человеком, социумом и окружающей средой. Поэтому в рамках формулирования особенностей седьмого техноуклада ученый призывает к сбалансированному подходу в оценке и внедрении технологий с учетом не только технико-экономических аспектов, но и социально-экологических и видит «зеленый» уклад единственным противовесом угрозам технологической сингулярности.

В.С. Степин анализирует историю научных революций и влияние смены научных парадигм на ценностные установки общества. Так в его понимании традиционные общества еще до появ-

ления науки среди основных ценностей видели единение с природой, а роль человека трактовалась в качестве элемента большого живого организма природы. По мере развития науки человек стал понимать себя как «хозяин» природы, преобразующий ее для своих нужд, такая позиция характерна для классической и постклассической научной парадигмы. Современная постнеклассическая наука, возникающая в постиндустриальном обществе, характеризуется изучением объекта с позиции разных областей знаний в их наддисциплинарном единстве, вплоть до применения ненаучного знания. В аксиологическом аспекте это выражается в требовании к пересмотру ценностей на этапе перехода к седьмому технологическому укладу, который выражается в отказе от господства над природой, созидательной деятельности по окультуриванию природы вместо агрессивного утилитарного использования ее ресурсов, новом подходе к научной рациональности в сочетании истинности и нравственности [11].

Характеристика современной информационной цивилизации

Значение информации, а также способов и средств ее генерации, обработки, передачи, хранения в контексте истории эволюции цивилизаций артикулировано многими российскими и зарубежными учеными.

Взаимосвязь средств массовой информации с процессами социально-экономических трансформаций исследуются еще с середины XX века представителями Канадской школы коммуникации. Маклюэн представил ретроспективу общественного прогресса в виде трех этапов, первым из которых является дописьменный, когда общение происходило устным способом, второй – период распространения письменности и печати после изобретения печатного станка, третий – современный этап, на котором широко используются электронные каналы и средства массовой коммуникации [12, с. 282]. При этом ученый подчеркивал, что спо-

собы информационного обмена в первую очередь оказывают серьезное воздействие на форматы человеческого мышления и как следствие на все социальные, экономические, политические сферы.

Эти положения стали базовыми для теории информационных революций в отечественной науке [13]. А.И. Ракитов, со ссылкой на Робертсона [14], ученый говорит о пяти информационных революциях. Первые три Ракитов связывает с появлением языка, затем письменности, которая повлияла на становление государственности, третьим скачком стало книгопечатание, позволившее оперировать значительно большими объемами информации и открывшее дорогу индустриальному обществу и рыночной экономике. Средства электросвязи дали ход четвертой информационной революции и обеспечили возможность межгосударственных и межконтинентальных контактов, заложили основы для глобализации. В культурном плане эти процессы означали накопление больших объемов знаний, потребность общества в них значительно возросла. Наиболее значительный перелом в истории был связан, конечно, с пятой революцией – изобретением компьютерных технологий, когда информация стала важнейшей отраслью производства. По мнению ученого, информация так важна в рассмотрении эволюции цивилизации еще и потому, что ядро любого социума – культура – есть информационная система, в которой накоплены знания, опыт, нормы, традиции и т.д. Это ядро может сдерживать или наоборот ускорять технологический прогресс и тем самым определять траекторию цивилизационных трансформаций.

С философской точки зрения значение информации и ее накопление в ходе глобальной эволюции мира рассматривают К.К. Колин и А.Д. Урсул. В своих трудах они разрабатывают информационный подход к пониманию эволюции систем как биологических, так и социальных через соотношение материального и духовного. «При подъеме

по иерархической лестнице глобальной эволюции, как уже отмечалось выше, происходило накопление информации внутреннего содержания как элементарной структуры ступени эволюции, так и каждой более высокой ступени. Это свидетельствует о более важной роли информации как всеобщего свойства материи по сравнению с массой, энергией, пространством и другими атрибутами и характеристиками материальных систем» [19, с. 52]. В их трактовке помимо материальных объектов и процессов существуют и нематериальные (информационные), которые являются отражением материи, а значит содержания основного вопроса философии должно звучать как отношение материи и информации [20, стр. 76]. Исходя из этой позиции, Колин отводит фундаментальной науке об информации роль интегративного междисциплинарного направления в изучении других научных направлений естественнонаучного и гуманитарного профиля [20, с. 6].

Роль информационного фактора в общественной динамике нашла свое выражение в концепции «информационного общества», которая оформилась в период установления пятого постиндустриального технологического уклада. Связывают появление этого термина с работами японских экономистов Ю. Хаяши, Й. Масуда, у которых теория информационного общества стала выражением представлений о трансформации экономических и производственных процессов под влиянием скачка в распространении информационных технологий [15]. Исследователи обсуждали вопросы замены ручного труда автоматизированным, специфику организации производств для создания информационных продуктов, а также такие позитивные эффекты информационных технологий как доступность объективной информации, снижение классовой напряженности, достижение принципов социального равенства.

В современной науке понятие «информационного общества» рассматривается в четырех ракурсах [16, с. 107–108]: 1) информационное общество как

информационная экономика (выделение информационного сектора экономики, производителей и потребителей информационного продукта), 2) как постиндустриальное общество (здесь автор ссылается на Д. Белла и его понимание интеллектуальных технологий как новых средств производства и роли научного знания в достижении экономического лидерства на рынке) 3) как общество знания (двигателем изменений является постоянная потребность в новых знаниях и способах их получения) 4) информационное общество как закат эпохи массового производства (общество и конкуренция выдвигает требование индивидуализированности к продукции производств, а владение информацией – ключевое конкурентное преимущество).

Применяя системный подход в анализе современной информационной эпохи Н. Луман выдвинул три ключевых положения: 1) общество не состоит из людей 2) общество – это самовоспроизводящаяся система, которая состоит только из коммуникаций 3) верное восприятие общества возможно только в контексте мирового общества [17, с. 167]. Луман вынес человека за пределы общества, оставив за ним психологическую сферу, общество же, по мнению ученого, это коммуникация, так как она не может быть причислена только какому-то единственному сознанию. Общество – это не интеграция людей и поиск консенсуса, это цепь присоединяющихся друг к другу коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети [17].

С появлением всемирной паутины, а затем и социальных сетей в научном дискурсе возникло понятие «сетевое общество», основателем теории которого считается социолог М. Кастельс [18]. Ученый выделил ключевые моменты социальной модификации под влиянием сетевых информационных технологий. Так государственные власти и институты все больше утрачивают контроль над экономикой, которая функционирует на основе сетевых технологий. Рынок труда меняется, исче-

зают профессии из-за замены персонала технологиями, но появляются совершенно новые, в том числе свободные профессии. Возрастает мультикультурализм, снижается привязанность людей к месту обитания, усиливается урбанизация. Стираются временные ограничения из-за доступности информации и коммуникации в формате 24/7. Интернет изменил характер средств массовой коммуникации и сам вошел в личную жизнь индивидов, породив массовые самокоммуникации, функционирующие без посредников.

Тенденции формирования информационных сред цифровой цивилизации

Термин «информационная среда» не имеет однозначной трактовки. В различных исследованиях он понимается по-разному.

В широком смысле информационная среда всеобъемлюща и включает информационные процессы, которые происходят в обществе и природе в целом в мире. О.Н. Яницкий понимает информационную среду в качестве всеохватывающей сигнальной системы, которая формируется и трансформируется под воздействием природы, социума, технических систем. *«Информационная среда есть производная от современного (информационного) способа производства общества, поэтому ее основные характеристики суть те же, т.е. неопределенность, нелинейность и в целом вероятностный характер [22, с. 101]»* В этом определении Яницкого мы встречаем мысль о непредсказуемой и стихийной природе информационных сред.

В более узком смысле информационную среду можно рассматривать с позиции общества и человека. К.А. Калужный отмечает, что *«это антропогенная часть пространства, в котором взаимодействуют и самоорганизуются субъекты и объекты информационных процессов, поддерживаемых информационной инфраструктурой и связанных*

с поиском, обработкой и хранением информации и знаний» [23, с. 17].

Если говорить об информационной среде в понимании Колина [21] в контексте конкретных условий протекания информационных процессов, то можно выделить информационные среды применительно к различным видам деятельности: информационная среда науки, образования, бизнеса и др. По мере распространения информационных технологий информационные среды становятся основным местом обитания человека, причем в XXI веке речь идет преимущественно о сетевых информационных средах, а значит ключевые процессы управления обществом осуществляются именно через них. При этом взаимодействия внутри виртуальных сетей происходят нелинейно, вследствие чего меняется специфика управленческих процессов в производственной, коммерческой, политической, социальной сферах, управление становится более гибкими, но его результат – менее предсказуемыми.

Учитывая тенденции развития сети Интернет и социальных сетей в последнее время, рассмотрим особенности сетевых виртуальных информационных сред.

Выше мы уже писали о том, что современные технологии приводят к возникновению самокоммуникации, где участники создают собственный контент и взаимодействуют без посредников, при этом коммуникация происходит в виртуальной среде, которая является своеобразной моделью реальных процессов и объектов. Опосредованность общения такой формой дает участникам возможность транслировать только выборочную информацию о собственной личности, таким образом, создавая «виртуальное Я» [24]. Это приводит по сути дела к обезличенности общения, так как реальный субъект коммуникации зачастую остается за рамками виртуальной среды.

Еще одно следствие опосредованности коммуникации сетевым пространством заключается во влиянии меха-

низмов самих каналов общения через Интернет на позицию субъекта коммуникации. Сегодня алгоритмы соцсетей и Интернет формируют у субъекта искусственно навязанное мнение о реальных объектах и процессах. Здесь появляются угрозы распространения, к примеру, идей экстремизма, терроризма, асоциального поведения. Яблокова называет этот процесс потерей субъектности актором коммуникации. Среди черт сетевого общества она выделяет возрастающее значение горизонтальных связей в процессе коммуникации [25]. Эти коммуникативные интеракции оказывают влияние на особенности деятельности и управления в различных сферах, которое также все больше становится горизонтальным, хотя вертикальная иерархия также сохраняет свои позиции в виде вводимых ограничений на коммуникации.

Позиции специалистов в отношении перспектив технологической эволюции в современной цифровой цивилизации далеко не совпадают, каждая имеет определенную ценность и специфику. Одни видят в технологиях перспективы экономического роста и новые возможности для достижения человечеством целей улучшения уровня жизни, расширения знаний о мире, совершенствования физических возможностей и создания сверхчеловека. Другие предрекают в ближайшем будущем неизбежность серьезнейшего кризиса мировой экономики, расслоения общества и наступления глобальных экологических потрясений. Странники менее радикальных позиций высказывают критическое отношение к научной обоснованности возможности полного достижения технологиями черт человека, а представители эколого-гуманистических концепций отмечают, что если человечество переосмыслит ценностные ориентации и изменит свою агрессивную позицию по отношению к природе, будет с осторожностью относиться к влиянию технологий на социальную и культурную сферу, то в будущем мы сможем достигнуть гармоничного баланса и избежать грозящих потрясений.

Заключение

На современном этапе формирование информационных сред определяется сетевыми технологиями, которые по мере развития обретают субъектность, способны познавать и воздействовать на окружающий мир, осуществлять оценку и принятие решений, удовлетворять физические, интеллектуальные и духовные потребности человека. Коммуникации, пронизывающие информационные среды, как системы живут по своим законам, способны к воспроизводству, развитию, взаимодействию между собой. Как следствие информационные среды формируются стихийно, имеют собственные законы функционирования, способны к самовоспроизводству вне контроля со стороны человека, что ставит вопросы об утрате человеком роли ключевого субъекта познавательной и социальной деятельности.

Определяющую роль в формировании информационных сред играют новые каналы передачи информации (СМК), а на современном этапе массовые самокоммуникации в виртуальной среде. Сетевая специфика коммуникаций оказывает значительное влияние на познавательную и духовную сферу человека: возникает противоречие широких возможностей для получения новых знаний и самовыражения с искажением воспринимаемой человеком реальности из-за фильтрации информации технологическими средствами, подмены личности её виртуальным отражением, доступности каналов массовой коммуникации для групп с деструктивными целями.

Активное и часто бесконтрольное распространение информационных технологий несет для будущего человечества ряд существенных угроз: безработица и расслоение общества, конфликты человека и его искусственных проекций, уничтожение естественной среды обитания человека и др. Для преодоления этих угроз необходимо переосмысление отношения к научно-технологическому прогрессу, поиск гармоничных форм сосуществования чело-

века, техники и природы в рамках социотехноприродной парадигмы. Эволюционные процессы человечества необходимо рассматривать системно с позиции технологий, экологии, социальных вызовов, онтологии науки и техники. Погоня за технологическим прогрессом должна осуществляться с осознанием всестороннего влияния переломных технологических сдвигов на личность, общество, природу, экономику.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века. <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka>. Дата публикации 14.09.2017.
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело» АНХ. – 2011. – 232 с.
3. Хапров С.В. Цифровой коммунизм. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». – 2013. – 184 с.
4. Школьников А.Ю. Национальные стратегии: геостратегический взгляд на будущее мира и России. – СПб.: Corvus. – 2020. – 544 с.
5. Kurzweil, Ray. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – Viking Penguin. – New York. – 2005. – 602 p.
6. Ардашкин И.Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 55–68.
7. Горбунов Д.В., Нестеров А.Ю. Технологическое будущее России: вызов «третьей природы» // Вестник Самарского университета. Аэрокосмическая техника, технологии и машиностроение. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 60–71.
8. Лепский В.Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад – контуры будущего человечества // Глобальный мир: Системные сдвиги, вызовы и контуры будущего / XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. – СПб.: СПбГУП. – 2017. – С. 357–360.
9. Кричевский С.В. Эволюция технологий и технологических укладов в парадигме «зеленого» развития и глобального будущего/ Науки и наукознание. – 2015. – № 2. – С. 73–79.
10. Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности// Общественные науки и современность. – 1999. – № 5 – С. 152–163.
11. Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей. // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА». – 2013. – 272 с. – С. 10–25.
12. Иванов, В.Ф. Массовая коммуникация. Киев: Акад. украинской прессы: Центр свободной прессы. – 2013. – 899 с.
13. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 14–34. <https://kph.ifs.npu.edu.ua/e-book/klasik/data/vopros/53.html>
14. Robertson D.S. The information revolution//Communication Pres. N. Y., 1990. – V. 17. N2. P. 235–254.
15. Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. – 1999. – № 1. – С. 30–35.
16. Бехманн. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос. – 2010. – 248 с.
17. Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб., – 1994. – С. 25–42. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 01.03.2007.

URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2969>

18. Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО. – 2013. – № 5 (32). – С. 213–220.
19. Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. – М.: Изд-во «Стратегические приоритеты». – 2015. – 288 с.
20. Колин К.К. Философия информации и проблема формирования современного научного мировоззрения // Вестник международной академии наук (русская секция). – 2013. – № 1. – С. 73–76.
21. Колин К.К. Овладение информацией – стратегическая проблема развития цивилизации в XXI веке. // Межотраслевая информационная служба. – 2013. – № 2. – С. 5–15.
22. Яницкий О.Н. Общество и индивид в информационной среде // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 2. – С. 99–110.
23. Калюжный К.А. Информационная среда и информационная среда науки: сущность и назначение // Управление наукой и наукометрия. – 2015. – № 18. – С. 7–23.
24. Голубинская А.В. От индивидуума к дивидууму: к вопросу о множественных идентичностях в виртуально-информационной среде / А.В. Голубинская // Studia Humanitatis. – 2017. – № 2.
25. Яблокова Н.И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 101–103.

INFORMATION ENVIRONMENTS IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL EVOLUTION

Vasilieva O.I.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the philosophical analysis of the formation of modern information environments as a determining factor in civilizational transformations. The increasing speed of the

information technologies implementation in all spheres of human life makes it extremely urgent to realize the possible socio-humanitarian consequences of uncontrolled technologization in the context of project culture development. The study is conducted within the framework of an interdisciplinary socio-technological paradigm using a comparative method for analyzing the concepts of the evolution of technological waves and the prospects for the development of convergent technologies. The features of modern network environments and their influence on the social, value, spiritual sphere and ecological environment of a person are highlighted. The conclusion is made about the need to rethink the guidance of scientific and technological progress concerning the frames of project activities in order to search for harmonious forms of man, technology and nature coexistence.

Keywords: technological waves, network information environment, technological evolution, project culture.

References

1. Glazyev S. Yu. Great digital revolution: challenges and perspectives for economy of XXI century. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikajatsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka>. Date of publication 14.09.2017. (In Russian).
2. Perez K. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. M.: «Delo» – 2011. – 232 p. (In Russian).
3. Khaprov S.V. Digital communism. – M.: Mosk. finansovo-prom. un-t «Sinergiya», 2013. – 184 p. (In Russian)
4. Shkolnikov A. Yu. National strategies: geostrategic view on the future of Russia. – SPb.: Corvus. – 2020. – 544 p. (In Russian)
5. Kurzweil, Ray. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – Viking Penguin. – New York. – 2005. – 602 p.
6. Ardashkin I.B. Smart technology as a phenomenon: conceptualisation of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2018. – № 43. – P. 55–68. (In Russian)
7. Gorbunov D.V., Nesterov A. Yu. Technological future of Russia: the challenge of the «third nature» // Vestnik of Samara University. Aerospace and Mechanical Engineering. – 2017. – V. 16, no. 4. – P. 60–71. (In Russian)

8. Lepskiy V.E. The seventh socio-humanitarian technological wave – the contours of the future of humanity // *Global Peace: System Shifts, Challenges and Outlines of the Future / XVII International Likhachev Scientific Readings, 18–20 May 2017.* – SPb.: SPbHUP. –2017. – P. 357–360. (In Russian)
9. Krichevskiy S.V. Evolution of technologies and technological orders in the paradigm of “green” development and the global future // *Science and Science of Science.* – 2015. – № 2. P. 73–79. (In Russian)
10. F. Spier. The structure of big history. From the Big Bang until Today // *Social Sciences and Contemporary World.* – 1999. – № 5 – C. 152–163. (In Russian)
11. Stepin V.S. A turning point in civilizational development. Growth points of new values. // *Global future 2045. Convergent technologies (NBIC) and transhumanistic evolution.* M.: OOO “MBA Publishing”. – 2013. – 272 p. – P. 10–25. (In Russian)
12. Ivanov V.F. Mass communication. Kiev: Acad. Of Ukrainian press: Center of free press. – 2013. – 899 p. (In Russian)
13. Rakitov A.I. New approach to interaction of history, information and culture: example of Russia // *Voprosy filosofii.* – 1994. – № 4. – P. 14–34. <https://kph.ifs.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/vopros/53.html>. (In Russian)
14. Robertson D.S. The information revolution// *Communication Pres. N. Y., 1990.* – V. 17. N2. P. 235–254. (In Russian).
15. Alekseeva I. Yu. The emergence of the ideology of the information society// *Information Society.* – 1999. – № 1. – P. 30–35. (In Russian)
16. Bekhmann G. Modern society: risk society, information society, society of knowledge. Moscow. Logos Publ. – 2010. – 248 p. (In Russian)
17. Luhmann N. The concept of society. Problems of theoretical sociology. SPb. – 1994. – P. 25–42. // *Electronic Publication: Center for Humanitarian Technologies.* URL: <https://gt-market.ru/library/articles/2969>. Date of publication 01.03.2007. (In Russian).
18. Bobova L.A. Manuel Castells: the impact of the network society on the nature of social communications // *MGIMO Review of International Relations.* – 2013. – (5(32)). – P. 213–220. (In Russian).
19. Kolin K.K. Informatsiya i kul'tura. Vvedenie v informatsionnyu kul'turologiyu / K.K. Kolin, A.D. Ursul. M.: Izd-vo «Strategicheskie priority». – 2015. – 288 p. (In Russian).
20. Kolin K.K. Philosophy of Information and the Problem of Modern Scientific Outlook Formation // *Herald of the International Academy of Science. Russian Section.* – 2013. – № 1. – P. 73–76. (In Russian).
21. Kolin K.K. Mastering the information is the strategic problem of development of the civilization in the XXIst century // *Mezhotraslevaya informacionnaja sluzhba.* – 2013. – № 2. – P. 5–15. (In Russian).
22. Yanitskiy O.N. Society and the individual in the information environment// *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki.* – 2020. – № 2. – P. 99–110. (In Russian).
23. Kalyuzhnyi K.A. Information environment and Information environment of science: essence and purpose // *Upravleniye naukoy i naukometriya.* – 2015. – № 18. – P. 7–23. (In Russian).
24. Golubinskaya A.V. From individuum to didividuum: on the question of multiplicity of identities in virtual environment // *Studia Humanitatis.* – 2017. – № 2. (In Russian).
25. Yablokova N.I. The subject of the networked society: social-philosophical analysis // *Sociopolitical Sciences* – 2018. – № 5. – P. 101–103. (In Russian).

Поколение Z: особенности и характеристики

Никитина Дарья Олеговна,

аспирант Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
E-mail: shvyrkova.darya@mail.ru

С каждым годом становится популярнее теория поколений о том, что каждые 20 лет идет смена поколений. В работе сделана попытка сформулировать основные особенности поколения «Z»: люди, которые родились в 2000 году и дальше. В рамках исследования молодежи был проведен ряд экспертных интервью с представителями органов исполнительной власти. Главная цель исследования – выяснить, как органы власти проводят работу с современной молодежью, какие подходы и технологии используют, и как информационные технологии повлияли на работу вообще. Как итог можно отметить, что работа с молодежью направлена на то, чтобы всячески поддерживать и помогать этой группе населения, быть такими же активными и динамичными как современная молодежь.

Ключевые слова: поколение «Z», информационные технологии, органы исполнительной власти, работа с молодежью

Теория поколений сформирована двумя американскими учеными У. Штрауссом и Н. Хоувом. Главная идея данной теории: каждые 20 лет в мире сменяются поколения и с новыми поколениями приходят новые люди с новыми ценностями, идеями, жизненными путями и с другим складом ума. Для российского общества данную теорию поколений адаптировал Е. Шамис (психолингвист, преподаватель РАНХиГС) и А. Антипов (психолог). После анализа ряда статей можно выделить следующие поколения, живущие в России (годовые рамки отличаются на 2–3 года, в зависимости от автора) (табл. 1).

Таблица 1

Поколение	Годы рождений
Величайшее поколение	1900–1923
Молчаливое поколение	1923–1943
Поколение беби-бумеров	1943–1963
Поколение «X»	1963–1984
Поколение «Y»	1984–2000
Поколение «Z»	2000 и по н.в.

Теория становится популярной, но это направление все равно можно отнести к молодой отрасли научных знаний. Конечно, для изучения основных характеристик и особенностей поколения Z необходимо учитывать не только логику этой теории и новые реалии жизни, в которых живут представители этого поколения. Ни для кого не секрет, что большинство молодых людей – представителей поколения Z появились и живут в условиях цифровой экономики. Здесь уже речь идет не только о том, что интернет это как часть их жизни, но и о том, что происходит трансформация всего образа жизни и мышления.

После анализа ряда литературы можно выделить несколько основных направлений развития будущего, за-

датки которых мы можем наблюдать уже сегодня у представителей поколения «Z» [2; 229].

1. Билингвизм. Уже большинство жителей развитых стран владеют как минимум двумя языками, один из них – родной, второй – иностранный, на котором люди разговаривают как на родном языке. Психологи, социологи и другие специалисты отмечают, что дети сейчас легче адаптируются к различным ситуациям, меньше испытывают стресс. Самый интересный факт, что таким детям необходимо объяснять, почему что-то нельзя, почему не сейчас и т.д. Они получают и обрабатывают информацию из двух источников, возвращаются в наибольшем информационном поле и более конкурентоспособные.
2. Цифровое взаимодействие. Современные дети общаются, учатся «онлайн». Кроме преимуществ, здесь хорошо прослеживаются и явные проблемы: меньше человеческого общения, плохо разбираются в человеческих эмоциях, поведении. На первый план в качестве авторитета у детей выходит Интернет, а не родители. Виртуальная коммуникация преобладает над реальной: люди больше общаются в интернете, но меньше общаются в реальной жизни. Парадокс.
3. Образование как инструмент раскрытия потенциала обучающихся. Образование должно быть актуальным для жизни, отвечать всем современным вызовам общества и мира. Человек должен применять полученные навыки в жизни. Именно такое образование и такой подход к получению образования обеспечит подготовку специалистов, которые смогут жить в обществе цифрового взаимодействия.
4. Внедрение игры в процесс образования и развития. Здесь стоит обратить внимание на положительные эффекты компьютерных игр. Доказано, что компьютерные игры – мощный инструмент для формиро-

- вания нравственных и этических установок [3; 230]. Виртуальный мир и игры послужат обучению детей, повышению квалификации специалистов, развитию новых отраслей в промышленности. Возможность «уйти в виртуальный мир» освобождает от ежедневной рутины, позволяет нам вспомнить метафору «вся жизнь-игра».
5. Изменения во времени, информации и целях. Меняется режим жизни, если раньше люди делали все примерно в одно время и выход за рамки считался неправильным, то сейчас каждый сам решает как правильно и как нужно. Можно лечь спать не в 22:00, а в 03:00. Кроме того, длительное пользование Интернетом приводит к потере установок причинно-следственных связей, люди ленятся думать, ждут, когда кто-то сделает это за них в Интернете. В такой ситуации популярным становится обращение за помощью к специалистам-консультантам, которые помогут сделать выбор, составить планы по достижению целей и т.д.
 6. «Бытовая беспомощность». Несмотря на то, что доля тех, кто хорошо обращается с компьютером, растет, доля тех, кто может, например, приготовить поесть, починить сантехнику, существенно уменьшается. Научившись работе с компьютером, можно и восстановить и другие важные для жизни навыки.
 7. Изменение институтов познания. Развитие Интернета, эволюция процесса образования и науки приведет к тому, что институтами познания будут не научные центры, лаборатории, а будут небольшие виртуальные сообщества. Его участники будут жить по принципу «попробуй, посмотрим, что из этого получится». Все отмеченные выше тенденции развития могут не наблюдаться у всех обязательно, но в целом, можно сказать, что люди во все времена были разные. Это не зависит от поколения, от времени, от степени развития тех

или иных технологий, от индивидуальных целей. Все равно у каждого человека есть базовые ценности, которые никуда не делась, изменился контекст и места, где их можно реализовать.

Существует много современных отечественных и зарубежных работ, посвященных изучению поколения Z и их взаимоотношений с цифровыми технологиями. Работа Б. Кертис, Р. Ашфорд, К. Маргусон и С. Райан-Петтерс демонстрирует результаты исследований о предпочтениях молодых людей общаться с компаниями по онлайн-каналам. Работа отечественных исследователей В.А. Ребязина и Н.Г. Збандут посвящена изучению влияния экономики совместного потребления на поведение молодых людей [3; 273]. Важное значение имеют подходы: Л.С. Выготского и Ж. Пиаже, Б.Г. Ананьева, Г.С. Костюка, М.И. Лисиной, А.А. Люблинской, А.В. Запорожца, Л.А. Венгер, П.Я. Гальперина [1; 2].

Анализ литературы показал, что есть еще вопросы, которые недостаточно изучены и требуют особого внимания. Один из таких вопросов: успевают ли традиционные институты социализации, такие как семья и образование трансформироваться в условиях цифрового общества и отвечать всем требованиям и потребностям поколения Z?

Д. Стиллман в своих работах определяет семь особенностей поколения Z [3; 273].

1. Цифровой мир. Представители четко не разделяют виртуальный и реальный мир, у них виртуальный мир-часть реального мира. Об этом очень часто исследователи пишут и отмечают, что из-за этого появляется ряд проблем: например, молодые люди иногда не понимают, где реальность, а где виртуальный мир, не могут адаптироваться в реальном мире и имеют проблемы в установлении социальных связей и коммуникаций в реальном мире с реальными людьми.
2. Персонализация. Представители поколения стремятся создать и использовать что-то свое.

3. Практичность. Молодые люди поколения Z не рассчитывают на то, что в будущем будет существовать стабильный мир и общество, они стараются извлечь максимальную выгоду здесь и сейчас. Они живут сегодняшним днем, не думают о том, что будет завтра.
 4. Синдром упущенной выгоды. Молодым людям кажется, что они могут упустить что-то важное, поэтому они всегда стараются быть конкурентоспособными, постоянно развиваться и быть в курсе всего.
 5. Экономика совместного потребления. Молодые люди проще относятся к использованию вещей, пространства, недвижимости и т.д. легче и проще прощаются или делятся с другими людьми. С их способностью извлекать из всего выгоду их жизнь становится проще, может принести пользу другим людям экологии.
 6. Принцип «сделай сам». Развитие сети интернет и способности молодежи развиваться, приводит к тому, что для них не составит большого труда сделать многие вещи самим, не привлекая труд чужих людей. Полный доступ к информации в интернете поможет решить любую поставленную задачу.
 7. Мотивация. Опять же доступ к информации, популярность социальных сетей, где происходит демонстрация высокого уровня жизни других людей, держит в постоянном напряжении и подстегивает еще больше к развитию, освоению новых навыков и старанию быть еще лучше.
- В Российской Федерации действует национальный проект «Образование», ответственным исполнителем которого от Санкт-Петербурга является Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями. Одними из целей данного проекта является: увеличение доли молодежи, задействованной в мероприятиях по вовлечению в творческую деятельность, увеличение доли студентов, вовлеченных в клубное студенческое движение.

Во всех районах Санкт-Петербурга действуют учреждения по делам молодежи. Всего 33 учреждения, в состав которых входит 334 подростково-молодежных клубов, 8 районных домов 5000 кружков, студий и различных секций. Все представленные активности в этих учреждениях совершенно бесплатны.

Процесс социализации молодежи в условиях развития цифровых технологий протекает не совсем в традиционной форме, потому что институты социализации по-разному реагируют на все происходящие изменения: кто-то быстрее перестраивается, кто-то медленнее. Некоторые из институтов социализации и вовсе перестают существовать, вытесняются новыми другими.

Для того, чтобы определить, что из себя представляет молодежь, как с ней работать и как взаимодействовать была проведена серия экспертных интервью. Экспертами в данном вопросе выступали представители органов исполнительной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области, деятельность которых направлена на работу с молодежью в регионе.

Результаты проведенных интервью выглядят следующим образом:

1. Современная молодежь является динамичной, яркой, целеустремленной, вовлеченной группой людей.
2. Люди, которые работают с молодежью, должны быть такими же динамичными, молодыми, яркими и целеустремленными. Самое главное не отставать, предлагать что-то новое, чтобы заинтересовать молодежь.
3. Трудности возникают всегда при работе с любой категорией людей, но если молодежь не идет на контакт – значит это ей неинтересно, значит нужно менять подход.
4. В городе действует много проектов, которые создавались на молодежи. Сначала органы власти узнают, что интересно молодежи, выявляют необходимость оказания помощи (чаще всего это ресурсная поддержка –

поиск и предоставление помещений для проведения мероприятий). Спикеров и участников различных мероприятий выбирают молодые люди, а не организаторы. Самое главное – оказать всевозможную поддержку во всех начинаниях и быть открытыми к взаимодействию. Уход в виртуальный мир в связи с эпидемиологической ситуацией в мире заставило многие организации разворачивать и активно продвигать свои проекты онлайн.

5. Что касается интернета, то его не могут отнести к институтам социализации. Это пространство, где человек может узнать много разных точек зрения, где раскрываются горизонты. Но в тоже время отмечается, что интернет часто вытесняет традиционные механизмы «подростковой социализации», когда подростки много времени проводили на улице, занимаясь совершенно разными вещами. Для многих молодых людей это уже будет в диковинку. Никто не говорит, хорошо это или плохо, но это необратимый процесс. Проведение времени в интернете должно контролироваться хотя бы на уровне родителей, все-таки необходимо поддерживать воспитание традиционным способом – с помощью семьи.
 6. Система образования старается использовать все новейшие технологии в процессе обучения студентов. Давно уже стало нормой организация презентации, просмотр обучающих роликов и работа с данными. Но главным остается факт вовлеченности педагога в процесс передачи знаний студентам. Необходимо оказывать поддержку студентам, налаживать процесс взаимодействия, насколько это возможно. 2020 год пандемии внес также свои коррективы в процесс обучения, где стало возможным организация процесса обучения в дистанционном формате довольно долгое время.
- В статье мы рассмотрели некоторые особенности и характеристики поколе-

ния Z. Работать с современной молодежью интересно, но в то же время это требует особой подготовки, как со стороны органов власти, так и со стороны семьи и системы образования.

Литература

1. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. 2 (42). С. 1–10.
2. Лapidус Л.В., Гостилович А.О., Омарова Ш.А. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения // Государственное управление. 2020. № 83. С. 273.
3. Зайцева Н.А. Теория поколений: разные мы или одинаковые // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. № 2. С. 220–236.

GENERATION Z: FEATURES AND CHARACTERISTICS

Nikitina D.O.

The North-West Institute of Management of RANEPA

Every year the theory of generations becomes more popular that every 20 years there is

a change of generations. The paper attempts to formulate the main features of generation "Z": people who were born in 2000 and beyond. As part of the study of young people, a number of expert interviews were conducted with representatives of executive authorities. The main goal of the study is to find out how the authorities work with today's youth, what approaches and technologies are used, and how information technologies have influenced work in general. As a result, it can be noted that work with youth is aimed at supporting and helping this population group in every possible way, to be as active and dynamic as modern youth.

Keywords: generation "Z", information technology, executive authorities, work with youth.

References

1. Kulakova A.B. Generation Z: theoretical aspect // Issues of territorial development. 2018. 2 (42). p. 1–10.
2. Lapidus L.V., Gostilovich A.O., Omarova Sh.A. Features of the penetration of digital technologies into the life of generation Z: values, behavioral patterns and consumer habits of the Internet generation // Public Administration. 2020. No. 83, p. 273.
3. Zaitseva N.A. The theory of generations: we are different or the same // Russian regions: a look into the future. 2015. Vol. 2. No. 2. P. 220–236.

Диссеминация внутрисемейных отношений как фактор развития перфекционизма личности

Потемкин Валерий Константинович,
доктор экономических наук, профессор, зав.
кафедрой социологии и управления персоналом
СПбГЭУ, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: socupr@list.ru

Филясова Юлия Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
педагогики и психологии СПбУТДиУ
E-mail: phill.yield@gmail.com

Развитие перфекционизма личности происходит под влиянием социокультурного, морально-нравственного и профессионального пространства семьи, которая, в свою очередь, находится под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Трансляция важности монетарных отношений и высокого социального статуса, акцент на способности будущей личности достигать поставленных целей в академической и профессиональной деятельности составляют основу перфекционизма детей. Положительный перфекционизм является следствием мотивирующего влияния родителей на активность подрастающего поколения, поддержки их интересов и развития природных способностей с учетом возрастных особенностей личности. Отрицательный перфекционизм формируется под влиянием критического отношения родителей к поведению и результатам детей, сравнения их со сверстниками, демонстративного родительского перфекционизма. Высокий социальный статус родителей и их значительные достижения сами по себе являются фактором перфекционизма детей, которые оказываются зависимыми от социального внимания к успеху родителей. Поскольку родительское влияние является ключевым для формирования перфекционистских установок и ценностей детей, то необходимо сознательное и ответственное отношение к их воспитанию: создание ситуаций успеха в атмосфере психологического комфорта и минимальной критики.

Ключевые слова: перфекционизм, воспитание, толерантность, карьера, семейные ценности, критика, мотивация успеха.

Отношение родителей к детям составляет основу формирования внутрисемейных мотивов и ценностей: «в семье происходит формирование единого социокультурного, морально-нравственного и профессионального пространства, в котором происходит самоопределение и ценностное ориентирование молодежи» [6]. Целью данной работы является рассмотрение многогранности явления перфекционизма и обоснование необходимости сознательного и ответственного распространения перфекционистских ценностей и установок в системе семейно-детских отношений.

В семье формируется отношение к обществу, труду, семейным ценностям [9, с. 47]. Особенно значительно влияние семьи на становление личности детей в фамилистских обществах [3, с. 41]. Развитие перфекционизма личности, по данным значительного количества исследований, также является следствием определенного родительского отношения к детям [19]. Во-первых, родители транслируют образец социальной нормы: образ жизни родителей является для детей примером для подражания, например распределение ролей между супругами в вопросах денежного обеспечения, выполнение бытовых обязанностей [7]. Во-вторых, родители предъявляют высокие требования к себе. Даже если они не формулируют высоких ожиданий, дети, тем не менее, будут стремиться к высоким достижениям, ориентируясь на уровень достижений родителей. В-третьих, родители ориентируют детей на лучшее, на достижение высоких результатов. Даже не высказывая открытой критики, родители могут сдерживать похвалу и одобрение, если дети не достигают определенных результатов. Перфекционистские установки приводят к повышенным результатам деятельности в спорте, музыке, академической успеваемости [13]. За-

вышенные родительские ожидания влияют на развитие мотивации достижений, а критика – на перфекционистские устремления, затрудняющие социальную адаптацию личности, а в отдельных случаях – провоцируют суицидальные настроения [20].

Перфекционизм подрастающего поколения развивается, главным образом, на основе общественной трансформации семейных ценностей. Появление теории человеческого капитала во второй половине XX века и развитие подходов к рассмотрению человека как активного (а в условиях цифровизации – главного) ресурса по созданию прибыли приводит к формированию монетарного общественного сознания, склонного к поиску денежных эквивалентов любых форм человеческого бытия и проявлений человеческой сущности. Преувеличение значимости материальных ресурсов и преуменьшение значимости человека порождает соответствующее отношение и к детям. Главный акцент ставится не на индивидуальности человека, а не его способности зарабатывать. По мнению ряда исследователей, дети сегодня уже не являются основой семьи, ее основообразующим ценностным ядром [4]. При включенности женщин в социально-трудовые отношения в фокусе внимания обоих родителей оказывается их профессиональная карьера. Поиск партнеров для вступления в брачно-семейные отношений также осуществляется на основе соответствия социального статуса и уровня финансового капитала индивидов. Отношение к детям рассматривается не с позиции формирования смысла существования семьи, а с практической точки зрения: выполнения ими определенной деятельности и достижения практических результатов, существенных для будущей профессии и получения определенного уровня материального дохода. Ключевой характеристикой успешности развития детей становится их способность достижения поставленных родителями целей.

Немногочисленные результаты исследований свидетельствуют о поло-

жительном влиянии перфекционизма на развитие детей: стремление к максимальному результату родителей создает условия для повышенной способности детей справляться со стрессом [15]. Подавляющее большинство данных указывают на отрицательные последствия: родители способствуют развитию тревожности, дезадаптивного поведения детей, страха совершения ошибок, появлению сомнений относительно собственного поведения [10], прокрастинации. Родительские ожидания и критика отрицательно влияют на академические достижения детей [17], отношения со сверстниками, эмоциональное развитие, неустойчивость к стрессовым ситуациям.

По источникам перфекционизм подразделяется на внутриличностный, родительский, социально предписанный. Внутриличностный перфекционизм, или нарциссизм, может неоднозначно проявляться в форме самовозвеличивания и повышенной уязвимости [12], неприятии себя [5]; однако в отличие от других форм перфекционизма он может иметь положительное влияние на саморазвитие личности, повышение самоконтроля, самоорганизации и целеустремленности. Психологические исследования конструкта личности перфекционистов по шкале «Высокие стандарты и требования к себе» не демонстрируют связей с психическим неблагополучием [2, с. 24].

Родительский перфекционизм означает целенаправленное воспитательное воздействие родителей на детей с целью достижения ими высоких результатов (истинный перфекционизм), получения социального признания их как хороших родителей (демонстративный перфекционизм), а также получения одобрения детей о них как хороших родителях (псевдоперфекционизм) [1]. Социально-предписанный перфекционизм развивается под влиянием сверстников, учителей, членов расширенной семьи и имеет наиболее ярко выраженное негативное влияние на достижение целей и социальное благополучие индивида, поскольку предполагает высо-

кую вероятность внешней социальной неопределенности и невозможности самостоятельного участия в контроле над собственной деятельностью и достижения личностно значимых результатов.

Перфекционизм можно разделить на несколько категорий в зависимости от степени проявления в практике социального поведения личности: нормальный (также: здоровый, адаптивный), пограничный и патологический (нездоровый, дезадаптивный). Последний выражается в саморазрушительных моделях поведения [10]. Традиционно, нормальный перфекционизм ассоциируется с постановкой завышенных целей и ориентацией на высокие стандарты, а патологический перфекционизм – с результативностью фактической деятельности, точнее, несоответствием достигнутых результатов поставленным целям, и связанными с этими последствиями эмоциональными расстройствами, выгоранием, депрессией, нарушениями коммуникации и межличностных отношений, снижением самооценки, социальной изоляцией. Адаптивный перфекционизм связан с более высокой самооценкой, удовлетворенностью жизнью, повышенной самоэффективностью и эмоциональным самочувствием. Дезадаптивный перфекционизм характеризуется внешним локусом контроля (социально-предписанный перфекционизм) и сниженными показателями параметров личностного контроля. Определяющим фактором развития перфекционизма по пути адаптивного или дезадаптивного сценария является первоначальный опыт: успешное начало деятельности инициирует адаптивный, а неуспешное – дезадаптивный перфекционизм.

Родительское отношение, способствующее развитию положительного перфекционизма, отличается доминирующей модальностью похвалы и одобрения, поощрения деятельности на пути к достижению цели, положительным отношением к личности детей, в особенности, к их первым шагам в той или иной области. Постановка завышенных целей не сопровождается ожиданием

достижения мгновенных высоких результатов. Ориентация на результаты деятельности включает постепенный процесс интериоризации намеченных целей и выбор индивидуального представления о способах решения необходимых задач. Воспитание перфекционизма предполагает понимание родителями долгосрочного характера реализации намеченных планов.

Отрицательный перфекционизм формируется в результате переключения родительского внимания на фактические результаты детей. Как правило, они не отличаются какой-либо значительностью и легко становятся предметом насмешек и осуждения. Осознание детьми своей несостоятельности приводит к нездоровому поведению, например, прокрастинации, низкой самооценке, повышенной тревожности. Критически настроенные родители подчеркивают и преувеличивают ошибки [16], допущенные детьми, которые, как правило, не связаны с осознанием всех аспектов осуществляемой деятельности, а являются результатом отсутствия базовых знаний и навыков, которые приобретаются в практике выполнения отдельных заданий.

Форма отношений родителей с детьми может не быть связана с общечеловеческими отношениями в терминах положительной или отрицательной модальности, а являться следствием отношения родителей предшествующего поколения и копирования, или переноса, полученного детского опыта на педагогическую практику в отношении собственных детей.

Степень перфекционизма зависит от пола, возраста, очередности рождения в семье родителей. Мужчины в большей степени подвержены дезадаптивному перфекционизму, а женщины более склонны к адаптивному перфекционизму при совмещении рабочих и семейных обязанностей [14]. В академической среде женщины характеризуются большей эмоциональностью при лучших показателях самоорганизации [11].

Дети более младшего возраста склонны к социально-предписанному

перфекционизму вследствие недостаточного уровня саморегуляции и не вполне сформированной «Я-концепции». Дети, рожденные первыми, особенно, мальчики, более склонны к перфекционизму под влиянием высоких ожиданий родителей. Согласно ряда исследователей, в целом, к девочкам родители формируют более низкие ожидания по сравнению с мальчиками [18], поэтому перфекционизм девочек чаще всего – нормальный. Завышенные ожидания во многом связаны со способностью приносить доход. Как следствие, родители проявляют большую склонность ориентировать старших и единственных в семье детей на достижение высоких целей.

Ориентация перфекционизма в семейных отношениях может относиться к любым видам деятельности, однако исследователи, в основном, отмечают профессиональную сферу как область реализации перфекционистских установок. К альтернативным «прикладным» направлениям перфекционизма относятся следующие:

- поддержание чистоты и порядка в доме – частота и время, агенты клининговых процедур, стоимость дизайна интерьера, расстановка мебели, смена интерьера и ремонт;
- приготовление пищи – по рецепту, в обязательных пропорциях, в особом количестве, в специальной посуде, расстановка кухонных принадлежностей, хранение продуктов в специально отведенных местах, агенты исполнения кухонных обязанностей;
- социальные связи и отношения – список контактов, время, способы, типы взаимодействия, предметы обсуждения;
- обучение детей – тип школы, менеджмент, предметные области знаний (точные, гуманитарные, музыка, художественное искусство, хореография), учителя (статус, уровень подготовки, квалификация), форма обучения (индивидуальная, парная, групповая), техническое оснащение образовательного процесса;

- свободное время – качество проведения, количество отпусков и длительности отдыха, виды активности, контакты, место пребывания, стоимость и качество развлекательных услуг.

Распространение перфекционизма на различные области деятельности затрагивает вопросы толерантности родителей к различным субъектам социального взаимодействия. При установке на определенный объем финансовых расходов, связанных с обучением детей, организацией их досуговой активности, передаче традиций, необходимо говорить о формировании определенных стандартов и норм. Нормирование деятельности, социального поведения, взаимодействия приводит к сужению границ допустимого и приемлемого в восприятии детей и одновременно формирует отталкивающее отношение к остальным, неприемлемым, формам социального поведения. Перфекционистский подход в воспитании формирует рамочное мышление на основе ригидных конструктов личности [8].

Таким образом, семья, будучи единицей общества, является одновременно объектом и субъектом общественных отношений. Социальные характеристики семьи формируются под влиянием общественных потребностей и культурных особенностей страны, и соответствуют социальным ожиданиям и ценностям в текущий момент времени. Облик семьи во многом определяет политическая и экономическая ситуация в стране, а также глобальные общемировые процессы. К важным внешним факторам следует отнести технологические внедрения, такие как компьютеризация и цифровизация. Семья определяется совокупностью внутренних факторов, таких как состав, личность субъектов внутрисемейных отношений, их возраст, пол, личностные ценности и установки, интересы, мотивы, профессиональная принадлежность, потребности.

Перфекционизм в семейной среде сегодня объясняется необходимостью ускорения экономического развития

страны для обеспечения национальной безопасности, конкурентоспособности, роста экономического и социального благосостояния населения. Психологическая природа перфекционизма оказывает неоднозначное влияние на социальное поведение индивида, поэтому диссеминацию внутрисемейных отношений как фактор развития перфекционизма личности следует рассматривать в дидактическом ключе. Участие родителей в формировании стремления детей к достижению высоких результатов должно сопровождаться высоким уровнем контроля над психологическим состоянием и социальной адаптацией детей. Степень перфекционистских намерений родителей влияет на социальное благополучие детей. Эмоциональные проблемы, неадекватное поведение, проблемы в общении со сверстниками, гиперактивность, вызывающая отталкивающее отношение к детям в социуме, являются следствием неэффективных внутрисемейных отношений родителей. Рефлексия и самоанализ собственного отношения к детям должны составлять основу поведения родителей. Семейное воспитание не является самоцелью – оно выполняет подготовительную функцию для успешной интеграции и адаптации личности ребенка в социуме. Развитие самостоятельности, самоконтроля, понимание собственных потребностей детьми и способность реализации этих потребностей на основе полученных знаний и ролевых внутрисемейных отношений является ключевой задачей родителей. Появление признаков отрицательного перфекционизма в структуре личности ребенка означает, что он расценивает достижение цели как самоцель, не связанной с необходимостью удовлетворения потребностей.

Литература

1. Андреева А.Д. Родительский перфекционизм как мотивационная основа воспитания и образования детей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. № 1. С. 40–48.
2. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 8–32.
3. Клупт М.А. Влияние семейной политики и нормативных представлений о семье на рождаемость: компаративный анализ // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 40–50.
4. Костина С.Н., Зайцева Е.В., Банных Г.А. Дети как ценность: современные подходы в фамилистике // Вопросы экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 117–122.
5. Новгородова Е.Ф. Специфика аутосимпатии учащихся-перфекционистов // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2016. № 1 (1). С. 7–10.
6. Потемкин В.К. Диссеминация семейных отношений как фактор активизации молодежи в профессиональной деятельности // Социология и право. 2019. № 1(43). С. 11–17.
7. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Взгляды поколений на реальные и идеальные семейные роли на постсоветском пространстве // Гос. молодежная политика: нац. проекты 2019–2024 гг. в соц. развитии молодежи [Эл. ресурс]: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 апр. 2020 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская, ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Эл. данн. М.: Изд-во Перспектива, 2020. С. 432–438.
8. Филясова Ю.А. Моделирование конструкта личности перфекционистов // Системная психология и социология. 2020. № 4. С. 58–69.
9. Филясова Ю.А. Перфекционизм как тип социального поведения личности // Социология. 2021. № 1. С. 46–55.
10. Alodat A.M., Abu Ghazal M.M., Al-Hamouri F.A. Perfectionism and Academic Self-Handicapped among Gifted Students: An Explanatory Mode // International Journal of Edu-

- cational Psychology. 2020. Vol. 9 (2). P. 195–222.
11. Comerchero V., Fortugno D. Adaptive Perfectionism, Maladaptive Perfectionism and Statistics Anxiety in Graduate Psychology Students // *Psychology Learning and Teaching*. 2013. Vol. 12 (1). P. 4–11.
 12. Derry K.L., Bayliss D.M., Ohan J.L. Measuring Grandiose and Vulnerable Narcissism in Children and Adolescents: The Narcissism Scale for Children // *Assessment*. 2018. Vol. 26 (4). P. 645–660.
 13. Dobos B., Piko B.E., Kenny D.T. Music Performance Anxiety and Its Relationship with Social Phobia and Dimensions of Perfectionism // *Research Studies in Music Education*. 2019. Vol. 41 (3). P. 310–326.
 14. Ekmekeci O.T., Camgoz S.M., Karapinar P.B. Path to Well-being: Moderated Mediation Model of Perfectionism, Family–Work Conflict, and Gender // *Journal of Family Issues*. 2020. DOI: 10.1177/0192513X20957041
 15. Gong X., Fletcher R., Bolin J. Dimensions of Perfectionism Mediate the Relationship Between Parenting Styles and Coping // *Journal of Counseling and Development*. 2015. Vol. 93. DOI: 10.1002/jcad.12024.
 16. Lavrijsen J., Soenens B., Vansteenkiste M., Verschueren K. Is intelligence related to perfectionism? Multidimensional perfectionism and parental antecedents among adolescents across varying levels of cognitive ability // *Journal of Personality*. 2020. <https://doi/abs/10.1111/jopy.12606>
 17. Lin L. Perfectionism and Writing Performance of Chinese EFL College Learners // *English Language Teaching*. 2020. Vol. 13 (8). P. 35–45.
 18. Neumeister K.L.S., Fletcher K.L., Burney V.H. Perfectionism and achievement motivation in high-ability students: An examination of the 2 × 2 model of perfectionism // *Journal for the Education of the Gifted*. 2015. Vol. 38 (3) P. 215–232.
 19. Rasmussen K.E., Troilo J. “It Has to be Perfect!”: The Development of Perfectionism and the Family System // *Journal of family theory and review*. 2016. Vol. 8 (2). P. 154–172.
 20. Smith M.M., Sherry S.B., Chen S., Saklofske D.H., Mushquash Ch., Flett G.L., Hewitt P.L. The perniciousness of perfectionism: A meta-analytic review of the perfectionism–suicide relationship // *Journal of Personality*. 2018. Vol. 86 (3). P. 522–542.

INTRA-FAMILY RELATIONS DISSEMINATION AS A FACTOR OF PERSONAL PERFECTIONISM DEVELOPMENT

Potemkin V.K., Filyasova Yu.A.
SPbSUE; SPbUMTE

The development of personality perfectionism occurs under the influence of the socio-cultural, moral and professional space of the family, which, in turn, is influenced by various external and internal factors. The translation of the importance of monetary relations and high social status, the emphasis on the ability of the future personality to achieve the set goals in academic and professional activities form the basis of children’s perfectionism. Positive perfectionism is a consequence of the motivating influence of parents on the activity of the younger generation, support of their interests and the development of natural abilities, taking into account the age characteristics of the personality. Negative perfectionism is formed under the influence of a critical attitude of parents to the behavior and results of children, comparing them with their peers, and demonstrative parental perfectionism. The high social status of parents and their significant achievements are in themselves a factor in the perfectionism of children, who turn out to be dependent on social attention to the success of the parents. Since parental influence is key for the formation of perfectionist attitudes and values of children, a conscious and responsible attitude to their upbringing is necessary: creating situations of success in an atmosphere of psychological comfort and minimal criticism.

Keywords: perfectionism, education, tolerance, career, family values, criticism, motivation for success.

References

1. Andreeva A.D. Parental perfectionism as a motivational basis for children’s upbringing

- ing and education // *Theoretical and Experimental Psychology*. 2015. Vol. 1. P. 40–48.
2. Garanian N.G., Kholmogorova A.B., Yudeeva T. Yu. Factor structure and psychometric properties of perfectionism inventory: developing 3-factor version // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2018. Vol. 26, no. 3. P. 8–32.
 3. Klupt M.A. Influence of family policy and normative beliefs about family on fertility: A comparative analysis // *Sociologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2020. Vol. 3. P. 40–50.
 4. Kostina S.N., Zaitseva E.V., Bannykh G.A. Children as a Value: Modern Approaches in Family Studies // *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2019. Vol. 3. P. 117–122.
 5. Novgorodova E.F. Specifics of perfectionist student autocompassion // *Saint-Petersburg Educational Bulletin*. 2016. Vol. 1, no. 1. P. 7–10.
 6. Potemkin V.K. Dissemination of family relations as a factor in the activation of young people in their professional activities // *Sociology and Law*. 2019. Vol. 1. P. 11–17.
 7. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Generation views on real and ideal family roles in the post-Soviet territory // *State Youth Policy: national projects 2019–2024 for social development of youth [Electronic course]: Proc. of All-Russian scientific practical conference (Moscow, 20–21 April 2020) / T.K. Rostovskaya (eds.), ISPI FNISTS RAN. – El. Data. Moscow: Perspective, 2020. P. 432–438.*
 8. Filyasova Yu.A. Perfectionist personal construct modelling // *Systems psychology and sociology*. 2020. Vol. 4. P. 58–69.
 9. Filyasova Yu.A. Perfectionism as a personal type of social behavior // *Sociology*. 2021. Vol. 1. P. 46–55.
 10. Alodat A.M., Abu Ghazal M.M., Al-Hamouri F.A. Perfectionism and Academic Self-Handicapped among Gifted Students: An Explanatory Model // *International Journal of Educational Psychology*. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 195–222.
 11. Comerchero V., Fortugno D. Adaptive Perfectionism, Maladaptive Perfectionism and Statistics Anxiety in Graduate Psychology Students // *Psychology Learning and Teaching*. 2013. Vol. 12, no. 1. P. 4–11.
 12. Derry K.L., Bayliss D.M., Ohan J.L. Measuring Grandiose and Vulnerable Narcissism in Children and Adolescents: The Narcissism Scale for Children // *Assessment*. 2018. Vol. 26, no. 4. P. 645–660.
 13. Dobos B., Piko B.E., Kenny D.T. Music Performance Anxiety and Its Relationship with Social Phobia and Dimensions of Perfectionism // *Research Studies in Music Education*. 2019. Vol. 41, no. 3. P. 310–326.
 14. Ekmekci O.T., Camgoz S.M., Karapinar P.B. Path to Well-being: Moderated Mediation Model of Perfectionism, Family–Work Conflict, and Gender // *Journal of Family Issues*. 2020. DOI: 10.1177/0192513X20957041
 15. Gong X., Fletcher R., Bolin J. Dimensions of Perfectionism Mediate the Relationship Between Parenting Styles and Coping // *Journal of Counseling and Development*. 2015. Vol. 93. DOI: 10.1002/jcad.12024.
 16. Lavrijsen J., Soenens B., Vansteenkiste M., Verschueren K. Is intelligence related to perfectionism? Multidimensional perfectionism and parental antecedents among adolescents across varying levels of cognitive ability // *Journal of Personality*. 2020. URL: <https://doi/abs/10.1111/jopy.12606>
 17. Lin L. Perfectionism and Writing Performance of Chinese EFL College Learners // *English Language Teaching*. 2020. Vol. 13, no. 8. P. 35–45.
 18. Neumeister K.L.S., Fletcher K.L., Burney V.H. Perfectionism and achievement motivation in high-ability students: An examination of the 2 × 2 model of perfectionism // *Journal for the Education of the Gifted*. 2015. Vol. 38, no. 3. P. 215–232.
 19. Rasmussen K.E., Troilo J. "It Has to be Perfect!": The Development of Perfectionism and the Family System // *Journal of family theory and review*. 2016. Vol. 8, no. 2. P. 154–172.
 20. Smith M.M., Sherry S.B., Chen S., Saklofske D.H., Mushquash Ch., Flett G.L., Hewitt P.L. The perniciousness of perfectionism: A meta-analytic review of the perfectionism–suicide relationship // *Journal of Personality*. 2018. Vol. 86, no. 3. P. 522–542.

Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества

Иванов Р.В.

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: history2002@bk.ru

В статье проводится анализ монографии Ардашева Р.Г. «Иррациональность общественного сознания россиян» с точки зрения социальной реальности нового мира. Дается характеристика авторским методиками и показывается, что работа является пионером в аналогичных комплексных исследованиях общественного сознания.

Ключевые слова: рациональное и иррациональное, новый мир, общественное сознание, постпандемическое общество.

Монография «Иррациональность общественного сознания россиян» удивительным образом вписалась в современную реальность постпандемического общества. Говорить об иррациональности страхов, искажений сознания, изменения мышления, а вместе с темами и стиля и способа жизни становится не просто актуально и модно, но необходимо. Потому что мы живем в то время, когда перестраивается наша повседневность, перестраивается наш способ жизни, изменяется окружающий мир в принципе, через виртуальность и глобализацию – меняется человек как существо и общество как явление.

В этом смысле, книга Р.Г. Ардашева стала консолидирующим решетом социальной реальности нового мира, где в каждой главе книги описаны свои формы и особенности восприятия нового мира и особенностей мышления в новом мире. Достоинством всей работы является то, что автор проверяет все свои теории вторичными данными и собственными лонгитюдными исследованиями. Это позволяет видеть качественные изменения в общественном сознании, выявлять ключевые точки изменения и фиксировать основные векторы и перспективы развития общественного воспроизводства постпандемического общества.

В первой главе автором весьма обстоятельно рассмотрены теоретические основы конструирования мышления современников. Интересными выглядят рассуждения об условиях развития иррациональности общественного сознания, где автор отстаивает закономерность трансформации сознания в условиях смены эпох, которые происходят как на рациональных объяснениях (виртуализация, глобализация), так и на иррациональных (теории заговора, манипулирование общественным мнением через СМИ). Статистика и данные исследований показывают удручаю-

щую картину изменения смыслов работы индивидуального и общественного сознания под влиянием массовой культуры.

Вторая глава посвящена фиксации иррациональности форм общественного сознания. Автор опирается на представления и убеждения в отношении религии и религиозности, здоровья и болезни, астрологии и оценок восприятия будущего. Данные исследования показывают, смещение указанных аспектов общественного сознания от рационального объяснения в сторону иррационального. Достаточно аргументированно и критично Ардашев подбирает оценки коллег в рассматриваемых проблемах. Но выводы его заставляют задуматься о необходимости включения здравого смысла в проводимой социальной политике в области образования и социализации детей и молодежи, чтобы иррациональность не являлась основой социализации личности, а все-таки доля здравого смысла и рационального подхода оставалась в арсенале всех поколений, но молодежи в особенности.

Третья глава посвящена трансформации сознания молодежи через иррациональные формы развития субкультур, суверия и собственно виртуальное пространство, которое дает новые смыслы той жизни, которую проживают молодые люди в виртуальном мире. Автор убедительно доказывает, что оперативнее меняется сознание молодежи, которое в будущем определит то, как мы будем жить, что будет формировать нашу реальность, так как ценности и представления, заложенные в молодости – определяют путь и формы жизни.

В четвертой главе рассмотрена иррациональность восприятия властно-правового пространства и коррупции и антикоррупционной деятельности в общественном сознании. И данные аспекты также показываются автором под углом увеличивающегося иррационального подхода к оценке, механизмам и субъективным стратегиям восприятия властно-правовых сфер жизни общества. Изменение общественного

сознания провоцирует и трансформацию отношений к власти, праву, коррупции. А это основные пространства легализации социально-нормативного регулирования общественной жизни.

Таким образом, данная монография достаточно комплексно и увлекательно, с большой эмпирической достоверностью показывает глобальные переориентеры в общественном воспроизводстве общества. Иррациональность сознания россиян набирает обороты, это является показателем глубинных трансформаций и развития совершенно новой системы ценностей. Рассмотренные Ардашевым исследования, требуют более обширной апробации, но даже в этом виде могут служить точкой рассмотрения социального развития по новому социальному вектору. Данная работа является пионером в аналогичных комплексных исследованиях общественного сознания и заслуживает внимания широкой аудитории.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян: монография. – М.: Издательство РГСУ, 2021. – 184 с.

IRRATIONALITY OF THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: THE REALITY OF A POST-PANDEMIC SOCIETY

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the monograph by R.G. Ardashev. "Irrationality of the public consciousness of Russians" from the point of view of the social reality of the new world. Characteristics of the author's methods are given and it is shown that the work is a pioneer in similar complex studies of public consciousness.

Keywords: rational and irrational, new world, public consciousness, post-pandemic society.

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of the public consciousness of Russians: a monograph. – M.: Publishing house of the Russian State Social University, 2021. – 184 p.

Кадийство – один из типов политического устройства средневекового Дагестана: распространенность, особенности структуры и управления

Алиев Багомед Гадаевич,

доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

E-mail: bagomedaliev@inbox

Статья посвящена характеристике существовавших в средневековом феодальном Дагестане политических структур – кадийств, во главе которых стояли духовные лица – кадии. Появление данной формы политического устройства было связано с распространением и укреплением ислама и с различными социально-политическими событиями. Наиболее ранние сведения о кадийстве в Дагестане как одной из форм политического устройства относятся к Табасарану, где возвышение кадия относится к концу XVI в. Отмечается также, что возвышение духовенства в союзах сельских общин происходило по-разному: акушинский кадий, своему возвышению был обязан Тимуру, который разрушив центр христианства Верхнего Дарго – Ушкудже (Ускиша – Усиша), в противовес ему возвысил ислам. Акуша, уже принявшее ислам, способствовало дальнейшему распространению и укреплению данной конфессии среди даргинцев. В результате, глава Акушинского союза стал и главой объединения федерации Акуша-Дарго, сосредоточив светскую и духовную власть. Со временем происходит возвышение и кадиев других союзов общин: Каба-Дарго, Сюрга, Ицари, Салатавия, Андалала и др., отмечены особенности этого процесса.

Ключевые слова: кадийство, Табасаран, Акуша-Дарго, союз сельских общин, власть.

В Дагестане в средневековье существовали две формы политических структур – феодальные владения и союзы сельских общин. Первые из них управлялись ханами, носившими различные титулы: шамхал, уцмий, нуцал, султан, кадий и им принадлежала вся полнота власти – административная, судебная, военная. Союзы сельских общин управлялись выборными или наследственными управителями, которые носили различные названия: старшины (шила халати, ростал бетлер, чухби, бегавул, адиль-заби, кевха, аксакалы и т.д.) и кадии. Такие должностные лица стояли как во главе отдельного джамаата – сельской общины, так и союзов общин, представляющих из себя территориально-хозяйственные и военно-политические объединения группы сельских общин. Иная форма правления, сформировалась в некоторых дагестанских союзах сельских общин и их объединениях (федерациях), где управление было в руках духовного лица, стоявшего и во главе светской власти, и имевшего больше прав, чем в других аналогичных союзах или федерациях, управлявших светскими лицами.

Наша цель охарактеризовать только одну из форм правления и политического устройства в Дагестане – кадийство. Термин кадийство, происшедшее от слова кади, кадий (араб. qadi) – духовное лицо, у мусульман, несущего обязанности судьи [17, с. 290], имело место только в Дагестане. Кадийствами назывались те политические структуры (феодальные владения и союзы сельских общин и их федерации) Дагестана, которые управлялись кадиями. Это (кадий) такой же социально-политический термин правителя, как и термин других правителей Дагестана.

В исторической литературе уже высказано мнение ряда ученых о ка-

дийстве, как одной из форм политического устройства. Но при этом отмечалось только Табасаранское кадийство и в какой-то мере Акуша-Дарго, к которому термин кадийство не применялся. Кадийством называлось только одно из владений Табасарана, во главе которого стоял как феодальный владетель кадий, бывший духовный представитель ислама при правителе Табасарана – майсуме, которого, как говорится в «Дербент-наме», назначил правителем Абу-Муслим, а чтобы майсум Мухаммед Ма'сум «находил решение в совете» «назначил в Табасаран двух ученых кадиев» [13, с. 67]. Но такие же кадии как духовные судьи мусульман, действующие на основе шариата, были назначены и в других владениях и обществах. Писавшие об этом авторы считают, что в VIII в. мусульманские кадии были утверждены арабами в Дербенте, Табасаране, Кюре, Кайтаге, а 2–3 веками позже – в Акушах, Хунзахе, Кумухе, Ахтах и т.д. Именно таким духовным судьей был и кадий Табасарана. Выделение части Табасарана из состава майсумства в качестве отдельной политической структуры под названием кадийства происходит позже.

Среди исследователей, писавших о Табасаранском кадийстве, нет единого мнения о времени отделения его от майсумства. Безусловно, причиной этого были как возвышение кадия как духовного лица и усиление его власти, так и причины социально-политического характера. Исследователи возвышение табасаранского кадия и превращение его в самостоятельного правителя относят к XVII в. и связывают это с произошедшим в Табасаранском майсумстве восстанием крестьян [15, с. 99]. На это указывается в хронике Рамазана Киштили, согласно которой феодальная эксплуатация в Табасаране была настолько тяжелой, что у крестьян «иссякло всякое терпение по причине злодейств». Воспользовавшись этими неурядицами, в Северном Табасаране укрепляют власть кадии. В 1870 г. юнкер Мустафа-бек Карчагский отмечал: «Между беками из майсумского рода

разгоралась междоусобная война, в которой принял участие и народ, во время этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и стали селиться в Джерах, но междоусобия между беками продолжались до того, когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этими смутами воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию северный Табасаран. По надписям на могилах в Джерахе видно, что они перешли туда около 300 лет тому назад» [19, л. 15].

На основе сведений Мустафа-бека Карчагского проф. М.Р. Гасанов выделение Табасаранского кадийства как самостоятельного владения относит к XVI в. Кроме того, исходя из сведений конца XVI в., в которых в связи с событиями 1593 и 1597 гг. упоминается табасаранский князь Кадите Зихравов сын [7, с. 293], он предполагает, что здесь речь идет о кадии Табасарана и приходит к выводу, что единое табасаранское владение распалось «уже во второй половине XVI в.» и что «с этого времени табасаранские правители разделяются на ветви: майсумы и кадии» [6, с. 165].

Историки Р.М. Магомедов и А.Р. Магомедов пишут: «В 1570 г. разгорелась междоусобная война среди табасаранских феодалов. В ней приняли участие недовольные майсумские крестьяне. В результате народных выступлений майсумы вынуждены были покинуть Хучни и переселиться в Джерах. Но борьба между табасаранскими беками за власть в майсумстве продолжалась и после этого. В одной из стычек были перебиты почти все члены майсумского дома, чем и воспользовался духовный феодал – кадий Верхнего Табасарана, подчинивший своей власти и Северный Табасаран» [12, с. 137]. Как бы то ни было, из всего сказанного ясно, что в конце XVI – нач. XVII вв. происходит возвышение табасаранского кадия, который в условиях центробежных сил воспользовался внутренними неурядицами, укрепил свою власть в Северном Табасаране с центром в сел. Хучни и образовал кадий-

ство Табасаранское. Это было небольшое владение, в составе которого, согласно сведениям конца XVIII в., было 20 селений в магалах собственно кадийства и 15 селений в Нагорном Табасаране. По данным того же времени число дворов в кадийстве было 10666, а число жителей 31000. Согласно же сведениям П.Г. Буткова, также относящимся к 1796 г., во владении кадия Табасарана было 18 деревень и до 6000 душ, в то время как в майсумстве было 40 деревень и до 21000 душ. По сведениям начала XIX в., под управлением табасаранского кадия было 1200 семей с 7200 жителями [8, с. 153, 171, 210, 237].

Кадий Табасарана, став во главе Северного Табасарана, помимо духовной власти обладал и светской властью. По своей структуре кадийство ничем не отличалось от майсумства. Кадий, как и майсум, внутреннее управление осуществлял с привлечением беков, духовенства и старшин (кевха). Он сосредоточил в своих руках всю полноту власти, управляя на основании обычая и шариата. Кадий «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином в Табасарани (в своей части. – Б.А.), пользовался неограниченной властью», – писал поручик Сотников [14, с. 50]. Кадий регулировал разногласия, возникающие между беками, решал все вопросы внешнеполитического характера. Кадий ежегодно объезжал узденские деревни, разбирая дела, каждое селение при этом давало ему подарки (ковры, баранов, деньги). Сотников и писал, что до Рустемкадия, правившего во второй половине XVIII в., «Табасаранью управляли одни кадии, в его распоряжении сосредотачивалась вся сила Табасарани (служили люди – нукеры из всех деревень), при нем много служило влиятельных людей из узденской Табасарани и тогда власть его была действительно на всю Табасарань; по приказу его убивали людей, и за это убийство не подвергались никакому мщению со стороны родственников убитого» [14, с. 50].

Власть табасаранского кадия передавалась по наследству к старшему в роду. Но в кадийстве, как и в майсумстве, Тарковском шамхальстве, Кайтагском уцмийстве и т.д., существовал обряд избрания нового кадия, что обычно происходило у сел. Хучни [14, с. 49, 50].

В мирное время при кадие находилось определенное число вооруженных нукеров-дружинников, основной функцией которых было исполнение приговоров правителя – кадия. Нукеры собирали также повиндия, и подавать, сопровождали кадия и были избавлены от повинностей. При необходимости во время военных действий кадий мог выставить более 5 тыс. вооруженных ополченцев [8].

Как и любой феодальный владетель, табасаранский кадий пользовался «большими доходами». Еще в первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что «доходы, которые махсум и кады получают, состоят в хлебе и другой пище, кроме штрафных денег, что случается от ссор» [8, с. 104]. Как и майсум, кадий имел доходы и от узденских сел Табасарана. Как и майсуму, более 15 узденских селений делали кадию различные приношения. Так, жители селений Нитрихского магала давали ему по одной сабе пшеницы с дыма, а жители селений магалов Дрыча и Сувах – по одной киле ($\frac{1}{5}$ часть меры) пшеницы или по ложке масла с «дыма»; северотабасаранский магал Хараг давал кадию по две киле пшеницы и по ложке масла, а магал Кахрык – по три киле пшеницы и по ложке масла с дыма. В начале XIX в. жители Табасарана, как и майсуму, бекам и чанкам, платили кадию религиозный налог – закят, кент-ясах (подать с овец), арба-ясах (доставка нескольких арб дров); работали на барщине: выставляли жнецов, косарей, пахарей, перевозили хлеб на мельницу и обратно [18, с. 196]. Перечень податей и повинностей кадию от подвластного населения превышал тридцать видов.

Описанное выше – это кадийство феодального владения и все сказанное в нем показывает, что оно не отличалось ничем от майсумства, кроме одно-

го – во главе него стояло духовное лицо, которое сосредоточило в своих руках всю высшую светскую и духовную власть. Присоединив кадийство к России, царские власти не внесли изменений в форму его управления. Власть в нем была сохранена за духовным лицом – кадием, но царские власти могли сменить кадия. За выступление на стороне противника России Шихали-хана ген. Хатунцев в 1815 г. арестовал табасаранского кадия. Но через некоторое время правление кадия было восстановлено. До 1845 г. кадийством управлял Шахмардан-кадий. С 1845 по 1851 г. кадием был поручик Исмаил-бек Марагинский. В 1851 г. он был отстранен от управления по старости и вместо него кадием был утвержден капитан Айди-бек-Рустам [15, с. 199–200].

Кадийство, как форма политического устройства, было характерно и для союзов сельских общин. Наиболее ярко оно проявилась среди даргинских обществ и в особенности в Акуша-Дарго – объединении (союзе) или федерации пяти союзов сельских общин Верхней Даргинии. Во главе федерации стояло Акушинское общество с его кадием, являвшимся и кадием всей федерации. Поэтому эта федерация союзов являлась кадийством. Но что интересно – и остальные четыре союза, как и Акушинский союз, возглавлялись кадиями. Возвышение Акуша началось после похода Тимура в 1396 г. на Ушкудже (Ускиша – Усиша), которое в то время стояло во главе верхнедаргинских обществ и было центром христианства на данной этнотерритории даргинцев. Усиша, естественно, и христианский храм были разрушены, население истреблено. В противовес, хотя и истребленному христианству, Тимур возвышает мусульманского акушинского кадия, видимо, поставив его руководителем – правителем всех верхнедаргинских обществ. Эта смена управления Верхним Дарго отмечена и А.М. Магомедовым, писавшим: «Акушинский» период истории этих земель, пришедший на смену «усишинскому» и «бутринско-

му» обозначается уже в начале XV в.» [10, с. 175]. Именно с начала XV в. во главе союза всех пяти верхнедаргинских союзов обществ ставится акушинский кадий, главное духовное лицо Акушинского общества. В результате этого и образуется кадийство Акуша-Дарго, хотя, согласно источникам, кадийство на этой территории даргинцев проследживается еще в «бутринский» период истории. В «Истории Кара-Кайтага» отмечено, что, когда в Кайтаге появился жестокий шамхал, живший в Маджалисе и захвативший земли кайтагцев, последние «попросили себе помощь от жителей Дарго», возглавляемого бутрицами. Войско Дарго возглавлял Мухаммадали-ал-Бутри. В фольклоре, как об этом писал Р.М. Магомедов, этот поход Дарго на помощь кайтагцам во главе с Мухаммадали Бутринским «переосмыслен: он представлен как газийский поход бутринского кадия для внедрения ислама в Харбуке и Маджалисе» [10, 167]. Далее он писал и об этом действительно имеется указание в отмеченном источнике, что «Кадий (или каид? – предводитель) Дарго в это время был в селении Бутри – превосходный Шейх Мухаммад, который умер среди неверующих Кубачи – он напал и убил 40 неверующих своею тростью, которая досталась ему от шейха – ал-Бакуви» [10, с. 168]. Это дает нам основание говорить о существовании кадийства в Верхнем Дарго еще в «бутринский» период истории. Бутри не только возглавлялось мусульманским кадием, но и «поставляло» религиозных деятелей в другие даргинские земли. Около 1305 г. кадием Кара-Кайтага был Манас сын Нуха Бутринского – выходец из Бутри, поселившийся в сел. Баршамай.

Став во главе Дарго начиная с начала XV в., Акуша усиливает влияние и власть среди остальных обществ, объединившихся с ней. В результате уже в конце XVI в. власть акушинских кадиев становится наследственной. В источнике за 1612 г. упоминается «Хаджи-Махмуд сын Мухаммада», который назван «кадием эпохи»

из сел. Акуша [4, с. 257]. Это, надо полагать, начало возвышения акушинского кадия, который сосредоточил в своих руках и светскую и духовную власть. К этому времени относится и заключение союза Акуша-Дарго с шамхалом. «Союз с ним, – писал Р.М. Магомедов, – сложился между 1612 и 1638 гг.», когда, как он отметил, «завершилось включение северодаргинских (мы называем их верхнедаргинскими. – Б.А.) земель в довольно рыхлую конфедерацию – шамхальство – на основе «внешнего» права» [10, с. 398]. С этого времени, по мнению Р.М. Магомедова, акушинский кадий становится главной личностью при избрании нового шамхала «Акушинский кадий надевал папаху как почтеннейший» и только после этой церемонии шамхал считался избранным. При этом он отметил и большую роль, которую играло Акуша-Дарго в политической жизни Дагестана. «Как разительно изменились роль и место Акуша-Дарго в шамхальской конфедерации, – писал Р.М. Магомедов. Теперь это не просто подчиненные шамхалу земли – кадий может попросту не утвердить на трон шамхальства негодную для Акуша-Дарго кандидатуру (т.е. имеет разрешительные полномочия)» [10, с. 399].

Усиление политической роли акушинского кадия во внешних политических делах, его значимости во взаимоотношениях с шамхальством усиливали роль его во внутренней жизни Акуша-Дарго. Акушинский кадий становится полновластным управителем федерации, которую, бесспорно, можно назвать кадийством Акуша-Дарго, ибо кадий Акуша сосредоточил в своих руках и светскую, и духовную власть, что дало нам основание еще в 60-е годы XX в. форму политического устройства в Акуша-Дарго назвать подобием церковно-государственного управления [3, с. 221]. Гаджиев В.Г. писал: «... очевидно, мы должны признать власть кадия теократической, при которой, как известно, в руках духовенства сосредотачиваются одновременно и духовная и светская власть» [5, с. 20].

На территории Акуша-Дарго акушинский кадий был верховным руководителем, сосредоточив в руках и власть светского правителя, судьи и военачальника. В его обязанности входило следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в кадийстве, разбирать споры между обществами. Для этого на поляне между сел. Муги и Бурхимама, называемой Карбуки-Дирка (Хьярбуки диркья) или Дюз-майдан кадий собирал представителей от всех сел кадийства и решал с ними все вопросы. Он следил также за соблюдением норм шариата. О его единовластии говорит и то, что он «имел право подвергать личному разбирательству» не только споры, возникающие между обществами, но и «между частными лицами». Недовольные решениями гражданских и духовных судов апеллировали к акушинскому кадию. Дела недовольных решением сельских кадиев, по шариату, окончательно разбирал и решал Акушинский кадий, он же решал окончательно и дела по жалобам на адатные решения сельских кадиев.

Власть акушинского кадия, как духовного и светского руководителя возвысилась до того, что к нему обращались даже жители других политических структур, которые были недовольны решениями своих сельских обществ и администрации. Как и феодальные владетели Дагестана, акушинский кадий обладал правом самостоятельно разбирать и решать судебные вопросы. Он даже «мог, – как сказано в источнике, – изменять и адатные решения» старшин «по своему усмотрению, назначать большие штрафы» [14, с. 46].

В своей деятельности акушинский кадий как глава кадийства опирался на исполнителей, которых в его распоряжении было 40 человек. Это специальный штат людей, которые приводили в исполнение решения кадия. Для того, «чтобы кадий мог управлять» кадийством «и заставлять граждан исполнять законы, – говорится в источнике, – ... в его распоряжении было 40 человек «тургаков» (исполнителей. – Б.А.) с их

командиром». Причем эти «тургаки» избирались из всех пяти союзов, входивших в кадийство. Их требования обязательно необходимо было исполнять, иначе «виновный нес наказание», не считая штрафа, которому он подвергался [20, л. 2].

Важнейшие вопрос, как война и мир, заключение союзов с другими союзами или феодальными владениями, пограничные и другие споры между джамаатами и т.п. решались на сходе, которым руководил кадий, который созывал его при необходимости 3–4 раза в год» [14, с. 14; 15, л. 8].

Кроме этого общекадиевского схода, на котором участвовали представители всех пяти союзов, кадий созывал и малый сход на поляне «Хъанцкъала», недалеко от сел. Усиша. На этом сходе участвовали только представители тех обществ, которых касались обсуждаемые вопросы [14, с. 15].

В период между сходами кадийства высшим союзным органом, возглавляемым кадием, был высший совет, состоящий из наиболее авторитетных кадиев и старшин в количестве 10–15 человек. Это фактически высший распорядительный и исполнительный орган кадийства, возглавляемый акушинским кадием, на котором рассматривались все дела, требующие оперативного решения.

Ни сход кадийства (всех пяти союзов) в Хъярбуки-дирха, ни высший совет, возглавляемый самим кадием, не ограничивали его власти. Кадий, не ставя их в известность, сам решал многие вопросы, он сам общался с феодальными правителями и руководителями других союзов сельских общин Дагестана. Не к указанным органам, а лично к кадию, как к реальному, действительному главе кадийства обращались руководители других политических структур. Как отмечал офицер русской армии А. Ржевусский, – народ «предоставил» акушинскому кадию «право решать дела без совета прочих избранными ими же старшин» [16, с. 261]. Акушинский кадий оказывал основное влияние и на принимаемые на сходах

решения. Он назначал день съезда, ему принадлежал «решительный голос» при решении дел, право сбора воинских сил кадийства, он же возглавлял их при внешней угрозе и во время походов в другие владения.

Такое высокое положение акушинского кадия в пределах Акуша-Дарго делало кадийство и его главу широко известными и авторитетными в Дагестане, где они приобрели большой вес и влияние.

Как к равному себе правителю, пользующемуся большим влиянием в крупной федерации – кадийстве, к акушинскому кадию часто обращались за советом, содействием и посредничеству в решении того или иного вопроса феодальные владетели и правители союзов сельских общин Дагестана. Само же кадийство Акуша-Дарго и его главное селение Акуша выступали в качестве одного из политических центров, где руководители политических структур Дагестана собирались для согласования и решения различных важных вопросов. «Акушинский кадий, – писал А.В. Комаров, – всегда пользовался большим почетом и имел в своем распоряжении самое сильное из всех обществ Дагестана, имел важное влияние на дела соседей» [9, с. 17].

Особенностью административно-политического устройства кадийства Акуша-Дарго было то, что и на местах – союзах сельских общин, составляющих его, также во главе светской и духовной власти стояли кадии. «Каждое из даргинских обществ, – говорится в примечании к «Адатам даргинских обществ», «управлялось в прежнее время (до присоединения к России. – Б.А.) своими кадиями» [1, с. 128]. Так же, как и акушинский кадий, решавших общекадиевские вопросы, кадии союзов (хлурба) решали все хозяйственные и политические вопросы в своих обществах: наблюдали за порядком, вершили суд по шариату, возглавляли все религиозные мероприятия на территории своих союзов, стояли во главе их ополчений своих обществ. В то же время они являлись помощниками и проводниками

решений акушинского кадия, как общего правителя кадийства Акуша-Дарго, от которого «все они» состояли в зависимости» [8, с. 346].

Форма правления подобная кадийству Акуша-Дарго, существовала в Андалальском союзе, где в определенный период истории во главе стоял мусульманский кадий, обосновавшийся в сел. Согратль. Происхождение согратлинского кадия, как правителя Андалальского союза, связано с переселением из Лаики для распространения ислама в Андалале некоего Сатмара б. Дихана, обосновавшего в сел. Согратль в конце XVI в. [2, с. 8]. Потомки его, согласно источнику XVII в., были имамами Согратля. Но возвышение потомков Сатмара как духовных и светских правителей Андалала произошло не сразу. Особенностью правления в Андалале с переселением Сатмара в Согратль явилось то, что здесь как бы образовался триумvirат, когда во главе управления союза стояли кадий – потомки Сатмара, раисы – потомки ругуджинского нуцалчи Султана (Султанилав) и мангуш из Чоха. Ослабление поддержки раисов со стороны кумухских правителей привело к возвышению согратлинского кадия, который и становится главой светской и духовной власти Андалала.

Первым кадием в Андалале был Кудав-кади («старший кади») б. Шайх-Ахмад, прямой потомок андалальских наследных имамов в конце XVI – первой половине XVII в. Сатмара и Мухаммеда. В конце XVII в. Кудияв-кади умер и кадием Андалала стал его племянник (сын брата) – Муса, затем – на рубеже XVII–XVIII вв. кадием стал сын Мусы – Ахмед. После смерти последнего звание кадия Андалала перешло в его сыну Мухаммеду (20–30-е годы XVIII в.). Как известно, последний возглавлял андалальское ополчение во время борьбы горцев против войск Надиршаха, из чего следует, что согратлинский кадий «занимался также вопросами внешних сношений своего округа» [2, с. 11, 13] и возглавлял воинские силы Андалальского союза.

Форма правления, сложившаяся в Акуша-Дарго не могла не влиять

на другие даргинские союзы, да и союзы других народов Дагестана. В силу этого и, конечно, активной деятельностью самого духовенства, все больше вмешивающегося в мирские дела, в XVII–XIX вв. происходило возвышение кадиев и в ряде других союзов сельских общин (Каба-Дарго, Сюрга, Ицари, Койсубулу, Салатавия, Анцух), которые также сосредоточили в своих руках светскую и духовную власть. В даргинских союзах Сюрга, Ицари, Каба-Дарго, конечно, не под влиянием Акуша-Дарго, достоинство кадия также стало передаваться по наследству. К урахинскому кадию апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирались духовными и гражданскими судами сельских обществ.

В Урахинском союзе (или Каба-Дарго) не было общесоюзного схода и в выборе главного кадия не принимали участие другие общества, входившие в состав союза. Объяснялось это, по-видимому, тем, что если Акуша-Дарго состояло из пяти больших союзов сельских общин (объединившихся в федерацию во главе с сел. Акуша. – Б.А.), то в составе Урахинского союза не было крупных сельских обществ, подобных Урахинскому. Поэтому Урахинское общество (во главе своей администрацией. – Б.А.) и взяло на себя руководство судьбами соседних с ним даргинских обществ.

Рассмотрим другой даргинский союз – Ицаринский, села которого ныне находятся в составе Дахадаевского района. В источнике XVIII в. об ицаринском кадии Али, сыне Адама, сказано, что предки его также были кадиями союза куда входило семь сел: Ицари, Шари, Синги, Санакари, Чахри, Хиби и Акры. Жители этих сел несли в пользу ицаринского кадия различные повинности платили зерно, сено, дрова и т.д. как правителю союза.

О рутульском союзе А.В. Комаров писал: «Селения, составляющие это наибство, прежде управлялись выборными кадиями, с советом старшин» [9, с. 120]. Кадии перечисленных и других подобных им союзов и обществ народов Дагестана, сосредоточили в сво-

их руках всю светскую и духовную власть. Р.М. Магомедов, останавливаясь на функциях власти кадиев аварских союзов, в частности Анцуха, отмечал, что он ведал территорией своего союза организовывал военное ополчение и предводительствовал в походах, являлся религиозным главой и верховным судьей при решении дел на основе шариата [11, с. 64].

Вместе с тем им было отмечено, что права и функции власти кадиев даргинских союзов были шире, чем в аварских союзах. Но несмотря на существование ограничения, власть кадиев аварских союзов крепла и становилась похожа на власть кадиев даргинских союзов. Если бы вольные общества не были включены в состав России, – писал Р.М. Магомедов, – то этот процесс вне всякого сомнения был бы завершён образованием ряда особых кадиевских владений в Аварии, как это имело место в Табасаране и Акушах» [11, с. 67–68]. Сказанное Р.М. Магомедовым об аварских обществах очень хорошо подтверждается словами И.Н. Березина бывшего в Дагестане в начале 40-х годов XIX в. Он, в частности, писал: «В последнее время духовенство стремится к преобладанию и уничтожению других соперничающих властей, из которых особенно ему не по нраву власть правителей, центра своих владений». Без преувеличения сказанное И.Н. Березиным имеет прямое отношение и к союзам сельских общин, в которых особенно усиливается власть духовенства в XVIII–XIX вв.

Впрочем, следует отметить, что в Дагестане мусульманское духовенство всегда имело существенное политическое влияние, занимало высокие позиции, играя большую роль в жизни общества, было цельным. Особенно высоко стояло высшее мусульманское духовенство, занимая различные должности при дворе ханов. Муфтии, шейхи, кадии и другие лица местного мусульманского духовенства занимали влиятельное положение при дворе дагестанских владетелей. В Хунзахском ханстве «шейх-уль-ислам, находившийся при

хане, в торжественных случаях сидел даже выше хана». Он «имел свои земли, богатства и зависимых крестьян», «представители духовенства стремились к власти, получали почести, порою и богатства, в значительном количестве имели рабов. Как высшее сословие были явными угнетателями, наравне с беками и князьями. Некоторые из них, имея должность по наследству, были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне» [11, с. 44], такими, например, были акушинские кадии.

Действительно, акушинские кадии ничем не отличались от владетельных князей. Они имели большие земельные угодия и стада крупного и мелкого скота. В архивных источниках прямо сказано, что акушинский кадий являлся владетелем больших и «хороших имений» [20, л. 9]. В начале XIX в. Акушинский джамаат выделил кадию специальные участки сенокоса [20, л. 9]. Недовольствуясь этим, Магомед-кадий, купил еще за 4 тыс. руб. пастбище на плоскости под названием Бебук-угбук. Крупным владельцем скота был и Зухум-кадий. Так, в числе 14 тыс. овец, которые паслись на кутанах Тарковского шамхальства в 1844 г. 3600 принадлежали Зухум-кадию Акушинскому. Х.-М.О. Хашаев цитируя архивный источник, писал, что акушинскому кадию принадлежало более 500 десятин земли [18, с. 17]. Учитывая положение акушинского кадия, поднимался даже вопрос о пожаловании ему и его потомкам дворянского звания. В свете всего приведенного выше материала и конкретных примеров, вряд ли можно согласиться с мнением отдельных ученых, что Акушинский и Сюргинский союзы были единственными в Дагестане союзами сельских общин, «где официально вся светская власть была сосредоточена в руках духовенства» [18, с. 171].

Завершая анализ материалов о кадийстве как одной из форм политического устройства в Дагестане, отметим, что она имела место как в феодальном владении – Табасаранском кадийстве, так и в союзах сельских общин Даге-

стана. Если в первом это единственный случай, то в союзах сельских общин было много примеров, когда во главе политического управления стояло духовное лицо. Наиболее ярко эта форма политического устройства проявилась в федерации верхнедаргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго, ставшим самым влиятельным и значимым кадийством. Источники показывают существование в Аварии Андалальского кадийства в конце XVI–XVIII вв., имевшее свои особенности возникновения и устройства. Свообразно происходил процесс усиления власти духовенства в аварских союзах, где власть кадия была ограничена «деятельностью джамаатских организаций», а процесс образования кадийств в них не завершился, он был прерван в результате присоединения их к Российской империи.

Литература

1. Адаты даргинских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII.
2. Айтберов Т.М. Институт главного наследственного кади (первоначально имама) в политической системе Андалала конца XV – первой половины XVIII века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985.
3. Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дисс. ... к.и.н. Махачкала, 1966.
4. Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности по истории Верхней Даргинии // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СС-СР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1970. Т. 20.
5. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана (Проблемы истории изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.
6. Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978.
7. Гасанов М.Р. К вопросу о хронологии табасаранских правителей // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
8. История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х. Хашаева. М., 1958.
9. Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе // Известия кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1869. Т. 1.
10. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1.
11. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.
12. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.
13. Мухаммед Аваби Акташи. Дербент-наме / Пер. с тюркского и арабского списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Комментарии Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 1992.
14. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Арх. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.
15. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
16. Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. 6.
17. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и проф. Д.Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
18. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
19. Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее – ЦГА РД). Ф. 150. Оп. 1. Д. 4.
20. ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 7.

KADIYSTVO – ONE OF THE TYPES OF THE POLITICAL STRUCTURE OF MEDIEVAL DAGESTAN: PREVALENCE, FEATURES OF THE STRUCTURE AND MANAGEMENT

Aliiev B.G.

Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the characteristics of the political structures that existed in medieval feudal Dagestan – the qadis, which were headed by clergy – the qadis. The emergence of this form of political structure was associated with the spread and strengthening of Islam and with various socio-political events. The earliest information about Qadiism in Dagestan as one of the forms of political structure relates to Tabasaran, where the rise of Qadi dates back to the end of the 16th century. It is also noted that the rise of the clergy in the unions of rural communities took place in different ways: the Akushin qadi owed his rise to Timur, who, having destroyed the center of Christianity of the Upper Dargo – Ushkudzha (Uskisha – Usisha), raised Islam in opposition to him. Akusha, who had already converted to Islam, contributed to the further spread and strengthening of this confession among the Dargins. As a result, the head of the Akushin union became the head of the union of the Akusha-Dargo federation, concentrating secular and spiritual power. Over time, the rise of the qadis of other unions of communities occurs: Kaba-Dargo, Surga, Itzari, Salatavia, Andalal, etc., the features of this process are noted.

Keywords: kadiystvo, Tabasaran, Akusha-Dargo, union of rural communities, power.

References

1. Adaty darginskikh obshchestv [The collection of witnesses about the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1873. Issue VII.
2. Aitberov T.M. Institute of the main hereditary Qadi (originally Imam) in the political system of Andalala of the end of the XV-first half of the XVIII century // Clergy and political life in the Near and Middle East in the period of feudalism. M.: Nauka, 1985.
3. Aliiev B.G. Akusha-Dargo in the XVII–XVIII centuries (Experience of monographic research of socio-political history): Dis. ... Candidate of Historical Sciences. Makhachkala, 1966.
4. Aliiev B.G. Monuments of Arabic writing on the history of Upper Dargina // UZ IYAL DF of the USSR Academy of Sciences. Ser. societies. sciences'. Makhachkala, 1970. Vol. 20.
5. Gadzhiev V.G. Unions of rural communities of Dagestan (Problems of the history of study, prospects) // The social structure of the unions of rural communities of Dagestan in the XVIII-beginning. XIX century. Makhachkala, 1981.
6. Hasanov M.R. From the history of Tabasaran XVIII-beginning. XIX centuries. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1978.
7. Hasanov M.R. On the chronology of the Tabasaran rulers // Source studies of medieval Dagestan. Makhachkala, 1986.
8. History, geography and ethnography of Dagestan. XVIII–XIX centuries: Archival materials. Edited by M.O. Kosmen and Kh. Khashaeva, M., 1958.
9. Komarov, A. Lists of populated places in the Dagestan region. Collection of statistical information about the Caucasus // Izvestiya kavkazskogo dept. of the Imperial Russian Geographical Society. Tiflis, 1869. Vol. 1.
10. Magomedov R.M. Dargins in the Dagestan historical process. Makhachkala, 1999. Vol. 1.
11. Magomedov R.M. Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII-early XIX centuries. Makhachkala, 1957.
12. Magomedov R. M., Magomedov A.R. History of Dagestan. Makhachkala, 1994.
13. Muhammad Avabi Aktashi. Derbent-name / Per. s turk'skogo i arabskogo listov, predlozhenie i bibliografiya G. M.-R. Orazaeva i A.R. Shikhsaidova. Comments by G. M.-R. Orazaev. Makhachkala, 1992.
14. Monuments of customary law of Dagestan of the XVII–XIX centuries. Arch. mater. / Comp., preface and note by H.-M. Khashaeva. M.: Nauka, 1965.
15. Ramazanov Kh. Kh., Shikhsaidov A.R. Essays on the history of Southern Dagestan. Makhachkala, 1964.
16. Rzhnevsky A. 1845 god na Kavkaze [Year in the Caucasus]. Tiflis, 1882. Vol. 6.
17. Dictionary of foreign words / ed. by A.V. Shchukin, I.V. Lekhin and prof. D.N. Petrov. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1955.
18. Khashaev Kh. – M. Social system of Dagestan in the XIX century. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
19. The Central State Archive of the Republic of Dagestan (Hereinafter –TsGA RD). f. 150. Op. 1. d. 4.
20. TsGA RD. F. 90. Op. 1. d. 7.

Теоретическая модель социально-технологической культуры высокотехнологичного предприятия

Перкова Екатерина Петровна,

старший преподаватель кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент»
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)
МАИ (НИУ)
E-mail: perkovaep@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с социально-технологической культурой высокотехнологичных предприятий. Дается авторское определение социально-технологической культуры. Особое внимание уделено организационным задачам, связанным с внедрением и применением социальных технологий, а именно с проведением прикладных научных исследований, разработкой и внедрением технологических инноваций, организационными коммуникациями и развитием социального капитала, с управлением человеческими ресурсами и задачами по использованию материальных технологий. Приводится теоретическая модель изучения социально-технологической культуры, рассматриваются ее основные характеристики, место и роль социально-технологической культуры в управлении высокотехнологичными предприятиями. Приводятся факторы формирования социально-технологической культуры: иерархия потребностей (физиологические, безопасность и др.), гендерный состав предприятий, базовые ценности, лидерство, отраслевые стандарты, компетенции. Рассмотрены организационные эффекты социально-технологической культуры, которые являются объективными и измеряемыми показателями функционирования социальной организации.

Ключевые слова: социальные технологии, социально-технологическая культура высокотехнологичного предприятия, организационная культура, факторы формирования социально-технологической культуры, организационные задачи, организационные эффекты.

Одна из первых попыток развить концепцию социально-технологической культуры в контексте общей теории организационной культуры, применительно к высокотехнологичным отраслям, была предпринята социологами И.В. Бурмыкиной и К.В. Беляевой, которые предложили концепцию корпоративной социально-технологической культуры промышленного предприятия [1]. В своем подходе авторы не использовали в качестве основания понятие социально-технологической культуры, сформировавшегося в российской литературе, и интерпретировали ее в рамках концепции корпоративной культуры Э. Шейна. Они определили корпоративную социально-технологическую культуру (КСТК) как «интегральное единство взаимосвязанных и ценностно-обусловленных способов организации социальных и производственно-технологических процессов компании, рождающих синергетическое единство, идентифицирующее компанию во внешней и интегрирующее внутреннюю среду» [1, с. 151].

Данное определение, основанное на трактовке организационной культуры Э. Шейна, акцентирует внимание на ней как способе решения проблем адаптации и интеграции. Важно отметить, что КСТК рассматривается как часть организационной (корпоративной) культуры, но характеризует специфичные для промышленных предприятий «особенности социальной организации технологических процессов» [1].

Раскрывая данное понятие, авторы предлагают концептуальную модель, охватывающую такие разные явления как индивидуальные потребности и мотивы, миссию и стратегии организации, развитие персонала, качество управления, факторы риска, и многие другие. Понятие и содержание собственно культурного аспекта организационной среды тем самым теряет свою специ-

фичность и фактически отождествляется со всей системой управления и даже выходит за ее пределы. Механическое объединение столь различных социальных, психологических и управленческих феноменов, как мы полагаем, не является результативным и теоретически перспективным.

Предлагается альтернативная теоретическая модель социально-технологической культуры (СТК) как части организационной культуры высокотехнологичного предприятия. Несмотря на то, что высокие технологии интегрированы в деятельность и управление большинством современных организаций, именно в высокотехнологичных сферах они составляют ядро бизнес-процессов, предъявляя исключительные требования к работникам и менеджменту, связанные с умением продуктивно и безопасно решать различные задачи, связанные с материальными, информационными и социальными технологиями. Понимание особенностей социальной организации, которая обеспечивает условия качественного и эффективного вовлечения работников в технологические процессы требует разработки концептуального аппарата, который в настоящее время в должной мере не сформировался.

На уровне предприятия, мы предлагаем рассматривать социально-технологическую культуру как часть организационной культуры, непосредственно связанную с использованием социальных технологий в управленческом процессе. В самом общем смысле, она может быть определена как *совокупность разделяемых представлений, норм и способов действий, определяющих типичные для данной организации подходы к решению ключевых организационных задач, связанных с внедрением и использованием социальных технологий*. Такое определение предполагает несколько ключевых характеристик СТК:

- она является частью общей организационной культуры организации;
- она определяет специфические организационные и трудовые практики,

которые непосредственно связаны с социальными технологиями – то есть, воспроизводимыми последовательностями операций, основанных на знаниях социальных наук и направленных на решение управленческих задач, требующих определенного социального поведения, социальных установок, социальных отношений и взаимодействий работников;

- она является достаточно устойчивой и не может быстро и легко меняться;
- она не является линейной, одномерной организационной характеристикой, а допускает наличие качественно разных СТК, сложившихся в различных компаниях;
- она не затрагивает уровень базовых ценностей, однако отражает принятые в организации нормы и принципы работы;
- она передается новым членам организации, посредством процессов профессиональной социализации;
- она сама является потенциальным объектом управленческого целеполагания и воздействия.

В рамках концепции СТК принципиально важно подчеркнуть, что она не конкретизирует содержание социальных технологий, используемых в управленческом процессе. В различных организациях для решения тех или иных типовых задач могут разрабатываться и применяться множество различных социальных технологий, решающих типовые задачи управления человеческими ресурсами (наем, адаптация, развитие, вознаграждение и т.п.), организацию командной работы или, наоборот, стимулирование конкуренции, развитие социального капитала и др. Как и в случае с любыми другими технологиями, процесс их разработки и внедрения по своей сути является инновационным. Компания может разрабатывать уникальную социальную технологию исключительно для внутреннего использования, или же адаптировать опыт и технологии извне.

Социально-технологическая культура имеет дело не с определенными

социальными технологиями, а с условиями их организационной поддержки и использования. По этой причине она является более универсальным организационным феноменом, который можно рассматривать в сравнительной и теоретической перспективе. Однако если рассматривать именно наукоемкие и высокотехнологические промышленные предприятия, то целесообразно определить круг организационных задач, для решения которых социальные технологии оказываются особенно востребованными и которые регулируются социально-технологической культурой. На наш взгляд, в качестве основных организационных задач такого рода выступают следующие:

1. Задачи, связанные с проведением прикладных научных исследований, разработкой и внедрением технологических инноваций (продуктовых, процессных). Новые знания и технические решения – главный источник конкурентных преимуществ и стратегического потенциала высокотехнологического предприятия, и разработка социальных технологий, способствующих их созданию и использованию, относится к числу управленческих приоритетов. Различные типы инноваций и разные модели инновационного процесса могут требовать различных социальных технологий и, возможно, разного типа социально-технологической культуры.

2. Задачи, связанные с организационными коммуникациями и развитием социального капитала. Эти задачи не ограничиваются обменом специальными техническими знаниями, необходимыми для решения научно-технических проблем, но включают в себя гораздо более широкий класс процессов, определяющих социальную связность организации и ее способность к координации и совместной деятельности. Разрабатываемая в настоящее время теория организационного социального капитала утверждает, что эта интегральная характеристика, включающая в себя структурные возможности коммуникаций, нормы взаимодействия и взаимное доверие работников, которая

имеет множество позитивных эффектов для компании: более эффективная циркуляция информации, в том числе управленческой, способность к кооперации и совместному поиску решений сложных проблем, лояльность персонала и др. [2] В каждой организации существует свой набор правил и норм, определяющих содержание и способы осуществления внутренних коммуникаций, что считается приемлемым, а что нет. Разработка социальных технологий, способствующих развитию социального капитала, представляет особую ценность для высокотехнологических предприятий в силу как длительного производственно-инновационного цикла, требующего стабильного и слаженного коллектива, так и сложности проблем, повышающих ценность неформальных механизмов координации, личной ответственности, доверия к результатам работы коллег [3].

3. Задачи, связанные с управлением человеческими ресурсами. Управление любой организацией включает в себя перечень типовых задач, связанных с управлением персоналом: кадровое планирование, рекрутинг новых сотрудников, их адаптация и развитие, разработка эффективных систем мотивации, аутплейсмент и др. В силу того, что это именно типовые, повторяющиеся задачи, они стали главной сферой управления, в которой разрабатываются и применяются социальные технологии [4]. Однако управление человеческими ресурсами в инновационных, наукоемких и высокотехнологических отраслях зачастую требуют принципиально иных управленческих подходов и технологий [5]. Ключевые работники таких компаний являются обладателями уникальных компетенций, а их рынок труда, как правило, глобален; они могут высоко ценить самостоятельность и творческую атмосферу; предъявлять высокие требования к содержанию труда; быть критичными и не принимать жестких управленческих иерархий; стремиться сохранять контроль над своими уникальными знаниями и интеллектуальной собственностью, не желать де-

литься ими с коллегами или компаниями, и т.д. Особый интерес представляет вопрос о том, насколько социально-технологический подход, предполагающий разработку процедурно детализированных и алгоритмизированных способов решения кадровых вопросов, в принципе применим для наукоемких и высокотехнологических предприятий с большим количеством уникальных проблем и компетенций.

К числу важных задач управления человеческими ресурсами относится также управление социальным развитием. Организация должна создать условия безопасности и охраны труда, медицинского обслуживания, санаторно-курортного обеспечения, удовлетворить потребность работников в пище. Разработка соответствующих социальных технологий позволяет оптимизировать процесс удовлетворения физиологических потребностей работников, их потребность в безопасности и инстинкт самосохранения. Отдельно следует отметить необходимость влияния гендерного состава на работу организации: гендерно-сбалансированные предприятия работают лучше, поскольку обеспечивают удовлетворение инстинкта продолжения рода. Для более успешной реализации этих задач также нужны специально разработанные социальные технологии.

4. Задачи, связанные с использованием материальных технологий. Одной из главных особенностей высокотехнологических предприятий является интенсивное использование сложных технологий и технологических процессов на всех этапах производственного цикла: от конструирования до массового производства. Высокий уровень технологической грамотности, ответственности и другие профессиональные требования, связанные с использованием уникального оборудования, в том числе, рабочим персоналом, делает крайне актуальным выявление тех аспектов социально-технологической культуры, которые обеспечивают эффективную интеграцию социальных и материальных технологий. В частности, речь идет

о тех социальных нормах, практиках и представлениях, которые регулируют использование социальных технологий, направленных на применение на практике технических регламентов, реализацию системы менеджмента качества, реализацию определенных производственных моделей и т.п. Социальные технологии в данном случае направлены на такой способ использования материальных технологий, который обеспечивает достижение управленческих задач: обеспечение решения технической задачи, достижение технологического совершенства, оптимизацию затрат, обеспечение производственной гибкости и др.

Четыре названных класса организационных задач предполагают возможность разработки широкого перечня социальных технологий, потенциально важных для эффективности и конкурентоспособности высокотехнологических компаний. Социально-технологическая культура определяет возможности компании к их внедрению и использованию, готовность менеджмента и персонала к принятию и поддержке тех способов управления, которые опираются на технологический подход. Одновременно было бы неверным утверждать, что сфера действия СТК ограничивается этими задачами. Всеобъемлющий характер СТК определяет возможность ее влияния и на другие типы организационных проблем, например, подходы к принятию ключевых управленческих решений, от которых зависит стратегический успех компании, взаимоотношения с потребителями и партнерами и др.

Области применения социальных технологий определяют содержательную специфику СТК – в силу того, что последняя носит прагматический характер и отражает типичные и ожидаемые способы решения конкретных задач. Однако любая концепция СТК должна также прямо определять круг потенциальных факторов, определяющих ее содержание и устойчивость в конкретной компании, а также ее организационные эффекты. С управленческой точки

зрения, значение имеют, прежде всего, те эффекты, которые непосредственно влияют на функционирование, результативность и эффективность компании,

а также достижение конкретных управленческих целей.

Схематично основные элементы общей теоретической модели СТК представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Теоретическая модель СТК высокотехнологического предприятия

В основе предлагаемой теоретической модели лежат элементы модели Э. Шейна, которая, на наш взгляд, обладает значительной гибкостью, необходимой для содержательного анализа СТК в конкретных высокотехнологических отраслях и предприятиях. Тем не менее эта модель значительно модифицирована и может комбинироваться с элементами других концепций. В ее основе лежит представление об СТК как части организационной культуры, отражающей представления о типичных и желаемых практиках, затрагиваемых социальными технологиями или необходимыми для их успешного внедрения и использования.

Организационная культура – это набор общих принципов, предположений, ценностей, которые характеризуют организацию в целом, во всех аспектах ее деятельности. Сформировавшаяся, устойчивая организационная культура выражается в практиках, которые охватывают разные стороны организационного функционирования: систему администрирования, способы организации рабочих процессов, формальное и неформальное взаимодействие сотрудников, отношения с внешней средой и др.

Организационная культура задает базовые ориентиры для **социально-технологической культуры**. При этом последняя носит более конкретный и прагматический характер, отражая

фактически сложившиеся или желаемые организационные способы действия в областях, охватываемых социальными технологиями.

Представления о практиках выражают прагматическую сущность организационной культуры и носят преимущественно эксплицитный характер. Однако необходимо проводить различия между нормативными представлениями, которые характеризуют идеальные практики и способы решения задач, считаются желаемыми и правильными в данной организации, и представлениями о том, какими типичные практики являются в действительности. Чтобы избежать возможной путаницы и неопределенности, мы предлагаем рассматривать СТК с точки зрения как нормативных, так и дескриптивных представлений о технологических процессах. Можно предположить, что в зрелых, устойчивых СТК разрыв между нормативными и дескриптивными представлениями минимален. Однако в большинстве случаев следует ожидать наличия некоторого расхождения, поскольку существует множество потенциальных факторов, которые ограничивают возможности трансформации идеального образа в практику: индивидуальные особенности и мотивы, неполная аккультурация, ограничения ресурсов или компетенций, специфика бизнес-процессов и др. Анализ расхождений между нормативными и дескриптивными представлениями может быть самостоятельным объектом изучения, имеющим непосредственное прикладное значение.

Организационные задачи, связанные с внедрением и применением социальных технологий задают содержательные границы тех практик, которые регулируются социально-технологической культурой. Многообразие видов деятельности современных предприятий, специфика бизнес-процессов и типов проблем, с которыми они сталкиваются, делают практически неосуществимой разработку априорного перечня задач, а также конкретных социальных технологий, которые мо-

гут быть актуальными для конкретного предприятия. Безусловно, каждая компания сталкивается с широким спектром типичных и универсальных организационных задач, таких как найм персонала, бюджетирование, обработка заказов, доведение приказов до исполнителей и многих других. Однако даже в этих случаях существует значительная вариативность практик, потенциально доступных для той или иной компании.

Факторы формирования СТК имеют важное прикладное значение, потому что определяют, в какой мере менеджмент организации способен сформировать ту культуру, которая будет соответствовать ее целям и применяемым социальным технологиям. В современной литературе и теории отсутствует консенсус относительно того, какие факторы обеспечивают содержание организационной культуры в целом и СТК, в частности. Тем не менее, большинство специалистов признает исключительно важную роль руководства и лидерства в компании. Поскольку СТК определяет способы решения практических задач, у высшего руководства объективно имеются возможности влиять на повседневные трудовые практики, способствуя постепенному закреплению определенных форм поведения и способов решения проблем как нормальных и правильных. Руководство может формировать СТК за счет внедрения системы вознаграждения, в том числе нематериального, поощряющего определенные практики, личного примера и вовлеченности, разработки и внедрения определенных политик, внутрифирменной рекламы, разработки корпоративной символики и нарративов, и т.д.

Вместе с тем было бы неверным считать лидерство и целенаправленные усилия менеджмента единственным источником социально-технологической культуры. Базовые ценности персонала, на которые организация практически не может повлиять, являются естественным фактором, ограничивающим возможности руководства

и задающим предпосылки для формирования определенной культуры.

Существуют и другие факторы, которые потенциально могут играть роль в формировании СТК: отраслевые стандарты и лучшие практики лидеров рынка, давление рынка, государственных институтов или общественности, ресурсы и компетенции, которыми располагает организация. Представляется важным подчеркнуть, что действие этих факторов на организационную культуру в целом и на СТК в частности, может быть относительно независимым, а связь между ними является взаимной. Это означает, что усилия руководства могут быть направлены на поддержку определенных социальных технологий, и уже затем распространяться на другие стороны жизни организации, трансформируясь в более общие и абстрактные принципы организационной культуры.

Организационные эффекты. Организационные эффекты СТК являются не представлениями, а объективными и измеряемыми показателями функционирования социальной организации. Помимо универсальных показателей результативности и эффективности компании, таких как рост продаж, рентабельность, количество инноваций, отдача от инвестиций или рыночная позиция, СТК является потенциальным источником более специфичных и непосредственных организационных эффектов, выражающихся в результативности и успешности применения конкретных социальных технологий.

Наконец, предлагаемая теоретическая модель учитывает наличие дополнительных факторов, опосредующих проявления СТК и ее влияния на ее организационные характеристики, отражая фактическую сложность социотехнических систем. Тем не менее логика, лежащая в ее основе, отражает ключевые взаимосвязи между организационной культурой и другими значимыми характеристиками организационного функционирования, соответствует имеющемуся уровню знаний и может использоваться в качестве теоретической основы эмпирических исследований.

Литература

1. Бурмыкина И.В., Беляева К.В. Корпоративная социально-технологическая культура промышленного предприятия // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16. Вып. 25. С. 148–158.
2. Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Стимулирование развития социального капитала предприятия // Вестник Челябинского государственного управления. Экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 102–114.
3. Игумнов О.А. Организационные эффекты социального капитала // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 203–216.
4. Гришакова Е.А. Социальные технологии управления человеческими ресурсами в организации // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 6. С. 112–121.
5. Бабаян Э.А. Основные подходы кадровой политики предприятий в сфере высоких технологий // Аллея науки. 2018. № 3.9. С. 105–109.

THEORETICAL MODEL OF SOCIO-TECHNOLOGICAL CULTURE OF A HIGH-TECH ENTERPRISE

Perkova E.P.

Moscow Aviation Institute (National Research University) MAI

The article discusses issues related to the socio-technological culture of high-tech enterprises. The author's definition of socio-technological culture is given. Particular attention is paid to organizational tasks related to the implementation and application of social technologies, namely, applied scientific research, development and implementation of technological innovations, organizational communications and the development of social capital, human resource management and tasks for the use of material technologies. A theoretical model of the study of socio-technological culture is presented, its main characteristics, the place and role of socio-technological culture in the management of high-tech enterprises are considered. The factors of the formation of socio-technological culture are given: the hierarchy of needs (physio-

logical, safety, etc.), the gender composition of enterprises, basic values, leadership, industry standards, competencies. The organizational effects of socio-technological culture, which are objective and measurable indicators of the functioning of a social organization, are considered.

Keywords: social technologies, socio-technological culture of high-tech enterprise, organizational culture, factors of formation of socio-technological culture, organizational tasks, organizational effects.

References

1. Burmykina I.V., Belyaeva K.V. Corporate socio-technological culture of an industrial enterprise//Scientific statements of BelSU.

Series: Philosophy. Sociology. Right. 2013. № 16. Issue. 25. Page 148–158.

2. Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A. Stimulating the development of the social capital of the enterprise//Bulletin of the Chelyabinsk State Administration. Economic sciences. – 2016. – No. 2. – С. 102–114.
3. Igumnov O.A. Organizational effects of social capital//Socio-humanitarian knowledge. 2021. № 1. Page 203–216.
4. Grishakova E.A. Social technologies of human resources management in the organization//Central Russian Journal of Social Sciences. 2017. № 6. Page 112–121.
5. Babayan E.A. The main approaches of personnel policy of enterprises in the field of high technologies//Alley of Science. 2018. № 3.9. Page 105–109.

Значимость определения социальной проблемы при социальном проектировании

Дусенко Светлана Викторовна,

доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма»
E-mail: svd337@list.ru

Рогачева Ольга Алексеевна,

преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма»
E-mail: oarogacheva@yandex.ru

Важным этапом проектирования социального проекта является правильная постановка социальной проблемы. Для успешной реализации данного этапа необходимо изучение общественного мнения на предмет выявления трудностей, с которыми регулярно сталкиваются представители выбранной группы людей (целевой аудитории) в своей повседневной жизни. Под целевой группой авторы исследования понимают группу людей, на решение проблем которых направлены мероприятия проекта. Необходимо изначально и максимально точно выявить потребности социальной группы, которой планируется оказание содействия, для предотвращения снижения социальной значимости проекта. Однако не редки случаи, когда команда проекта не справляется с этой задачей и допускает ряд ошибок, которые влекут за собой неблагоприятные последствия для формируемого социального проекта. Авторы рассматриваются основные ошибки, допускаемые при выборе социальной проблемы и определении социальной значимости проекта, описывают причины их возникновения и предлагают рекомендации, позволяющие в дальнейшем этих ошибок избежать.

Ключевые слова: социальное проектирование, социальная проблема, социальная значимость, проектная деятельность, проект.

Социальное проектирование, как теоретическое исследование, довольно широко представлено в литературе различными исследователями. В.А. Луков дает следующее определение термину «социальное проектирование» – это вид деятельности, которая имеет непосредственное отношение к развитию социальной сферы, организации эффективной социальной работы, преодолению разнообразных социальных проблем [1].

Продуктивность процесса и результата социального проектирования во многом зависит от квалифицированности и компетентности специалистов, занимающихся проектной деятельностью. Но как конкретная практическая деятельность социальное проектирование в организациях социальной сферы сопровождается сложностями при разработке и реализации [2].

Степень сложности выявления социальной проблемы зависит от сложности объекта исследования и знания о нём, поэтому выбор социальной проблемы влечёт за собой выбор конкретного объекта исследования как носителя проблемы или конкретной области социальной реальности, который имеет противоречие.

Проблемная ситуация – это можно сказать, – состояние в развитии социального объекта. Основная его характеристика: неустойчивость или несоответствие его функционирования потребностям дальнейшего развития.

Социальной проблемой можно назвать любую противоречивую ситуацию, существующую в самой реальной жизни, носящую массовый характер и затрагивающую интересы больших социальных групп или социальных институтов. Это может быть, например, незнание причин снижения роста активности молодёжного туризма в России.

Рассмотрим основные ошибки, совершаемые командами с небольшим

практическим опытом, на начальном этапе проектирования – выборе социальной проблемы и определении социальной значимости.

Отсутствие информации о социальных проблемах

Приступая к работе над социальным проектом, команда участников социального проекта сразу приступает к этапу планирования или даже реализации, пропуская этап формирования концепции проекта. Однако, не стоит забывать о том, что социальный проект, в первую очередь, отличается от других видов проектов прежде всего – решением социальной проблемы.

Причинами данной ошибки могут быть различные факторы, рассмотрим некоторые из них:

- a) Отсутствие понимания значимости точного определения социальной проблемы. Команда проекта не видит необходимости тратить время на изучение других социальных проблем с целью уточнения собственной. Вместо этого социальная проблема рассматривается поверхностно.
- b) Ошибочное представление об уровне собственной осведомлённости. Команда проекта предполагает, что знания, которыми они обладают, в достаточной мере дают представление о социальной атмосфере в выбранном ими объекте (организации, в которой они учатся, работают или по которой пишут проект, микрорайоне, городе и др.)
- c) Стремление как можно быстрее реализовать проект. Команда проекта в большей степени вдохновлена планируемыми мероприятиями и результатами проекта, нежели решением социальной проблемы и откладывает процесс её определения на более поздний срок.

Все вышеперечисленные факторы могут привести к недостаточному изучению возможных рисков проекта, что повлечет за собой снижение его качества, а, в худшем случае, поставит под угрозу реализацию проекта в целом.

Для предотвращения данной ошибки необходимо максимально подробно изучить все доступные источники информации, в которых представлено описание социальных проблем выбранной целевой группы. Полученную информацию следует систематизировать и структурировать, это поможет свободно ориентироваться в собранном материале. После упорядочивания данных необходимо обсудить с командой выявленные проблемы и определить наиболее подходящую для проекта.

При определении социальной проблемы важно помнить о том, что проблема – это разница, между тем как есть и тем, как должно быть [3].

Использование устаревшей информации о социальных проблемах

Зачастую возникают такие ситуации, когда команда осознает важность определения социальной значимости проекта и готова тратить свое время и силы на выявление максимально точной социальной проблемы, однако информация, которую используют участники проекта по различным причинам больше не является актуальной. Чаще всего эту ошибку допускают молодые команды.

Основной причиной возникновения данной ошибки является некорректный выбор источников получения информации. Это связано с отсутствием у команды опыта работы с поиском достоверных каналов и использованием в своей работе данных, полученных посредством «сарафанного радио».

Второй наиболее распространённой причиной является возникновение затруднения у членов команды при определении актуальности уже полученной информации.

Избежать данную ошибку помогут следующие рекомендации:

- a) При выборе источников информации необходимо уделить особое внимание местным СМИ (в том числе в сети Интернет), которые освещают уже имеющиеся или возникающие социальные проблемы.
- b) Следует уточнить актуальность полученной информации путем прове-

дения исследования, изучая мнение выбранной целевой группы относительно той или иной проблемы.

- с) Проанализировав результаты исследования, необходимо сопоставить полученные данные с информацией из других источников, чтобы сделать правильный вывод о том, какая проблема является по-настоящему социально значимой и может стать основой проекта.

Выбор глобальной проблемы

Распространённой ошибкой команд с небольшим опытом в реализации социальных проектов является выбор слишком глобальной цели. Другими словами: попытка решить проблему целого города, а иногда и всей страны.

Такая ситуация возникает в случае, если участники проекта никогда не сталкивались с практическим опытом решения социальных проблем и не могут точно определить количество ресурсов, который каждый из них потратит на реализацию выбранной идеи.

Чтобы избежать этой ошибки, еще на фазе концепции проекта необходимо предусмотреть:

- а) Наличие опыта реализации социальных проектов у одного или нескольких участников команды, или наличие в команде научного руководителя или наставника, имеющего соответствующий опыт;
- б) Объективную оценку необходимых для реализации проекта ресурсов и возможность их получения, в том числе свободного времени каждого из участников проекта.

Выбор проблемы, актуальной только для команды проекта

Известны случаи, когда команда начала работу над социальным проектом, проблема которого является социально значимой только с точки зрения участников проекта. На наш взгляд, это происходит в следующих случаях:

- а) Командой проекта не изучено общественное мнение относительно того или иного вопроса, но уже разра-

ботан цикл мероприятий, которые, по их субъективному мнению, способны повлиять на ситуацию решить проблему целевой группы.

- б) Команда проекта уже получила успешный опыт реализации проекта и желает его повторения, при этом забыв о том, что проблемы общества с тех пор могли измениться.

Для того, чтобы не допустить этой ошибки в ходе реализации проекта необходим постоянный контакт и получение обратной связи от целевой аудитории проекта. В начале необходимо провести анализ потребностей потенциальной целевой аудитории проекта. Только после определения актуальных проблем необходимо составить предварительный план мероприятий и согласовать его с заказчиками проекта. Немаловажным этапом станет апробация проекта на целевой аудитории после внесения всех изменений от заказчика или руководителя проекта.

Важно помнить, что социальный проект – это проект, направленный, в первую очередь, на решение проблемы конкретной целевой группы, поэтому точное определение потребностей членов этой группы – основная и первоочередная задача участников проекта.

Выбор проблемы, не соответствующей уровню подготовки команды проекта

По наблюдению авторов, случается, что решение проблемы предусматривает наличие в команде лиц, имеющих специальную подготовку или даже квалификацию в области, на которую направлен проект. Однако некоторые команды пренебрегают этим фактом и приступают к реализации «сложных» проектов самостоятельно.

Причиной этой ошибки может служить как завышенная самооценка участников команды относительно содержания материалов проекта, так и недостаточно серьезное отношение к информации, являющейся основой проводимых в ходе реализации проекта мероприятий.

Иными словами: команда не обладает достаточным набором компетенций для реализации проектов узких направленностей.

Чтобы предотвратить данную ошибку следует реально оценивать уровень подготовки команды в целом и имеющийся опыт каждого члена команды в частности, а также регулярно консультироваться у профессионалов.

Анализ основных ошибок в выборе социальной проблемы и определении социальной значимости проекта позволяет сделать следующий вывод: для успешной реализации проекта необходимо максимально подробно изучить социальные проблемы выбранной целевой группы в проверенных, актуальных источниках, а также объективно оценить ресурсы каждого участника в отдельности и всей команды в целом.

Литература

1. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. Пособие. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2007. – 240 с.
2. Филатова Е.В. Социальное проектирование и проблемы, сопровождающие его реализацию // МНКО. 2016. № 5 (60).
3. Педагогическое конструкторское бюро: официальный сайт – URL: <http://pedburo.ru/> (дата обращения: 29.04.2021)

THE IMPORTANCE OF DEFINING A SOCIAL PROBLEM IN SOCIAL DESIGN

Dusenko S.V., Rogacheva O.A.

Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE)

An important stage in the design of a social project is the correct formulation of a social problem. For the successful implementation of this stage, it is necessary to study public opinion in order to identify the difficulties that representatives of the selected group of people (target audience) regularly encounter in their daily life. By the target group, the authors of the study mean a group of people whose problems are addressed by the project's activities. It is necessary to initially and as accurately as possible identify the needs of the social group to which assistance is planned, in order to prevent a decrease in the social significance of the project. However, it is not uncommon for a project team to fail to cope with this task and makes a number of mistakes that entail unfavorable consequences for the social project being formed. The authors consider the main mistakes made when choosing a social problem and determining the social significance of a project, describe the reasons for their occurrence and offer recommendations for avoiding these mistakes in the future.

Keywords: social design, social problem, social significance, project activity, project.

References

1. Lukov V.A. Social design: textbook. Benefit. – 7th ed. – M.: Publishing house of the Moscow Humanitarian University: Flint, 2007. – 240 p.
2. Filatova E.V. Social design and problems accompanying its implementation // MNKO. 2016. No. 5 (60).
3. Pedagogical design bureau: official website – URL: <http://pedburo.ru/> (date of access: 04/29/2021)

Подходы к моделированию процесса образовательной миграции молодежи в условиях социально-экономического развития региона

Ульямбаева Анастасия Олеговна,

ст. преподаватель кафедры экономики и управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Филиал КузГТУ в г. Новокузнецке
E-mail: ulmyasbaeva@mail.ru

В статье проведено обобщение подходов к моделированию процесса образовательной миграции молодежи в условиях социально-экономического развития региона. Показано, что модели управления миграцией в Российской Федерации в общей тенденции имеют математический и статистический характер, как правило, линейны и эффективны лишь при небольших горизонтах прогнозирования. В тоже время автор делает вывод о том, что в управлении социально-экономическими процессами метод моделирования является одним из самых эффективных. Для управления образовательной миграции молодежи в регионе наиболее результативным видится структурно-функциональная модель в силу ее целостности, структурированности, систематизации, с установлением ключевых акторов, их взаимодействия, учета влияющих факторов на принятие решения и социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: модель, моделирование, процесс, образовательная миграция, регион, развитие.

Сложившаяся в настоящее время практика управления в контексте социально-экономических процессов все больше обращается к построению моделей, как к одному из самых эффективных методов управления. В широком смысле слова под «моделью» подразумевают «специально созданный человеком предмет, систему или устройство, которое в определенном отношении имитирует, воспроизводит реально существующие предметы или системы и является объектом научного исследования» [1]. В то же время целью любой модели является построение обоснованного прогноза с возможностью дальнейшей выработки рекомендаций по формированию управляющего воздействия. В свою очередь под моделированием, по мнению ряда авторов, следует понимать процесс отражения оригинала в модели, замену процесса (явления, объекта), процедуру формализации.

Характерной особенностью любой модели является отсутствие возможности воссоздать полноценную картину процесса, к сожалению, модель лишь отображает отдельные его аспекты. Представляется, что с одной стороны, с учетом всех многочисленных факторов и их взаимосвязей, данное свойство затрудняет анализ процесса в совокупности. С другой, по мнению Д.Л. Константиновского, следует обращать внимание на то, что «рассматриваемое свойство дает ценную возможность выделить и имитировать в модели наиболее существенные факторы и на этой основе изучить их влияние и связь с другими основополагающими факторами и процессом в целом» [2]. Таким образом, в частности можно утверждать о том, что учет положительных аспектов метода моделирования и понимание его отрицательных свойств, а также сочетание с различны-

ми количественными и качественными оценками анализа дает основание надеяться на получение достоверных результатов.

В связи с множеством смысловых значений понятия «модель» в науке не существует единой классификации видов моделирования, однако современная теория управления различает некоторые базовые виды: математическое, статистическое, концептуальное, имитационное, компьютерное, структурно-функциональное моделирование. Принимая во внимание существующие виды, следует заметить, что они не являются взаимоисключающими и могут применяться, как интегрировано, так и дифференцировано.

Вместе с тем, по мнению В.Н. Шевелева, модель, применяемая в управлении социально-экономическими процессами, предполагает следующие составляющие элементы:

- 1) субъект управления (исследователь), имеющий социально-экономическую цель, желание к достижению этой цели и ресурсы;
- 2) объект управления (объект исследования), воздействие на которого позволяет субъекту достигнуть своей цели;
- 3) модель (акт управления), определяющая (отражающая) отношения (управленческие воздействия) познающего субъекта и познаваемого объекта;
- 4) результат – оценка модели через критерии (количественные, качественные).

Следует признать, что в настоящее время в научной литературе существует достаточно большое количество моделей социально-экономического развития региона. Изначально предлагаемые модели, как «Теория факторов производства» шведских исследователей В. Олина и Е. Хекшера, модель «Затраты-выпуск» В. Леонтьева были ориентированы на международную торговлю, однако позже успешно практическое применение они нашли в анализе межрегионального обмена и развития регионов.

Особую роль в теорию развития регионов внес А. Леш, представивший модель пространственной организации хозяйства, ориентирующуюся на гармонизацию интересов как государства (регионов), так и бизнеса, ставящих во главу угла максимизацию прибыли [3]. В современном развитии данной модели многими авторами отмечается многомерность пространства, обуславливающаяся возможностью описания через качества, признаки, свойства и отличительные особенности. Так, например, по мнению одних к доминирующим и структурообразующим характеристикам экономического пространства следует отнести плотность, размещение и связанность. По мнению других, основными учитываемыми параметрами территориальной организации хозяйства выступает конкурентоспособность, управляемость, организованность. Тем не менее, следует отметить, что наиболее близкой нам видится позиция Б.Т. Моргоева, который в современных реалиях определяющими условиями отмечает неоднородность, динамичность и неравномерность развития [4].

Современный опыт моделирования социально-экономического развития региона строится на пространственной организации и нивелировании различных видов задач, генерирующих основу для долгосрочного сбалансированного устойчивого регионального развития, сокращая воздействие неблагоприятных факторов. В моделях широко используется выборка параметров уровня социально-экономического развития, которые применимы на практике, и система взаимодействия. Так, например, модель социально-экономического развития региона, представленная Н.Н. Лычкиным, строится на комплексном анализе основных показателей развития (экономические, социальные, финансовые) в территориальном разрезе на долгосрочную и краткосрочную перспективу, состояния отраслевых комплексов, а также позволяет прогнозировать доходную и расходную часть бюджета [5].

Предложенная А.В. Шatroвым модель развивающейся региональной экономики, в настоящее время применяемая в Кировской области, ориентирована на анализ основных показателей через взаимодействие региональных органов власти, социума, бизнеса, банковских учреждений, внешней торговли [6].

Модель «Сирена-2» описанная в работе Е.Д. Сушко, позволяет сформировать и исследовать различные региональные стратегии социально-экономического развития, а также построить прогнозы основных показателей региона. Кроме того, комплексная модель может выполнять межрегиональное сравнение, определять тенденции развития территорий.

В работе Т.А. Самариной и М.В. Лукина выстроена «Концептуальная модель геопентакля», отражающая ключевые факторные составляющие (территория региона, система управления, экономика, общество, инфраструктура, окружающая среда) развитие и взаимодействие которых, представляет потенциал социально-экономического развития региона, его ресурсы реализации и лимитирование. Факторы выступают динамической характеристикой, меняющиеся во времени и имеющие параметры:

1. Система власти – авторитетность и эффективность власти, ее стабильность / нестабильность, наличие по результатам регламентированной оценки, уровень стратегирования, использование IT-технологий, эффективность взаимодействия с бизнесом и социумом, ориентация на устойчивое развитие и т.д.

2. Экономика – ВРП на душу населения, баланс ввоза и вывоза продукции, развитие малого и среднего бизнеса, производительность труда, доля инновационной продукции, уровень монопрофильности экономики региона, сбалансированность потребительского рынка, уровень инвестиционной привлекательности региона и т.д.

3. Социум – уровень реальных доходов населения и занятости, простран-

ственная мобильность, демографические и миграционные процессы, образованность населения, преступность, безопасность жизнедеятельности, уровень гражданских инициатив и т.д.

4. Инфраструктура – уровень обеспечения населения жильем и коммунальными услугами, уровень развития дорожно-транспортной системы, развитие банковско-финансовой и страховой сферы и т.д.

5. Окружающая среда – организация мало- и безотходного производства, динамика применения «зеленых» (энергоэффективных) технологий, развитие экологического страхования, динамика снижения загрязненности окружающей среды, формирование экологического сознания населения и т.д. [7].

Следует отметить, что для каждого региона параметры могут иметь специфическую направленность и видоизменяться. Кроме того, поскольку факторы имеют межкомпонентное соединение, воздействуют друг на друга, то и среда их обитания – целостная система. С позиции эффективности данной модели представляется возможность корректировки элементов стратегии развития региона, перехода к проблемно-ориентированному управлению через сбалансированное развитие.

Рассматриваемая в работе А.Ю. Даванкова и Н.Л. Яцуковой «Трехфакторная модель оценки уровня сбалансированности развития подсистем региона» предусматривает взаимосвязь сбалансированности с устойчивым развитием региона на основе выделения трех подсистем: социальной, экономической, экологической. Их оценка производится путем отбора, а затем анализа оцениваемых 65 показателей, 25 из которых характеризуют социальную подсистему, 20 – экономическую и 20 – экологическую. Предлагаемая авторская модель позволяет выявить тенденции развития или снижения уровня показателей социально-экономических подсистем и разработать концептуальные направления развития региона.

«Концептуальная модель сбалансированности регионального разви-

тия», представленная Д.А. Литвиновым и Н.В. Сироткиной строится на взаимодействии региональных субъектов – стейкхолдеров (заинтересованные участники процесса) в лице органов власти, бизнеса, гражданского общества, определяющие направления и механизмы, корректирующие региональное развитие (см. рис. 1).

Составными элементами концептуальной модели выступают:

- факторы, влияющие на процесс регионального развития: объективные (нормативно-правовые, финансово-экономические, политические, инновационные, ценностно-культурные) и субъективные (мотивационные, управленческие);
- условия формирования сбалансированного регионального развития

- (историко-культурные, законодательные, социальные, инновационные, политические, организационные);
- цели, преследуемые стейкхолдерами при реализации регионального управления (социальные и экономические); принципы управления (системность, динамичность, научная обоснованность, эффективность, экономическая безопасность, устойчивое развитие, экологичность); элементы (природные, материально-ресурсные, экономико-финансовые, социально-демографические, правовые, организационно-административные, информационно-коммуникационные) сбалансированного развития региона;
- методы и инструменты (правовые и экономические) развития [8].

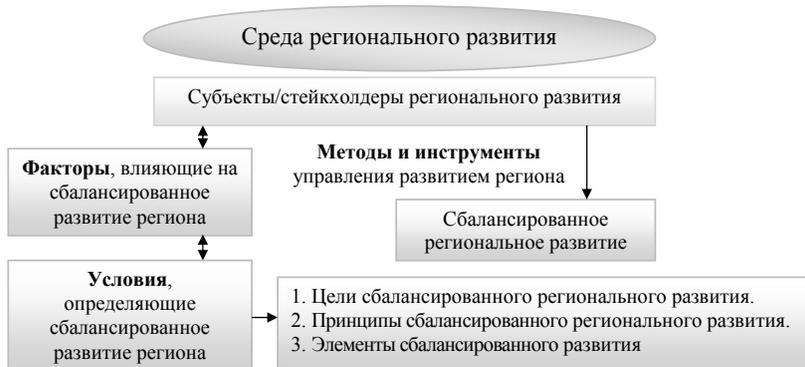

Рис. 1. Концептуальная модель сбалансированности регионального развития

Следовательно, модель управления сбалансированным развитием регионов, предполагающая организацию выстраивания цикла мероприятий, нацелена на постоянные взаимосвязи, как между стейкхолдерами, так и внутренними элементами.

На конструктивном взаимодействии субъектов развития строится и современная сбалансированная модель «Тройной спирали» (TripleHelix), созданная Н.Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом [9]. В основе имитационной модели лежит эволюционная теория трансформации форм взаимодействия триады – органов власти, бизнес-структур, научно-образовательных комплексов. Заме-

тим, при централизованном планировании сотрудничество институтов триады было исключено – народное хозяйство и наука были под контролем власти. При капиталистической экономике появляется форма взаимодействия двойные спирали с обратной связью (власть-бизнес, наука-бизнес, власть-наука). В период глобализации актуальной становится тройная спираль взаимодействия (органы власти, бизнес-структуры, научно-образовательный комплекс) в сетевом режиме для принятия оптимальных управленческих решений (см. рис. 2).

Применение представленной модели на определенной территории пред-

полагает ее проявление через экзогенную и эндогенную стратегии регионального развития. Экзогенная стратегия лоббируется федеральными органами власти, инвестиционными компаниями, вкладывающими ресурсы в региональную экономику, т.е. внешние вложения являются ключевыми элементами. Примером может служить Якутия, региональная власть которой смогла создать привлекательные условия для притока инвестиций и развития науки. Кардинально противоположный подход наблюдается при эндогенной стратегии, где на первый план выходят местные факторы – фундаментальная научная база, наличие квалифицированной

рабочей силы, близость к источникам знания и экспертизы. Сегодня эндогенная стратегия применяется в Томской, Свердловской, Пермской областях и др. Обе стратегии не являются взаимоисключающими, а взаимодействие и инновационная составляющая становятся первостепенными акторами в социально-экономическом развитии территории. Следовательно, региональная имитационная модель «тройной спирали» строится на основе пространственной организации, создающей строительные блоки для роста, партнерства, концентрации научных и исследовательских ресурсов, влияющие на региональное развитие.

Рис. 2. Эволюция моделей межсекторальных взаимодействий

Проведенный анализ подходов к моделям социально-экономического развития регионов представляет возможность констатировать факт того, что определенная территория – сложная динамическая система с разнообразными потоками, моделирование которой предполагает раскрытие широкого спектра сложных взаимосвязанных элементов наряду с воздействующими факторами. Кроме того, следует отметить, что больше всего исследований обращено к имитационному моделированию на основе системы оценки показателей, не дающих наличие обратной связи и интерпретации полученных результатов, также не раскрывающих вопросы валидации и верификации модели.

Моделирование миграционных процессов берет свое начало в XX веке, когда появилась первая математиче-

ская (гравитационная) модель миграции. В моделях, соответствующих данному периоду, учитывались только два основных фактора, влияющих на миграционные потоки: численность населения в укрупненных городах и расстояние между ними.

Накопленный опыт моделирования миграционных процессов показал, что самыми распространенными являются математические модели – «Модель пространственного взаимодействия», предложенная И. Янгом [10], «Модель притяжения города как торгового центра», разработанная У. Дж. Рейли [11], «Модель Стюарта-Ципфа», ориентированная на прогнозирование миграционных связей между Европой и Северной Америкой [12]. Представленные модели позволяют учесть ряд факторов (демографические, природно-климатические), формирующие силу

притяжения к определенной местности. При этом вне моделирования характерной движущей особенностью миграционных процессов выступают такие характеристики как влияние регионов-соседей, причинно-следственная связь, их интенсивность, комплексное применение ко всем регионам, факторы этнического характера, тем самым представляя угрозу модели на долгосрочную перспективу.

Новый концептуальный подход возник в моделировании миграции послужила предложенная Э. Ли теория «притягивающих и выталкивающих факторов» [13], подтолкнувшая применять в моделях экономический фактор. Так, учет показателей безработицы и средней заработной платы был выполнен в работе И. Лори [14]; численности рабочей силы, средней заработной платы в регионе исхода, расстояния между регионами миграции в модели А. Роджерса [15]; фактора проживания в различных регионах и наличие соответствующих связей в работе М. Гринвуда и Г. Ханта [16]. Преимуществом данных моделей является возможность измерения отдельных показателей с конкретной управленческой стратегией и оценить их взаимосвязь. Недостатком является отсутствие возможности оценки влияния миграционных движений и учета внеэкономических факторов воздействия на межрегиональные потоки.

Следует также выделить несколько современных значимых работ, ориентированных на применение методов оптимизации и теории оптимального управления. В частности, модель Г. Фейтингера, А. Прскавеца, В. Вельове, формирующая и рассматривающая задачи оптимального управления демографической политикой при условии учета миграционных потоков по возрастам. Инструментами выступают количественные показатели миграции и нормы накопления в зависимости от возрастного ценза. Модель по оптимальному управлению возрастной плотностью К. Саймона, Б. Скритека, В. Вельова сводится к поиску рационального выбора между

подходами к интенсивности иммиграционного потока и его возрастного профиля, обеспечивающие удержание заданной численности населения. В свою очередь это позволяет определять конкретные оптимальные иммиграционные стратегии и квоты на долгосрочную перспективу. Таким образом, практическая реализация данных моделей предполагает применение внушительного спектра математических подходов, при этом ни одна из них не является совершенной в силу неточности и линейности.

Характерной особенностью появления различных подходов к моделированию миграционных потоков в России является тенденция к перемещению населения из поселков в города. Так, заслуживает внимание первая математическая модель, где ключевым аспектом выступает зависимость миграционных потоков от различных социально-демографических показателей. Другой не менее актуальной и интересной стала межрегиональная модель миграции Л.Л. Рыбаковского [17], анализирующая влияние социально-демографических связей на прямые и обратные миграционные потоки. В работе Е.С. Вакуленко [18] построены различные регрессионные зависимости для регионов РФ, позволяющие определить общие факторы миграции, объяснить влияние миграционных передвижений на уровень безработицы и величины среднедушевых доходов населения в регионе. Статистическая модель миграционной привлекательности регионов и стран, разработанная Ю. Андриенко и С. Гуриевым, помимо численности населения, масштабов и расстояния между регионами, учитывает рынок труда, состояние экономики и социальную инфраструктуру.

На основании проведенного анализа российских подходов к моделированию миграционных процессов, можно сделать вывод о том, что модели управления миграцией в Российской Федерации в общей тенденции имеют математический и статистический характер, как правило, линейны и эффек-

тивны лишь при небольших горизонтах прогнозирования. Кроме того, потенциальная возможность математического моделирования миграционных потоков не означает ее успешной осуществимости при наличии информации и вычислительной техники. В исследованиях социально-экономических процессов, характеризующихся как «сложные системы», всегда будут существовать еще неформализованные проблемы, а также ситуации, где математическое моделирование будет малоэффективно.

Что касается моделирования процесса образовательной миграции молодежи, то имеется небольшой опыт. Так, в модели образовательной миграции региона Е.А. Питухина и А.А. Семенова представлен алгоритм выполнения математических расчетов для принятия решений по управлению межрегиональными образовательными потоками. Их работа освещает проблему оттока талантливой молодежи, предпочитающей получать образование в престижных вузах и не возвращающихся после обучения в родные города. В модели Д.А. Кобба-Кларка «Образовательная миграция в детском и подростковом возрасте» представлена линейная регрессия, имеющая независимые переменные: усвоение мигрантами новой информации в силу незнания языка страны-реципиента, адаптации и социализации в новом обществе. В предлагаемых моделях отсутствует условие «возврата» в родной регион, которое может возникнуть в связи с определенными обстоятельствами; не обращено внимание на особенности индивидуальной адаптации и их миграционные установки; упущены специфические факторы региона (идеологические, инфраструктурные и др.).

Таким образом, поскольку образовательная миграция молодежи является многофакторным социально-экономическим процессом, зависящим от множества аспектов, степень взаимного влияния которых сложно формализовать, то традиционные математические, статистические модели и подходы к ним недостаточно эф-

фективны. Региональное управление и прогнозирование миграционных образовательных перемещений в целях социально-экономического развития с учетом специфики региона подразумевает наличие четкой структуры интересов, правил, процедур их согласования, а следовательно, их реализации, непрерывной оценки современного состояния проблемы. Все это должно учитываться в разработке модели управления. В связи с этим, на наш взгляд, наиболее эффективной моделью управления образовательной миграцией молодежи должна стать структурно-функциональная модель, обусловленная целостностью, упорядоченностью взаимосвязанных компонентов. Кроме того, в модели нам видится необходимость установления ключевых акторов образовательной миграции, их взаимодействия, учета влияющих факторов на принятие решения и социально-экономическое развитие региона, с помощью введения зависимостей и соотношений факторов, условий, показателей.

Литература

1. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание \ М. Вартофский. – Москва, 1988. – 98 с.
2. Константиновский, Д.Л. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы /Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. – Москва: ЦСП и М, 2011. – 296 с.
3. Лимонов Л.Э. Региональная экономика и пространственное развитие // М.: Издательство Юрайт. – 2015. – Т. 1. – С. 96–112. – ISBN 978–5–9916–4444–0.
4. Моргоев Б.Т. Асимметричная трансформация российского экономического пространства. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 244 с.
5. Лычкина, Н.Н. Компьютерное моделирование социально-экономического развития регионов в системах поддержки принятия решений / Н.Н. Лычкина // Материа-

- лы III Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO'04. – Москва: ИГПУ РАН, 2004. – С. 1–26.
6. Шатров, А.В. Моделирование развивающейся экономики Кировской области с помощью интеллектуальной системы ЭКОМОД / А.В. Шатров // II Всероссийская научная конференция с молодежной научной школой «Математическое моделирование развивающейся экономики ЭКОМОД-2007». – Киров: ВятУ, 2007. – С. 259–271.
 7. Лукин М.В., Самарина Т.А. Построение концептуальной модели геопентакля в системе структурирования информации о социально-экономическом и природном потенциале развития региона. Современные проблемы науки и образования. – № 3. – 2014.
 8. Сироткина Н.В., Гончаров А.Ю., Воронцова И.Н. Факторы и условия обеспечения сбалансированного развития региона // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2014, no. 4, с. 93–100.
 9. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Генри Ицкович; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
 10. Young, E.C. The Movement of the Farm Population. Bulletin 426 [Text] / E.C. Young // Ithaca: New York Agricultural Experiment Station, 1924. – 91 p.
 11. Reilly, W.J. The law of retail gravitation [Text] / W.J. Reilly. – N. Y., 1953. – 75 p.
 12. Zipf, G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort [Electronic resource] / G.K. Zipf // The Economic Journal. – 1950. – Available at: <http://www.jstor.org/stable/2226729>.
 13. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. Manchester School of Economic and Social Studies, 1954. Vol.22.
 14. Lawry I. Migration and Metropolitan Growth: Two Analitical Models. – San-Francisco. Chandler Pub. Co., 1966.
 15. Rogers A. A regression analysis of interregional migration in California. The Review of Economics and Statistics, 1967, 49 (2), pp. 262–267.
 16. Greenwood M., Hunt G. The early history of migration research. International Regional Scientific Review, 2003, 26 (1), pp.3–37.
 17. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций / Л.Л. Рыбаковский. Москва: Статистика, 1973. – 159 с.
 18. Вакуленко Е.С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. по спец. 08.00.13. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/06/26/1298312212/dis%20vakulenko.pdf>.

APPROACHES TO MODELING THE PROCESS OF EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Ulmyasbaeva A.O.

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev branch in Novokuznetsk

The article summarizes approaches to modeling the process of educational migration of young people in the context of the socio-economic development of the region. It is shown that the models of migration management in the Russian Federation are generally mathematical and statistical in nature, as a rule, linear and effective only with small forecasting horizons. At the same time, the author concludes that the modeling method is one of the most effective in the management of socio-economic processes. For the management of educational migration of young people in the region, the most effective is the structural and functional model due to its integrity, structuredness, systematization, with the establishment of key actors, their interaction, taking into account the influencing factors on decision-making and socio-economic development of the region.

Keywords: model, modeling, process, educational migration, region, development.

References

1. Wartofsky, M. Models. Representation and scientific understanding \ M. Wartofsky. – Moscow, 1988. – 98 p.
2. Konstantinovsky, D.L. Education and life trajectories of youth: 1998–2008 / D.L. Konstantinovsky, E.D. Voznesenskaya, G.A. Cherednichenko. – Moscow: TsSP i M, 2011. – 296 p.
3. Limonov L.E. Regional economy and spatial development // M.: Yurayt Publishing House. – 2015. – T. 1. – S. 96–112. – ISBN 978–5–9916–4444–0.
4. Morgoev B.T. Asymmetric transformation of the Russian economic space. – Rostov n / a: Publishing house SKNTs VSh, 2005. – 244 p.
5. Lychkina, N.N. Computer modeling of socio-economic development of regions in decision support systems / N.N. Lychkina // Materials of the III International Conference “Identification of systems and management tasks” SICPRO’04. – Moscow: IPU RAN, 2004. – S. 1–26.
6. Shatrov, A.V. Modeling of the developing economy of the Kirov region using the intellectual system ECOMOD / AV Shatrov // II All-Russian scientific conference with the youth scientific school “Mathematical modeling of the developing economy ECOMOD-2007”. – Kirov: VyatU, 2007. – S. 259–271.
7. Lukin M.V., Samarina T.A. Construction of a conceptual model of a geopentacle in the system of structuring information about the socio-economic and natural potential of the region’s development. Modern problems of science and education. – No. 3. – 2014.
8. Sirotkina N.V., Goncharov A. Yu., Vorontsova I.N. Factors and conditions for ensuring the balanced development of the region // Bulletin of the Voronezh State Technical University, 2014, no. 4, p. 93–100.
9. Triple helix. Universities – enterprises – state. Innovation in Action / Henry Etzkowitz; per. from English ed. A.F. Uvarova. – Tomsk: Publishing house of Tomsk. state un-that of control systems. and radioelectronics, 2010. – 238 p.
10. Young, E.C. The Movement of the Farm Population. Bulletin 426 [Text] / E.C. Young // Ithaca: New York Agricultural Experiment Station, 1924. – 91 p.
11. Reilly, W.J. The law of retail gravitation [Text] / W.J. Reilly. – N.Y., 1953. – 75 p.
12. Zipf, G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort [Electronic resource] / G.K. Zipf // The Economic Journal. – 1950. – Available at: <http://www.jstor.org/stable/2226729>.
13. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. Manchester School of Economic and Social Studies, 1954. Vol. 22.
14. Lawry I. Migration and Metropolitan Growth: Two Analitical Models. – San-Francisco. Chandler Pub. Co., 1966.
15. Rogers A. A regression analysis of interregional migration in California. The Review of Economics and Statistics, 1967, 49 (2), pp. 262–267.
16. Greenwood M., Hunt G. The early history of migration research. International Regional Scientific Review, 2003, 26 (1), pp. 3–37.
17. Rybakovsky L.L. Regional analysis of migrations / L.L. Rybakovsky. Moscow: Statistics, 1973. – 159 p.
18. Vakulenko E.S. Modeling migration flows at the level of regions, cities and municipalities. Dissertation for thesis. uch. step. Cand. econom. sciences. by special 08.00.13. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/06/26/1298312212/dis%20vakulenko.pdf>.

Вера и знание в традиции русской религиозной философии (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский)

Извекова Татьяна Федоровна,

зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, доцент, к.филол.н., директор Центра международного образования и языковой коммуникации департамента по учебной работе Новосибирского государственного медицинского университета
E-mail: izvekova01@gmail.com

Статья посвящена историко-философскому анализу взглядов наиболее ярких представителей русской религиозной философии на проблему соотношения веры и знания, а именно А.С. Хомякова, В.С. Соловьева и П.А. Флоренского. Русская философия, решая проблему соотношения веры и знания, находит решение и вопроса о подлинном смысле жизни человека. Для данной философской традиции характерна сакрализация всего, связанного с верой – человека, знания, а также невозможности полноценного бытия без веры.

В статье говорится о том, что соотношение веры и знания есть истина, которая всегда есть единство двух этих начал, соответствующих двум разным онтологиям – условной и абсолютной, а их познавательное «всеединство» обеспечивается целостностью религии, философии и науки, т.е. синтезом веры, знаний и опыта.

Ключевые слова: познание, вера, истина, религия, материальное, двоемирие.

Русская религиозная философия имеет высокую степень несхожести представлений соотношения веры и знания в сравнении с воззрениями на эту же проблему со стороны западноевропейских философов. Подчеркнем особо: несхожесть и различия принципиально концептуального, сущностного характера, причем настолько разительного, что заставляет искать главные причины такого противостояния взглядов русских и западноевропейских философов на глубинном, метафизическом уровне. В данном исследовании мы представляем историко-философский анализ представлений некоторых представителей русской религиозной философии, а именно А.С. Хомякова, В.С. Соловьева и П.А. Флоренского.

Необходимо отметить, что это лишь фрагмент, представленный тремя философами, задающий общую концепцию религиозной философии, сформированную целой плеядой выдающихся имен, таких как: П.А. Киреевский, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, А.Ф. Лосев, В.В. Розанов и другие. Рассмотрим основные положения трех философов.

Анализируя воззрения Хомякова А.С. [1] о соотношении веры и знания, необходимо отметить, что философ касательно взаимосвязи этих двух начал придерживался своей концепции «цельного знания» (или «живой истины»), согласно которой подлинный (целостный) разум есть единство веры, воли и рассудка. По Хомякову, у каждого из этих элементов разума есть своя основная функция: вера обеспечивает разум живым созерцанием, в том числе необходимыми образами и представлениями; воля выполняет функцию разделения реального предметного (физического) мира от области воображаемых

человеческим сознанием начал; рассудок же с помощью логического мышления открывает человеку различные знания об окружающей человека действительности. Иначе говоря, по отношению к целостному разуму функция веры состоит в том, чтобы задавать знанию основное содержание, а функция рассудка – это знание логически и всесторонне перерабатывать. Знание является результатом особого процесса рационального познания, возможности которого принципиально ограничены; согласно воззрениям А.С. Хомякова, «познание рассудочное не обнимает действительности познаваемого; то что в нем мы познаем, уже не содержит первоначала в полноте его сил» [1, т. 1, с. 278]. Иначе говоря, изначально доступность рациональному познанию (как некоему инструменту человека) всего того, что есть в реальности, принципиально ограничена, часть этой реальности рассудку вообще недоступна. И наоборот: то, что доступно человеческому познанию – не более чем только часть реальности, не более, чем ее внешняя и относительно весьма поверхностная сторона. Если же говорить о функции третьего элемента разума – о воле, то она, по Хомякову, – подлинный творец и источник мира, поскольку воплощает мысли Бога в окружающую человека реальность. Крайне важно здесь подчеркнуть и то, что ни один из этих элементов разума не в состоянии самостоятельно привести к истине, – для этого нужно их обязательно-совместное действие, достижение гармонии веры, рассудка, воли. Только тогда «всецелым разумом» достигается та или иная истина, а достижение их шаг за шагом приближает человека к Богу – ведь сам смысл его жизни заключен именно в стремлении к Божеству путем всестороннего познания и постоянного самосовершенствования. Само по себе даже самое важное научное знание не в состоянии этой цели достичь, поскольку истина вообще недоступна как для отдельного мышления, так и для любой «чистой» рассудочной отвлеченности. К истине человека ве-

дут только совместные усилия совокупности мышлений, связанных любовью, поскольку носителем истины является только церковь в целом, а не отдельные ее представители (в этом суть принципа соборности, предложенного Хомяковым; его конечный итог – это развитие в людях высших начал: интеллектуальных, нравственных, духовных в их единстве и гармонии). По мнению авторов, точно определение сознания, данного А.С. Хомяковым: «Мир субъективного сознания с его пространством и временем так же действителен, как и мир внешний» [1, т. 1, с. 334]. А.С. Хомяков подчеркивает, что индивидуальное сознание не способно постичь истину, это доступно лишь всеобщему – «соборному» сознанию – «совокупности мышлений, связанных любовью» и высшими принципами христианской морали. Хомяков особо подчеркивал [2, с. 671], что «начала изменяемости мировых процессов», постигаемые разумом, нельзя искать в субъекте, в индивидуальном, поскольку их источником может быть лишь всеобщее, бесконечное, «Все». Таким источником может быть лишь Бог, отношение к которому как к «творящему духу» находит свое концентрированное выражение в вере – именно она определяет и образ мыслей, и образ действий человека.

Анализируя главные положения решения проблемы соотношения веры и знания, выдвинутые Соловьевым В.С. [2, с. 516–521], необходимо сразу же отметить главное – парадоксальным образом он был убежден, что истина вообще не постигается ни в опыте, ни в разуме, что она не дается ни в ощущениях или через логические силлогизмы. Это положение характерно только для произведений этого философа. В своей «Критике отвлеченных начал» Соловьев пишет: «Всякое познание держится непознаваемым...всякая действительность сводится к безусловной действительности» [3, т. 2, с. 308]. Откуда же у Соловьева такого рода воззрения и как он их обосновывает? На этот вопрос есть вполне внятный ответ – с помощью принципиально нового

его понимания онтологии; в самом деле, согласно Соловьеву, онтология есть единство двух типов бытия – условного и абсолютного. Опыт и разум «поставляют» факты и сведения о фактах и явлениях из условного бытия в форме знаний, возможности знания ограничиваются именно этим типом бытия. Иначе говоря, условному бытию соответствуют знания, в том числе научные. Условное бытие – это эмпирический мир, где люди предстают как индивидуумы и эта реальность, по Соловьеву, «тяжелый и мучительный сон отдельного эгоистического существования» [3, т. 3, с. 120], мир принципиально неподлинный, злой, враждебный. А вот из области абсолютного бытия истина постигается с помощью таких же абсолютных начал, причем всегда не в форме знания, а только с помощью веры – только она способна постичь предмет истинного знания – Абсолютное начало, которое философ называет «вечное всеединное» [3, т. 3, с. 234]. Вера как мистическое постижение мира во всем опосредует разум и ощущения, именно от веры человеческое мышление получает разумность, а опыт – подлинную реальность. Соловьев не только высоко оценивал концепцию «цельного знания» («всеединства»), предложенную славянофилами, но и пытался всячески ее развить: с точки зрения Соловьева, истина есть единство двух главных начал, соответствующих двум разным онтологиям – безусловного и обусловленного, а «всеединство» обеспечивается целостностью религии, философии и науки, т.е. синтезом веры, знаний и опыта. Еще один важнейший элемент воззрений Соловьева состоит в том, что любое познаваемое явление (или факт) не может быть осознанным вне его отношений к другим явлениям (фактам) и вообще к миру как целому. Оригинальна и его трактовка этого целого: целое – это не просто единство различных объектов и их отношений, а нечто такое, что их всех объединяет в единую и целостную реальность – во всеединство, которое, по мысли Соловьева, есть Бог. Подлинное сущее, по Со-

ловьеву, не рациональная конструкция, не понятие, не знание, не эмпирическая реальность; это некое реальное духовное существо – сущее как «сила бытия». Более того, философ указывает на принципиально нравственную природу сознания [3, 11]; сознание, по Соловьеву, есть третья (расположенная между жизнью и разумом) ступень на пути человека к нравственному идеалу. В современных научных трактовках [4, с. 885] сознание трактуется как состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях, не более; сознание противопоставляется бессознательному в различных его вариантах – неосознаваемое, подсознание и т.д.

Важно также отметить, что Соловьев убежден в действительность Бога. Его существование не требует никаких доказательств, поскольку дается только актом веры, а вовсе не логикой чистого разума; Соловьев стремился в своей философии избавиться от «духа секуляризма» европейской философской традиции (от духа «отвлеченного мышления» [5, с. 89]). Пытаясь постичь Бога, Соловьев наделяет его тремя главными ипостасями, или абсолютными ценностями – Благом, Истиной и Красотой, с помощью которых формирует понятийный аппарат для постижения «цельного знания»; так, по Соловьеву, Благо есть синтез Духа и Воли, Истина – синтез Ума и Представления, Красота – синтез Души и Чувства, наконец, Бог – это Абсолют как «вечное всеединое» [3, т. 3, с. 234]. При этом во всех своих теоретических построениях философ придерживается еще одного важного положения – своей концепции неразрывного тождества материального и идеального: хотя материя во многом противоположна духу, но содержание любой идеи (духа) не может целостной и подлинной без материи. В этом отношении материальное и идеальное – тождественные и необходимые друг для друга начала, которые Соловьев представлял в виде божественной Софии – материально

осуществленной идеи или идеального преобразования материи, «души мира, или идеального человечества» [3, т. 3, с. 129].

У В.С. Соловьева духовное названо всеединым началом, относительно которого он дает очень важное определение: всеединое есть «безусловное существование ...не может быть предметом ни эмпирического, ни рационального познания, составляет, очевидно, предмет некоторого особого, третьего рода познания, которое правильнее может быть названо верою... Вера есть «утверждение безусловного существования», эта же безусловность «одинаково принадлежит всему существующему, поскольку все существующее есть» – так философ обобщает свои взгляды о вере в знаменитых «Трех речах в память Достоевского» [6, с. 719–735]. Если теоретически проанализировать и определенным образом переформатировать это определение для более глубокого поиска его сущности, то прежде всего следует выделить взаимосвязь духовного первоначала только с одной верой – ведь в этом определении нет ни слова о знании. Это значит, что именно вера – первичное и исходное начало по отношению к знанию, что следует из самого понимания духовного первоначала. Это – первое; второе важное содержание определения всеединого у В.С. Соловьева – это подчеркивание им особого – третьего рода познания, связанного с верою; отделяя этот третий род познания от эмпирического и рационального, философ тем самым фиксирует принципиально разную природы, с одной стороны, – веры, а с другой – знания. Знание – фактический результат того, что дают рациональное и эмпирическое познание, вся внешняя активность человека и поэтому для знания близким по смыслу является понятие «опыт» – во всех его разных ипостасях: практическом, теоретическом, социальном, политическом и т.д. Знание – всегда тот или иной человеческий опыт присутствия в мире, он никогда не окончательный, не исчерпывается его единственным толковани-

ем, требует подтверждения и доказательства, может быть отвергнут и заменен, а его главным источником является всегда бытие.

Таким образом, решение проблемы соотношения веры и знания, осуществленное Соловьевым, не только оригинальное, но и весьма сложное и многоступенчатое: вера и знание у него принципиально разделены принадлежностью к разным типам бытия, но при этом являются взаимодополняющими началами и необходимы для постижения истины, под которой понимается «всецелое знание», в котором осуществляется божественная София – единство материального и идеального в формах материально осуществленной идеи или идеального преобразования материи, единственное субстанциональное начало, которое независимо даже от Бога, может воздействовать на него, утверждать себя вне Бога, совершая, по Соловьеву, ранее немислимое – акт отпадения от Бога, что влечет за собой приобретение Софией демонических черт [7, с. 347].

Флоренский П.А. [2, с. 659–661] тоже предложил свое философское решение проблемы соотношения веры и знания, суть которого состоит в следующем. Философ крайне критично относится к феномену науки вообще, к научному знанию, в частности, обвиняя их в непрерывном «схемостроительстве» из самих себя и враждебности по отношению к реальной жизни, которая, по Флоренскому, никаким наукам (никакому научному знанию) на самом деле недоступна: «Наука довольствуется единичным опытом и, построив схему, обволакивая ее схемой, работает над обволакивающей схемой» [8, с. 374]. «Наука, – подчеркивает философ, – хотела заменить собою то, что в чем ищет для себя удовлетворения личность; а в итоге стараний была сооружена огромная машина, к которой не знаешь, как подступиться...научное мировоззрение и качественно и количественно утратило тот основной масштаб, которым определяются все прочие наши масштабы: самого человека»

[8, с. 374]. Более того, повседневная научная активность, по мысли философа, всегда протекает в бесконечных противоборствах разных научных каст (кружков, сословий), мнениями которых (вместо истины) полностью и определяется. Именно поэтому свою философию он строит исключительно на основе религиозного понимания истины, поскольку она, по Флоренскому, то самое начало веры, которое принадлежит сверхрациональной (абсолютной) реальности, по отношению к которой никакое знание не способно передать суть той или иной истины: «Истина, Добро и Красота» – эта метафизическая триада есть не три разных начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая» [8, с. 375]. Ни логикой, ни рациональным мышлением истина не может быть постигнута, а только религиозным переживанием, только верой: в понимании ее Флоренский ссылается на слова из «Послания к евреям» – «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [8, с. 377].

Заметим, что относительность и ограниченность знания предельно четко отображено в положении еще одного русского мыслителя – В.Н. Карпова, ученика Ф.Ф. Сидонского: он отрицает целостный, абсолютный характер человеческого сознания, утверждая, что в своем существовании человек «отнюдь не есть существо безусловное, и мышление его не есть абсолютное, творческое» [9, с. 301].

В качестве одного из важных аргументов такой своей иррациональной трактовки процесса постижения истины Флоренский ссылается на принципиальную бесконечность любого рационального обоснования истины: чтобы такой бесконечный ряд обоснований (дискурсов) преодолеть, необходимо достичь единства этого начала с другим, конечным началом – с интуицией. Истина, по Флоренскому, есть единство именно этих двух начал – интуиции и дискурса, что позволяет определить истину, во-первых, как сверхрациональную целостность, и, во-вторых, обоснован-

но трактовать ее как «реальную разумность и разумную реальность» или как «конечную бесконечность и бесконечную конечность». Философ утверждает, что нужно «преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и выступить в новую среду – в среду-сверхконечного, рассудку недоступного и для него нелепого» [10, т. 1, с. 513]. В конечном счете такое понимание истины приводит Флоренского к итоговому пониманию им Истины в виде предложенного им утверждения: Истина есть Бог. В силу последнего утверждения вполне понятной становится и интерпретация процесса постижения истины человеком в форме его подлинной связи с Богом: постижение истины, по Флоренскому, есть живое нравственное общение личностей, пронизанное истинной любовью. «Чтобы прийти к Истине, – подчеркивает философ, – надо отрешиться от самости своей, надо выйти из себя; а это для нас решительно невозможно, ибо мы – плоть. Но как же именно в таком случае ухватиться за Столп Истины? – Не знаем и знать не можем. Знаем только, что сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности. Это непостижимо, но это – так» [10, с. 386].

Таким образом, решение проблемы соотношения веры и знания у Флоренского основано на доминанте веры над знанием, философии над науками, интуиции над дискурсом, абсолютной реальности над реальностью «мира сего». Для целей данного исследования важно и предложенное Флоренским понимание веры как интуитивного и сверхрационального начала и знания как начала дискурсивного, а также же истины как их целостного и неразрывного единства.

В заключение необходимо отметить, что господствующим решением проблемы соотношения веры и знания русскими философами выступает единство и целостность следующих основных концептуальных положений:

– о глубинной взаимосвязи и единстве веры и знания;

- о природе и сущности знания, в том числе научного;
- о реальности, которую формирует «чистая» наука;
- о природе и сущности религиозной веры;
- о реальности, которую представляет вера;
- о подлинной истине;
- о подлинном смысле жизни человека и др.

Также необходимо отметить, что глубинная взаимосвязь и единство веры и знания в русской религиозной философии – прямое свидетельство особенного онтологического двоемирия «присутствия человека в мире» – материального и духовного: русская философская традиция стремится придерживаться «дуализма материи и духа», т.е. принципиально нового понимания онтологии как единства двух типов бытия – условного и абсолютного.

В русской философской традиции именно от веры человеческое мышление получает разумность, а опыт свою подлинную реальность – творческий акт человека не определяются только материалом мира, в нем есть новизна, не детерминированная извне, а вера – изначальная Божественная свобода и переход от видимого к невидимому миру, она есть неразумная и безосновная личная встреча с Богом.

Литература

1. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8-ми тт. – М., 1886–1906. – 4062 с.
2. Русская философия: Энциклопедия /Под общ. Ред. М. Маслина. – М., 1999. – 736 с.
3. Соловьев В.С. Соч. в 10 т., 2 изд., – СПб. 1911–1913. – 5128 с.
4. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РО-ОИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
5. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: [т. 1–4] / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. 2. 1909. – 367 с.

6. Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – М., 1988. Т. 1–890 с. Т. 2–822 с.
7. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь // Владимир Соловьев; Пер. с фр. Г.А. Рачинского. – [Репринт. воспроизведение]. – М.: ТПО «Фабула», 1991. – 447 с.
8. Корнилов С.В. Русские философы. Справочник. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 445 с.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. – 880 с.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990, в 2-х кн. Т. 1–839 с. Т. 2–447 с.
11. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. «Мысль», 1988. Т. 2, с. 140–288.

FAITH AND KNOWLEDGE IN THE TRADITION OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY (A.S. KHOMYAKOV, V.S. SOLOVIEV, P.A. FLORENSKY)

Izvekova T.F.

Novosibirsk State Medical University

The article is devoted to the historical and philosophical analysis of the views of the most prominent representatives of Russian religious philosophy on the problem of the correlation of faith and knowledge, namely, A.S. Khomyakov, V.S. Solovyov and P.A. Florensky. Russian philosophy, solving the problem of the correlation of faith and knowledge, finds a solution to the question of the true meaning of human life. This philosophical tradition is characterized by the sacralisation of everything connected with faith – man, knowledge, and the impossibility of a full-fledged existence without faith.

The article says that the relationship between faith and knowledge is truth, which is always the unity of these two principles corresponding to two different ontologies – conditional and absolute, and their cognitive «unity» is provided by the integrity of religion, philosophy and science, i.e., the synthesis of faith, knowledge and experience.

Keywords: knowledge, faith, truth, religion, material, dual world.

References

1. Khomyakov, A. S. (1886–1906). Complete works in 8 volumes. Moscow. In Russ.

2. Russian philosophy: An Encyclopedia. Ed. by M. Maslin. (1999). Moscow. In Russ.
3. Solovyov, V. S. (1911–1913). Essay in 10 vol., 2 ed. St. Petersburg. In Russ.
4. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. (2009). Moscow: «Canon+«ROOI «Reabilitatsia». In Russ.
5. Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov: [vol. 1–4]. Ed. [and with a preface] by E.L. Radlov. (1908–1923). St. Petersburg: Tip. t-va «Obshchestvennaya polza». In Russ.
6. Solov'ev, V. S. (1988). Essay in 2 vol. Moscow. In Russ.
7. Solov'ev, V. S. (1991). Russia and the Universal Church. Vladimir Solov'ev; Translated from the French by G.A. Rachinsky. Reprint. reproduction. Moscow: TPO «Fabula». In Russ.
8. Kornilov, S. V. (2001). Russian philosophers. Guide. St. Petersburg: Publishing house «Lan». In Russ.
9. Zenkovsky, V. V. (2001). Russian History of Philosophy. Moscow: Akademicheskii proekt. In Russ.
10. Florensky, P. A. (1990). Pillar and the assertion of truth. Moscow: Pravda. In Russ.
11. Solov'ev, V. S. (1988). Filosofskie nachala tselnogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge]. Thought. In Russ.

Теория секуляризации в контексте проблематики современной философии религии

Луценко Антон Владимирович,

кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета
E-mail: avlu2009@yandex.ru

Текст посвящен сегодняшнему состоянию теории секуляризации и выявлению философских оснований этой теории. Констатируя, вслед за исследователями данной проблемы, неочевидность подходов к решению данного вопроса. Автор предлагает классифицировать все теории секуляризации по их философско-методологическим основаниям. Таким образом, в статье выделяется неопозитивистские теории секуляризации, тесно связанные детерминистским и материалистическим взглядом на религию и эволюцию культуры, и экзистенциалистские теории, связанные, прежде всего, с восприятием религиозного сознания как важнейшей личностной характеристики, тесно связанными с духовными интенциями и интеллектуальной эволюцией индивидов, составляющих современный социум. Автор подчеркивает, что подавляющее большинство современных исследователей теории секуляризации принимают в рассмотрению только так называемый «западный мир», который может быть назван своеобразным «опытным полем» возникновения секулярной культуры и секулярного мышления.

Ключевые слова: секуляризация, детерминизм, неопозитивизм, философия религии, экзистенциализм, современность.

Одной из основных теорий современной философии религии, рассматривающих динамические изменения религиозных систем в современном «западном» мире является так называемая теория секуляризации. Суть этой теории можно в крайне общем аспекте описать как представление о том, что организованные религиозные конфессии «западного мира» в течение последних двух столетий утратили то всеобъемлющее значение, которое они имели для западноевропейской культуры на протяжении средних веков и начала Нового времени [3, с.9]. В дальнейшем роль организованной религии в западноевропейских социумах, становящихся все более едиными как в политическом, так и в культурном смысле, будет неуклонно уменьшаться. В этой связи неизбежно возникает запрос на новые идеологические и культурные концепты, призванные заменить в общественном сознании утратившие свое прежнее значение религиозные ценности. Симптомы такой «переоценки ценностей» сторонники теории секуляризации видят, в том числе, в политических и культурных революциях, а также идеологических конфликтах, бывших содержанием западноевропейского социокультурного бытия в течение последних полутора столетий. Большинство сторонников теории секуляризации и в частности, социологи религии, религиоведы и философы Д. Макговерн, С. Лейси, Д. Шрусбери и др., полагают, что религиозные ценности в западноевропейской современности уже заменены ценностями светского гуманизма, который, по мнению этих ученых, представляет собой адекватную замену идеологической функции религии [4, с. 17 и сл.]. Определенное меньшинство исследователей, в целом принимающих концепцию секуляризации как неизбежного социокультурного процесса, делают это со значительными оговор-

ками. В частности, канадский религиовед и философ Ч. Тейлор полагает, что процесс замены религиозных ценностей светскими не только не завершен, но и находится практически в своей начальной стадии, причем окончание этого процесса не может быть детерминировано логикой схематичного позитивизма [4, с. 283]. Схожей с Ч. Тейлором точки зрения придерживается и ряд отечественных исследователей, в частности Е.Б. Сафронов и Д.А. Узланер [5, 247; 6, с. 108]. Последний, например, отмечает, что современная теория секуляризации претерпела кардинальное расширение, совершенно неоправданное методологически, и стала средоточием определенной категориальной и терминологической путаницы. Таким образом, сколько-нибудь приемлемого консенсуса, позволяющего однозначно трактовать философские и методологические перспективы теории секуляризации, до сих пор не найдено. В связи с этим необходимо выделить определенный комплекс проблем, указать на который может настоящая работа.

Теория секуляризации рассматривается современными гуманитарными дисциплинами преимущественно в социологическом ключе. Основной акцент в работах таких зарубежных и отечественных исследователей секуляризации как К. Кристиано, С. Лейси, Д. Макговерн, Е.Б. Сафронов, Д.А. Узланер [5, 6, 8] делается на социокультурные основания секуляризации как теории, имеющей конкретные исторические причины и продиктованное историческим контекстом содержание. В то же время возможность определения общих философских основ секуляризационной теории позволяет определить динамику и перспективы развития этой теории без ущерба для её значения в контексте социологии религии. По сути, речь идет о более активном изучении теории секуляризации как феномена, принадлежащего не только социологии религии, но и философии религии. Это сопряжено с известными трудностями. Так, Д.А. Узланер, цитируя известного социолога религии Л. Шайнера, опре-

деляет секуляризацию как «крайне путаный концепт, нагруженный огромным количеством противоречивых смыслов» [6, с. 41]. Тем большую ценность имеют попытки внести в исследуемую проблему подобающую научной теории конкретику и определенность.

Основываясь на современном состоянии проблемы, можно с определенной степенью условности выделить два современных подхода к теории секуляризации. Первый подход можно условно обозначить как «экзистенциальный». Его яркими представителями являются такие религиоведы и философы религии как Р. Белла и Ч. Тейлор. В работе Р. Беллы «Религия в человеческой эволюции» религия предстает в виде одного факторов эволюции человеческого вида как такового, обеспечивающего содержанием присущее человеку «экзистенциальное измерение» его внутреннего мира и интеллекта. Наряду с этим Р. Белла подчеркивает, что секулярный разрыв с религиозной традицией не может повлиять на свойственную человеку «метафизическую интоксикацию», выражающуюся в постоянном присутствии «вечных вопросов» в сфере его сознания [1, с. 106]. Следовательно, возникает перманентная необходимость в философских теориях и концепциях, которые позволяют «светскому» секулярному сознанию брать на себя решение тех вопросов, которые в досекулярную эпоху решала религия. Р. Белла полагает, что к таким философским концепциям можно отнести как современную религиозную философию в разных ее проявлениях, так и, допустим, постсекулярную «постмодернистскую игру с истинами прошлого, пытающуюся тотальной несерьезностью скрыть тот факт, что осмеиваемые и деконструируемые этой игрой вопросы не теряют своей значимости только потому, что их в очередной раз подвергли более или менее остроумной нигилистической критике». Тем самым, Р. Белла подчеркивает, что философские основания теории секуляризации являются производными от непреодолимой, эволюционно предопределен-

ной потребности человека в создании идеальных смыслов и ценностей [2, с. 97]. Согласно логике этой концепции, суть секуляризации заключается в том, что на смену религиозным идеальным ценностям приходят ценности секулярные, причем последние несут ту же смысловую нагрузку и сохраняют примерно то же значение для индивида и общества, что и первые.

Для Ч. Тейлора характерно более сдержанное отношение к поиску эволюционных корней религиозного и секулярного мировоззрения. Он склонен считать как религию, так и процесс секуляризации социокультурными феноменами, нуждающимися в философском подкреплении. При этом такое подкрепление, по мысли Ч. Тейлора, обретает особую актуальность в тот исторический момент, когда западная цивилизация вступает на секулярный путь развития. При этом широко известна позиция Ч. Тейлора, ставшая основой его полемики со сторонниками социологического подхода к секуляризации. По мнению Ч. Тейлора, секулярные процессы в индивидуальной и общественной ментальности не имеют единого вектора развития и не отличаются ярко выраженной необратимостью. Поскольку, как полагает Ч. Тейлор, никакая светская идеология или философская система не способна избавить человека от экзистенциальных чувств заброшенности, тревоги, бессмысленности жизни, говорить о постепенном и неуклонном исчезновении религиозного мировоззрения не приходится. В этом случае корректнее говорить о кризисе организованных форм религии и определенных форм религиозной философии, присущих западному миру [4, с. 15–41]. Однако Ч. Тейлор полагает, что и в западном мире религия, перейдя в постсекулярную реальность, трансформируется в «духовность», под которой, очевидно, понимается широкая совокупность видов и методов индивидуального религиозно-экзистенциального поиска. Ч. Тейлор обнаруживает корни как религиозного, так и секулярного сознания в основах западной культуры

и социума, отказываясь от представления о неизбежности грядущего безрелигиозного общества как от «концепции, явно противоречащей фактам и статистике. Мы можем говорить о трансформации коллективной организованной религиозности в индивидуальную квазирелигиозную духовность, но это не укладывается в слишком узкие рамки того понимания, которое навязывают процессу секуляризации сторонники сугубо социологического подхода» [4, с. 253].

Второй подход можно обозначить как «социологический» или «неопозитивистский». В современной одним из самых ярких представителей такого подхода является, например, Р. Инглхарт. Для предложенной им концепции постматериализма характерно тесное увязывание процессов секуляризации, происходящих в западном мире, с экономическим, демографическими и социокультурными факторами. Одновременно с этим Р. Инглхарт настаивает на «неумолимом значении статистических данных, в целом подтверждающих верность такой интерпретации секулярных процессов, которую им давала гуманитарная наука второй половины XX века». В рамках концепции Р. Инглхарта религия в первую очередь создавала у индивидуумов и целых сообществ ощущение экзистенциальной и материальной безопасности и защищенности. С угасанием роли религии в западном социуме эти функции перешли к светскому государству вкупе с секулярной культурой и экономикой [4, с. 73]. Р. Инглхарт является последовательным критиком современных материалистических социокультурных и философских моделей, однако очевидно, что для него ведущим основанием как практики, так и теории секуляризации являются прежде всего объективные материальные факторы (статистика, демография и т.д.). При этом Р. Инглхарт подчеркивает, что несмотря на эрозию религиозных ценностей в постматериалистическом обществе, их место занимают идеальные ценности «гражданского порядка», например, защита гражданских свобод или решение

проблем, связанных с экологией. При этом упадок организованной религии в западном мире представляется Р. Инглхарту неизбежным в силу объективных социально-экономических причин [2, с. 176]. Похожей позиции придерживаются и другие сторонники этого подхода, которые, в отличие от Р. Инглхарта, являются последовательными сторонниками материалистического понимания феноменов религии и культуры. Так, канадский философ и социолог религии Д. Шрусбери прямо утверждает, что философские основания теории секуляризации берут свое начало из предложенных О. Контом стадий развития человечество. Очевидно, что, если принимать логику рассуждений Д. Шрусбери, из нее с неопровержимой силой следует обреченность организованной религии перед лицом научно-технического и социально-культурного прогресса [10, с. 121]. Д. Шрусбери настаивает, что «секуляризация столь же естественный процесс, как, скажем, рост дерева или эрозия почвы. Не нужно только забывать, что, подменяя реальные процессы идеями, мы рискуем потерять суть обсуждаемого вопроса. Изобретение пенициллина нанесло больший удар по организованным формам религии, чем Лютер». Можно сказать, что в случае с теориями Р. Инглхарта и Д. Шрусбери мы сталкиваемся с «мягким» и «жестким» вариантами подхода к секуляризации [4, с. 112]. В первом случае отмечаются многочисленные негативные стороны секуляризационных процессов (в частности, кризис сугубо материалистических ценностей, долженствовавших заменить религиозные). Во втором случае подчеркивается лишь оправданность и неизбежность секуляризации, которая полностью увязывается с общим ходом научно-технического прогресса. Для обоих вариантов характерны общие существенные черты. Они заключаются в признании секуляризационных процессов детерминированными объективными причинами, кроющимися прежде в социокультурной и экономической сфере. Р. Инглхарт не отрицает актуальности экзистенциальных оснований для

трансформации религиозных ценностей в гражданские идеалы эпохи постматериализма, однако обращает внимание на подчиненность этих оснований объективным детерминированным факторам. Д. Шрусбери прямо отказывает нематериальным причинам секуляризации в какой-либо объективной значимости [9, с. 303]. В обоих случаях секулярный индивид и секулярное общество в большей или меньшей степени объекты происходящих с ними изменений, а их субъектность подчинена своеобразной «логике истории» или «логике прогресса» [7, с. 9]. Тем самым, в рамках данного подхода теория секуляризации определяется и обосновывается неопозитивистской методологией, подчеркивающей «реальные» и утилитарные стороны исследуемых процессов.

Принципиальная разница обоих подходов, несомненно, усложняет и при этом обогащает проблему, связанную с философским осмыслением процесса секуляризации и связанной с ним философско-религиоведческой концепции. Экзистенциальный подход, определяющий соотношение секуляризации и секуляризованного индивида как «вовлеченность» (involvement) человека в пространство религиозных и квазирелигиозных смыслов, подчеркивает роль индивида как творца новых смыслов в постсекулярном мире [10, с. 134]. Неопозитивистский подход, на наш взгляд, неоправданно жестко детерминирует секуляризационные процессы объективными безличными социально-экономическими закономерностями, доводя эту безличность до такой степени, что в рамках данного подхода секуляризация кажется просто объективной данностью, не зависящей от личностей, в реальности являющихся ее субъектами в той же мере, как и объектами.

Методологически корректным вариантом разрешения противоречий, заложенных в основе теории секуляризации, могло бы стать, на наш взгляд, использование гипотезы «расколдованного общества», предложенная Ч. Тейлором [4, с. 76]. Опираясь на концепт «расколдовывания мира» М. Вебера,

Ч. Тейлор полагает, что постепенное исчезновение идеологической функции религии из западноевропейской социокультурной повседневности вызывает к жизни превращенные формы религиозного сознания, выражающиеся прежде всего в политических идеологиях и социально-политических движениях. Тем самым постулируется, с одной стороны, зависимость секуляризационных процессов от архетипических картин мироустройства, неизменно присутствующих в массовом сознании и провоцирующих создание квазирелигиозных идейных систем и концептов, позволяющих заполнить возникающую пустоту [8, с. 11]. С другой стороны, гипотеза Ч. Тейлора учитывает историческую конкретику ситуации, в которую была вовлечена Западная Европа в период Реформации и Просвещения, при этом подчеркивая, что рассматривать феномен секуляризации в отрыве от совокупности сложных социальных, культурных и научно-технических изменений, характерных для рассматриваемой эпохи было бы непродуктивно. Тем самым, на наш взгляд, создается почва для диалога между сторонниками двух подходов к секуляризации как социокультурному процессу.

Р. Инглхарт полагает, что исследование судеб организованных конфессий в Западной Европе через призму секуляризационной теории имеет, помимо прочего, важное прогностическое значение. По мнению исследователя, вдумчивое и корректное изучение секуляризационных процессов дает понимание дальнейших путей их развития, предоставляет ученому своеобразную «дорожную карту» дальнейшего развития проблемы [4, с. 157]. На наш взгляд, в утверждении Р. Инглхарта присутствует очевидное логическое и методологическое упрощение. Данное утверждение является верным только при ретроспективной оценке секуляризационных процессов, происходивших в Западной Европе на протяжении последних двух столетий, как неизбежных и детерминированных закономерностями, которые известны ис-

следователям. Однако говорить о таких закономерностях представляется, по крайней мере, опрощенным. Например, процессы секуляризации в католических европейских странах выглядят гораздо менее однозначными и необратимыми, чем в протестантских. При общей очевидности утверждения светской культуры и гуманистической идеологии в качестве замены традиционного религиозного дискурса, прогноз об их дальнейших метаморфозах также был бы неоправданной примитивизацией реальности. Между сторонниками теории секуляризации до сих пор нет согласия по вопросу о том, является ли необратимым триггером секуляризационных процессов фактор государственного принуждения («культуркампф» в Германии, подорвавший влияние католической церкви в областях Германской империи, традиционно тяготеющих к католицизму) или в качестве такового может выступать стихийный, «низовой» протест «расколдованного человека» против традиционных форм религиозного сознания, потерявших прежнее значение (Реформация в Нидерландах второй половины XVI века) [3, с.18].

В целом, перспективы теории секуляризации определяются не только ее научными возможностями, которые, несомненно, велики, но и заложенными в ней основаниями для диалога между сторонниками неопозитивистского и «гуманитарного», экзистенциалистского подхода к философии и социологии религии. Намеченные нами противоречия в рамках рассматриваемой теории являются плодотворными постольку, поскольку способствуют выяснению выяснению той социокультурной ситуации, которая постепенно сложилась в Западной Европе за последние два столетия в связи с утратой организованной религией своей всеобъемлющей идеологической и интеграционной функции.

Литература

1. Белла Р. Религия в человеческой эволюции. М: ББИ, 2019. 741 с.

2. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Интермедиа, 2017. 347 с.
3. Пряжникова О.Н. Религиозный фактор и социально-экономическое развитие // Экономические и социальные проблемы России, 2015. № 1. С. 8–29
4. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 955 с.
5. Сафронов Э.Е. Рец. на книгу Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2019\ \ Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 4. Т. XXII. С. 243–256.
6. Узланер Д.Е. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
7. De Waal F. The Age of Empathy: Natures Lesson for a Kinder Society. New York: Harmony House, 2009. 320 p.
8. Vasquez S. A Struggle for conscience: Spanish Catholicism during pre-revolutionary era. Missouri: Jackson & son, 2012. 400 p.
9. Shrusbery G. The eternal Religion: A Scientific Approach. London: University Press. 2012. 644 p.
10. Williams D. Violence and Religion: A Study in modern Sociology. Vancouver: Hillside, 2007. 512 p.

THEORY OF SECULARIZATION IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF THE MODERN PHILOSOPHY OF RELIGION

Lutsenko A.V.

Far Eastern Federal University

The text is devoted to the current state of the theory of secularization and the identification of the philosophical foundations of this theory. Noting, following the researchers of this problem, the non-obviousness of approaches to solving this issue. The author proposes to classify all theories of secularization according to their philosophical and methodological foundations. Thus, the article highlights the neo-positivist theories of secularization, closely related to the deterministic and materialist view of religion and the evolution of culture, and existentialist theo-

ries, associated, first of all, with the perception of religious consciousness as the most important personal characteristic, closely related to the spiritual intentions and intellectual evolution of individuals. constituting modern society. The author emphasizes that the overwhelming majority of modern researchers of the theory of secularization take into consideration only the so-called «Western world», which can be called a kind of «experimental field» for the emergence of secular culture and secular thinking.

Keywords: secularization, determinism, neo-positivism, philosophy of religion, existentialism, modernity.

References

1. Bella R. Religiya v chelovecheskoy evolyutsii [Religion in Human Evolution]. M: BBI, 2019. 743 S. (In Russian)
2. Inghart R. Kul'turnaya evolyuciya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. M.: Intermediator, 2017. 347 s. (In Russian)
3. Pryazhnikova O.N. Religioznyj faktor i social'no-ekonomicheskoe razvitie [Religious factor and socio-economic development] // Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii, 2015. № 1. S. 8–29 (In Russian)
4. Tejlor CH. Sekulyarnyj vek [Secular Age]. M.: BBI, 2017. 955 s. (In Russian)
5. Safronov E.E. Rec. na knigu Uzlaner D. Konec religii? Istoriya teorii sekulyarizacii. [Review of the book Uzlaner D. The End of Religion? History of the theory of secularization]. M: Izd-vo Vyshej shkoly ekonomiki, 2019\ \ Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2019. № 4. T. XXII. S. 243–256. (In Russian)
6. Uzlaner D.E. Konec religii? Istoriya teorii sekulyarizacii [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. M: Izd-vo Vyshej shkoly ekonomiki, 2019. 240 s. (In Russian)
7. De Waal F. The Age of Empathy: Natures Lesson for a Kinder Society. New York: Harmony House, 2009. 320 p. (In English)
8. Vasquez S. A Struggle for conscience: Spanish Catholicism during pre-revolutionary era. Missouri: Jackson & son, 2012. 400 p. (In English)
9. Shrusbery G. The eternal Religion: A Scientific Approach. London: University Press. 2012. 644 p. (In English)
10. Williams D. Violence and Religion: A Study in modern Sociology. Vancouver: Hillside, 2007. 512 p.(In English)

Представления о личности в творчестве русского мыслителя В.Г. Рождественского

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА

E-mail автора: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу представлений о личности русского мыслителя В.Г. Рождественского с психолого-персоналистическим осмыслением всех элементов его произведений. Для него поиск смысла жизни является признаком подлинного человеческого бытия. В адаптации к миру учащегося оно выполняло важнейшую функцию, являясь рациональным ядром личности, опираясь на фундамент мировой культуры, внедряя в жизнь обучаемого субъекта нравственные и религиозные ценности. Автором проведен историко-критический обзор в социально-философских представлениях. Философское мировоззрение решает жизненные задачи человека теоретическим методом, формируя логическое мышление. Использование В.Г. Рождественским личностной терминологии предусматривает понимание под личностью человека-субъекта, пишущего духовные книги, собирающего древние христианские предания о вероучении Христа. Такая личность дает критику разума, рационализма, критику претензий разума на власть над миром, указывая на пределы рационального в этом мире. Для нее характерен опыт самопознания, осмысление идеи бессмертия и своего «Я», философской реконструкции прошлых лет, формулирование выводов из метафизического умозрения и умение подвести жизненные итоги бытия. Он не считал, что психология, сориентированная на решения проблем философского характера, основывающаяся деятельность на интроспективном самонаблюдении, и носящая метафизический оттенок, должна оставаться в далекой истории.

Ключевые слова: Личность, нравственность, философско-критический подход, человек, достоинство, смысл жизни, бытие, адаптация, религиозные ценности, потребность, мышление.

К числу историков-социологов, оказавших влияние на русскую мысль XIX–XX века допустимо причислить доцента Санкт-Петербургской духовной академии и профессора богословия Санкт-Петербургского университета В.Г. Рождественского (1839–1917). Он окончил Новгородскую духовную семинарию (1860), а на следующий год успешно поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (СПбДА). По окончании академических курсов (1965) был распределен в штаты Казанской духовной академии на должность бакалавра по кафедре логики, истории, философии и нравственной философии [1]. Решением Совета академии он избирается (1869) доцентом по кафедре Священного писания Нового [6] Завета [5]. По указу Российского министра народного просвещения он (1874) утверждается на должность профессора по дисциплине «православное богословие» в штат Санкт-Петербургского университета с одновременным преподаванием в СПбДА. В этом же году в декабре его рукополагают в священнический сан и причисляют в Петропавловскую университетскую церковь, а через 4 года Советом академии присваивают звание «экстраординарный профессор академии». В.Г. Рождественский широко применял в своих произведениях личностную терминологию и конкретно понятие «личность», что рассмотрено далее.

- «возражения переступают, по нашему мнению, пределы, в каких умел удержаться при своей историко-критической оценке личности и сочинений епископа Евсевий» [2].
- «после этого, как бы мы ни судили о личности Папия и о достоинстве его сочинений, на основании сохранных нам Евсевием отрывков из них».

В данном текстовом фрагменте понятие «личность» означает собственно

человека, как свободно-разумного индивидуума и христианского писателя (Евсевия) или описываемой им исторической персоны (Папия) другого христианского публициста на темы бытия и существования. При этом «экзистология и эссенциология не исключают, а предполагают друг друга, рассматривая существование в их взаимообусловленных пределах» [12, 452].

- Существовать, – означает быть за границей сущностной сферы бытия, в пространстве абсурда и непостижимости, необъяснимой иррациональности, без смыслов и целей бытия.
- Сущность означает бытие за границей сфер существований в пространстве чистой абстракции, хотя и умопостигаемой, но недоступной рационально-эмпирическому контролю.

Человек существует между двойственностью души и тела, между двоякостью идеи и материи, связывая в самом себе, в своей личности мир в единое целое, как об этом писал советский поэт А. Тарковский.

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд,
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Следует добавить и тот факт, что основные философско-религиозные направления, изучающие человека, различались изначальной ориентацией на иные миры. Объективно-платоновский и трансцендентально-кантовский идеализм, включая аспекты гуссерлевской феноменологии допустимо отнести к философии чистой идеи и формы. Для эмпиристов, позитивистов, материалистов и сциентистов философские идеи касаются осмысления мира объектов в их материальной выраженности и независимости от субъектов. И одновременно, учения персонализма, экзистенциализма, теологические верования о природе, духе и душе человека относятся к филосо-

фии субъектного мира. Для восприятия этих идей человек должен быть воспитан в свободном обществе и на свободном мышлении. «Извечное рабство не дает расти. Рабы остаются детьми, не вырастают. И глобальное, итоговое их сообщество, страна – инфантильное чудовище» [8, 184]. В эту историческую пропасть попала царская Россия. В начале XX века общественные реформы были постепенно подменены технологиями массовых манипуляций общественным сознанием. А естественные массово-социальные движения, рухнув, оставили после себя население в виде толп особого типа, состоящих из «человека массы» (исследованного Ортега-и-Гассетом). Этому «человеку массы» когда он появился в целом ряде стран на арене истории, оказались свойственны культ невежества, ненависть к культуре, высокое стремление к комфорту и личному спокойствию, отказ от любой критической и религиозной мысли, а главное – открытое желание делегировать любые свои юридические и избирательные, экономические и даже семейные права целиком в ведение государства. На деле это означало «выведение совершенно иной, новой породы существ, только искусственно человекоподобных» [8, 184].

– «собирал предания о происхождении их от древнейших пресвитеров, занес предания в свои книги, хотя сам лично считал живое, устное предание об учении Иисуса Христа полезнее книжных сведений».

– «при такой авторизации, их личности отдельных писателей, несмотря на то, что это были апостолы и их спутники, отступали на задний план».

Данное использование личностной терминологии предусматривает понимание под личностью человека-субъекта, пишущего духовные книги, собирающего древние христианские предания о веровании Христа. Такая личность дает «критику разума, рационализма, критику претензий разума на власть над миром, указывая на пределы рационального» [11, 379] в этом

мире. Для нее характерен опыт самопознания, осмысление идеи бессмертия и своего «Я», философской реконструкции прошлых лет, формулирование выводов из метафизического умозрения и умение подвести жизненные итоги бытия. Важной составляющей христианского мира является красота и эстетический взгляд на действительность. Современник В.Г. Рождественского русский философ-интуитивист Н.О. Лосский видел максимальное выражение красоты именно в метафизической сфере, понимая эстетический аспект бытия в контексте личностного существования, как своеобразную аксиологичность. В своих рассуждениях он противопоставлял идеал Иисуса Христа как религию любви, свободы и терпимости религиозному фанатизму, изуверскому аскетизму и пассивному обрядоверию. Окружающий человека мир отражает многообразие людей и их взаимоотношений, невыразимое через абстрактные схемы, обрисовывающие как структуру и строение человека, так и общество.

- «имела бы смысл оппозиция Маркиона против авторитета евангелий, если бы эти евангелия были частыми писаниями, предоставленными личному, произвольному употреблению каждого, подобно обыкновенным книгам»?
- «читавший по сочинениям их и познакомившийся с их образом мыслей посредством личной беседы с некоторыми».
- «по личному авторитету его, как одного из двенадцати апостолов и возлюбленного ученика Иисусова, и по возвышенному характеру содержания, его называли евангелием духовным» [3],

Под «личными» беседами, «личным» авторитетом, «личным» употреблением книг очевидно имеются ввиду беседы конкретных людей друг с другом в форме диалогов, моральное влияние конкретного социального субъекта человека на общество или ближний круг различных людей, персональное чтение книг конкретным человеком.

Возможно, обсуждение мыслей, имеющих свою «афористичность, парадоксальность, анти-систематичность, провокативность» [11, 377]. Религиозную личность характеризует реальная направленность переживаний существующего и показывающего «свое отношение к религиозной вере человека» [9, 430], преодолевшего множество мучительных сомнений, разъедающее влияние критицизма и прочие элементы антиномичности философских рефлексий. Человек обретает непротиворечивое сочетание ценностей философских наук, картины мира религиозной метафизики и личной веры, закреплённой жизнью в Церкви.

- «и это чтение их стало для верующих заменой личного присутствия, личных наставлений апостолов, ибо слушая писания, верующие как бы видели лицом к лицу их самих, слышали их голос».
- «сам Евсевий лично, как оригенист и антихилиаст, склонялся также на сторону Дионисия Александрийского».
- «это нимало не подрывает в наших глазах доверия к их свидетельству, так как личное в их воззрениях, легко отделить от общего предания церкви».
- «относительно происхождения послания к Евреям Ориген, признавая его авторитет, имел свое личное мнение, отличное от предания».
- «также и сам лично он явно склоняется в пользу канонического признания всех семи соборных посланий».
- «им же лично, было вручено многим из поименованных в написании церквам».

Термины «личное», «личных», «личное» в отношении присутствия, наставлений, означают непосредственное существование человека с человеком буквально «лицом к лицу». Личность проявляет тот факт онтологии бытия, что «каждый из нас неповторим, но есть что-то глубинное, что нас связывает, делает близкими и интересными друг для друга». Каждого посещает «мысль о присутствии Бога, о встрече

человека с Богом» [10, 271]. Ибо Божественная Личность – это цель, к которой стремится человеческая личность, ипостась, – именно это подразумевается под словом «обожение» в православии. И это не образность, а жизненная реальность проникновения духа человека в метафизическое бытие. В котором «человеческие личности становятся взаимно-проницаемыми друг для друга через любовь. И в определенном смысле проницаемыми для любви Божественных Личностей» [7, 506–507].

- «в связи с личною общеизвестностью автора, проведшего годы среди церковью малоазийских, делало приобретение послания желательным».
- «читатели-христиане, получившие описание апостольское, имели, полную возможность получить все самые точные сведения как относительно личности автора, так и о других обстоятельствах полученного писания».
- «относительно Апокалипсиса – в пределах восточной церкви сомнения о нем не переходили границ частного, личного взгляда учителей церкви».
- «он обращался к ним не случайно, не по риторическим побуждениям только, но по сознанию действительной важности их, особенного значения».

В вышеприведенных текстах также смысловое наполнение термина «личность» ограничивается указаниями на общеизвестность человека как социально-религиозного индивидуума, на его авторство в отношении различных полученных от него и от его имени писаний, на частный характер любой личности или любого личного чувства человека. Личность при этом соединяется и даже отождествляется не только с человеческим поведением, но и с человеческим сознанием. По сути дела, речь шла о человеке – личности, как носителе субстанциального «Я», проблематика которого в эти годы активно разрабатывалась представителями русского метафизического пер-

сонализма Юрьевской философской школы. Она выступала с критикой идеи Д. Юма и разных адептов позитивизма – «психологии без души». Активный защитник русского метафизического персонализма философ А.А. Козлов, убедительно доказывал несостоятельность любых учений о том, что «Я» человека:

- не является первичным онтологическим началом человеческого бытия,
- является производной функцией природы или души,
- означает предстание, образующееся в итоге скопления бесчисленных самоощущений человека и его чувств, тесно взаимосвязанных друг с другом ассоциациями.

Считая субстанцию «Я» монадой, А.А. Козлов отрицал материализм, против которого выдвигал гносеологическую систему аргументации, доказывая, что в опытно-экспериментальных исследованиях могут быть обнаружены лишь психологические процессы и элементы «Я» как их субстанциального носителя. Познанию же доступно лишь то, писал чуть позднее русский философ Н.О. Лосский, что имманентно сознанию человека. Ибо сами эмпиризм и рационализм показали односторонность рассуждений, преодоленную критикой И. Канта. В контексте этих идей субстанциальность «Я» означала достоверное знание, не противоречащее христианскому теизму.

- «эти христианские партии, пришедшие к полному сознанию принципов, разделявших их не были склонны к взаимному сближению и примирению».
- «с четвертого века стало развиваться между представителями церкви сознание необходимости и важности установить общий вселенский канон».
- «все верующие, под влиянием борьбы с еретиками, пришли к сознанию необходимости и важности собрания в одно целое апостольских писаний».

Идея единства, таким образом, постепенно охватывала не только библей-

ское наследие, но и христианское мировоззрение в принципе, включая как домостроительное божественное мироустройство, так и вероучение о человеке.

- «для верующего не простое доверие к историческим свидетельствам должно делать несомненную подлинность апостольских книг, но нравственное сознание высоты, непогрешимости авторитета Церкви».
- «они могли не войти еще в общее сознание церковное, не сделались достоянием всеобщего предания и, убеждения».

Использование терминов, касающихся сознания и проявлений человеческой сознательности не только подчеркивает личностную направленность их применения, но и указывает однозначно, что именно благодаря этой черте личности человек осознает принципы поведения и бытия. Вследствие сознания приходит понимание к верующим людям необходимости и важности установления всеобщности вселенского канона, желание собрать в единый целостный корпус апостольские писания. Сознание побуждает нравственные помыслы и высшие в духовном отношении поступки, сообщает мысли и веру в непогрешимость авторитета христианской церкви.

- «Тертуллиан, с полным сознанием силы и правоты, приглашал еретиков обойти церкви апостольские, чтобы видеть подлинные писания апостолов»,
- «начала церковно-библейской критики можно назвать, опирающиеся на доказательства, заимствуемых из собственного бытия и сознания церкви».

В данном контексте сознание приписывается как человеку – учителю церкви Тертуллиану, сообщая непосредственно ему силу духа и правоту побуждений и деяний, так и церковному сообществу в целом. Иными словами, речь идет об обобщенном религиозном сознании и бытии церковного организационно-мистического организ-

ма в окружающем людей мире порока и соблазнов.

- «различие языка апостолов имеет основание сколько в личности писателя, владевшего в совершенстве греческой речью (ап. Павел и ев. Лука были более знакомы с греческим языком, чем ап. Матфей, Петр и Иоанн), столько и в характере писаний, дозволявших большую свободу речи» [4].
 - «разосланы ими через доверенных сотрудников своих разным Церквам и лицам или же вручены ими тем и другим самолично».
 - «высшее наблюдение над исправлением текста Папа принял лично на себя и даже сам перечитывал и поправлял корректурные листы».
- Термины «самолично» или «лично» значат в данных случаях собственное исполнение самим собой того или иного действия – прочитывания или корректурной правки текстов, а также высказывание тех или иных слов непосредственно человеком, как должностным чиновником или доверенным лицом.
- «всякий новый успех в раскрытии и уяснении для христианского сознания тайн Божественного Откровения стоял в тесной связи с более глубоким и широким проникновением в смысл письменных памятников».
 - «при начале распространения апостольских писаний здесь должно было явиться общее сознание нужды – перевести их на родной язык страны».
 - «они сознавали всю недостаточность своего знакомства с греческим языком для важного дела».
 - «это было в них делом внутреннего сознания и убеждения, выработанного обстановкой жизни, благоприятные внешние обстоятельства помогли им осуществить с успехом то, к чему их влекло призвание».
 - «то, что сначала было для них делом лишь внутреннего сознания и подвига, стало потом неотложною необходимостью благоприятно сложившихся внешних обстоятельств».

Сознание в этих приведенных примерах несет на себе функции внутреннего состояния человека в пространстве его личности, оно управляет убеждениями, побуждая к подвигам, хотя и позволяет ощущать собственную некомпетентность, например, в деле переводов на греческий язык.

Литература

1. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. – М: Академический проект, 2018. – 587 с.
2. Рождественский В.Г. История новозаветного канона. // СПб. Христианское чтение. 1872. № 10.
3. Рождественский В.Г. О книгах Новозаветных неканонических, употреблявшихся в христианской Церкви II и III века. // СПб. Христианское чтение. 1875. № 7.
4. Рождественский В.Г. Историческое обозрение священных книг Нового Завета. // СПб. Христианское чтение. Выпуск I. 1878.
5. Рождественский В.Г. Конспект лекций по священному писанию Нового Завета, читанных студентам 1 и 2-го курсов СПб духовной академии. – СПб: Типолитография Яздковского, 1887. – 105 с.
6. Рождественский В.Г. Конспект лекций по священному писанию Нового Завета, читанных студентам 1 и 2-го курсов СПб духовной академии. – СПб: Литография Гробовой, 1889. – 99 с.
7. Лаут Э. прот. Современные православные мыслители: от «Добротолубия» до нашего времени. – М: Паломник, 2020. – 620 с.
8. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. – М: Лабиринт, 1996. – 432 с.
9. Психология религии в России XIX – начала XX века: коллективная монография. – М: ПСТГУ, 2019. – 536 с.
10. Рябов П.В. Экзистенциализм. Возраст зрелости. –М: Панглосс, 2019. – 368 с.
11. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. –М: Панглосс, 2019. – 463 с.
12. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. – СПб: Алетейя, 2020. – 544 с.

IDEAS ABOUT THE INDIVIDUAL IN THE WORK OF THE RUSSIAN THINKER V.G. ROZHDESTVENSKY

Sizintsev P.V.

Graduate of the graduate school of MPDA

The article is devoted to the analysis of the ideas about the personality in the work of the Russian thinker V.G. Rozhdestvensky with a psychological and personality understanding of all the elements of his works. For him, the search for the meaning of life is a sign of genuine human existence. In adapting to the world of the student, it performed the most important function, being the rational core of the individual, relying on the foundation of world culture, introducing moral and religious values into the life of the student. The author conducted a historical and critical review in social and philosophical views. The philosophical worldview solves a person's life problems by a theoretical method, forming logical thinking. V.G. Rozhdestvensky use of personal terminology provides for the understanding of a person as a person-a subject, who writes spiritual books, collects ancient Christian traditions about the faith of Christ. Such a person gives a critique of reason, rationalism, a critique of reason's claims to power over the world, pointing out the limits of the rational in this world. It is characterized by the experience of self-knowledge, comprehension of the idea of immortality and the "I", philosophical reconstruction of past years, the formulation of conclusions from metaphysical speculation and the ability to sum up the life results of being. He did not believe that psychology, focused on solving problems of a philosophical nature, based on introspective self-observation, and bearing a metaphysical connotation, should remain in distant history.

Keywords: Personality, morality, philosophical and critical approach, person, dignity, meaning of life, being, adaptation, religious values, need, thinking.

References

1. Zhdan A.N. History of Psychology: from Antiquity to the Present. – М: Academic project, 2018. – 587 p.

2. Rozhdestvensky V.G. History of the New Testament Canon. // SPb. Christian reading. 1872. No. 10.
3. Rozhdestvensky V.G. About the books of the New Testament non-canonical, used in the Christian Church of the 2nd and 3rd centuries. // SPb. Christian reading. 1875. No. 7.
4. Rozhdestvensky V.G. Historical review of the sacred books of the New Testament. // SPb. Christian reading. Issue I. 1878.
5. Rozhdestvensky V.G. Synopsis of lectures on the Holy Scriptures of the New Testament, read to the 1st and 2nd year students of the St. Petersburg Theological Academy. – St. Petersburg: Yazdovsky's Typolithography, 1887. – 105 p.
6. Rozhdestvensky V.G. Synopsis of lectures on the Holy Scriptures of the New Testament, read to the 1st and 2nd year students of the St. Petersburg Theological Academy. – St. Petersburg: Lithograph by Grobovoy, 1889. – 99 p.
7. Louth E. prot. Contemporary Orthodox thinkers: from "Philanthropy" to our time. – M: Pilgrim, 2020. – 620 p.
8. Mamardashvili M.K. Need for yourself. – M: Labyrinth, 1996. – 432 p.
9. Psychology of religion in Russia XIX – early XX century: a collective monograph. – M: PSTGU, 2019. – 536 p.
10. Ryabov P.V. Existentialism. Age of maturity. – M: Pangloss, 2019. – 368 p.
11. Ryabov P.V. Existentialism. Formation period. – M: Pangloss, 2019. – 463 p.
12. Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. – SPb: Aleteya, 2020. – 544 p.

Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни

Виноградова Глория Валерьевна,

аспирант кафедры социальной работы и социальной антропологии Института социальных технологий и реабилитации Новосибирского государственного технического университета
E-mail: deaconess@gmail.com

В статье представлено формирование динамической модели процесса маргинализации бездомного человека. Рассматриваются отечественные и зарубежные концепции маргинальности, их варианты и виды маргинальности. Рассматриваются также концепции социальной эксклюзии, указано, что их виды и уровни сопоставимы с видами маргинальности и могут быть применимы к теории бездомности. Показано, что многоуровневость процесса бездомности подтверждается как самими вариантами теории маргинальности и социальной эксклюзии, а также схемами европейских исследователей бездомности. Обозначена европейская типология бездомности, как доказательство того, что бездомность может быть представлена в различных аспектах, в зависимости от вида эксклюзии, физического, правового или социального. Доказывается, что в отношении феномена бездомности маргинальность и социальная эксклюзия являются двумя сторонами одного динамического процесса. Предлагается схема маргинализации бездомного человека, в соответствии с уровнями отчуждения (эксклюзии), которую в дальнейшем планируется верифицировать с помощью эмпирического исследования.

Ключевые слова: бездомность, типология бездомности, маргинальность, социальная эксклюзия.

Исследование феномена бездомности невозможно без обозначения теоретического контекста положения данной категории в социуме и определения основных понятий, связанных с его изучением. В современной науке используется множество понятий и теорий, которые можно применить к его исследованию. Концепция бедности и социальной депривации, теории девиантного поведения, концепции маргинальности, и, в последнее время получающие все большую известность в России, концепции *underclass'a* и социальной эксклюзии – все они упоминают о бродягах и бездомных. Необходимо рассмотреть каждую концепцию в соотношении с нашей проблематикой и определим место каждому понятию в нашем исследовании.

Весьма распространенной в научной среде (особенно это касается отечественных социологических школ) является точка зрения, согласно которой люди без определенного места жительства представляют собой образец классических маргиналов, «социально дно». Такая позиция верна лишь отчасти. Как известно, термин «маргинальность» (позднелат. *marginalis* – находящийся на краю, лат. *margo* – край, граница) используется социологами в двух смыслах. Во-первых, в изначальном смысле это понятие обозначало промежуточность, «пограничность» человека между противоположными, конфликтующими социальными группами, обуславливающая особый вид его поведения. В дальнейшем это понятие получило более широкое распространение и стало обозначать также людей, оказавшихся в силу ряда объективных и субъективных причин «на обочине» общества. В различных контекстах и в зависимости от типа исследования (политическое, экономическое, социальное, культурное и т.д.), понятие маргинальности трактовалось по-разному.

В процессе его эволюции и уточнения, появился целый ряд значений понятия, отношение к которому также было неоднозначным: представляется возможным проследить ряд утверждений – от «всеобщей маргинализации в кризисном социуме», о которой говорят некоторые исследователи [1] до другой крайности, когда понятие «маргинальный человек» называлось не иначе, как «социологической фикцией» [2]

Условно, существуют две традиции толкования понятия маргинальности. Первая, представленная чикагской школой социологии, акцентирует внимание на активной компоненте понятия «маргинальная группа». Под маргиналами подразумеваются, в первую очередь, люди и группы, противостоящие (на когнитивном, аксиологическом или поведенческом уровне) окружающему миру, господствующим социокультурным нормам и традициям. Американские ученые обнаружили, что в ситуации маргиналов, находится значительная и весьма активная часть американского общества (этнические и религиозные меньшинства, представители нетривиально мыслящей художественной и научной интеллигенции и др.). Американский подход подчеркивает активную позицию маргинальных личностей и групп в ходе в ходе своеобразного (реального или вымышленного) столкновения маргиналов с окружающим миром. Поэтому маргинальные личности и социокультурные среды – это своеобразные носители духовных и исторических новаций в процессе развития человечества.

В европейских, в частности, французских исследованиях маргинального типа личности (А. Фарж, Ж. Леви-Стрэнже, К. Рабан.и др.), акцент делается на его поведенческих особенностях – девиации, пассивности (или же, напротив, агрессивности), аморальности и т.п. Основной же предпосылкой маргинальности французские исследователи считают бедность, тесно связанную с безработицей. Цель европейского подхода – изучить объективные социальные предпосылки формирования

данного типа личности. Обычно здесь говорится об отработанном, механизированном процессе, в ходе которого отдельные индивиды и группы просто вытесняются на периферию общества и вынуждены вести образ жизни, резко отличающий их от основной массы преуспевающих членов общества. Здесь изначально подразумевается социальная пассивность слабозащищенных личностей и групп, невозможность сопротивляться объективным обстоятельствам. Процесс маргинализации личности, как процесс социальной эксклюзии, «выталкивания на обочину» социальных структур до сих пор недостаточно изучен. Представляется возможным, что это во многом обусловлено тем негативизмом, который обозначает слово «маргинал» в данном ключе. Маргинал-мигрант, новый человек, интеллигент и новатор представляется лучшим объектом для исследования, чем маргинал-девиант, оказавшийся, в том числе и по своей вине на обочине социальной структуры.

Принимая во внимание то, что единой концепции маргинальности ни в отечественной, ни в западной науке не существует, остановимся на определении маргинальности согласно позиции А.И. Атояна. Он понимает под маргинальностью прежде всего разрыв социальной связи между индивидом или общностью и более высшей реальностью, в качестве которой, как правило выступает общество с его нормами, взятое в качестве объективного целого. Данное определение удовлетворяет требованиям нашего исследования по двум причинам: во-первых, оно представляет маргинальную личность не как статическую величину, но представляет маргинальность как свойство, динамическую характеристику, присущую личности. Маргинальны не люди сами по себе, а их связи и отношения, ослабление, деформация и отсутствие которых вызывает феномен маргинальности [3] (Кроме того, такой подход объясняет трудности в определении понятия маргинальности – динамические величины всегда с трудом поддаются

описанию) Принимая такую точку зрения можно рассматривать бездомность как процесс формирования и закрепления маргинального статуса. Во-вторых, из предварительных исследований бездомности видно, что этот процесс неизменно предполагает разрыв социальных связей и отношений. Используя теорию А.И. Атояна, который проводит системный анализ разрыва связей, мы сможем проследить оный в отношении категории бездомных.

Родоначальник теории маргинальности Р. Парк, который, как известно, был также родоначальником такой отрасли социологического знания, как социальная экология, строил схему социальной эволюции подобно эволюции биологической в виде четырех стадий с соответствующими им порядками, которые проходит каждый социальный организм. Каждый порядок или стадия социальной эволюции основана на соответствующем типе взаимодействия. Парк выделяет следующие уровни:

1. Пространственный (экологический);
2. Экономический
3. Политический
4. Культурный (моральный)

Названия порядков в разных работах Р. Парка могли именоваться по-разному, неизменным оставалось количество порядков – четыре. Мера продвижения к высшему, т.е. культурному порядку закрепляется последовательным усилением социальных связей, обуздывающих природные (биотические) стихии.

Как справедливо замечает А.И. Атоян, важность изучения первой концепции маргинальности в том и состоит, что все последующие, даже игнорируя факт ее существования, не в состоянии выделить сколько-нибудь единый критерий маргинальности, который бы устроил всех исследователей.

Сам процесс маргинализации здесь понимается как последовательный и параллельный разрыв пространственных, экономических, политических и других связей индивидов или общностей с нормами социального целого. В свою очередь, социальная связь определя-

ется через совокупность обязательств индивида или общности по отношению к такому целому. В данном толковании маргинальности также подчеркивается активная роль личности в процессе ухода от общества и выработки альтернативных, хоть и деформированных, социальных связей и системы ценностных ориентаций. То есть, выбранная нами точка зрения близка к так называемой американской традиции толкования маргинальности.

Что касается второй, условно называемой европейской традиции исследования маргинальности, то представляется, что именно она стала родоначальницей теории социальной эксклюзии, как раз и подчеркивающей роль трансформации общественных отношений в изменении позиции «маленького человека». Сам термин «экслюзия» подразумевает наличие групп или общностей, в определенном смысле находящихся за пределами основного общества, однако относительно природы и причины такого ее исключения согласия еще не достигнуто.

Представляется, что истоки теории социальной эксклюзии были заложены еще К. Марксом в его концепции отчуждения, которое он рассматривал как основную причину всякого рода социальных девиаций. Но, принимая во внимание его теорию общества с его классовой структурой, в его мировоззрении теория социального исключения не могла иметь продолжения.

В эпоху постмодернизма утрачивает свое значение бывшая популярной в индустриальном обществе концепция бедности. На смену поляризованному обществу, имеющему всего два основных слоя – небольшую элиту и, составляющий большую часть населения, «слой бедноты», приходит социум с доминирующим средним классом. Меняется и социологическая теория: теперь это теория горизонтальной стратификации, разделенный на множество слоев, входящих в общественный mainstream – людей, интегрированных в социум, и аутсайдеров или социальных исключенных. Яркий пример такой

концепции – теория социальных полей Пьера Бурдьё, который говорит о социальных полях и системе диспозиций индивидов в социальном пространстве, определяющих социальные практики данного индивида. Экстраполируя эту мысль на категорию социальной эксклюзии можно говорить об отчуждении социального капитала, а также о крайних или пограничных позициях социально исключенных в социальной топологической карте.

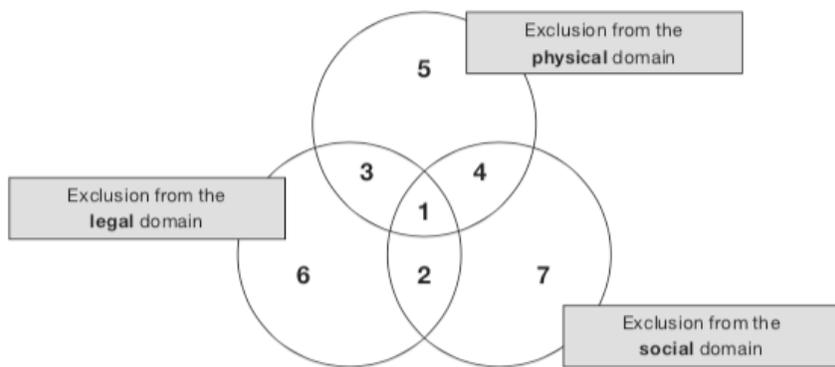
Некоторыми исследователями (М. Вольф) эксклюзия рассматривается как «относительная депривация». Соответственно, выделяется:

- исключение из семьи и сообществ, обеспечивающих личностную интеграцию;
- эксклюзия от средств к существованию;
- исключение из рынка труда;
- исключение из институциональных и правовых систем, обеспечивающих гражданскую интеграцию;
- исключение из систем социальных услуг, благосостояния и систем социальной безопасности; [4]

Все вышеназванные виды социального исключения могут быть также классифицированы, как пространственный, социально-экономический, социально-политический и социокуль-

турный и сопоставимы с соответствующими этапами маргинализации личности.

Что касается практической плоскости применения терминологии, в Европейской федерации национальных организаций по работе с бездомными (FEANTSA) ключевым вопросом считается поиск общего определения бездомности и основных типологий, связанных с этим определением. Исследователи и практики работы с бездомными говорят о Европейской типологии бездомности и жилищной эксклюзии (European Typology on Homelessness and Housing Exclusion (ETHOS)), которая включает в себя следующие термины: исключение из физической (пространственной) сферы, исключение из законодательной (легальной) сферы, исключение из социальной сферы. На основании данных трех сфер, представленных на схеме 1, определяются семь типов бездомности и жилищной эксклюзии. В таблице 1 представлены развернутые варианты бездомности и жилищной эксклюзии. Здесь можно увидеть, что в некоторых случаях у человека есть место, где остановиться и/или права на жилье, тем не менее, он находится в зоне риска остаться на улице в любой момент или по истечении определенного времени.

Source: Edgar et al., 2004

Схема 1. Сферы эксклюзии и семь типов бездомности [5; 22]

Таблица 1. Семь теоретических категорий
бездомности [5; 27]

Концептуальные категории	Операциональные категории	Пространственная сфера	Законодательная сфера	Социальная сфера
Бездомность	1. Без крова	Отсутствие места обитания (крыши)	Отсутствие законного статуса для предъявления права на проживание	Отсутствие частного и безопасного места для социальных отношений
	2. Без дома	Имеет место жительства, пригодное для обитания	Отсутствие законного статуса для предъявления права на проживание	Отсутствие частного и безопасного места для социальных отношений
Жилищная эксклюзия	3. Небезопасное и неадекватное место обитания	Имеет место жительства (небезопасное и неадекватное для обитания)	Отсутствие безопасности при наличии права владения	Имеет пространство для социальных отношений
	4. Неадекватное место обитания и социальная изоляция в рамках законно занимаемого места	Неадекватное место жительства (пребывания)	Законное право и/или безопасное владение	Отсутствие частного и безопасного места для социальных отношений
	5. Неадекватное место жительства	Неадекватное место жительства (пребывания)	Законное право и/или безопасное владение	Имеет пространство для социальных отношений
	6. Небезопасное место жительства	Имеет место жительства	Отсутствие безопасности при наличии права владения	Имеет пространство для социальных отношений
	7. Социальная изоляция в безопасном и адекватном контексте	Имеет место жительства	Законное право и/или безопасное владение	Отсутствие частного и безопасного места для социальных отношений

Данная теоретическая категоризация впоследствии выступает основой для выделения основной типологии бездомных (всего 13 типов) и для оценки ресурсов и форм социальной помощи бездомным людям, профилактики хронической бездомности. Нам бы хотелось подчеркнуть, что многолетние исследования бездомности также привели их к выводу, что феномен бездомности, во-первых, не определяется и не ограничивается фактическим отсутствием жилья, а, во-вторых, включает в себя не только физическую (пространственную) компоненту, но и попытки учесть людей, потенциально являющихся бездомными, а также признание важности социальной компоненты в изучении данного феномена.

В современной России термин социального исключения или социальной эксклюзии тоже применяется в науч-

ной и практической работе с бездомными. Например, администрация Санкт-Петербургского фонда «Ночлежка», работающего с бездомными, считают, что специфика социальной ситуации в нашей стране заключается в том, что для нынешней России характерен процесс глубокой трансформации оснований и механизмов, которые призваны обеспечивать относительную общественную солидарность.

Увеличение спектра социальных и житейских рисков, которым вынужден противостоять каждый человек в своей обыденной повседневности, сформировало у основной массы населения особый тип стратегии индивидуального поведения, который можно назвать как «охранительный». Социальный мир человека при этой стратегии сужается до проблем его личной жизни и непосредственного окружения. Особенно-

му отторжению (выключению из общественной солидарности) подвергаются те, кто по различным причинам оказался неспособным самостоятельно устраивать свою жизнь. Трудности этих людей не воспринимаются относительно благополучными людьми. Это – «посягательство», претензия на индивидуальные истощенные моральные или материальные ресурсы. Чужие проблемы содержат угрозу усложнения собственной трудной и опасной жизни. Поэтому, в лучшем случае, они игнорируются, а в худшем, подвергаются общественному преследованию. Вследствие этого возрастает процесс социального отчуждения различных слоев населения друг от друга. Весь другой мир воспринимается человеком как потенциальная угроза личному неустойчивому благополучию. Нарастает фобия к «иным» как способ защиты приватного мира. На государственном уровне можно увидеть широкий спектр направлений социальной политики на местном уровне в данном вопросе: от полного игнорирования и милицейских преследований до оказания целого комплекса услуг, не всегда эффективно содействующих адаптации. Государство в своей социальной политике до сих пор не дает ответа на вопрос, как общество должно относиться к таким людям.

Заметим также, что с нашей точки социальная эксклюзия также является динамическим процессом, как свойство, присущим определенному типу социума, равно как маргинальность является динамическим свойством личности или социальной общности. В литературе встречается следующее определение: социальная эксклюзия – это процесс маргинализации, связанный с ограниченным доступом к социальным институтам интеграции [7]. То есть социальная эксклюзия – это процесс исключения личности из общества (объективная сторона разрыва с социумом в данной работе), тогда как маргинализация – процесс ухода личности от общества (субъективная сторона разрыва с социумом в нашем исследовании).

На основе двух динамических характеристик возможно построение схемы обозначающей основные этапы и уровни разрыва либо трансформации связей и отношений между человеком и обществом, как на концептуальном, так и на эмпирическом уровне. За основу деления взята концепция маргинальности Р. Парка, о которой было сказано выше. По нашему мнению, Парк не вводит в свою теорию собственно социальную или структурную компоненту, потому что строил схему развития общества в целом. Применяя схему Р. Парка к феномену бездомности, отдельной социальной прослойке, которую даже сложно назвать социальной группой, не приходится говорить о политическом уровне. В то же время одним из ключевых процессов бездомности многие исследователи отмечают процесс разрыва социальных связей. Поэтому в нашей схеме политический уровень эволюции социальной системы дополняется, и даже практически заменяется социальным. Реализация гражданских прав в современном социуме невозможна без доступа к соответствующим институциональным структурам, обеспечивающим социальную интеграцию (табл. 2).

Таблица 2. Критерии отрыва бездомного от общества

Уровни	Эксклюзия	Маргинализация
Экологический (пространственный)	Отсутствие постоянного места жительства и прописки	Феномен жизни на улице
Экономический	Отсутствие постоянной занятости, отсутствие доходов, крайне низкие доходы	Утрата мотивации к труду, жизнь сегодняшним днем, паразитизм и потребительство
Политический (структурный)	Исключение из социальных институтов и процессов	Разрыв социальных связей, деградация социальных ролей
Моральный (культурный)	Негативная идентификация	Неопределенность\ негативность самоидентификации

Парк утверждал, что эволюция социальных организмов происходит последовательно, от биологического к социальному. Здесь возникают первые вопросы относительно нашей схемы. Очевидно, что даже отсутствие постоянного места жительства и прописки, но наличие постоянной работы или дохода, семьи или родственников, поддерживающих человека, не формируют картину бездомности. И наоборот, это подчеркивают многие исследователи, изучавшие данную категорию, существуют люди, как потенциально бездомные, (можно увидеть в Таблице 1. пп. 2–3,) так и люди, имеющие прописку и жилье, но находящиеся на улице по другим причинам (факторам). Таким образом, таблица показывает не столько последовательность стадий, сколько наличие различных уровней, с помощью которых концепция бездомности, предполагающая отрыв личности или группы от социума, может быть описана в динамике. Предполагается, что социальная эксклюзия и маргинальность – это разнонаправленные векторы, показывающие направление «движения», основную движущую силу, обуславливающую разрыв. В дальнейшем предстоит определить, какой уровень или фактор (или их совокупность) был решающим в процессе нисходящей мобильности, где находится «точка невозврата» из-за которой человек, оказавшийся «на улице», не имеет возможности вернуться в общество.

Литература

1. Стариков Е. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989.
2. Golovensky D. The Marginal Man Concept: an Analysis and Critique. *Social Forces*, 1952, Vol. 30, № 3
3. Атоян А.И. Социальная маргиналистика. Об предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. –1993.-№ 6. С. 29–38.
4. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии//Социологический журнал» 2000 № 3–4, с. 5–16.
5. Volker Busch-Geertsema Defining and Measuring Homelessness// Homeless Research in Europe Edited by Eoin O'Sullivan, Volker Busch-Geertsema, Deborah Quilgars and Nicholas Pleace Brussels, 2010 с. 19
6. Волков В.В. «Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных//Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, No 4 (1), с. 366–370
7. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // Общественные науки и современность. – 2001 –№ 2. – С. 158–166.

THE CONCEPT OF HOMELESSNESS AS A PROCESS OF PERSONAL MARGINALIZATION: DIRECTIONS AND LEVELS

Vinogradova G.V.

Novosibirsk State Technical University

The article presents the formation of a dynamic model of the process of marginalization of a homeless person. Domestic and foreign concepts of marginality, their variants and types of marginality are considered. The concepts of social exclusion are also considered, it is indicated that their types and levels are comparable to the types of marginality and can be applied to the theory of homelessness. It is shown that the multilevel nature of the homelessness process is confirmed both by the very variants of the theory of marginality and social exclusion, as well as by the schemes of European researchers of homelessness. The European typology of homelessness is designated as proof that homelessness can be presented in various aspects, depending on the type of exclusion, physical, legal or social. It is proved that with regard to the phenomenon of homelessness, marginality and social exclusion are two sides of the same dynamic process. A scheme of the marginalization of a homeless person is proposed in accordance with the levels of alienation (exclusion), which is planned to be further verified using empirical research.

Keywords: homelessness, homeless typology, marginality, social exclusion.

References

1. Starikov E. Marginal // In the human dimension. M., 1989.
2. Golovensky D. The Marginal Man Concept: an Analysis and Critique. *Social Forces*, 1952, Vol. 30, no. 3
3. Atoyán A.I. Social marginalism. On the premises of a new interdisciplinary and cultural-historical synthesis // *Political studies*. –1993.-№ 6.-p. 29–38.
4. Borodkin F.M. Social exclusions // *Sociological journal* «2000 № 3–4, p. 5–16
5. Volker Busch-Geertsema Defining and Measuring Homelessness // *Homeless Research in Europe* Edited by Eoin O’Sullivan, Volker Busch-Geertsema, Deborah Quilgars and Nicholas Pleace Brussels, 2010
6. Volkov V.V. «Homelessness in modern Russia: the problem of the typology of the homeless // *Sociology. Psychology. Philosophy. Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N.I. Lobachevsky, 2010, No 4 (1), p. 366–370
7. Abrahamson P. Social exclusion and poverty / P. Abrahamson // *Social sciences and modernity*. – 2001 –№ 2. – p. 158–166.

Феномен образования в полидисциплинарных теоретизациях: проблема систематизации

Вихман Виктория Викторовна,

кандидат педагогических наук, кандидат технических наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: vvv@smc.nstu.ru

Целью настоящей статьи является преодоление проблемы недостаточности традиционных исследовательских подходов социально-гуманитарных наук, в части систематизации беспорядочных, полидисциплинарных теоретизаций феномена образования, представленных в форме его идеальных пространственно-временных конструкций. Предлагается способ разрешения обозначенного затруднения путем разработки авторского исследовательского метода названного нами как «сигнатурная каталогизация», призванного систематизировать, обобщить и выявить ключевые признаки конструирования существующих теоретизаций образования. Метод «сигнатурная каталогизация» основан на применении базового авторского конструкта «сигнатура теоретизаций». С помощью данного конструкта осуществляется дешифровка научного полидисциплинарного пространства, т.е. его анализ при заранее неизвестных входных параметрах теоретических интерпретаций изучаемого социального феномена.

Ключевые слова: образование, «сигнатура теоретизации», каталогизация, теоретический образ.

Введение

Образование – один из самых популярных и противоречивых объектов исследования в предметной плоскости широких полидисциплинарных исследований социально-гуманитарных наук. Противоречивая видимость данного социального феномена заключается в его кажущейся простоте и онтологической квазипрозрачности. Несмотря на то, что рассмотрению данного социального феномена посвящены множество научных статей и монографий, образование до сих пор остается все таким же непрым и «непрозрачным»¹. Это приводит к тому, что все многообразие данных теоретических представлений, сформированное научными дисциплинами / пространствами конструирования, зачастую предстает как несистематизированное, неупорядоченное и разноформатное. Анализ всей совокупности полидисциплинарных теоретизаций образования показал, что на подобное их состояние объективно влияет поливариантность дисциплинарных пространств конструирования теоретизаций образования, обладающих собственной предметной спецификой и аналитической оптикой [1]. Данное состояние порождает проблемную ситуа-

¹ См. об этом: Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Смарт-образование как новая парадигма образования: pro et contra // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 51–61; Хохлова В.В. О некоторых феноменах сферы образования [Электронный ресурс] / В.В. Хохлова, Ю.В. Малахова, М.В. Штольц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 88–90. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/376259>; Бермус А.Г. Онтологический поворот в науках об образовании // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 2. <http://11121.petrso.ru/iournal/atricle.php?id=2081>; Грехнёв В.С. Образование как социальный феномен и объект исследования // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2010. № 6. С. 66–78; Ручин В.А. Образование, воспитание и социализация: сходство и различие понятий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2010. Т. 10, Вып. 4. С. 35–40 и др.

цию, которую можно охарактеризовать в качестве дисциплинарного методологического разнобоя и структурного беспорядка теоретических представлений об образовании. Сложившаяся ситуация требует: 1) осушествить поиск способа систематизации полидисциплинарного наличного многообразия теоретизаций исследуемого социального феномена с целью выявления ключевых признаков конструирования теоретизаций образования, присущих научным дисциплинам, изучающих образование; 2) (ре-) конструировать абстрактные образцы феномена образования – дисциплинарные прообразы, под которыми понимаются идеальные конструкции изучаемого социального феномена, которые могут быть обнаружены в научном полидисциплинарном пространстве теоретизаций.

Умозрительная актуальность настоящей публикации сопряжена с введением в научный оборот дополнительной методологической основы, адекватной на наш взгляд задаче систематизации абстрактных представлений исследуемого социального феномена, базирующейся на авторском методе – «*сигнатурная каталогизация*». Практическая актуальность данной статьи видится нами в разработке такого научно-исследовательского инструментария, который будет способен уточнить существующие и раскрыть новые свойства, связи, отношения и закономерности постигаемых различных социальных феноменов и, в конечном счете, подойти к решению перспективного вопроса связанного с уточнением онтологического статуса феномена образования.

Постановка проблемы

Анализ вышеобозначенной проблемной ситуации позволил выделить следующие противоречия, между: 1) наличием корпуса полидисциплинарных теоретизаций об образовании и непроясненностью сущностных характеристик последнего и отсутствием аналитической процедуры упорядочивания как таковых; 3) существованием в науке традиционных и апробированных методов систематизации и их неадекватность задаче

упорядочивания полидисциплинарных, сбивчивых и разноформатных теоретизаций исследуемого социального феномена. Данные противоречия позволяют нам определить проблему настоящей публикации.

С учётом данных противоречий определена **проблема** настоящей работы: *эпистемологической недостаточности традиционных исследовательских подходов в части систематизации беспорядочных, полидисциплинарных теоретизаций феномена образования, представленных в форме идеальных пространственно-временных (ре-)конструкций*. Решение данной проблемы составляет **цель** настоящей публикации: из всего проблемного пространства сосредоточим свое внимание лишь на одном из ключевых аспектов. А именно – на *способах преодоления методологической недостаточности традиционных исследовательских подходов систематизации беспорядочных, полидисциплинарных теоретизаций феномена образования путем разработки и применения авторского исследовательского метода «сигнатурная каталогизация»*. Данный метод нацелен не только на выявление заранее неизвестных / неявных теоретических интерпретаций любых социальных феноменов, образующих научное полидисциплинарное пространство, но и на обнаружение ключевых признаков конструирования последних.

Достижение поставленной цели требует решения ряда **задач**: 1) проанализировать специфику полидисциплинарного научного пространства, в которых аккумулируются дисциплинарные теоретизации образования; 2) ввести в работу теоретический конструкт призванный не только учесть обозначенную специфику полидисциплинарного пространства, но и накопленных в нем дисциплинарных теоретизаций в части их неявности.

Методология и методика исследования

Исходя из задачи постижения столь неоднозначного социального феномена как

образование, представленного в виде массива его полидисциплинарных теоретизаций, выявляется настоящая исследовательская потребность в поиске нового эвристически результативного методологического основания. Данное основание должно быть ориентировано на систематизацию всего многообразия полидисциплинарных теоретизаций изучаемого социального феномена вообще, и феномена образования в частности. Иными словами требуется сформировать аналитическо-методологический исследовательский инструментарий, нацеленный на постижение социальных феноменов, в части упорядочивания массива его многообразных полидисциплинарных теоретизаций. Предлагаемый авторский исследовательский способ, апробированный впоследствии на социальном феномене образовании, должен учесть ключевую специфику объекта познания: во-первых, рефлексия осуществляется над его теоретическими представлениями, а не над реальным контекстом, практиками, образовательными процессами и т.п.; во-вторых, рефлекслируемые теоретизации социального феномена, составляющее определенное² нами полидисциплинарное научное пространство, разноформатные и неупорядоченные.

Основная часть

Образование и его наличный теоретический контекст

Образование как социальный феномен является предметом постоянных научных дискуссий и как следствие возникают все новые полидисциплинарные изыскания в его изучении. Несмотря на столь позитивный факт и лидирующую позицию образования как объекта познания, возникают рамочные условия, сказывающиеся на его рефлексии. К рамочным условиям могут быть отнесены следующие аспекты: во-первых, разноформатность, неупорядоченность продуцированного исследователями массива теоретизаций

² Определенность полидисциплинарного научного пространства заключается в том факте, что на начальном этапе исследования теоретических интерпретаций феномена образования, осуществляется процедура отбора источниковой базы (научных трудов), которая его и формирует.

феномена образования (теоретический наличный контекст); во-вторых, поливариативность научных подходов, задействованных в них исследователями. Усиление внимания к проблеме разрозненности и фрагментарности теоретического знания о феномене образования связано в первую очередь с поиском оптимального теоретико-методологического подхода к постижению феномена в выделенных рамочных условиях. В этом контексте представляется убедительным введение понятия «наличный теоретический контекст» исследуемого социального феномена и осуществления поиска способа его анализа и систематизации, с целью последующего выстраивания исследовательской стратегии целостного постижения изучаемого социального феномена.

Определенный нами по авторской методике³ наличный теоретический контекст образования (научное полидисциплинарное пространство), состоящий из массива разнородных теоретических интерпретаций, принадлежащих к разным дисциплинарным пространствам, приводит нас к осознанию следующей проблемной ситуации. Суть ее заключается в том, что все теоретические интерпретации образования разнородны по факту «среды зарождения», а именно дисциплинарных пространств конструирования. Это в свою очередь сказывается на результате их рефлексий над образованием, в части применяемых научных методов, теоретических конструктов и т.д. На начальном этапе мы имеем дело с рядом сюжетов: 1) научное полидисциплинарное пространство предстает перед нами как совокупность дисциплинарных пространств конструирования теоретических интерпретаций образования со своей архитектурой; 2) каждое дисциплинарное пространство конструирования продуцирует уникальные тео-

³ Источниковую базу исследования планируется формировать по предлагаемой нами авторской методике, согласно которой будет осуществляться отбор научных трудов исследователей «образовательно-ориентированных» научных дисциплинарных областей с учетом того, что генеральная совокупность трудов бесконечно огромна.

ретизации образования названный нами – дисциплинарные прообразы образования⁴; 3) массив дисциплинарных прообразов образования беспорядочен, разноформатен, сложно формализуем для анализа изучаемого социального феномена [2, 3].

Возникает ситуация, при которой мы имеем дело с таким научным полидисциплинарным пространством, в котором аккумулированы специфические дисциплинарные прообразы образования, т.е. с заранее неизвестными данными ни о способе, ни о формате их конструирования. Это создает определенные трудности для дальнейшего теоретического постижения исследуемого социального феномена. Для элиминирования данной проблемной ситуации, в части анализа столь специфического научного пространства с неявными данными, предлагается применить зарекомендовавший себя в решении подобных задач исследовательский метод *дешифровки*⁵, который позволит подвергнуть специальному анализу полидисциплинарное научное пространство, и не только извлечь из него специфические дисциплинарные прообразы образования, но и упорядочить их в соответствии с поставленными задачами. Акцентируя внимание на том факте, что все дисциплинарные прообразы, конструируемые исследователями в дисциплинарных предпочтениях уникальны и имеют не с чем несравнимый отпечаток пространств конструирования, это в свою очередь ставит задачу поиска такого инструментария, который способен учесть особенности теоретизаций исследуемого социального феномена. Исходя из данного ключевого аспекта, дешифровку научного про-

странства предлагается осуществлять на основании понятия «сигнатура». Данное понятие имеет глубокую историю и не только оккупировано исследователями самых различных областей, но и оно доказало свою эвристическую продуктивность. На наш взгляд данное понятие призвано выступить тем самым конструктом, учитывающим эксклюзивность конструируемых дисциплинарных прообразов социального феномена и ситуацию анализа пространства конструирования с неизвестными входными параметрами.

Зафиксировав входные аспекты проблемной ситуации изучения образования, проведем аналитику междисциплинарного понятия «сигнатура», обращение к которому служит ключевым в рамках данной публикации и направленное на решение задачи систематизации слабо структурированного личного теоретического контекста.

Сигнатура

Понятие «сигнатура»⁶ воспринималась как некий *знак, отметка*, присущая представителям растительного мира. Учение о сигнатурах упоминается уже в трудах раннего средневековья (Диоскорид, Гален, Майер и др.), но особое «звучание» получает в работах Парацельса⁷. Именно последний возродил это направление, назвав его учением о знаках природы – «сигнатуре», или «сигна натурале».

Анализ литературы позволил установить варианты экспликаций и применения понятия «сигнатура». К примеру, в медицине «сигнатура» – это «часть рецепта с указанием способа употребления лекарства / копия рецепта, прилагаемая к выданному аптекой лекарству» [4], в математике – «чис-

⁴ Под дисциплинарными прообразами имеется в виду некие идеальные конструкции изучаемого социального феномена, которые могут быть обнаружены в научном полидисциплинарном пространстве.

⁵ Под дешифровкой научного пространства конструирования понимается процесс его разбора (анализа) при заранее неизвестных входных параметрах (нам неизвестен ни формат представления, ни способ конструирования) теоретических интерпретаций изучаемого социального феномена.

⁶ Сигнатура (позднелатинская *signatura*, буквально – подпись, от лат. *signo* – указываю, обозначаю).

⁷ Парацельс (лат. *Paracelsus*, настоящее имя Филипп Авреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, лат. *Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim*; 21 сентября 1493 года, город Эг, кантон Швиц – 24 сентября 1541 г., Зальцбург) – знаменитый швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения, один из основателей ятрохимии.

ловая характеристика квадратичной формы» [5], в полиграфии – «порядковый номер печатного листа издания, проставляемый в левом нижнем углу на первой странице каждого печатного листа вместе с нормой и на третьей странице – со звездочкой» [6]. Отдельного внимания заслуживает упоминание сигнатуры в области информационных технологий: «*сигнатура файла* – набор байтов, обеспечивающий идентификацию типа файла», «*сигнатура функции* – характеристическая часть определения функции в программировании», «*сигнатура атаки* – характеристические особенности компьютерного вируса» и т.п. В социо-гуманитарном контексте особого внимания заслуживают труды американского исследователя Л. Шульмана (Lee S. Shulman) [7], который в 2005 г. ввел в англоязычную педагогику понятие «*signature pedagogy*» и вложив в это понятие идею демаркации форм преподавания и обучения в рамках специального профессионального образования. Понятие «*signature pedagogy*» активно применяется в зарубежных публикациях в сфере искусства – «*signature pedagogy in theatre arts*», «*signature pedagogies in the graphic design classroom*», «*signature pedagogy in music*», а также естественно-научных исследованиях [8]. Анализ зарубежных источников демонстрирует активное использование данного понятия «*signature pedagogy*» в научных трудах по медицинскому образованию [9], по начальному педагогическому образованию [10], а также в предпринимательском образовании [11]. В контексте зарубежных философских исследований, понятие «*сигнатура*» получила особое распространение в философско-археологических воззрениях Д. Агабена (Giorgio Agamben) – «*The Signature of All Things*» («подписи всего сущего») [12]; в философии математики С. Беннекена (Stoimenow Bennequin) – «*Positivity of the Signature*» («положительные подписи») [13].

Отечественный корпус научных публикаций по сигнатурной проблематике

не так велик и реализован в этнокультурологии, религиоведении и богословии [14–17]. Анализ теоретического контекста применения и использования понятия «сигнатура» позволяет сделать вывод о его широком присутствии в теоретическом понятийно-категориальном контексте и позволяет высказать гипотезу о его высоком эвристическом потенциале в случае изучения социальных феноменов, представленных в их теоретических рефлексиях.

Сигнатура теоретизации

Опираясь на проведенный анализ использования понятия «сигнатура» в исследовательской практике и руководствуясь целями и задачами настоящей публикации, предлагается использовать в научном обороте авторский конструкт «сигнатура теоретизации», который в данном случае, призван выступить генерализирующим теоретическим основанием оригинального исследовательского подхода, названный нами сигнатурной каталогизацией.

Сигнатура теоретизации – теоретический конструкт, содержащий совокупность атрибутивных признаков как самого социального феномена, так и конструирования его теоретических идеализаций, присущих дисциплинарным пространствам зарождения последних. Иными словами, «сигнатура теоретизации» выступает в качестве семантического «ключа», подбираемого исследователями к «замкам» теоретических представлений исследуемого социального феномена. Ключевые дисциплинарные признаки конструирования теоретизаций изучаемого социального феномена, закладываются исследователем в сигнатуру, исходя из задачи, на решение которой направлено применение вводимого конструкта. В качестве тех самых ключевых признаков могут выступать атрибутивные характеристики непосредственно самого феномена и/или различные показатели условий, обстоятельств, в которых осуществляется его изучение на теоретическом уровне.

Основные положения

Предлагаемый в работе оригинальный подход («сигнатурная каталогизация») направлен на теоретическое постижение социальных феноменов посредством процедуры дешифровки полидисциплинарного и разноформатного научного пространства его теоретизаций с помощью конструкта «сигнатура теоретизации» и нацелен на выявление, систематизацию уникальных дисциплинарных прообразов последнего. Зафиксируем положения сигнатурного подхода относительно исследуемого нами социального феномена образования в следующем виде:

Положение 1. Любому дисциплинарному прообразу, выявляемой в научном полидисциплинарном пространстве может быть поставлена в соответствие своя уникальная *сигнатура*.

Положение 2. *Сигнатура теоретизации* нацелена на обнаружение и систематизацию теоретических представлений образования в полидисциплинарном научном пространстве.

Положение 3. *Сигнатурная каталогизация* – это исследовательский метод, призванный дополнить эвристический потенциал существующих аналитико-исследовательских подходов и процедур нацеленных на систематизацию полидисциплинарных, разноформатных теоретических знаний социального феномена и основанного на «сигнатуре теоретизации». Суть данного метода состоит в теоретической и практической возможности упорядочивания любого массива теоретических представлений изучаемого социального феномена. Предлагаемый метод «сигнатурная каталогизация» характеризуется ключевыми аспектами:

1. интегративность (способность объединения эвристических потенциалов разнообразных научных методов и подходов);
2. адаптивность (атрибутивное свойство настройки и подстройки аналитическо-исследовательского протокола аппарата сигнатуры под любой объект с сохранением его базовых структуры и функционала);

3. функциональность (выявление дополнительных связей, свойств, отношений и закономерностей актуального объекта исследования);
4. эвристичность (расширение исследовательского потенциала известных нам исследовательских подходов и методов, таких как классификация, типология и т.п.);
5. систематика (допустимость и достижимость упорядочивания любых теоретических представлений о разнообразных исследуемых объектах).

Положение 3. Сигнатурная каталогизация приводит к формированию систематизированной совокупности дисциплинарных прообразов образования – *образотеки дисциплинарных прообразов* исследуемого социального феномена. Под *образотекой* дисциплинарных прообразов феномена образования понимается – *упорядоченная совокупность полидисциплинарных теоретических интерпретаций образования (дисциплинарных прообразов), сформированных мыслителями, формируемая на основе требований к ее наполнению, в части минимального описания и полноты входящих теоретизаций.* Образотека теоретических прообразов феномена образования направлена на решение проблемы упорядочения априорных теоретизаций образования и их апостериорного извлечения для дальнейшего выявления необходимых и достаточных признаков конструирования рефлекслируемых теоретизаций исследуемого социального феномена. Данные признаки конструирования наблюдаемые в теоретизациях феномена образования способны лечь в основу построения идеальной модели постижения феномена образования как в ретроспекции, так и построение сценариев образа его будущего. В результате мы приобретем некую упорядоченную совокупность с четко заданной формализованной структурой (каталог), удобную не только для хранения, обработки, наполнения, но и дальнейшей исследовательской аналитики. Полученная образотека дисциплинарных прообразов образования, представлен-

ная в виде каталога выступает не как статическая формация, хранящая список определенных данных, а как динамически наполняемая и трансформируемая под исследовательские задачи структура. С помощью «сигнатуры теоретизации» исследователь «сканирует» пространство полидисциплинарных теоретизаций, выявляет в нем по заданным признакам в сигнатуре дисциплинарные прообразы, затем «извлекает» их из этого пространства и «помещает» в каталог, формируя тем самым образотеку. В нашем случае, а именно когда имеем дело с неизвестными заранее данными в части как/каким образом представлены дисциплинарные прообразы в научном пространстве, единственно допустимым и с большей вероятностью продуктивным параметром/критерием систематизации считаем –

«научная дисциплина». Иными словами, «ведущим» блоком в сигнатуре теоретизации в задаче систематизации наличного теоретического контекста образования выступит принадлежность выявленной теоретизации к той или иной дисциплинарной направленности.

Процедура систематизации наличного теоретического контекста образования с помощью сигнатуры привела к созданию образотеки дисциплинарных прообразов образования представленной в виде каталога. Упорядочивание теоретизаций образования производилось по критерию – «научная дисциплина». Особо отметим, что «сигнатура теоретизации» не нагружает собой исследуемый социальный феномен, а выступает лишь в качестве методологически нейтральной формы систематизации его теоретизаций (рис. 1).

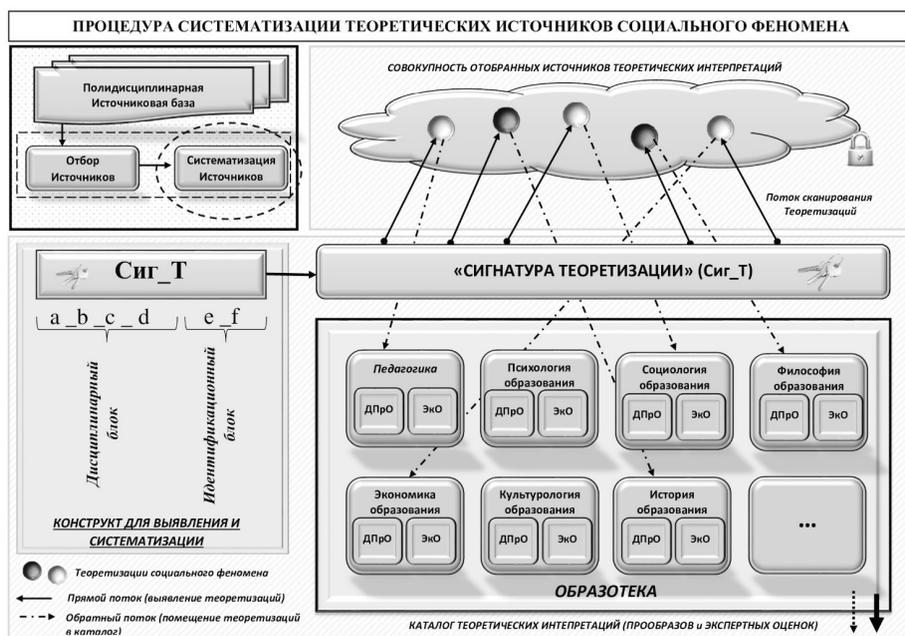

Рис. 1. Визуализация процедуры систематизации теоретических источников

Заключение

На данном этапе решается проблема разработки целостной теоретико-методологической концепции постижения социального феномена образования

в его онтологических пространственно-временных (ре-)конструкциях. Для чего потребовалось создать специальный исследовательский инструментарий, позволяющий: 1) разработать механизм

релевантного отбора эмпирического материала на основе восьми предметных дисциплин; 2) осуществить предметный анализ наличного теоретического контекста образования, состоящих из его полидисциплинарных теоретизаций, названных нами дисциплинарные прообразы последнего, под которыми понимается некие идеальные конструкции изучаемого социального феномена, которые могут быть обнаружены в научном полидисциплинарном пространстве; 3) систематизировать путем каталогизации выявленные дисциплинарные прообразы образования.

Целостность восприятия постижения столь многогранного социального феномена коим является образование, представленного в его полидисциплинарных, систематизированных, дисциплинарных теоретизациях (образотека) возможна только при условиях: 1) создания такой идеальной модели, которая способна вобрать в себя вычлененные из всего многообразия ключевые признаки конструирования теоретизаций и атрибутивные характеристики фактического реального образования; 2) предлагаемая идеальная модель обладает темпорально-пространственным эвристическим потенциалом конструирования, т.е. способна выступить дуальным методологическим основанием как для реконструирования ретроспективных теоретических образов (движение от настоящего к прошлому), так и конструирования перспективных вариаций теоретического образа образования, альтернативных сценариев образов его потребного будущего (движение от настоящего в будущее). Таким образом, в работе предложена авторская концепция, основанная на социально-философском спекулятивном постижении образования и существенно дополняющая актуальный исследовательский мейнстрим, названная нами – концепцией *сигнаурной каталогизации теоретизаций феномена образования*.

Литература

1. Вихман В.В. Локальная архитектура пространства конструирования теоретических прообразов феномена образования: дисциплинарный аспект // *Философия образования*. 2020. Т. 20, № 4. С. 5–16.
2. Вихман В.В. Трансдисциплинарное конструирование теоретических образов феномена образования // *Философия образования*. 2020. Т. 20, № 2. С. 48–63. DOI: 10.15372/PHE20200204
3. Вихман В.В., Ромм М.В. «Офлайн-теоретизирование» в постижении феномена образования в его теоретических образах // *Идеи и идеалы*. 2020. Т. 12, № 2, ч. 1. С. 124–139. DOI: 10.17212/2075–0862–2020–12.2.1–124–139.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. 1456 с.
5. Математическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1977. 1985 с.
6. Каган Б.В. Термины полиграфии до 2014 года: Толковый словарь терминов полиграфии (с английскими эквивалентами) / Б.В. Каган, С.И. Стефанов. М.: Ленанд, 2017. 1184 с.
7. Lee S. Shulman Signature Pedagogies in the Professions // *Daedalus*, Vol. 134, № . 3, On Professions & Professionals (Summer, 2005), pp. 52–59.
8. Каркина С.В., Валеева Р.А. Сущностно-содержательная характеристика понятия «Signature pedagogy» в контексте отечественной научно-педагогической мысли // *Мир науки. Педагогика и психология*, 2019 № 4, <https://mir-nauki.com/PDF/21PDMN419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус. англ.
9. Exploring signature pedagogies. Approaches to Teaching Disciplinary Habits of Mind. Edited by Regan A.R. Gurung, Nancy L. Chick and Aeron Haynie. Stylus Publishing, Sterling, Virginia, 2009. 318 p.
10. Crookes P.A., Else F.C., Lewis P.A. Signature pedagogies:

- An integrative review of an emerging concept in nursing education // *Nurse Education Today* Volume 84, January 2020.
11. Tan C. A Signature Pedagogy for Initial Teacher Education in Singapore // *New Educator* Volume 15, Issue 3, 3 July 2019, Pages 226–245.
 - Jones C. A signature pedagogy for entrepreneurship education // *Journal of Small Business and Enterprise Development* Volume 26, Issue 2, 23 April 2019, Pages 243–254.
 12. Watkin W. The Signature of All Things: Agamben's Philosophical Archaeology // *MLN*, Vol. 129, No. 1, Italian Issue (January 2014), Pages 139–161.
 13. A Stoimenow Bennequin's Inequality and the Positivity of the Signature // *Transactions of the American Mathematical Society*, Vol. 360, № 10 (Oct., 2008), pp. 5173–5199.
 14. Личкова В.А. Сигнатура богородицы в украинской культуре // *Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия: «Культурология, Философия, Социология»*: Научное издание. № 2. 2008. С. 24–29.
 15. Курамшина Ю.В. Актуальные проблемы культурологической регионами: крымский аспект // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*. Том 24 (65). 2012. № 4. С. 164–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kulturologicheskoy-regioniki-krymskiy-aspekt>
 16. Курбатов В.И. Символическое виртуальное сетевое мышление: новая эпоха, или эпоха новостей [Электронный ресурс] / В.И. Курбатов // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 1. С. 64–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskoe-virtualnoe-setevoe-myshlenie-novaya-epoha-ili-epoha-novostey>
 17. Кребель И.А., Сухачев В.Ю., Ватолина Ю.В. «Диалог» как «скандал» // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. № 5 (122). 2013. С. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-skandal>

PHENOMENON OF EDUCATION IN POLYDISCIPLINARY THEORIZATIONS: THE PROBLEM OF SYSTEMATIZATION

Vikhman V.V.

Novosibirsk State Technical University

This publication aims to overcome the problem of insufficient traditional research approaches of the social and humanities sciences, in terms of systematizing erratic, polydisciplinary theorizations of the phenomenon of education, presented in the form of its ideal spatiotemporal constructions. The invention proposes a method of resolving the indicated problem by developing an author's research method called by us as a "signature cataloging," designed to systematize, improve and identify key features of the construction of existing education theories. The "signature cataloging" method is based on the application of the basic author's construct "signature of theorizations," which acts as a semantic "key" selected by researchers to the "locks" of the multidisciplinary theoretical representations of the social phenomenon under study. In other words, with the help of this construct, the scientific multidisciplinary space is de-encrypted, i.e. its analysis with previously unknown input parameters of theoretical interpretations of the social phenomenon being studied.

Keywords: education, "signature of theorization", cataloging, theoretical image.

References

1. Vikhman V.V. Local architectonics of the space of constructing theoretical prototypes of the phenomenon of education: a disciplinary aspect. 2020. Vol. 20, no. 4. p. 5–16.
2. Vikhman V.V. Transdisciplinarnoe konstruirovaniye teoreticheskikh obra-zov fenomena obrazovaniya [Transdisciplinarnoe konstruirovaniye teoreticheskikh obra-zov fenomena obrazovaniya]. 2020. Vol. 20, no. 2. pp. 48–63. DOI: 10.15372/PHE20200204
3. Vikhman V. V., Romm M.V. "Offline-theorizing" in the comprehension of the phenomenon of education in its theoretical images. 2020. Vol. 12, No. 2, part 1. pp. 124–139. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12. 2. 1–124–139.

4. Bolshoy enciklopedicheskiy slovar ' [Large Encyclopedic dictionary]. 2nd ed., reprint. and add. M.: Bolshaya Ros. encikl.; SPb.: Norint, 1997, 1999, 2001, 2004. 1456 p.
5. Matematicheskaya enciklopediya. M.: Sovetskaya enciklopediya. 1977. 1985 p.
6. Kagan B.V. Terms of polygraphy until 2014: Explanatory dictionary of terms of polygraphy (with English equivalents) / B.V. Kagan, S.I. Stefanov. M.: Le-nand, 2017. 1184 p.
7. Lee S. Shulman Signature Pedagogies in the Professions // *Daedalus*, Vol. 134, № . 3, On Professions & Professionals (Summer, 2005), pp. 52–59.
8. Karkina S. V., Valeeva R.A. Essential and meaningful characteristics of the concept of "Signature pedagogy" in the context of Russian scientific and pedagogical thought // *The world of science. Pedagogy and Psychology*, 2019 No. 4, <https://mir-nauki.com/PDF/21PDMN419.pdf> (access is free). Title from the screen.
9. Exploring signature pedagogies. Approaches to Teaching Disciplinary Habits of Mind. Edited by Regan A.R. Gurung, Nancy L. Chick and Aeron Haynie. Stylus Publishing, Sterling, Virginia, 2009. 318 p.
10. Crookes P.A., Else F.C., Lewis P.A. Signature pedagogies: An integrative review of an emerging concept in nursing education // *Nurse Education Today* Volume 84, January 2020.
11. Tan C. A Signature Pedagogy for Initial Teacher Education in Singapore // *New Educator* Volume 15, Issue 3, 3 July 2019, Pages 226–245. Jones C. A signature pedagogy for entrepreneurship education // *Journal of Small Business and Enterprise Development* Volume 26, Issue 2, 23 April 2019, Pages 243–254.
12. Watkin W. The Signature of All Things: Agamben's Philosophical Archaeology // *MLN*, Vol. 129, No. 1, Italian Issue (January 2014), Pages 139–161.
13. A Stoimenow Bennequin's Inequality and the Positivity of the Signature // *Transactions of the American Mathematical Society*, Vol. 360, No. 10 (Oct., 2008), pp. 5173–5199.
14. Lychkovakh V.A. Signature of the virgin Mary in Ukrainian culture // *Bulletin of Nizhnevartovsk state University of Humanities*. Series: "Cultural Studies, Philosophy, Sociology". Scientific edition. no. 2. 2008. pp. 24–29.
15. Kuramshina Yu.V. Aktual'nye problemy kulturologicheskoy regioniki: krymskiy aspekt [Actual problems of culturological regions: the Crimea aspect]. Series "Philosophy. Cultural studies. Political science. Sociology". Tom 24 (65). 2012. № 4. P. 164–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kulturologicheskoy-regioniki-krymskiy-aspekt>
16. Kurbatov V.I. Symbolic virtual network thinking: a new era, or the era of news [Electronic resource] / V.I. Kurbatov // *Humanitarianism of the South of Russia*. 2013. No. 1. pp. 64–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskoe-virtualnoe-setevoyemyshlenie-novaya-epoha-ili-epohanovostey>
17. Krebel I. A., Sukhachev V. Yu., Vatolina Yu. V. "Dialog" as "scandal" // *Omsk Scientific Bulletin*. Series: Society. History. Modernity. No. 5 (122). 2013. pp. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-skandal>

Социальная безопасность российско-китайского приграничья в китайской историографии

Кононов Сергей Викторович,

к.ф.н., старший преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
E-mail: kolonov7744@yandex.ru

Жуков Артем Вадимович,

д.ф.н., профессор, Забайкальский государственный университет
E-mail: artem_jukov68@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна,

к.филос.н., доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ имени Н.Э. Баумана
E-mail: Julia.voitsuk@yandex.ru

Статья посвящена выявлению специфики представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия. Анализ китайских исследований на предмет выявления в них представлений о социальной безопасности осуществляется методом исторической интроспекции и концептуализации. Результатом исследования являются: 1) концептуализация аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период до 70-х гг. XX в. в рамках «имперской концепции», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией, как угрозой безопасности; 2) выявление аспектов трансформации «имперской концепции» в период 80–90-х гг. XX в. в рамках идей, доказывающих наличие «российской угрозы», и идей, согласно которым, Россия может оказывать как негативное, так и позитивное влияние на становление социальной безопасности; 3) определение специфики понимания социальной безопасности в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в., где наряду с «имперской концепцией», под влиянием западной методологии, сформировалась концепция «социального регионализма», которая в качестве факторов социальной безопасности приграничного региона рассматривают широкий круг социальных процессов.

Ключевые слова: Российско-китайское приграничье, социальная безопасность, приграничный регион, концепции российско-китайского взаимодействия, китайские исследования, «имперская концепция», социальный регионализм.

Введение

Актуальность. В последние десятилетия регион российско-китайского приграничья испытывает нарастающее влияние со стороны Китайской Народной Республики, стремительно усиливающей свои позиции в мировой политике, экономике и культуре. Бурное развитие этой страны оказывает существенное воздействие на осуществление ею стратегий экономического, политического, культурного, социального взаимодействия с регионами, находящимися вблизи своих границ. Поэтому актуальной темой для исследований представляется формирование социальной безопасности регионов, где Китай является наиболее существенным фактором развития социальной ситуации. Проблему представляет то, что исследователи ряда западных стран и России испытывают опасения в связи с усилением Китая, которое может стать фактором дестабилизации социальной ситуации в регионе российско-китайского приграничья. Однако официальная китайская историография утверждает, что Китай придерживается политики «ненападения». Это ставит вопрос о необходимости анализа китайских исследований российско-китайского взаимодействия на предмет выявления в них и последующей концептуализации представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья и факторах ее формирования.

Степень исследованности. Социальная безопасность на территории российско-китайского приграничья не является предметом исследований китайских авторов, однако различные аспекты этой темы затрагиваются в китайской историографии, посвященной взаимодействию Китая и зарубежных стран. В частности аспекты угроз, которые, по мнению китайских авторов, исходили от России, были

описаны в обзорах, сделанных российскими исследователями, такими как В.П. Васильев [2], Д.А. Владимирова [3], С.Ю. Вradий [4], В. Глуздовский [5], А.В. Жуков [7], А.И. Козинец [8], В.А. Корсун [9]. Обсуждение проблематики безопасности в регионе российско-китайского приграничья проходило в трудах китайских исследователей, таких как Ван Чжичэн [1], Ли Сингэн, Ли Жэньян [10], Лю Юаньюань [11], Го Юньшэнь [6], Сюнь Цзе [13], Сяо Хуанжун [14], Ху Аньган [15], Чжан Хуэйцин [16], Чжан Цзунхай [17], Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [18], Ши Го-хуа [20], Цуй Юн [22], Юй Юань ань [23], посвященных российско-китайским отношениям. Современная методология исследований социальной безопасности в российско-китайском приграничье формировалась под влиянием положений таких исследователей, как L. Fawcett [24], Shi Shih-Jiunn [25], W. Xinbo [26], W-W Zhang [27], разрабатывавших концепцию комплексов региональной безопасности по отношению к региону Восточной Азии.

Цель – концептуализация представлений о социальной безопасности в российско-китайском приграничье в китайских исследованиях. **Задачи исследования:** выявление аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период до XVII до 70-х гг. XX в.; анализ трансформации концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия период начиная с 80–90х гг. XX в.; анализ формирования проблематики социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в. **Методология** исследования основана на привлечении сравнительно-исторического анализа, который обеспечивает возможность исследования традиций и исторической преемственности в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия. Герменевтический метод создает возможность анализа китайских исследований на предмет выявления описаний социальных угроз и социальной

безопасности. Метод концептуализации применяется для систематизации, конструирования и анализа целостной системы представлений китайских авторов о проблемах социальной безопасности российско-китайского приграничья.

Результаты авторского исследования. В XVII–XIX вв. в связи с формированием российско-китайского приграничья в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как военная и социальная угроза. В XVII в. в китайских описаниях китайско-российского взаимодействия господствовали идеи об угрозе со стороны «варваров», защита от социального влияния которых могла проводиться путем их изоляции и путем приобщения к китайской культуре. С середины XIX в. появились характеристики России, где фиксировалось наличие высокого уровня промышленности, просвещения и военного дела, признаваемых как угроза социальной безопасности страны. Однако угрозу также представляло распространение социальных порядков российского общества, так как россияне считались безнравственными и развращенными. Вплоть до 70-х гг. XX в. представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья концептуализировались в китайских исследованиях в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией, как угрозой безопасности.

Начиная с 80-х гг. XX в. позитивное развитие российско-китайских отношений привело к открытию новых тем, существенным аспектом которых стало внимание к социальной безопасности российско-китайского приграничья, которое проходило как под влиянием традиционных представлений, так и новаторских подходов. При этом доминирование сохранила «имперская концепция», представители которой, основываясь на сложившиеся стереотипы, защищали положение об «агрессивном характере» России и негативном влиянии русских на социальную ситуацию

в приграничье. Однако в этот период появилась группа ученых, которые наряду с сохранением критического отношения к России, не отрицали ее положительной роли в развитии социальной безопасности российско-китайского приграничья.

В XXI в. в китайской науке меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма, аспектом которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. Китайские аналитики отходят от узкого противопоставления России и Китая и рассматривают как основание социальной безопасности региона широкий круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона, отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем, необходимость формирования регионального сознания и идентичности.

Обсуждение результатов

Аспекты социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия до 70-х гг XX вв.

На сегодняшний день в Китае нет работ, напрямую посвященных социальной безопасности российско-китайского приграничья. Эта тема, как пишет В. Глуздовский, долгое время была не интересна китайским исследователям, которые по традиции равнодушно относились к соседям, в том числе к «северным варварам» [5, с. 58]. Однако ее аспекты затрагивались в описаниях взаимодействия Китая с иными странами, которые были проанализированы В.П. Васильевым, Ф.В. Соловьевым, А.Г. Лариным, А.И. Петровым, О.А. Трофимовым, Д.И. Шрейдером, Д.А. Владимировой [3].

В XVII–XX вв. в связи с активизацией взаимодействия между Рос-

сией и Китаем и формированием российско-китайского приграничья, в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как угроза социальному пространству, считавшемуся китайским. Эта концепция была проанализирована такими китайскими авторами, как Ша Э цинь, Го Юньшэнь, Чжоу Илян, Ханьлинь Чан Шу [12], которые отмечали, что на первоначальном этапе развития российско-китайских отношений образ России складывался в рамках китаецентристской концепции. Согласно общему мнению аналитиков китайской историографии этого периода, основу представлений о социальной опасности представляла идея взаимодействия между цивилизованными людьми и «варварами», которая сводила на нет любые достижения некитайских культур. Согласно этой идее, «варвары» практиковали неповиновение, агрессивность, непочитание предков, разврат. Это могло повлиять на устои китайского общества, поэтому его социальная безопасность представлялась как система изоляционистских мер, защищающих китайцев от влияния русских. При этом наряду с отрицательными оценками китайские авторы, как пишет Цин ши яньцзюцзи, часто указывали на такие их характеристики, как умение владеть оружием и бесстрашие в войне [21]. Однако данные описания китайцы использовали не в целях признания положительного влияния русских, а также, как констатацию угрозы с их стороны [6]. Однако в китайских описаниях китайско-российского взаимодействия использовались идеи не только о безопасности, которая могла проводиться путем военной защиты, но и путем приобщения этих «варваров» к китайской культуре. Как писали китайские историографы, русские, несмотря на дикость, посылали в Китай послов, таких как Ф.И. Байков, И.С. Перфильев, С. Аблин и выражали стремление подчиниться китайскому императору [2].

В дальнейшем идея «угрозы варваров» оставалась основой большин-

ства описаний российско-китайского взаимодействия, которые, как указывают Вэй Юань, Ли Сингэн и Ли Жэнь няньвелись в течение XVIII–XIX в. Однако с 50-х гг. XIX в. акценты в описаниях угроз со стороны России изменились по причине увеличения контактов и появления нового знания об этой стране [10]. В частности, это проявилось в описаниях чиновников, отправляемых в Россию с целью организации помощи в решении проблем китайско-японского противостояния. Среди этих описаний выделяются дневники, авторами которых были Линь Цзэсюй, Ван Чжичунь, Мяо Юсунь, Яо Ин, Ян Сюаньчжи [4], которые зафиксировали, что усиление политического и экономического влияния России представляло угрозу, такую же, как и распространение безнравственности российского общества [4].

Следующий период, развития представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья начинается с первых десятилетий XX в. и продолжается до 60–70 гг. XX в. Это время характеризуется ухудшением взаимоотношений между Китаем и Россией, а затем Советским Союзом. Кроме этого в эти годы Китай ощутил негативные последствия «опиумных» войн, «боксерского» восстания и «культурного» влияния Запада, с которым ассоциировалась и Россия. Эти обстоятельства влияли на содержание научных трудов, затрагивающих вопросы социальной безопасности российско-китайского приграничья, которые опираясь на официальную точку зрения, объявляли актом агрессии все виды деятельности России, включая военную, экономическую и гуманитарную у границ Китая [3]. В рамках этих описаний любые виды российско-китайского взаимодействия оценивались в рамках представлений, согласно которым отношения между Китаем и другими государствами, представляли собой взаимодействие между культурой Поднебесной империи и варварскими народами. Однако по отношению к России понятие о вар-

варах было трансформировано в понятие о государстве, имеющем развитую экономику, влиятельную политику, обладающую мощными вооруженными силами, но ведущем агрессивную политику по отношению к Китаю. Таким образом, представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья концептуализировались в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем, как Поднебесной империей и Россией, как «империей зла» [8].

Примером исследований, выполненных в рамках «имперской концепции» являются публикации Юй Шэнью, Ша Эцин, Юй Юаньана [23], рассказывающих об освободительной борьбе китайского народа с «иностранными захватчиками» в Северной Манчжурии и на полуострове Ляодун. Аргументация этих публикаций была нацелена на доказательство тезиса о «вторжении» и «хитром проникновении» русских в северные регионы Китая, часть из которых была аннексирована и вошла в состав России. Значительное место в этих публикациях заняли описания социальных угроз китайскому обществу со стороны русских, жестоко угнетающих китайский народ [19]. В целом, китайская наука до 70-х гг. полностью зависела от политической конъюнктуры, которая определяла содержание представлений о социальной безопасности в регионе китайско-российского приграничья, зависимого согласно «имперской концепции» безопасности от условий противостояния Китая и России.

Трансформация концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия период начиная с 80–90х гг. XX в.

Начиная с 80-х гг. XX в. в связи с появлением конструктивных тенденций в российско-китайских отношениях произошло изменение политической конъюнктуры. Это способствовало увеличению интереса исследователей к оценке роли России на территориях пригра-

ничья. Китайские ученые приступили к концептуальному анализу факторов формирования социального развития этого региона [9]. Аспектом этих исследований стало внимание к социальной безопасности, которое проходило под влиянием традиционных представлений и новаторских подходов. Однако и в это время была более распространена «имперская концепция», отраженная в монографии Бу Пина, Чжан Цзунхая, разворачивающих картину агрессии России. Описания выступлений народных масс против российской оккупации содержатся в публикациях Го Гуйлань, Ван Силяна, Сюэ Сяньтяна, Ли Гуана, У Ши'ина, Ци Сюэцзюня, Чжан Чао. Об экономических угрозах России пишут Ма Чжинин, Го Юньшэнь, Цюй Цунгуй, Хэ Сяньпин, Чжан Фэнмин. О преследованиях китайского населения упоминают Ли Цзикуй и Чжан Цзунхай [17].

Вместе с этим, появилась группа китайских учёных, которые наряду с сохранением критического отношения к России не отрицают ее положительной роли в развитии приграничного региона. В частности, положительные коннотации имеет тема строительства КВЖД, отраженная в трудах Ли Шу сяо, Ли Цзинцзе, Ван Шэц зинь, Ли Сингэн, ЧжуЮнь-чжэн, Ши Фан, Ши Го-хуа [20], призывающих деликатно освещать спорные проблемы российско-китайского приграничья. Такие исследования проводят Ши Фан, Ли Дэбин, Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [18], которые показывают, что заселение и развитие этих территорий проходило благодаря, построенной русскими железной дороге и развитию социальной инфраструктуры, связанной с ней. В публикациях Синь Пэй линь, Чжан Фэй мин, Ван Чжичэн [1] высокую оценку получил вклад российских строителей, железнодорожников, врачей, учителей.

Время 80–90-х гг. становится периодом, когда формируется предметное поле исследований межкультурной коммуникации в российско-китайском приграничье, примером которых являются

публикации ГоЮньшэнь, Цзи Фэнхуй, Чжоу Илянь, Ли Сингэн и Ли Жэньян [10], которые анализировали социальное поведение россиян, вызывавшее страх у китайского населения. Одновременно эти работы освещают проблему развития контактов с россиянами, которые, оказывали позитивное влияние на развитие культуры Китая. Таким образом, оценки российского влияния на приграничные территории в работах этого периода претерпевают трансформацию. Авторы акцентируют внимание не только на негативные последствия российского присутствия, но и на то, что российская культура оказывала благотворное влияние на развитие Китая и, следовательно, на систему социальной безопасности в российско-китайском приграничье.

Формирование современной проблематики социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в.

В начале нынешнего столетия в китайской науке происходил процесс дальнейшей трансформации подходов к описанию социальной безопасности в российско-китайском приграничье. Главной причиной этого является развитие дружественных отношений между нашими странами, ведущее к увеличению политических, экономических, культурных контактов. В то же время на развитие представлений о социальной безопасности в регионе приграничья влияло и распространение методологии западных исследований региональной безопасности. Помимо «имперской концепции» среди китайских авторов стали распространяться и иные оценки оснований и последствия российско-китайских отношений в регионе приграничья, основанных на интересе к вопросам взаимообогащения культурных традиций России и Китая.

Основной идеей современных исследований российско-китайского взаимодействия по-прежнему, остается обоснование необходимости того, что распространение влияния Китая и уменьшение влияния России являет-

ся фактором социальной безопасности. Эта идея развивается положениями «имперской концепции» в публикациях Чжан Цзяньцзина, Ван Шаогуна, Юй Кэпина, Ван Хунина, Чжоу Юндуна, Лю Ячжоу, Юй Гочжэна, Лю Юаньюаня [11], которые доказывают, что доминирование Китая в регионе является стратегической необходимостью его безопасности и социального развития. Эта группа исследователей своим предметом считает критику России, которая с помощью агрессии или обмена вынуждает Китай вступать в невыгодные для него отношения в сфере политики и экономики. Одновременно продолжают разработки, в которых, наряду с указанием на агрессивный характер российского вмешательства, признается позитивное влияние на развитие социальной безопасности этих регионов. В частности о позитивном влиянии России на северные территории Китая пишут Дай Сюнь, Ли Шу сяо, Ли Юаньци, Цзэн Ичжи, Сюнь Цзе [13, с. 104]. Таким образом, в Китае сохраняют влияние традиционные концепции, где социальная безопасность в регионе выступает в качестве аспекта анализа российско-китайских отношений.

Вместе с этим под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма в Китае формируется концепция социального регионализма А. Ачарья, У. Занга, Б. Бузана, Л. Фоусета [24], одним из аспектов которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. В работах китайских ученых, занимающихся анализом международных, социальных, экономических, отношений, таких как Пан Чжуньин, Хан Айюн, Ци Сифэн, Гонг Сен и Ли Бинцин, Ван Чунгуан, Рен Донгбо, У. Занг [27] восточноазиатский регионализм понимается, как самостоятельная по отношению к глобализационному влиянию политика регионов, предусматривающая региональное сотрудничество и систему социальной безопасности. Однако характерными чертами их концепции является также

и освобождение от влияния «имперских взглядов» и стремление к всестороннему отражению социального развития регионов.

Примером такой концепции является мнение, раскрываемое в исследованиях Сяо Хуанжун [14], который указывает на необходимость равноправного сотрудничества между государственными, неправительственными организациями и институтами регионального общества. Идеи региональной интеграции, совершаемой Китаем для процветания социальной жизни населения восточноазиатского региона представляются Лиу Сичжун, Синь Лицзюань, Чен Юн, У Чжунминь, Ли Сяньян, Ху Аньган [15] разрабатываемыми концепцию нового регионализма. В их исследованиях дано обоснование идеи, согласно которой благодаря КНР усилиям формируется стратегия регионального сотрудничества, предполагающая гармоничное использование региональных ресурсов во имя развитие уровня общественного благосостояния. Однако социальную систему восточно-азиатского региона составляют не только экономические и политические аспекты, но и вопросы идеологии, региональной идентичности, социальной ответственности и справедливости во взаимодействии различных народов, раскрываемые в трудах Ли Минмин, Ли Фэн, ЧжуЯлин и Лю Цзяньян, Ши-Джунн Ши [25].

Как пишут Ли Хуэй, Фэн Шаолэй и Цуй Хэн, Китай постулирует принципы политического и военного невмешательства и равноправия во взаимодействии с другими странами, находящимися в непосредственной близости с Китаем. Современные китайские исследователи, такие как Пу Инн, Цю Вэй, Цуй Чжен, В. Ксинбо [26] пишут, что Россия не должна рассматривать взаимодействие с Китаем как угрозу. Постулатом этой концепции является утверждение о том, что система социальной безопасности российско-китайского приграничья в условиях интенсификации регионального сотрудничества будет только укрепляться и развиваться [28]. По мнению Ван Хайюня [7] целью

Китайской Народной Республики в области обеспечения социальной безопасности региона является организация сотрудничества с Россией на территории приграничья. Однако, в этом совместном процессе, как полагает Ван Хаюнь, Россия выступает в роли слабого партнера, который нуждается в помощи более развитого Китая.

Подтверждают эти умозаключения И. Стори и Х. Уи, Фан Вэйгуй, Чжоу Нин, Цуй Юн [22], которые пишут, что Китай проводит политику, направленную на развитие социально-экономической сферы окружающих территорий, но сталкивается с негативным информационным воздействием со стороны внешнеполитических оппонентов. Поэтому именно этот фактор, связываемый главным образом, с деятельностью западных государств, отражающих дискурс глобалистики, как считают Лю Гэ, Ни Цзяньпин и Хуан Вэйхун, Чжоу Нин, Шэнь Цзянин, Чэн Маньли, Ван Цзэчжи, Чжан Хуэйцин [16] является действительной угрозой социальной безопасности региона российско-китайского приграничья. Таким образом, современные представители концепции социального регионализма полагают, что на формирование социальной безопасности российско-китайского приграничья оказывает влияние широкий круг факторов, среди которых большое значение принадлежит информационной фактору социальной безопасности. Она утверждают, что Китай оказывает самое благоприятное влияние на формирование социальной безопасности всей северо-восточной Азии и российско-китайского приграничья в частности, при этом доказывают, что существенную роль в данном процессе играет диалог между Россией и Китаем, который формирует плодотворную почву, способствующую укреплению взаимодействия между ними в политике, экономике, культуре и социальной жизнедеятельности.

Выводы

Проблема социальной безопасности российско-китайского приграничья,

как самостоятельный предмет не рассматривается в китайских исследованиях, однако различные аспекты социальной безопасности данного региона входят в содержание описаний, сделанных китайскими исследователями российско-китайского взаимодействия. Эволюция представлений о социальной безопасности у китайских авторов концептуализируется в рамках анализа основных этапов развития китайской историографии, включая этап до 70 гг. XX в., этап 80–90 х гг. XX в. и современный этап. Итоги проведенного анализа показывают, что первоначальное восприятие проблем социальной безопасности российско-китайского приграничья в Китае интерпретировалось в рамках традиционных представлений о влиянии «варваров» на цивилизованных подданных Поднебесной империи. Однако постепенно по мере накопления знаний о воинственном соседе, обладающем развитой экономикой, но неразвитой социальной культурой привело к оформлению «имперской» концепции, оценивающей влияние России, как военную и экономическую агрессию против китайского народа. Однако изменения в политической конъюнктуре, произошедшие в течение 80–90-х гг. XX в. дали толчок к трансформации концептуальных представлений китайских исследователей о социальной безопасности российско-китайского приграничья. В этот период изменения коснулись содержания «имперской» концепции, в рамках которой часть авторов, признавая объективность «русской угрозы», стала говорить об отдельных позитивных событиях и элементах российского влияния, таким, к примеру, были последствия строительства КВЖД и связанной с ней социальной структуры.

В первые десятилетия XXI в. в китайской науке происходит качественный пересмотр концепций российско-китайского взаимодействия и меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Исследования этого периода не лишены политического контекста.

ста, указывающего на наличие угроз со стороны северного соседа, но их все больше волнуют вопросы взаимообогащения культурных традиций России и Китая. Под влиянием методологии западных исследований социальных проблем регионов, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма в Китае формируется концепция социального регионализма, одним из аспектов которой является социальная безопасность восточно-азиатского региона. Китайские аналитики, отходя от анализа противопоставления России и Китая и рассматривают как основание социальной безопасности региона широкий круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона, отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем и противоречий, необходимость формирования регионального сознания и идентичности. Данное исследование показывает перспективность разработки проблематики социальной безопасности российско-китайского приграничья с учетом китайских мировоззренческих оценок, представляемого в их исследованиях фактического материал, а также методологии «социального регионализма», разрабатываемой в китайских исследованиях на протяжении первых десятилетий XXI в.

Литература

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русское путь: Русское Зарубежье, 2008. 573 с.
2. Васильев В.П. Открытие Китая // Вестник всемирной истории. 1900. С. 97–103.
3. Владимирова Д.А. Эволюция образа россиян в китайской историографии // Россия и АТР, 2008. № 4. С. 91–103.
4. Врядий С.Ю. Произведение Линь Цзэсюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток, 1996. № 3. С. 167–187.
5. Глуздовский В. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917. 184 с.
6. Го Юньшэнь. Чжун-Э чае маои ши (История чайной торговли между Китаем и Россией). Харбин, 1995. С. 12–13; С. 112–119.
7. Жуков А. В., Жукова А.А., Соловьева Н.А. Методология исследования и конструирование образов «этнических культур» в современном Китае // Гуманитарный вектор, 2015. № 2 (42). С. 104–111.
8. Козинец А.И. Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 107–122.
9. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО-Университета. 2010 № 1. С. 221–236.
10. Ли Сингэн, Ли Жэньян. Ряска в непогоду. Российские эмигранты в Китае. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 245 с.
11. Лю Юаньюань Имидж Китая в восприятии российского общества: автореф. ... канд. соц.н.: 22.00.04. М., 2010. 20 с.
12. Русско-китайские отношения в XVII веке: док. и материалы. В 2 т. Т. 2. 1689–1691. М.: Наука, 1972. С. 660–689.
13. Сюнь Цзе. Си фанжэньянчжундыЧжунгочжисоцзин (Образы Китая в глазах европейцев) // Шэхуйкэсюэчжаньсянь. 2004. № 1. С. 104–107.
14. Сяо Хуанжун. Регионализм: историческая эволюция теории. Пекин: Изд-во Пекин. ин-та телерадиовещания и прессы, 2002. 256 с.
15. Ху Аньган. Тенденции будущего развития Китая и России и их стратегическое сотрудничество // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, предложения. М.: ИД «Форум», 2014. Кн.1. 256 с.

16. Чжан Хуэйцин. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер) // Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления, 2014. С. 82–93.
17. Чжан Цзунхай. Юань Дун дицью шицзичжи цзяоды Чжун-Э гуаньси (Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков). Харбин, 2000. С. 14–15, 92, 187.
18. Чжу Юньчжэн, Ян Вэйлин. Русские в провинции Цзи линь // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 2. С. 62–65.
19. Ша Эцинъ Хуа ши цзяньбянь (Краткая история интервенции царской России в Китай). Цзи линь, 1976. С. 35–43.
20. Ши Гоуа. Русские в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 228–230.
21. Цин ши яньцзюцзи. Ди и цзи (Сборник исследований по истории династии Цинн). Ч. 1. Пекин, 1980. С. 112.
22. Цуй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. Комсомольск-на-Амуре, 2011. 127 с.
23. Юй Юань ань. Чжун-Э лян гожэньминьхуаогуань си сань бай нянь (Три ста лет дружбы китайского и русского народов) // Лиши яньцзю. 1957. № 11. С. 50–55.
24. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
25. Shih-Jiunn Shi. Social decentralization: exploring the competitive solidarity of regional social protection in China // Journal of Asian Public Policy November, 2016. № 10(1). Pp. 1–16.
26. Xinbo W. Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty-first century // Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M.J. Green, B. Gill. N. Y.: Columbia University Press. 2009. 382 p. P. 55–77.
27. Zhang W-W. The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State / W-W. Zhang – World Century Publishing Corporation, 2016–300 p.
28. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10003.

SOCIAL SECURITY OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER IN THE CHINESE HISTORIOGRAPHY

Kononov S.V., Zhukov A.V., Gavrilova Yu.V.

Far Eastern Higher Officer Command School named after Marshal Soviet Union K.K. Rokossovsky; Transbaikalian State University; Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to identifying the specifics of ideas about the social security of the Russian-Chinese border in Chinese studies of Russian-Chinese interaction. Analysis of Chinese research of Russian-Chinese interaction for the identification of presentations about social security is carried out by the method of historical introspection and conceptualization. The result of the study is the conceptualization of aspects of social security in Chinese descriptions of Russian-Chinese interaction in the period up to 70s. Xx in. Within the framework of the Imperial Concept, where the key importance had a relationship between China and Russia, as a threat to security. The second result is to identify aspects of the transformation of the "Imperial Concept" in the period of 80–90x. Xx in. Within the framework of ideas proving the presence of a "Russian threat" and ideas, according to which Russia may have both negative and positive impact on the formation of social security. The third result is to determine the specifics of the understanding of social security in Chinese studies of Russian-Chinese interaction in the XXI century, where, along with the "imperial concept," under the influence of the Western methodology, the concept of "social regionalism" was formed, which as the factors of the social security of the border region consider wide Circle of social processes, such as eco-

conomic development, the integration of the region, a policy aimed at resolving social problems and contradictions, strategies for the formation of regional consciousness and identity.

Keywords: Russian-Chinese border, social security, border region, concepts of Russian-Chinese interaction, Chinese research, "imperial concept", social regionalism.

References

1. Wang Zhicheng. History of Russian emigration in Shanghai. M.: Russkoe put: Russkoe zarubezhie, 2008.573 p.
2. Vasiliev VP Discovery of China // Bulletin of World History. 1900.S. 97–103.
3. Vladimirova DA Evolution of the image of Russians in Chinese historiography // Russia and Asia-Pacific, 2008. No. 4. P. 91–103.
4. Vradiy S. Yu. Lin Zexu's work as a source for studying ideas about Russia in China in the 19th century. // News of the Eastern Institute of the Far Eastern State University. Vladivostok, 1996. No. 3. S. 167–187.
5. Gluzdovsky V. Primorsko-Amurskaya outskirts and Northern Manchuria. Vladivostok, 1917.184 p.
6. Guo Yunshen. Zhong-E tea maoli shi (History of the tea trade between China and Russia). Harbin, 1995.S. 12–13; S. 112–119.
7. Zhukov A. V., Zhukova A.A., Solovyova N.A. Research methodology and construction of images of "ethnic cultures" in modern China // Humanitarian vector, 2015. No. 2 (42). S. 104–111.
8. Kozinets AI Confucian order in East Asia: significance for the theory of international relations // Oikumena. Regional studies. 2016. No. 2. S. 107–122.
9. Korsun V.A. Foreign policy mechanism with "Chinese specifics" // Bulletin of MGIMO University. 2010 No. 1. P. 221–236.
10. Li Xingen, Li Rennyang. Duckweed in bad weather. Russian emigrants in China. M.: Institute of ros. History of the Russian Academy of Sciences, 1997.245 p.
11. Liu Yuanyuan Image of China in the Perception of Russian Society: author. ... Cand. social n.: 22.00.04. M., 2010.20 p.
12. Russian-Chinese relations in the 17th century: doc. and materials. In 2 vols. T. 2.1689–1691. Moscow: Nauka, 1972.S. 660–689.
13. Xun Jie. Xi fangzhenyanzhundy Zhungochzhisojing (Images of China in the eyes of Europeans) // Shehuykexuezhaxian. 2004. No. 1. S. 104–107.
14. Xiao Huangrong. Regionalism: Historical Evolution of Theory. Beijing: Publishing house Beijing. Institute of TV and Radio Broadcasting and Press, 2002.256 p.
15. Hu Angang. Trends in the future development of China and Russia and their strategic cooperation // Strategic partnership dialogue between Russia and China. Current state, problems, suggestions. M.: Publishing House "Forum", 2014. Book 1. 256 p.
16. Zhang Huiqin. The image of China in the comments to news about China (based on the materials of the Rambler portal) // Mediatext: structure, composition, update vectors, 2014. pp. 82–93.
17. Zhang Zonghai. Yuan Dong diqi shijizhi jiaoda Zhong-E guanxi (Sino-Russian relations in the Far East at the turn of the century). Harbin, 2000.S. 14–15, 92, 187.
18. Zhu Yunzheng, Yang Weiling. Russians in the Ji Lin Province // Russia and the Asia-Pacific Region. Vladivostok, 1995. No. 2. S. 62–65.
19. Sha Eqin Hua shi jianbian (A brief history of the intervention of tsarist Russia in China). Ji Lin, 1976, pp. 35–43.
20. Shi Guohua. Russians in China // Problems of the Far East. 1990. No. 2. S. 228–230.
21. Qing shi yangjuji. Di and Ji (Collection of Studies on the History of the Qing Dynasty). Part 1. Beijing, 1980, p. 112.
22. Cui Yong. Images of China and Russia in Intercultural Communication: Diss. ... Cand. cultural studies: 24.00.01. Komsomolsk-on-Amur, 2011.127 p.
23. Yu Yuan an. Zhong-E liang gorenminyuhaguan xi san bai nian (Three hundred years of friendship between the Chinese and Russian peoples) // Lishi yanju. 1957. No. 11. S. 50–55.
24. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
25. Shih-Jiunn Shi. Social decentralization: exploring the competitive solidarity of regional social protection in China // Journal of Asian Public Policy November, 2016. No. 10 (1). Pp. 1–16
26. Xinbo W. Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty% first century // Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M.J. Green, B. Gill.

- N. Y. .: Columbia University Press. 2009. 382 p. P. 55–77.
27. Zhang W-W. The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State / W-W. Zhang – World Century Publishing Corporation, 2016–300 p.
28. Zhukov A., Beryikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. S. 10003.

Социальные трансформации внедрения возобновляемых источников энергии в регионах России

Ермолаева Юлия Вячеславовна,

научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Анализируются социальные трансформации внедрения возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) на территории Российской Федерации на примере 8 регионов с учетом различий качества жизни населения. Рассмотрены Калининградская область, Республика Крым, Камчатский край, Республика Калмыкия, Алтайский край и Республика Алтай, Мурманская область, Краснодарский край, Северо-Кавказский округ. Современная схема модернизации ВИЭ согласована с централизованной схемой управления энергетикой, данная система будет способствовать автономности развития регионов с точки зрения качества жизни населения. Однако, на данный момент еще недостаточно проработана политика формирования потенциального рынка труда ВИЭ в РФ возможностей отрасли в энергетической системе, не проведена оценка экосистемных услуг различных видов ВИЭ на территории РФ, и так же не окончательно соблюдены интересы различных групп стейхолдеров в возможности реализации способов замены ВИЭ.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, ВИЭ, регионы России, экомодернизация, рынок труда.

Modern futurologists studying global trends in the development of human culture and technology (F. Fukuyama, M. Kaku, E. Toffler, D. Rifkin, E. Wallerstein, V. Bushuev, R. Fuks) pay significant attention to the energy component, where “energy regimes determine the nature of civilizations”, socioeconomic transformations in the management of the energy complex occur then a new public communication technology changes together with new energy systems and goals[1]. The Global Renewable Energy Plan is the democratization of production in accordance with the goals of sustainable development and energy distribution through the creation of a large number of mini-producers of small energy enterprises, i.e. the maximum emphasis on liberalizing the renewable energy market. New forms of communication are becoming a medium for organizing and managing more complex production processes, thanks to new powerful sources of energy that stimulate economic activity, forcing the economy to accelerate. Russia needs not only decarbonization, but also decapitalization in reframing green economy in the social context, de-intensification of growth, decolonization, deep democratization of social institutions. That’s reason that only decarbonization cannot solve the problem of the decline of civilization.

In general, with the transition to green energy, several social transformations are possible:

- globalization versus regionalization. This will lead to transnational continental cooperation and networked communities. The role of the state, which will play the role of a network distributor, will also change.
- Infrastructure development flows will change, which include both physical and economic infrastructure (gas and oil pipelines, power lines, automobile and railways, media channels), but social infrastructures will also change

- (norms of resource movement, social institutions that control energy streams)
- reduction of “environmental inequality” for autonomous self-sustaining energy producers[2,4]

Here we are aware of a profound restructuring of the very approach to structuring society, the transition from a hierarchical structure (centralized) to a horizontal one. The role of the biosphere of the regions is important here, each of which is a “node” connected by energy, communication and transport systems. This will accelerate the pace of meeting social needs.

The strategy for the development of Russia’s energy policy until 2035 indicates that in 2009–2012 the dependence of the Russian economy on the fuel and energy complex has increased in exports (70%), federal budget revenues (50%) and investments (40%). The need to rethink export policy both in the field of carbon raw materials and developing renewable energy facilities, where it is planned to carry out the transition from the strategy of the export-raw material model to the “incentive infrastructure” [3]. In total, from 2014 to 2035, there are 4 stages, in the first two of which it is planned to modernize the existing management system of the fuel and energy complex until 2026, taking into account the active development of carbon complexes-infrastructure with an emphasis on the gas sector, and from 2026 (third stage) to carry out an active transition to the “energy of new generation, new hydrocarbon and non-hydrocarbon energy sources, development of smart energy systems”. In the fourth stage (2036–2050)[19] dependence on carbon resources should be minimized. Nuclear power plants and large hydropower are considered in the energy strategy as an alternative opportunity to reduce oil production and exports and increase the availability of electricity in the regions, in the last place the potential of small RES is taken into account.

The economic, social and technical potential for the development of renewable energy sources in various regions of the Russian Federation is determined by natural and climatic indicators, population density of the territory, the presence of a re-

quest from energy consumers and comparison of these indicators with the analysis of the energy infrastructure. The key indicator for determining the strategy for the development of RES is population density. In accordance with the ROSSTAT data for 2015, the following categories of regions by density were identified [14]:

First category: Cities macro-regions (as Moscow, St. Petersburg) – in this paper we do not consider these regions

Second category: 78 regions with less than 100 inhabitants per square kilometer

Third category: 10 regions with fewer than 10 people per square kilometer

In this paper, we focus on the second and third category of areas.

The subject of case study: economic (installed capacities, costs of RES), social (a number of available indicators on the quality of life of the population), environmental (the level of pollution and the state of the environment in the region) and other qualitative indicators that directly or indirectly affect the development of RES in the region. There we will be concentrated for studying stakeholders who plays key roles in in terms of social impacts in Russian regions[5,8].

Research method

In this study, we adhere to the structure of the case study analysis of the following areas, taking into account the research objectives: management scheme and initiatives, type of RES and its characteristics, economic instruments, the impact of RES on the infrastructure of the region, the impact of RES on environmental aspects, the impact of RES on quality life of the population.

The research result is based on statistical yearbooks, official programs for the implementation of renewable energy sources in the regions, documents and resources of NGO portals, business reports, analytical materials of experts who worked within the assessment of the potential of renewable energy sources in each specific region. The time frame affects the beginning of the implementation of renewable energy sources in each region, statistics of performance indicators were provided for the last available years. Conditions for the se-

lection of cases: regions have experience in the implementation of renewable energy sources, which makes it possible to track the dynamics of changes: on the selected cases it is possible to build a generalization for other regions with similar indicators; priority is given to regions with a large number of types of renewable energy sources. Thus, the following regions were identified:

From the second category in terms of population density, less than 100 people per sq. km: Kaliningrad Region, Republic of Crimea, North Caucasus, Krasnodar Territory[9]

Of the third category in terms of population density, less than 25 people per sq. km: Kamchatka Territory, Republic of Kalmykia, Altai Territory and Republic of Altai, Murmansk Region

Groups of social initiatives and management scheme

Several groups of initiatives have emerged: State initiative at the level of:

a) Region \ area. Management schemes:

implementation of the state program for a specific task (Krasnodar Territory)

- development of the structure of renewable energy sources as additional capacity (all regions)
- searching business solutions or investing from outside
- lawmaking: within the framework of improving energy efficiency (Altai Territory),

b) Republic. The leadership of RES developing were the heads of the republic in Kalmykia and the Altai Republic, where the needs of the territory, locality, specificity of the region, a suitable business solution for the state program, implemented by the same controlling[10,11].

- Business initiative at the local level selling renewable energy equipment; provision of production capacities, cooperating with the state in response to a request for the implementation of renewable energy sources; investing in services, technical support
- Civil initiative – local practices, publication of information materials, holding public actions (Murmansk, Arkhan-

gelsk). Public organizations of nomadic tribes in Kamchatka that support traditional principles of nature management

- Scientific initiatives – the example of Kamchatka, Soviet research in the field of photoelectricity in the Krasnodar Territory.

In most cases of the introduction of RES, the state actually acted as the basis for the formation of the starting point of the start of RES, but the initiatives of the state were insufficiently coordinated in terms of interaction with other structures – in terms of the scope of implementation, an emphasis was placed on a foreign resource, but there was no active attraction and stimulating internal market systems.

Types of RES and RES characteristics

The table 1 shows the existing installed capacity and power at the completed construction stage. The spread in the percentage of energy supply is very high and is indicated approximately, since it depends on the variability of the use of renewable energy sources, and is also due to changes in consumer demand for energy during the year. The purchasing power and standard of living are not related to the formation of tariffs, which to a greater extent depends on the structure of the regional energy system, the main players in the market, which in energy-deficient regions is a particularly acute problem for the economy. The column “electricity production minus internal consumption, mln. KWh” with a minus value indicates a lack of energy for the region, in a positive value – an excess of the specified units of generation. The most energy-sufficient regions include, first of all, the regions or republics where nuclear power plants are located, secondly – small hydropower plants, in the third place – large hydropower plants. The tariffs in the considered areas for the maximum value at the peak for electricity vary from 2.7 to 4.2 rubles kW \ h. The tariff system seeks to average prices for all energy sources for the population.

The data are presented based on the analysis of the base of the portal energybase.ru and ROSSTAT [12, 15, 16,18].

Table 1. Summary table of the main characteristics of the region regarding RES

Region	Type of RES	Total capacity of renewable energy plants	RES in the overall energy supply, % Of total consumption	Production of e-products After deduction of the internal Consumption, million kWh	Cost for RES, Rubles / kWh	Living Standard Category
Murmansk region	Complex of hydroelectric power stations	1593 MW	30–35%	2371.0	1.5	IV
Kamchatka Krai	Wind power	0.5 MW	20–25%	1710.5	-	IV
	Geothermal power engineering	76.5 MW			1.5	
	Small hydropower plants	82.9 MW			1.4	
Kaliningrad region	Wind power	5.1 MW	1%	910.9	2	V
Republic of Crimea	Wind power	60 MW	5–7%	900.8	3	IV–V
	Solar power engineering	300 MW			3	
Republic of Kalmykia	Wind power	10 MW	10%	-240.3	2.5	VIII
	Solar (under construction)	45 MW			-	
North Caucasus Autonomous District	HEPS	1200 MW	No data	From (-200) Before (-1200)	1.7	VI–VIII
Altai Area and the Republic of Altai	solar	10 MW	2%	-2019.7	4	IV
	Small hydropower plants	24 MW			1.2	
Krasnodar area	Wind	1010 MW	30%	-6399.2	3.6	III

Solar energy. From the point of view of the completeness of the implementation of solar energy, Crimea is the leader. It is followed by the Republic of Altai, where solar stations began to provide several residential areas at once, and the dependence on electricity imports from the Altai Territory was reduced. The production of the region is focused on the creation of capacities for the production of domestic electrical installations[13]. Average tariff: 3.5 rubles per kW \ h.

Wind energy. The most promising in terms of the degree of capacity realization at the moment is the Krasnodar Territory, where wind farms will provide not only settlements, but also the manufacturing sector. The strategy of introducing new capacities in the provision of the energy sys-

tem, taking into account the problems of the region, should be noted the experience of the Republic of Kalmykia, which is currently being implemented. Wind turbines in the Kaliningrad region need technical replacement. The experience of Kamchatka regarding the use of wind farms is local in nature, gradually introducing new small capacities and is stably efficient.

HPP (hydro power plants) and SHPP (Small hydro power plants). In total, there are about 200 large hydroelectric power plants in Russia, 14 of them with a capacity of over 1000 MW. Large hydropower plants are not equated with RES, however, they are taken into account in the general energy scheme and balance sheet. The leaders are the North Caucasus, Altai Territory, Kamchatka. The discharge rates

of Russian hydroelectric power plants are 2–4 times lower than the average rates. The tariff is 1.5 rubles. per kW \ h [14]

Geothermal energy. The potential of Kamchatka is fully realized and unique in terms of technical developments, in Russia there are no analogues to this experience. However, there is still tough competition in the fuel and energy complex with carbon capacities and the extraction of natural resources in Kamchatka, which contributes to the deterioration of the quality of the environment. Rate: 1.2 rubles. Per kW \ h

Energy of the tides. It is a project experimental sector in Kamchatka and the

Murmansk region. Waste biomass possible to use it in places of active agriculture throughout Russia.

Socio-Economical aspects

The most successful projects in the field of renewable energy (tabl. 2) have shown that regardless of the initial area of initiatives, the main role is played by maximizing the balance of interests between stakeholders, where profit is justified by financial or social values for each group through public-private partnerships and concession agreements. The experience of Kalmykia and Krasnodar Territory is the most successful.

Table 2. The main Stakeholders

Stakeholder	Interests		Region with the strongest stakeholder
Government	Security, profitability, major projects, international position		Kalmykia, Krasnodar Territory, Altai Region, Altay Republic
Population	Safety, timely delivery of energy, low tariffs		Murmansk region
Workers in the energy sector	It is important to develop the industry in terms of its human and economic resources, social security and market stability.		-
Business structures + Production structures	Investors: Profitability, risk, return on investment, security of their rights and interests.	Suppliers: Compliance with contractual obligations and legislation by energy companies, timeliness and completeness of payment for delivered products	Krasnodar Territory, the Republic of Crimea, Murmansk Region
citizens	quality of life and minimum energy cost, safety		
Science and innovations institutes	Collaboration with governmental or private sector in providing innovations or Russian RES products		

A) Tariffs: traditional energy resources and renewable energy sources

- The practice of green tariffs was introduced only in Crimea during the Ukrainian period and due to inefficiency (lack of profit and high price for the population), but it was canceled in 2014.
- The RES market operates in the wholesale (with two price zones, with two non-price zones, isolated areas) and the retail market (with price and non-price zones). A renewable energy pro-

ducer that supplies electricity to a supplier of last resort is faced with the fact that the organization is both a generating facility, a grid organization, and a supplier of last resort at the same time.

- there are two main mechanisms: a special mechanism of capacity trading and the obligation of grid companies to buy renewable energy at regulated prices (tariffs), two additional instruments also operate: a support mechanism for iso-

lated energy systems, a support mechanism as compensation for technical connection

- at the moment in Russia there is a significant gap in the level of prices on the wholesale market and selling prices for consumers of electricity. In the second segment, tariffs are growing significantly faster. The increase in energy tariffs is due to a number of factors: an increase in the price of gas, carbon raw materials, the need to renew assets in generation and grid facilities, liberalization of the electricity market, the transition of grids to pricing according to the RAB-system (a regulated investment capital base), the abolition of regulation of markups for sales in the retail market, the lack of competition in the generation market, the crisis situation with the formation of oil prices. In this case, the prime cost of RES in various cases for the consumer is calculated through the general scheme of the energy network.

All implemented projects sought to maintain a balance between the population's ability to pay and benefits for private suppliers, by standardizing RES tariffs with a common federal and regional tariff.

Economical strategies:

- **investing.** In most cases, the investors for RES were Russian and foreign corporations. Two cases were sponsored by the World Bank, which initially assessed the potential for RES implementation in the region.
- **additional economic incentives**
- **subsidies** – As a business instrument, subsidies can be used in separate agreements for the introduction of small capacities or as a regional strategy
- **lending from foreign banks.** Proved to be an unsuccessful strategy. Several geothermal stations were built in Kamchatka on credit, part of the solar power was taken by Crimea from foreign sources of credit during the Ukrainian period. The situation in these cases has led to the fact that the debt for many years increases the tariffs for electricity. The Kamchatka Terri-

tory still has higher tariffs – a “second hand” strategy that was used by the Kaliningrad Region and the Republic of Kalmykia – through the sale of used wind farms, inherited from Denmark and Austria under the utilization charity program, thanks to which the use of renewable energy sources quickly gained momentum. Minus: shorter service life. Plus: quick conclusion to effective indicators.

- **cluster policy** of economic growth and diversification of the economy by increasing the competitiveness of enterprises, suppliers of equipment, components, specialized production and maintenance services, research and educational organizations that form territorial production clusters. This program was introduced as a development program in Kamchatka in search of ways to resolve pressing socio-economic problems in the context of energy policy.
- **collaborated socio-economic management** (Kalmykia, Kamchatka, Kaliningrad region) by the public sector with foreign management companies. Maintenance, consulting, and technical support are practiced. Danish, Swiss, Canadian, Chinese, Japanese companies are represented.

All regional cases, due to the small population of the territory, the large area and distance from centralized power supply networks, were not significantly affected by the change in the renewable energy infrastructure, since the enterprises provided by renewable energy sources are located remotely or do not occupy a large area; the structure of renewable energy is not yet developed to talk about the complexity of its implementation in the territories. In Crimea, Kamchatka, Krasnodar, Murmansk, Altai Territories, RES is associated with the development of a tourism zone, in Kalmykia and Krasnodar Territory, local provision of agriculture takes place[19].

Environmental impacts of RES

Each region is characterized by a number of general indicators of emissions from priority pollutants into water, atmosphere, soil, as well as natural and geographical data that affect the ecology of the region

and the level of its self-sufficiency in natural resources, which are considered in each case. Comprehensive assessments of the positive impact of RES on the environment in the regions have not yet been carried out. With regard to the energy industry, the assessment of the impact on the environment takes into account the total contribution of various SHPPs, less often HPPs. there is no tool for assess-

ing ecosystem services in the practice of the Russian Federation in relation to this industry. The greatest possible impact on the OS from RES can be observed in HPPs and SHPPs, which is a priority topic for research; for WPPs and SPPs, studies in assessing the life cycle of production, technology, and operation of installations may be relevant (tabl. 3).

Table 3. Priority pollutants in cases and RES participation in problem solving

Area	Priority environmental and social issues	RES participation in problem solving
Kaliningrad region	<ul style="list-style-type: none"> - Fuel sector - Emissions from transport - Manufacturing plants + “ Yantarenergo “ 	Development of wind farms will help reduce dependence on imports of hydrocarbon energy sources
Republic of Crimea	<ul style="list-style-type: none"> - fuel sector - chemical and microbial pollution of resort and recreational resources in the absence of a reliable monitoring system for such pollution 	The high potential of solar, wind energy will help provide rural areas, replace CHP in these regions
Kamchatka Krai	<ul style="list-style-type: none"> - fuel sector - degradation of commercial resources - reduction in the number of herds - reduction of the number of forests 	The development of wind farms, small hydroelectric power plants, geothermal sources will help reduce dependence on imports of hydrocarbon energy sources, provide autonomous regions, local wind farms – field zones
Republic of Kalmykia	<ul style="list-style-type: none"> -transport - depletion of groundwater - desertification salinization 	WPP and SES will help to solve dependence on imports ellipsoid AI, developed by irrigation program with the help of renewable energy
Altai Territory and the Altai Republic	<ul style="list-style-type: none"> - petrochemistry - ferrous metallurgy - coke chemistry - food industry - TC in large cities 	<ul style="list-style-type: none"> - Reduce depending on the purchase ellipsoid uu - Providing autonomous territories - reduction of the generation level of CHP
Murmansk region	<ul style="list-style-type: none"> - wastewater - local spills of oil products - emissions into the atmosphere from stationary sources of the Murmansk region decreased by 58%, the use of fresh water decreased by 35% 	<ul style="list-style-type: none"> The most efficient hydro resources have already been developed (58%). - It is possible to develop the potential of small HPPs for autonomous territories - to minimize the dependence of energy imports - high level of use of SPP and WPP of small capacity at strategically important facilities, it is planned to increase them
Krasnodar region	<ul style="list-style-type: none"> - pollution of recreational areas - wastewater - fuel sector - oil and oil products - organochlorine pesticides 	The high potential of solar, wind energy will help provide rural areas, replace CHP in these regions
North Caucasus	<ul style="list-style-type: none"> - local pollution of water areas - in regions with a high level of social tension, multiple violations were noted 	Local use of small hydroelectric power plants and solar power plants in small farms and enterprises

The quality of life of the population

Quality of life is a concept used in sociology, economics, politics, medicine and some

other fields, denoting an assessment of a certain set of conditions and characteristics of a person’s life, usually based on his own

degree of satisfaction with these conditions and characteristics. In this case, we will be interested in such indicators as population density, average income, its comparison with energy tariffs, as well as the main types of employment of the population, taking into account the economic specifics of the region [24].

All considered regions, excluding the Murmansk and Kamchatka regions, in the peak tariff did not exceed 3, 65 rubles. per kW of consumed energy. Off-peak average values – 2.65 rubles. per kW In the Murmansk region during peak periods, the payment for electricity is 4, 4 rubles. per kW, but in the rest of the period less than 2 rubles. per kW The general spread of values is associated with the load of networks, the carrier of the energy source, and the internal feature of the energy system.

The Kamchatka Territory and the Murmansk Region are characterized by high salaries, taking into account the regional adjustment for the complexity of work in climatic conditions. The situation with ensuring a low level of electricity tariffs significantly affects the Republics and regions of the North Caucasus, Altai Territory, the Republic of Kalmykia, and the Republic of Crimea. It is necessary to take into account the high scatter of average wages with the level of wages of the rural population, which in the regions under consideration is engaged in traditional fishing, has a seasonal character and depends on natural conditions, is characterized by other needs for providing electricity, which must be studied. It is relevant to take into account the indicators of the economic and sectoral specialization of the region for the Kamchatka, Murmansk, Krasnodar Territories, the Republics of Crimea and Kalmykia and study their needs, taking into account the inclusion of rural areas and their possible modernization in relation to the benefits of RES development. For example, these regions are characterized by a high level of employment in agriculture, industries, mining, manufacturing. Employment in these industries is not always controlled and fixed, and is equally low in all regions in relation to other types of activity.

Labor market. As one of the world leaders in the implementation of large and small hydroelectric power plants for Russia, this indicator is significant – only RUS HYDRO employs 18,243 people (2009). Depending on the capacity, the hydropower plants can work from 150 to one and a half thousand people.

The quality of life. ROSSTAT distinguishes eight groups of regions in relation to the quality of life from 1 (highest) to 8 (lowest, catastrophic). Groups 1 and 2 in the considered cases with high indicators of living standards are absent. Only in the third group of regions there is no energy shortage, in the rest there is a significant growing imbalance, which depends on the degree of deterioration of conditions. The state of the energy industry is a consequence of other indicators.

Conclusion

RES potential:

- The possibilities of renewable energy in each region are assessed with great potential (general, technical), but only partial and local implementation as an additional source of energy [1, 2, 8].
- Regions can be viewed in terms of domestic energy production and external export potential.

General strategy for the implementation of RES

- Projects for the implementation of RES are formed either as a regional program, or are additional capacities implemented by the private or public sector and are not consistent with the increase in RES indicators in the general energy strategy of the Russian Federation until 2035 [6, 8, 7]
- Infrastructure, natural-geographic, demographic and socio-cultural specificity of the region has a direct impact on the development of renewable energy sources – if this specificity is taken into account, planned in advance and coincides with the needs of the population (or part of the population) and the realized potential of renewable energy sources, then it turns out to be the most effective. The most successful option is the introduction of small RES capaci-

ties in relation to a specific enterprise, villages.

Economy and energy. RES is being integrated into the general energy management system as an equal player. The development of renewable energy sources does not cancel or replace the fuel industry based on carbon sources, the expansion of the structure of which is planned in each region, especially in the oil and gas industry. Since January 1, 2017, the policy of import substitution of equipment has been in effect, and the ban on foreign equipment, which constituted the majority of RES, slowed down the introduction of RES. At the moment, there is no economic tool for assessing ecosystem services that binds the benefits of the economy, ecology and benefits for various industries and citizens [4].

The potential for the use of renewable energy sources in the regions of the Russian Federation is characterized by different dynamics, and at the moment all possible capacities are not used. The strengths in the implementation programs should be highlighted:

- state centralized management seeking to minimize financial risks for the population and the energy system
- flexible energy infrastructure
- a research base with an assessment of the potential of RES in different regions
- the possibility of international cooperation in the field of business projects related to the possibility of exporting renewable energy sources

Insufficiently elaborated policy on the following issues:

- formation of a potential labor market for renewable energy sources in the Russian Federation with a ready base of capacities, the number of employees of the structure, the possibilities of the industry in the energy system as a whole
- assessment of ecosystem services of various types of RES on the territory of the Russian Federation
- respecting the interests of various stakeholders, especially consumers
- RES is not planned as a replacement for hydrocarbon capacities

SOCIETAL TRANSFORMATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF RENEWABLE ENERGY SOURCES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Ermolaeva Yu.V.

Federal center of theoretical and applied sociology Of the Russian Academy of sciences

This researching based on the case study, on the geographical, economic, social and environmental part of the plans for the transformation of renewable energy sources and the introduction of renewable energy sources (hereinafter – RES) in the territory of the Russian Federation. There are using the example of 8 regions: The Kaliningrad region, the Republic of Crimea, the Kamchatka Territory, the Republic of Kalmykia, the Altai Territory and the Altai Republic, the Murmansk Region, the Krasnodar Territory, and the North Caucasian District are considered. It was revealed that a modern economic scheme of autonomy for the development of regions, an improved tender system with the promotion of new RES capacities, and expert capital have been implemented. The policy of forming a potential labor market for renewable energy sources in the Russian Federation has not been sufficiently developed, the possibilities of the industry in the energy system as a whole, the assessment of ecosystem services of various types of renewable energy sources on the territory of the Russian Federation, compliance with the interests of various groups of stakeholders, the possibility of implementing methods of replacing renewable energy sources, and not positioning the industry as an additional tool.

Keywords: renewable energy sources, RES, regions of Russia, eco-modernization, labour market.

References

1. Ankudinov A.A., Korotkov V.V., Saraeva G.I. Small hydropower is an effective means of increasing the energy and environmental safety of Russian regions // Modern problems of science and education, No. 5, 2014.
2. Analysis of the potential of innovative environmentally sustainable development of the regional economy (on the example of the Kaliningrad region). Moscow: "TEIS", 2013.
3. Bryukhanova N.V. Regulatory and legal support and criteria for assessing the performance of electric power industry organizations by various groups of stakeholders // Transport business in Russia. No. 7, 2011.

4. Bobylev S.N., Zakharov V.M. Ecosystem services and the economy. – M.: LLC "Typography LEVKO", Institute for Sustainable Development / Center for Environmental Policy of Russia, 2009.
5. Renewable energy on the Kola Peninsula / MROEO "Bellona-Murmansk", 2014.
6. State report "On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2014". URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=142679> (date of access 05.21.2016)
7. Grigorash O.B. On the efficiency and feasibility of using renewable energy sources in the Krasnodar Territory // Scientific journal of KubSA., № 83 (09), 2012
8. Information and analytical report "Crimea: the territory of a green economy" – Moscow: National Energy Security Foundation (NESF), 2015.
9. Kaliningrad region in figures. 2015: Brief statistical collection / Kaliningradstat-Kaliningrad, 2015.
10. Konovalova O.E. Economic evaluation of the most attractive projects of small hydroelectric power plants in the Murmansk region / Proceedings of the Kola scientific center of the Russian Academy of Sciences. No. 8 (34), 2015.
11. Kozyukov D.A., Tsygankov B.K. Analysis of the rates and prospects for the development of solar photovoltaics // international scientific journal "innovative science", No. 8, 2015.
12. Larin V.I. State and prospects of the use of renewable energy sources in Russia. Moscow, 2006.
13. Masleeva O.V., Pachurin G.V. complex ecological assessment of the life cycle of alternative energy // International Journal of Applied and Fundamental Research. No. 8 (2), 2014.
14. Minin V.A. Prospects for the development of renewable energy in the zones of decentralized energy supply of the Murmansk region // Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. No. 1, 2012.
15. Forecast of the development of energy in the world and Russia until 2040 / FGBUN "Institute for Energy Research of the Russian Academy of Sciences", 2014.
16. Rating of regions by the level of energy sufficiency in the first half of 2013 / RIA Rating agency, 2013.
17. Rosstat. URL: <http://www.gks.ru/> (date of access 05/21/2016)
18. Energy strategy of Russia for the period up to 2035 (main provisions). URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf> (date of access 21.05.2016)

Культура – форма социальности

Кемеров Вячеслав Евгеньевич,

доктор философских наук, профессор кафедры
социальной философии Уральского федерального
университета
E-mail: kemerov1444@yandex.ru

Культура – проблема методологии обществознания. У нее много измерений. Первое связано с использованием этого понятия в разных исторических контекстах и разных типах общества. Второе обусловлено разделением труда между дисциплинами обществознания, с противоречиями социального и гуманитарного исследования. Второе, конечно, зависит от принятой типологии социальной эволюции. В мире повседневности используются упрощенные трактовки культуры, они включены в язык журналистики, политики. Эти аспекты культуры необходимы при учете ее многомерности. Задача методологии заключается в том, чтобы разделить эти подходы и трактовки исторически и по типам исследований. Тогда появляется возможность определить контекст, в котором на первый план выходят актуальные трактовки культуры. С точки зрения методологии важно показать, как исторический процесс меняет функции культуры и их соотношение. Логика культуры раскрывается не в ее определениях, а в понимании акцентов в ее применении и ее исследовании.

Ключевые слова: культура, методология, аспекты культуры, типы социальности.

Понятие культуры можно определять на различных уровнях. При этом в повседневной жизни оно остается вполне понятным. Также дело обстоит и в журналистике, политике и практической этике. Но когда людям требуется это понятие уточнить, возникают существенные ограничения.

Эти сложности еще более заметны в современном социальном познании. В разных науках об обществе формируются свои представления о культуре. Известно, есть тысячи определений культуры. Некоторые ученые работают над новым, более точным определением.

Достаточно сказать: есть прямо противоположные определения. Так в структурно-функциональном анализе (Т. Парсонс) доминирует представление о культуре как совокупности норм и стандартов. Заметим, вся социология двадцатого столетия находилась под влиянием этого представления. Напротив, экзистенциалисты трактовали культуру как деятельность людей по преодолению сложившихся норм и стандартов [Ж.-П. Сартр, В. Франкл].

По мнению автора, логический путь определений культуры исчерпал себя. Разные определения культуры имеют разную природу и историю. Они возникают в различных сопоставлениях природы и культуры, формируются в различных социально-исторических условиях.

Задача сформулировать общее понятие культуры приходит в противоречие с конкретными обстоятельствами бытования культуры и ее определений. Пока заметим, что научные определения культуры развиваются в условиях разделения научного труда, в которых каждая дисциплина утверждается за счет разграничения своих предметов и методов и предметов и методов других.

Возникает проблема поиска иных путей характеристики и определения культуры. Как возможен этот подход?..

Методология подсказывает путь введения их типологии и периодизации. Так, например, древние люди не занимались проблемой определения культуры. Они интересовались вопросами сохранения порядка простого воспроизводства жизни. Этот порядок обеспечивался деятельностью людей по сохранению среды обитания и технологий добычания средств существования.

Культура проводила границы социального пространства и отделяла одно племя от другого. Внутри этого пространства культура задавала правила взаимодействий между людьми и обеспечивала сохранность этих правил. Она разделяла своих и чужих и не допускала вторжения инородных элементов в привычные циклы воспроизводства.

На этой основе зарождались формы культуры, которые нам сейчас известны. Это – табу, ритуалы, стандарты и нормы. Сходство этих форм состоит в том, что они обеспечивают сохранение элементарного порядка человеческих взаимодействий в рамках относительно замкнутого социального пространства. В совокупности они образуют традицию как доминирующую форму обеспечения социальной организации. Заметим, в этой доминанте трудно различить грани этнические, политические, этические и правовые. Это – синкретическая форма, которая обнаруживает свою сложность, когда происходят существенные сдвиги в социальной эволюции.

Традиция обнаруживает свою сложность по мере формирования государств и империй. Многообразные человеческие взаимодействия растягивают социальное пространство и смещают представления о социальном времени. Локальные социальные системы вступают в более интенсивные взаимодействия. Возникают проблемы формирования общих правил и представлений у разных этнических образований.

В традиции проявляются разные слои: формы, развитые на основе локального бытия, и формы, обеспечивающие широкий обмен опытом, продик-

тованные государственными институтами. Локальные мифы и государственные религии дополняют друг друга, но не всегда существуют в согласии.

Динамика становления и распада Великих империй, а также распространение мировых религий обостряют вопрос о правилах человеческих взаимодействий. Зависимость этих правил от природного хронотопа, в который включен этнос, меняется под влиянием изменений социального пространства и социального времени. Если в архаических обществах эти правила включены в циклы природного хронотопа, то теперь над ними надстраиваются формы расширяющегося социального пространства. Пункты разрыва природного хронотопа и хронотопа социального намечаются все более явственно.

В первом тысячелетии нашей эры мы обнаруживаем в традиции несколько разных уровней и слоев: этнический, религиозный, политический, экономический. И все они не только сочетаются, но и противоречат друг другу.

Когда мы говорили об архаике, мы отмечали, что культура проводит границы человеческого и нечеловеческого. В эпохе Средневековья мы замечаем, что культура не только проводит границы, но создает средства для их преодоления. Динамика культуры в этих условиях заключается не только в проведении границ, но и в их преодолении; культура как запрет начинает отступать, формируются ее другие функции.

Во втором тысячелетии нашей эры проявляется еще одна линия динамики культуры – наука. Первоначально она вырастет под влиянием религии, развитие которых способствует оформлению общих понятий. Эти понятия и концепции охватывают разные страны, регионы и целые континенты. Так или иначе, они раздвигают зону общих представлений о природе и жизни людей.

Появляются профессионалы работы с этими конструктами: отдельные индивиды, группы, а потом и независимые университеты. В Европе это движение становится заметным к середине второго тысячелетия нашей эры.

Первоначально это движение встречает сопротивление религии и церкви. Но после открытия Америки культура трансформируется и ее героями становятся герои, открывающие новые пространства и новые возможности человеческой продуктивности. Традиция как форма простого воспроизводства социального порядка оказывается под угрозой.

Изобретатели, ученые, архитекторы выходят оказываются рядом с мифологическими и религиозными персонажами. Это уже не расщепление традиции, а ее преобразование. Понятия творчества и новизны приобретают положительный смысл. Появляются бреши в культивировании традиции как замкнутой формы простого воспроизводства социального порядка. Преодоление стандартов мышления и поведения оказывается в широкой сфере деятельности людей условием их благополучия и самоутверждения.

В XVII–XVIII столетиях сферу общих представлений монополизирует философия, она наследует религиозной традиции, пытается создать общий взгляд на природу, общество и человека. Но в середине XIX эта позиция классической философии отодвигается на второй план.

Развитие индустриального общества требует других ориентиров. На время лидирующее положение занимает классическая механика. Но и она не может удержать эту позицию, поскольку её жесткая методология не адаптирована задачам поддержанию традиционных сфер культуры. В науке как области культуры намечается раскол.

В конце XIX столетия наука разделяется на две области: науки о природе и науки о культуре [В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Виндельбанд]. Первоначально это разделение совпадает с традиционным разделением на науки естественные и гуманитарные. Затем выясняется, что граница проходит не по предметам, а по методам. В пределе это означает, что природа может изучаться как предмет наук о культуре, а культура может оказаться предметом наук о природе

[Г. Риккерт]. Первостепенное значение приобретает метод, позволяющий объяснять и описывать предмет. В описании общества выделяются науки, рассматривающие людей с помощью методов редукционизма, заимствованных у естествознания. Им противопоставит гуманитарное познание, выявляющее уникальность исторических событий, социальных ситуаций и развития личности. Динамика этого расщепления знаний идет дальше: появляются разные социологии, разные психологии, разные антропологии, исповедующие несовместимые методологические установки. Неклассическая наука ослабляет функции классической культуры как средоточия общих представлений и правил. Нарастающая динамика различий приходит в противоречие с идеей культурной общности бытия людей и их познания.

В XX столетии культура оказывается под влиянием изменения социального пространства. Региональные, политические и культурные миры приходят в жесткое соприкосновение, противоборство, в состояние конфликта. Культура утрачивает свое значение средства проведения границ. Сама связь культуры с формами социального пространства становится второстепенной.

В эпохе Средневековья мы видели зависимость культуры от мировых религий и развития Великих империй. Теперь обнаруживается зависимость культуры от Мировых войн и Великих депрессий. Человечество ищет новые ресурсы не в освоении неизведанных пространств, а в трансформациях отношений между социальными системами, в обнаружении внутренних ресурсов своей эволюции.

По мнению автора, путь выхода из Великой депрессии лежит через создание форм качественной деятельности людей; сами человеческие индивидуумы постепенно становятся полноправными субъектами культуры, ибо от них зависит качественное функционирование любых социальных форм. Продуктивность общества все более зависит от сил и способностей людей, от эф-

фektivности их самореализации и взаимодействия.

Обнаружение этого ресурса меняет и отношение к природе. Качественный подход к деятельности людей требует и качественного отношения к природе. Природа перестает быть абстрактным пространством, к которому применимы универсальные научные и технологические подходы. Для науки и практики становится существенным вопрос о конкретном подходе к различным природным системам. Это уже вопрос не только о технической и экономической эффективности, но и о безопасности самих людей. Природа становится проблемой культуры. Но и сама культура становится проблемой; происходит трансформация самого понимания культуры. Это понимание отходит от прежнего понимания культуры как формы, проводящей пространственные границы и оберегающей общие правила. Культура обновляется в мире людей, состоящем из разных социальных и природных систем, и вырабатывает способы их взаимодействия в условиях этой многообразной конкретики.

Все чаще выявляется, что продуктивность культуры во многом определяется ее возможностями пересечения этих границ. Успешность культуры становится ресурсом продуктивности общества и его безопасности в политическом, научном, технологическом и собственно человеческом смыслах.

Возникают новые мотивы в трактовке связей времени и пространства, процессов и вещей, процессов и людей. Понятия истории, эволюции, длительности, изменчивости бытия начинают замещать представления о структурах и соответствующей логике истории [Bergson], [Heidegger], [Hartmann N.].

Привычным было говорить о трех измерениях пространства. Теперь на первый план выходит положение о четырех измерениях времени; причем четвертым оказывается пространство. Такой поворот предполагает уточнение общих представлений процесса как текучести, длительности, континуальности.

Особенно это заметно в кризисных ситуациях, которые все чаще возникают при взаимодействии разных социальных систем. Скорость политических и технологических решений оказывается важнее пространственных ресурсов. Тем более это заметно в ситуациях, угрожающих военными конфликтами или при эпидемиях. Логика пространственных связей утрачивает свое прежнее значение. Ускорения информационных сообщений еще более стимулирует этот процесс.

Таким образом, культура все более сопоставляется не с природой и миром вещей, а со временем. Культура, сопряженная с качеством человеческой деятельности и решением конкретных социальных проблем все более превращается в работу со временем, в задачу наполнения времени качественной человеческой деятельностью[1],[2].

В культуре, обеспечивающей развитие общества, происходит переоценка её определений, перестановка элементов, их места и значений. Культура в атмосфере качественной динамики обществ пересматривает отношение людей к традиционным правилам и нормам. Они не исчезают, но попадают в новые системные взаимодействия и обретают новые функции. Происходит эволюция элементов культуры, обеспечивая её выживание и динамику.

Показательный пример переоценки стереотипов и стандартов даёт известная баллада Р. Киплинга о Востоке и Западе.

Этот пример показателен тем, что баллада сама порождает стереотип. Когда Киплинг пишет: Запад есть Запад, Восток есть Восток; пути их не совпадут, он не определяет смысл баллады. Он даёт ей эпиграф. Причем в этом же эпиграфе он пишет еще три строки.

Но история этой большой поэмы формируется так, что как правило люди используют только первую строчку. Заметим, что в многократном повторении ее политики, журналисты, культурологи и другие комментаторы общественной жизни, превращают ее в постулат. Бал-

лада создаёт стереотип не с помощью автора и текста, а за счет стандартного прочтения (и запоминания) людьми лишь одной первой строки.

А дальше Киплинг пишет: Пока над небом и над землей не начат Господен суд.

Более того, он продолжает: Но нет Востока и Запада нет, нет границ у племен земли, когда сильный и сильный лицом к лицу стоят хоть откуда пришли.

Эпиграф заканчивается и Киплинг рассказывает историю о вражде и примирении, даже братании героев разных культур.

Пример этого стихотворения поучителен для нас в двух смыслах.

Во-первых, автор баллады рассказывает нам историю того, как стереотип преобразуется в процессе борьбы, взаимодействия и взаимопризнания. Автор не провозглашает формулу, а показывает, как она меняется в конкретном взаимодействии людей. Понимание этого требует от нас не утверждения стереотипа, а проникновения в историю человеческих контактов.

Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемой динамики человеческих стереотипов, которые как формы культуры попадают в среду тесных и многообразных человеческих взаимодействий. Их надежность далее не связана с их жесткостью. Они теперь не существуют по разные стороны границ социальных взаимодействий; они проверяются на полезность в их контактах с другими стереотипами и стандартами[3]. Поэтому культура сохраняет свое значение социальной формы, поскольку она способна обеспечивать динамику социальных связей

Литература

1. Bauman, Zigmunt. – Time/Space/ Modernity as History of Time// Bauman Z. Liquid Modernity.Ch. 3. Cambridge, Polity Press. 2000.

2. Wallerstein, Immanuel -The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1999.
3. Кемеров В.Е. – Общество, социальность, полисубъектность. М. 2012.

CULTURE IS A FORM OF SOCIALITY

Kemerov V.E.
Ural Federal University

Culture is a problem of social science methodology. She has many dimensions. The first is related to the use of this concept in different historical contexts and different types of society. The second is due to the division of labor between the disciplines of social science, with the contradictions of social and humanitarian research. The second, of course, depends on the typology of social evolution adopted. In the world of everyday life, simplified interpretations of culture are used, they are included in the language of journalism and politics. These aspects of culture are necessary when considering its multidimensionality. The task of the methodology is to separate these approaches and interpretations historically and by type of research. Then it becomes possible to determine the context in which actual interpretations of culture come to the fore. From the point of view of methodology, it is important to show how the historical process changes the functions of culture and their relationship. The logic of culture is revealed not in its definitions, but in the understanding of accents in its application and its study.

Keywords: culture, methodology, aspects of culture, types of sociality.

References

1. Bauman, Zigmunt. Time/Space/ Modernity as History of Time// Bauman Z. Liquid Modernity.Ch. 3. Cambridge, Polity Press. 2000.
2. Wallerstein, Immanuel. The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1999.
3. Kemerov V.E. Society, Sociality, Polisubjectness., M. 2012.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Anosov S.S.</i> Socio-psychological state of Russian society.....	5
<i>Kravchenko A.I.</i> Quantum uncertainty of social reality.....	13
<i>Zuo Qi, Hu Yue.</i> Development of digital technologies in the Chinese economy	25
<i>Ponomareva D.I.</i> Psychological prevention of aggressive behavior of students in the system of additional education	33
<i>Semikova M.A.</i> Influence of coronavirus pandemic on activities of charity organizations in Siberia	41
<i>Zhang Jie.</i> Problems of urbanization in modern China and their solution.....	46

EMPIRICAL STUDIES

<i>Ardashev R.G.</i> The impact of the media on the irrationality of public consciousness.....	53
<i>Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V.</i> Traditional food and drinks of the population of the Republic of North Ossetia – Alania	62
<i>Zavarzina Yu.V.</i> Social Consequences of Clustering in Tourism.....	66
<i>Zagorodniy V.D.</i> Problems of formation of soft-skills youth in Irkutsk and Irkutsk region in the context of development of youth policy and education	79
<i>Moskvitina N.V.</i> Corporate culture in local government.....	95
<i>Pruzhinin A.N.</i> Regional specificity of human capital development (on the example of the Irkutsk region)	114
<i>Vasilieva O.I.</i> Information environments in the context of technological evolution	126
<i>Nikitina D.O.</i> Generation Z: features and characteristics.....	136
<i>Potemkin V.K., Filyasova Yu.A.</i> Intra-family relations dissemination as a factor of personal perfectionism development.....	141

LIFE IN SCIENCE

<i>Ivanov R.V.</i> Irrationality of the public consciousness of Russians: the reality of a post-pandemic society.....	148
---	-----

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Aliev B.G.</i> Kadiystvo – one of the types of the political structure of medieval Dagestan: prevalence, features of the structure and management.....	150
<i>Perkova E.P.</i> Theoretical model of socio-technological culture of a high-tech enterprise.....	160
<i>Dusenko S.V., Rogacheva O.A.</i> The importance of defining a social problem in social design.....	168
<i>Ulmyasbaeva A.O.</i> Approaches to modeling the process of educational migration of young people in the context of socio-economic development of the region.....	172

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Izvekova T.F.</i> Faith and knowledge in the tradition of Russian religious philosophy (A.S. Khomyakov, V.S. Soloviev, P.A. Florensky)	181
<i>Lutsenko A.V.</i> Theory of secularization in the context of the problems of the modern philosophy of religion	188
<i>Sizintsev P.V.</i> Ideas about the Individual in the Work of the Russian thinker V.G. Rozhdestvensky	194

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Vinogradova G.V.</i> The concept of homelessness as a process of personal marginalization: directions and levels.....	201
<i>Vikhman V.V.</i> Phenomenon of education in polydisciplinary theorizations: the problem of systematization.....	209
<i>Kononov S.V., Zhukov A.V., Gavrilova Yu.V.</i> Social security of the Russian-Chinese border in the Chinese historiography.....	219
<i>Ermolaeva Yu.V.</i> Societal transformations in the implementation of renewable energy sources in the regions of Russia.....	230
<i>Kemerov V.E.</i> Culture is a form of sociality.....	240

